

Д. Е. Мишин

**История
государства
Лахмидов**

К 200-летию
Института востоковедения РАН

Д.Е. Мишин

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ЛАХМИДОВ

Москва
2017

УДК 94(357)
ББК 63.3(5Ирн)4
М71

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЙ
ИСЛАМСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры*

Ответственный редактор
д.и.н. Д.В. Микульский (ИБ РАН)

Иллюстрация на обложке Shutterstock

Мишин Д.Е.

М71 История государства Лахмидов: монография /
Д.Е. Мишин. – М.: ООО «Садра», 2017. – 448 с. –
[Исламский и доисламский мир: история и политика].

ISBN 978-5-906859-27-3

16+

Настоящая работа представляет собой попытку реконструкции истории государства Лахмидов, существовавшего в период со второй половины III по начало VII вв. в юго-западной части современного Ирака. Правители Лахмидской династии обладали властью над рядом арабских племён, в том числе и живших в Аравии, но в то же время подчинялись царям Сасанидской державы и служили им как наместники. В работе представлена политическая история Лахмидского государства, сделаны наблюдения и обобщения относительно его развития. Большое внимание уделено истории Сасанидов и их политике по отношению к арабам.

УДК 94(357)
ББК 63.3(5Ирн)4

ISBN 978-5-906859-27-3

9 785906 859273

© Институт востоковедения
Российской академии наук, 2017
© Фонд исследований
исламской культуры, 2017
© ООО «Садра», 2017

Введение	5
Источники	8
Хронология	42
Часть I	43
Приевфратские области в древности	43
Танухиты	45
Царь Джазима	49
Наступление Сасанидов	52
Джазима и Зенобия Пальмирская	56
Амр I	66
Имру-ль-Кайс I	71
Амр II (339/340 – 369/370)	76
Дальнейшие события	80
Ан-Нуман I (399 – 428/429) и аль-Мунзир II (428/429 – 472/473)	82
Аль-Асуад (472/473 – 492/493)	95
Ан-Нуман II (499/500 – 503)	97
Абу Яфур аз-Зумайли (503 – 505/6)	102
Имру-ль-Кайс III (505/506–512/513)	103
Киндиты	108
Киндиты против Лахмидов	127
Разгром киндитов	140
Участие аль-Мунзира III в войнах против Византии	165
Сражение при «источнике удитов» и гибель аль-Мунзира III	180
Положение дел в Аравии	187
Амр III «Заставляющий трескаться камни» (554–569)	199
Амр III и Византия	213
Кабус (569–573)	217

События 573–578 гг.	222
Ан-Нуман III (579–601)	228
Ади Ибн Зайд	231
Внешние дела. Приевфратские области	234
Аравия	240
Опала и гибель ан-Нумана	250
Часть II	265
Царь	265
Столица	274
Двор	279
Царь и его родичи	283
Общество	284
Столичная знать	291
Племенная знать	305
Ридф	308
Войско	314
Хозяйство	326
Религия и религиозные общины. Традиционные пле- менные верования.	337
Зороастризм	347
Христианство	349
Иные религии	377
Приложение 1. Упоминания о Хире в «Городах Иранской страны»	380
Приложение 2. Надпись царя Имру-ль-Кайса в ан-Намаре	395
Приложение 3. Рассказы источников о крещении ан- Нумана III	408
Использованные источники и литература	420
Post scriptum	444

Настоящее исследование посвящено истории государства, которое по названию его правящей династии именуется Лахмидским. Оно существовало в III – начале VII в. и имело двойственную природу: Лахмиды¹ были царями над подчинёнными им арабскими племенами и наместниками Сасанидов, обширная держава которых включала в себя и соседние приевфратские области. Это объясняется тем, что Лахмидское государство сложилось в результате договора или, возможно, нескольких договоров между его правящим родом и Сасанидами. Примеры того, как одна элита подчинялась другой, получая при этом определённый статус или сохраняя часть прежней власти, нередки для Средневековья вообще и истории областей, входивших в состав Сасанидской державы, в частности. Подчиняясь Сасанидам и следуя в русле их политики, Лахмиды в то же время сохраняли самостоятельность в управлении подчинёнными им арабскими племенами. Именно это и позволяет говорить о государстве Лахмидов.

Поскольку определяющую роль в политике, включая геополитику, играли Сасаниды, их история куда более

¹ По устоявшейся традиции имена династий составляются посредством добавления суффикса «ид», а названия племён – суффикса «ит». В настоящей работе фигурируют и Лахмиды – члены рода правителей Хиры, и лахмиты – арабы, принадлежавшие к племенному объединению Бану Лахм (*Banū Laḥm*). Вообще говоря, династии принято именовать по названиям правивших родов, а не племён; в этом отношении было бы вернее называть правителей Хиры Насридами, по имени Насра Ибн Рабии (*Naṣr Ibn Rābi'a*), к которому они возводили свою родословную. Однако название «Лахмиды» широко используется в научной литературе; кроме того, Насридами принято именовать мусульманских правителей Гранады XIII–XV вв. Поэтому в настоящей работе используется название «Лахмиды».

привлекательна для исследователей. Работ, посвящённых истории Лахмидов, очень немного – особенно по сравнению с литературой о Сасанидах². Тем не менее история Лахмидов важна и как самостоятельный объект исследования, и как часть истории Сасанидской державы. На примере Лахмидов мы видим, как складывалось и функционировало государство в арабской племенной среде и как взаимодействовало с ней. Изучение государства Лахмидов позволяет уточнить ряд аспектов истории Сасанидской державы, таких как: отношения между её царями и подчинёнными им правителями, политика на Аравийском полуострове и т.п. Не следует забывать и о том, что многие лахмидские арабы стали приверженцами христианского вероучения. Разбор сохранившихся сведений о них важен для церковной истории, прежде всего – в деле распространения вероучения.

² Достаточно сказать, что и теперь классической работой по истории Лахмидов считается вышедший в 1899 г. труд Г. Ротштайна (*G. Rothstein*). Ему нельзя не дать высокую оценку: в нём представлена полная и развёрнутая картина истории Лахмидов, восстановлена их хронология. Критический подход к источникам, выделение изначальных сообщений из поздних передач были важным преимуществом его над более ранним основополагающим трудом по рассматриваемой теме – разделом об истории Хиры в труде А. П. Коссена де Персеваля (*A. P. Caussin de Perceval*), где изложение нередко сводится к пересказу сообщений мусульманских авторов. Однако в настоящее время и труд Ротштайна нуждается в пересмотре – главным образом, в связи с введением в научный оборот ряда новых источников, но также и вследствие подчас чрезмерно критического подхода автора к арабским материалам. В последующие времена, насколько автор этих строк может судить по доступным ему материалам, попытки комплексного восстановления истории Лахмидов не было предложено. Н. В. Пигулевская, которая посвятила истории доисламских арабов ряд работ, основывалась по преимуществу на данных из византийских и сирийских источников, а также на йеменских надписях. Материалы арабоязычных источников были ею разобраны в гораздо меньшей степени, что позволило проанализировать только отдельные эпизоды истории Лахмидов. Появившаяся в самое последнее время работа И. Тораль-Нихофф

В работе «Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха» (далее кратко – «Хосров») автор этих строк не раз касался истории Лахмидов. Однако она – в силу специфики работы – была скорее побочной темой исследования. В целом представленная в «Хосрове» реконструкция событий подтвердилась и при работе над данной книгой. Однако теперь, когда история Лахмидов находится в центре внимания, дальнейшее изучение темы и привлечение новых источников позволили сделать ряд уточнений к тексту «Хосрова» и исправить некоторые допущенные в нём неточности. В этом отношении настоящую работу можно считать неотъемлемой частью книги «Хосров», которую следует читать с учётом изложенного здесь.

(*I. Toral-Niehoff*), специально посвящённая Хире, основана на более широком круге источников, что в немалой степени составляет её преимущество перед трудами, указанными выше. Вместе с тем И. Тораль-Нихофф сосредоточилась главным образом на анализе основных тем истории государства Лахмидов, которые сформулированы примерно так же, как в Части II настоящей работы. Значительно меньше внимания уделяется событийной истории, а также хронологии. Поэтому, несмотря на появление книги И. Тораль-Нихофф, перед исследователями истории Лахмидского государства остаётся достаточный простор для работы, прежде всего – в части объединения исторического и тематического подходов, которое только и может обеспечить рассмотрение явлений в их исторической эволюции. Другие специалисты, в том числе и современные, касались отдельных аспектов данной темы – распространения в Хире и её окрестностях христианского вероучения (с упором на данные повествовательных источников, как Дж. С. Тримингхэм (*J. S. Trimmingham*) и Т. Хайнталер (*Th. Hainthaler*), или археологии, как Э. Хантер (*E. C. D. Hunter*)), или манихейства (У. Сестон (*W. Seston*), М. Тардьё (*M. Tardieu*)), контактов Лахмидов с другими арабскими племенами и государствами (И. Шахид (*I. Shahid*), М. Дж. Кистер (*M. J. Kister*), Я. Ретсё (*J. Retsö*)), исторической топографии (С. А. аль-Али (*S. A. al-'Alī*)), воспоминаниях о прошлом Лахмидского государства в исламскую эпоху (А. Талиб (*A. Talib*)). Указания на соответствующие работы даны в разделе «Использованные источники и литература»; отдельные их положения разбираются ниже. Появившаяся недавно работа Я. Захран (*Y. Zahran*) была мне, к сожалению, недоступна.

Это единство в известной степени определяет композицию настоящей работы. Как и в «Хосрове», исследование предваряют обзор источников и реконструкция хронологии, необходимые для правильного понимания того, что изложено далее. В Части I представлена реконструкция политической истории Лахмидов. Изложенные в ней сведения обобщены в Части II, где высказаны наблюдения и выводы относительно основных аспектов истории Лахмидского государства.

Источники

В том, что касается источников, мы сталкиваемся с немалыми затруднениями, которые выражаются в том, что до нас не дошли в оригинале собственно лахмидские памятники. Археологические изыскания – видимо, не в последнюю очередь из-за бурной политической истории Ирака XX – начала XXI в. – не получили широкого распространения. Основу имеющихся материалов и в настоящее время составляют те, которые были собраны оксфордской экспедицией 1931 г. Сделанные британскими учёными наблюдения об отсутствии каких-либо остатков городских укреплений [146, с. 278], сходстве хирских церквей с церквями Ктесифона [145, с. 265; 146, с. 279], а произведений искусства и керамики – с сасанидскими аналогами [145, с. 264, 266; 146, с. 281, 290] существенны и для настоящего исследования. В 2012 г. информационные агентства объявили, что при проведении работ по расширению аэропорта города Неджеф были обнаружены остатки церкви, монастыря и другие развалины. Более того, в церкви нашли могильную плиту, на которой указано имя покойного – Абду-ль-Масих. Судя по публикациям агентств, было высказано предположение о том, что покойный – Абду-ль-Масих (*ʿAbd al-Masīḥ*) из хирского рода Бану Букайла (*Banū Buqayla*), известный по повествовательным

источникам. Однако представляется, что эти находки подлежат более глубокому и комплексному анализу, только при помощи которого можно датировать надгробие. Имя Абду-ль-Масих (буквально, – раб Христов), аналогичное греческому Христул, было в ходу у арабов-христиан. В могиле мог быть захоронен и тезка Абду-ль-Масиха из рода Бану Букайла³. Остаётся надеяться, что в Ираке будет установлена стабильность, и проведение такого анализа станет возможным⁴.

Большая часть сохранившихся сведений о Лахмидах дошла до нас в трудах мусульманских авторов. Последние, насколько можно судить, располагали и устными преданиями, и письменными источниками. Предания сохранялись в народной памяти и считались надёжными сведениями о прошлом. Показателен такой случай. В 30-е гг. VI в. лахмидский царь аль-Мунзир (*al-Mundir*) III и гассанидский правитель аль-Харис Ибн Джабала (*al-Ḥārīṭ Ibn Ḡabala*) оспаривали друг у друга власть над арабами, жившими в месте, называемом Страта (об этом см. Часть I). Византийский историк второй половины VI в. Прокопий Кесарийский, от которого мы узнаём об этом, сообщает, что аль-Харис в споре ссылался на «свидетельства старейших из людей» [125, с. 262]. Это сказано о Гассанидах, но и

³ Мусульманский автор X в. аль-Хасан аль-Хамдани (*al-Ḥasan al-Hamdānī*) приводит, со слов Хишама Ибн Мухаммада (*Hišām Ibn Muḥammad*), т.е., вероятно, Хишама аль-Кальби (о нём см. ниже), сообщение о том, что поблизости от Хиры была найдена гробница с надписью «Я – Абду-ль-Масих Ибн Букайла» [210, с. 153]. Этот текст надписи кажется очень странным, так как основатель рода Бану Букайла назван не по имени, а по прозвищу, полученному им в насмешку (см. прим. 270). Но в любом случае находку, о которой идёт речь выше, следует сопоставить с этим сообщением.

⁴ Обзор ряда других археологических изысканий в области Хиры представлен у И. Тораль-Нихофф [165, с. 28–29, 181–182]. К сожалению, они не дают существенных данных об истории Лахмидов.

среди лахмидских арабов было, по-видимому, достаточно людей, помнивших события прошлого. Мы видим это по сообщениям источников исламского времени. Автор конца XI – первой половины XII в. Абу-ль-Бака́ аль-Хилли (*Abū al-Baqa' al-Ḥillī*, о нём см. ниже) сообщает:

«Один из сказителей рёк: “Я застал то, как хирцы⁵ называли своим детям в училищах имена царей из рода Насра⁶, повествовали об их деяниях и истории, говорили сказания о них, преподавая это так, как другие науки”» [213, с. 87].

О записях, которые хранились в Хире, повествует мусульманский анналист ат-Табари (*al-Ṭabarī*, 838/839 – 923):

«Хирцы знали о делах рода Насра Ибн Рабиа и наместниках царей персов на границе с арабами пустынных областей Ирака и имели точные сведения об этом в своих церквях и книгах⁷» [19, сер. 1, с. 770].

Вслед за этим ат-Табари цитирует известного средневекового знатока древностей Хишама аль-Кальби (*Hišām al-Kalbī*, род. ок. 737 г., ум. в 819 или 821 г.), труд которого – его основной источник по истории Лахмидов:

⁵ Т.е. жители Хиры, которая прежде была столицей Лахмидов.

⁶ Имеется в виду Наср Ибн Рабиа (см. прим. 1).

⁷ В арабском тексте использованного издания – في كنائسهم وأسفارهم. У Ибн Халдуна (*Ibn Ḥaldūn*, 1332–1406), который пользовался трудом ат-Табари и приводит этот фрагмент почти без изменений – في كنائسهم وأشعارهم, т.е. «в их церквях и стихах» [240, с. 312]. Если выбирать из этих двух вариантов, текст ат-Табари кажется предпочтительным: книги лучше стихов как носители сведений. Однако здесь, как и в случае, рассмотренном ниже, кажутся странными слова о том, что сведения были в церквях. Возможно, следует читать не كنائسهم, а كتابهم, т.е. «их записи». В графическом отношении такая конъектура вполне возможна. Фраза о том, что хирцы имели точные сведения о Лахмидах в своих записях и книгах, кажется более логичной и правильной, чем представленный выше перевод.

«Я⁸ извлекал сведения о [лахмидских] арабах, родословные потомков Насра Ибн Рабиа, сроках [правления] тех из них, кто был наместником Сасанидов⁹ и об определении их лет во времени из церквей Хиры, а в них – [об] их царской власти и всех их делах» [19, сер. 1, с. 770].

Оборот «извлекать сведения из церквей Хиры» явно неестествен. Логично предполагать, что здесь пропущено какое-то слово, и вместо بيع الحيرة («церквей Хиры») текста следует читать كتب بيع الحيرة. Это, в свою очередь, порождает вопрос о том, как следует переводить بيع. В «Хосрове» автор этих строк высказал предположение, что речь идёт о записях присяг, своего рода официальных анналах, куда должны были заноситься сведения о вступлении каждого царя на престол и присяге ему со стороны знати [3, с. 290, прим. 433]. Дальнейшие исследования не подтвердили эту гипотезу. Более того, наличие формы بيع в данном отрывке может быть поставлено под сомнение. Она представляет собой конъектуру издателей текста, причём среди вариантов, встречающихся в рукописях, наиболее ясный – تبع. С другой стороны, аналогичный фрагмент есть в истории Ибн Халдуна (1332–1406), пользовавшегося трудом ат-Табари, но в соответствующем месте стоит كتبهم بالحيرة («их книг в Хире») [240, с. 314]. Обратим внимание, что фрагмент كتبهم очень схож с формой рукописи из труда ат-Табари – تبع. То, что мы видим у Ибн Халдуна, гораздо лучше подходит по смыслу: извлекать сведения из книг куда естественнее, чем из церквей. Поэтому думается, что

⁸ Хишам аль-Кальби говорит здесь о себе в первом лице.

⁹ Буквально – «рода Хосрова» (*āl Kīsrā*). Форма *Kīsrā* в принципе представляет собой прошедшую через ряд промежуточных стадий арабскую передачу персидского имени *Хосров*. Однако в источниках слово *Kīsrā* могло обозначать сасанидского царя вообще. Сходным образом имя Карла Великого превратилось у славян в слово «король» и применялось ко многим западным правителям. В данном случае Хишам аль-Кальби имеет в виду род сасанидских царей вообще.

следует исправить процитированный выше отрывок труда ат-Табари, отказавшись от конъектуры его издателей, и принять в этом месте вариант Ибн Халдуна. Соответственно в переводе вместо «из церквей Хиры» должно стоять «из их книг в Хире».

Поскольку на сведениях, восходящих к Хишаму аль-Кальби, основывались, в том числе и в рассказах о Лахмидах, многие средневековые авторы, произведения которых являются нашими источниками, вопрос о том, откуда он черпал известия, весьма важен. В этом отношении необходимо обратить внимание на один фрагмент из завершённого в 961 г. исторического труда Хамзы аль-Исфахани (*Hamza al-Isfahānī*):

«Хишам [аль-Кальби] сообщил со слов своего отца¹⁰, что тот не нашёл аль-Хариса (*al-Ḥārīṭ*)¹¹ в списке царей арабов в “Книге хирцев” (*Kitāb ahl al-Ḥira*). Он (Хишам. – Д. М.) сказал: “Я думаю, что они (хирцы. – Д. М.) не стали упоминать его потому, что он силой завладел царством без разрешения персидских царей и пребывал в отстранении от Хиры, которая была столицей. Неизвестно, где было его постоянное жилище; он скитался по земле арабов”» [67, с. 108].

Безусловно, можно исходить из буквального прочтения двух последних фрагментов и считать, что отец Хишама пользовался «Книгой хирцев», а он сам – другими источниками. Но маловероятно, чтобы Хишам действительно поступал так, располагая сведениями, собранными отцом, – тем более, что во многих случаях пользовался его данными. Поэтому есть, кажется, основания предполагать, что источником для Хишама аль-Кальби была «Книга хирцев», которая, в свою очередь, содержала хирские записи.

¹⁰ Мухаммад Ибн ас-Саиб аль-Кальби (*Muḥammad Ibn al-Sā'ib al-Kalbī*), ум. в 763 г.

¹¹ Имеется в виду правитель киндитов. О нём см. Часть I.

«Книга хирцев» до нас не дошла, но мы можем судить о ней по более поздним источникам. Хишам аль-Кальби создал несколько книг, не дошедших до нас, но известных по трудам других авторов. Мусульманский автор Ибн ан-Надим (*Ibn al-Nadīm*, ум. в 995 или 998 г.), составивший перечень известных в его время книг, называет в числе трудов Хишама «Книгу о Хире» (*Kitāb al-Ḥīra*), «Книгу о Хире, названиях церквей и монастырей и родословных “царских слуг”» (*Kitāb al-Ḥīra wa tasmiyat al-biya' wa al-diyārāt wa nasab al-'ubbād*)¹², «Книгу об аль-Мунзире, царе арабов» (*Kitāb al-Munḍir malik al-'arab*) и «Книгу об Ади Ибн Зайде аль-Ибади» (*Kitāb 'Adī bin Zayd al-'Ibādī*) [228, т. 1, с. 304–305; 265, с. 2780–2781]. Если судить по названиям, общей историей должна быть «Книга о Хире». Ат-Табари, повествуя об истории Лахмидов, не раз ссылается на Хишама аль-Кальби [19, сер. 1, с. 821, 833, 845, 853, 899, 900, 1039]. Вероятно, ат-Табари пользовался сведениями «Книги о Хире». Примечательно, что повествование ат-Табари о Лахмидах очень близко к рассказу о них у Хамзы аль-Исфакхани.

На основе сопоставления этих источников можно сделать некоторые наблюдения относительно того, что мог представлять собой текст Хишама аль-Кальби. О каждом Лахмиде ат-Табари и Хамза аль-Исфакхани сообщают имена его самого и его отца, продолжительность правления и, в некоторых случаях, наиболее важные деяния. Интересно, что в обоих случаях сообщаются и имена матерей лахмидских царей, но эти указания обрываются на предпоследнем правителе династии, аль-Мунзире (*al-Munḍir*) IV. Это тем более странно, что аль-Мунзир IV происходил от той же матери, что и предшествующий ему лахмидский правитель – Кабус (*Qābūs*). Мать Кабуса указана и у ат-Табари, и у Хамзы аль-Исфакхани [19, сер. 1,

¹² Правильнее, кажется, читать *al-'ibād*. О них см. Часть II.

с. 1038; 67, с. 109–110]. Такую перемену можно объяснить только тем, что авторы записей приняли какой-то другой подход, в рамках которого указание матери царя не было существенным. Возможно, это связано с тем, что после крещения преемника аль-Мунзира IV – ан-Нумана (*al-Nu'mān*) III среди Лахмидов стала отмирать прежняя арабская традиция, в которой большое значение придавалось не только тому, кто отец человека, но и тому, кто его мать. Целые роды и племена назывались по именам матерей-прародительниц. Можно предположить, что записи об аль-Мунзире IV и ан-Нумане III были сделаны уже в правление последнего, когда укоренились новые обычаи.

Как показано в Части II, крещение ан-Нумана III значительно ускорило распространение в Хире христианского вероучения. Ко времени подчинения Хиры мусульманскому халифату христиане, вероятно, составляли большую часть образованного населения. В их среде хранились и исторические записи. Неудивительно, что эти материалы были известны авторам Христианского Востока. Это видно по недавно опубликованному «Сокращённом изложении церковной истории» (*Muḥtaṣar al-aḥbār al-bī'īyya*), принадлежащему перу неизвестного автора конца X – начала XI в. Во фрагментах, посвящённых Лахмидам, видна значительная близость к тексту ат-Табари. В частности, автор «Сокращённого изложения» подробно повествует о переселениях танухитов [253, с. 137–139], что в церковной истории может быть только заимствованием из другого источника.

О том, какими источниками пользовался автор «Сокращённого изложения», можно судить по следующим данным. Автор рассказывает о том, как правитель Йемена Тубба (*Tubba'*) оставил в Хире гарнизон и ушёл в поход на Иран и Китай, причём ссылается на авторов церковных историй (*aṣḥāb al-iqlāsisīqāt*) [253, с. 138]. В двух других

фрагментах мы находим упоминания о всеобъемлющем своде, посвящённом истории Хиры:

«Затем в Хире правили несколько царей, от указания имён и числа которых эта книга делается слишком длинной. Книга “История Хиры и деяния их царей” (*Kitāb aḥbār al-Ḥīra wa sīrat mulūki-him*) избавляет от необходимости подробно рассказывать об этом в том, что мы предприняли» [253, с. 133].

«Известий об этом городе¹³, который в книгах называют “городом святителей”, очень много. Если мы расскажем хотя бы немного из того, что о ней повествуют, наша книга делается от [этих сообщений] слишком длинной, а мы отклонимся от нашей цели. Эти известия – в одной книге, о которой говорят видевшие её; в ней сведены [сообщения] о жизни его (города. – Д. М.) царей, тех из них, кто был верующим, его епископах и их непорочности, а также знамениях, происшедших в дни каждого из них» [253, с. 136].

Эти фрагменты, по-видимому, относятся к одному и тому же произведению и дают о нём некоторое понятие. Название «История Хиры и деяния их царей» кажется странным в том отношении, что в нём стоит «их царей» (*mulūki-him*), а не «её царей» (*mulūki-hā*), как было бы правильно с точки зрения арабского языка. Кажется, в названии, как его приводит автор, пропущено слово *ahl*, и оно должно выглядеть как *Aḥbār ahl al-Ḥīra wa siyar mulūki-him* («История хирцев и деяния их царей»). С другой стороны, заслуживают внимания слова о том, что книга включает в себя рассказы о епископах и их непорочности, а также чудесах (разумеется, в христианском понимании этого слова). Трудно представить себе, чтобы такие сведения были в труде, который мусульманин Хишам аль-Кальби написал для своих единоверцев. Интересно отметить, что

¹³ Речь идёт о Хире.

в труде ат-Табари и «Сокращённом изложении» очень поразному трактуется история конца правления ан-Нумана I: в первом случае это просто оставление власти и уход в аскетизм, религиозная принадлежность которого не называется, во втором – крещение (см. Часть I). Значит, автор «Сокращённого изложения» пользовался каким-то произведением христианской направленности, которое было известно ему непосредственно или через церковные истории. Оно содержало сведения, восходившие к хирским источникам и использованные Хишамом аль-Кальби, а также христианские сюжеты, опять-таки связанные с Хирой. Вероятнее всего, эта «История хирцев» тождественна «Книге хирцев», на которой, как показано выше, основывался Хишам аль-Кальби. Можно предполагать, что это произведение было создано хирскими христианами и хранилось в их среде; впоследствии его сведения попали в источники «Сокращённого изложения» и труд Хишама аль-Кальби. Альтернативная гипотеза, согласно которой «История хирцев» представляет собой выполненную в христианском духе доработку труда Хишама аль-Кальби, кажется маловероятной. Едва ли христиане Хиры, располагая и записями, и устными преданиями, стали бы переписывать свою историю из труда Хишама аль-Кальби. Кроме того, в одном месте «Сокращённое изложение» прямо расходится с трудами ат-Табари и Хамзы аль-Исфахани: в первом из этих источников правление Имру-ль-Кайса I составляет восемьдесят четыре года [253, с. 141], в остальных – сто четырнадцать лет [19, сер. 1, с. 833; 67, с. 98].

Этот христианский (вероятнее всего – несторианский) свод содержал, несомненно, рассказы о крещении ан-Нумана III – центральном событии церковной истории Хиры. Один такой рассказ сохранился в труде аль-Хилли; его перевод приведён в Части II.

Сравнивая восходящие к «Книге хирцев» сведения в передаче христианских и мусульманских авторов, мы

можем заключить, что этот свод был создан довольно поздно, вероятно – уже в исламское время. Об этом свидетельствует очевидное различие между легендарными рассказами о временах первых лахмидских правителей и более точными записями о событиях последующих времён. Судя по тональности изложения, он отражал позиции части хирского духовенства, принадлежавшей к роду, который по имени его наиболее раннего известного нам представителя именовался Бану Лихьян (*Banū Liḥyān*)¹⁴. Об этом свидетельствует легендарная история о том, что ещё при Имру-ль-Кайсе (*Imru' al-Qays*) I первыми из всех хирцев крестились Бану Лихьян, которые затем разделили с Лахмидами старшинство над Хирой: первым досталась духовная власть, вторым – светская [253, с. 132].

Созданный Хишамом аль-Кальби на основе сведений «Книги хирцев» список лахмидских царей так или иначе составил основу рассказов о них у целого ряда авторов. На данных аль-Кальби основывался, по-видимому, Мухаммад Ибн Хабиб (*Muḥammad Ibn Ḥabīb*, ум. в 860 г.), у которого мы находим полный перечень лахмидских правителей с указанием сроков правления. В дальнейшем такие перечни были даны во многих произведениях; они наиболее полны у ат-Табари, Хамзы аль-Исфахани, Бируни (*Bīrūnī*, 973–1048), Ибн Саида (*Ibn Sa'īd*, 1213/14 – 1286/87) и Ибн Халдуна. Они совпадают не во всём. Эти разночтения разобраны ниже, в разделе, посвящённом хронологии. В одних случаях их можно объяснить ошибками переписчиков, но в других за ними скрываются более серьёзные расхождения. Не исключено, что список Хишама аль-Кальби существовал в нескольких версиях, хотя проследить их возникновение и изменение невозможно.

¹⁴ О них см. Часть II.

По источникам можно проследить и другие произведения Хишама аль-Кальби, связанные с Хирой. Историю Ади Ибн Зайда – поэта и переводчика при сасанидском дворе, умершего в темнице при лахмидском царе ан-Нумане III, а вероятно – убитого по приказу последнего, со ссылкой на Хишама аль-Кальби приводит Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани (*Abū al-Faraǧ al-Iṣfahānī*, 897–967); есть все основания предполагать, что эти сведения восходят к упомянутой выше «Книге об Ади Ибн Зайде». Правда, по одному фрагменту можно заключить, что Абу-ль-Фарадж знал текст Хишама аль-Кальби через посредство Ибн Хабиба [172, ч. 2, с. 21]. Ещё один пересказ той же истории обнаруживается у ат-Табари, который, однако, ссылается не на Хишама аль-Кальби, а на Абу Убайду (о нём см. ниже) [19, сер. 1, с. 1016]. Видимо, ат-Табари пользовался не «Книгой об Ади Ибн Зайде», а повествованием Абу Убайды об одном из знаменитых сражений арабов доисламского времени – битве при Зу Каре, куда был включен пересказ вышеупомянутой истории.

По пересказам сведений, восходящих к «Книге об Ади Ибн Зайде», можно представить себе, чем она являлась. Вероятно, Вероятно, источником Хишама аль-Кальби была семейная история, созданная кем-то из рода, к которому принадлежал Ади Ибн Зайд. Внимание автора было сосредоточено на Ади и других членах рода, вследствие чего, кажется, уже он сам допускал некоторые неточности относительно остальных исторических персонажей.

Сведения «Книги о Хире, названиях церквей и монастырей и родословных “царских слуг”» использовались мусульманскими географами, которые черпали из них главным образом сведения о церквях и монастырях. Для настоящего исследования особенно важны два отрывка из географической энциклопедии Якута (*Yāqūt*, 1179–1229), где он ссылается на Хишама аль-Кальби [264, т. 2, с. 517, 526]. Вероятно, к книге Хишама аль-Кальби

восходят и другие описания монастырей Хиры у Якута. По содержанию и стилю изложения к ним близки сообщения о монастырях Хиры у аль-Бакри (*al-Bakrī*, ум. в 1094 г.) и аль-Умари (*al-'Umarī*, 1300–1349), однако оба ссылаются на Абу-ль-Фараджа аль-Исфáхани [188, с. 577, 592, 595, 597; 208, ч. 1, с. 355–357] – видимо, на не дошедшую до нас «Книгу о монастырях» (*Kitāb al-diyārāt*)¹⁵. Вероятно, Абу-ль-Фарадж аль-Исфáхани и в этом использовал сведения Хишама аль-Кальби. Судя по текстам названных авторов, составитель исходного текста ставил своей целью прежде всего указать, кто воздвиг или отстроил тот или иной монастырь. Это – тоже своего рода анналы, хотя и применительно к монастырям. Соответственно, есть основания предполагать, что эти сведения восходят к христианам Хиры.

Относительно «Книги об аль-Мунзире, царе арабов» пока можно только строить предположения. Строго говоря, не обязательно, что она относится к правителям Хиры, да и среди лахмидских царей было четыре человека по имени аль-Мунзир. Но если пытаться найти того, кого мог так называть Хишам аль-Кальби, наиболее правдоподобной кажется та гипотеза, согласно которой эта книга посвящена правителю Хиры аль-Мунзиру I. Он снискал известность главным образом в связи с тем, что ещё до вступления на престол был товарищем тогда ещё несовершеннолетнего Варахрана, будущего сасанидского царя Варахрана V Гора, которого его отец, Ездигерд I, отослал в Хиру. Доводом в пользу этого предположения можно считать приведённый в Части I отрывок из труда ат-Табари, в котором Ездигерд присваивает аль-Мунзиру титул «царя арабов». Судя по сведениям, которые встречаются у мусульманских авторов и могут восходить к Хишаму аль-Кальби, в этой книге речь шла о том, как аль-Мунзир опекал Варахрана, а затем помог ему вступить на престол.

¹⁵ Эту книгу Абу-ль-Фараджа упоминает ряд средневековых авторов [87, кол. 762; 228, т. 1, с. 355; 265, с. 1708].

Другой важнейший массив сведений составляют арабские племенные сказания. Они представляют собой выражение исторической памяти, о котором говорилось выше применительно к лахмидским и гассанидским арабам. Нередко такие сказания содержат ценные сведения об истории племён и их расселении, а также о важных событиях, в частности – сражениях. Здесь, разумеется, нельзя обойти стороной сказания, которые в литературе объединяются под названием *ayyām al-‘arab*. Буквально это означает «дни арабов», однако речь не идёт об изложении истории «день за днём». Почти во всех случаях сказания посвящены битвам, хотя это не всегда так: Ибн аль-Асир (*Ibn al-Aṣīr*, 1160–1233) относит к «дням» тот день, когда поэт Амр Ибн Кульсум (*‘Amr Ibn Kulṣūm*) на пиру убил лахмидского царя Хиры Амра (*‘Amr*) III [226, т. 1, с. 433]. Поэтому наиболее правильным кажется перевод «[памятные] дни арабов», с учётом того, что в устах средневековых арабских сказителей слово *yawm* (день) имело приблизительно такое же значение, какое для нас имеет лермонтовское «день Бородина».

Большинство дошедших до нас рассказов о «[памятных] днях арабов» принадлежат перу Абу Убайды Мамара Ибн аль-Мусанны (*Abū ‘Ubayda Ma‘mar Ibn al-Muṭannā*, ум. в 824/25 или 828/29 г.). Согласно справочнику о средневековых мусульманских писателях, принадлежащему перу Якута, он составил два труда: Большую и Малую книги о «[памятных] днях арабов» [265, с. 2709]. Ни одна из них до нас не дошла, однако сохранились объёмные выдержки из них в трудах других авторов: Ибн Абд Раббихи (*Ibn ‘Abd Rabbihi*, 860–940), Ибн аль-Асира (1160–1233), ан-Нувайри (*al-Nuwayrī*, ум. в 1332/33 г.), аль-Умари, аль-Анбари¹⁶,

¹⁶ Имеется в виду сборник стихов и комментариев к ним, составленный аль-Касимом аль-Анбари (*al-Qāsim al-Anbārī*, ум. в 916/17 г.) и впоследствии опубликованный, с некоторыми изменениями, его сыном Мухаммадом (*Muḥammad al-Anbārī*, ум. в 939/40 г.).

аль-Язиди (*al-Yazīdī*, 842/43 – 922/23) и Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани¹⁷. Абу Убайде мы обязаны подробными рассказами о борьбе между Лахмидами и киндитами, а также ряде крупных сражений, в которых приняли участие правители Хиры – при Уваре, Айн Убаге, Тыхфе. По своей важности для настоящего исследования известия Абу Убайды сопоставимы со сведениями Хишама аль-Кальби. Необходимо, впрочем, отметить, что о «[памятных] днях арабов» писали и другие авторы. Такую книгу составил, например, Хишам аль-Кальби [228, т. 1, с. 305]. В трактате аш-Шимшати (*al-Šimšātī*, жил в конце X – начале XI в.) мы находим раздел о «[памятных] днях арабов», который отличается от рассказов Абу Убайды. К сожалению, аш-Шимшати нигде не ссылается на источник своих сведений, а определить его по косвенным данным не удаётся.

Рассказ об арабском Средневековье немислим без упоминания о поэзии. Роль арабской поэзии в литературе, в т.ч. мировой, едва ли нуждается в комментарии. Но поэзия была также формой выражения общественного сознания и исторической памяти. В арабских стихах отразились многие исторические реалии. Для настоящего исследования особую важность имеют стихи поэтов, которые были современниками Лахмидов и так или иначе общались с ними: Ади Ибн Зайда (того самого, о котором писал Хишам аль-Кальби), аль-Хариса Ибн Хилиззы (*al-Ḥārīṭ Ibn Ḥilizza*), Амра Ибн Кульсума, Тарафы Ибн аль-Абда (*Tarafa Ibn al-ʿAbd*), аль-Муталаммиса (*al-Mutalammis*)¹⁸ и Зийада аз-Зубьяни (*Ziyād al-Ḍubaynī*), более известного как

¹⁷ В трудах первых четырёх из указанных авторов есть отдельные разделы, посвящённые «[памятным] дням арабов».

¹⁸ Аль-Муталаммис (букв. – «усердно ищущий») – прозвище поэта, данное ему в связи с одним выражением, которое он употребил в своих стихах. В том, что касается его имени и его интерпретации, сведения в источниках расходятся. Поэтому в настоящем исследовании мы будем называть поэта аль-Муталаммис.

Набига (*Nābiga*). Кроме того, к стихам нередко присовокупляли исторические комментарии, в составе которых до нас дошли многие отрывки из ранних, не сохранившихся сочинений, в том числе трудов Хишама аль-Кальби и Абу Убайды. Подобные комментарии мы находим и в сборниках *amṭāl*, что на русский язык правильнее всего переводить устоявшимся оборотом «пословицы, поговорки и крылатые выражения». Среди последних особенно ценен ранний сборник аль-Муфаддала (*al-Mufaḍḍal*, ум. в 784/85 г.), где можно найти немало оригинальных сведений.

Выше речь шла почти исключительно об оригинальных сообщениях и их передачах. Однако и литература более поздних времён представляет немалый интерес. В этом отношении стоит обратить особое внимание на два произведения. Одно из них – трактат упомянутого выше Абу-ль-Бака́ аль-Хилли «Книга мазйадитских стоянок об истории асадитских царей» (*Kitāb al-manāqib al-mazyadiyya fī aḥbār al-mulūk al-asadiyya*). Он дошёл до нас не полностью, однако раздел, посвящённый Лахмидам, сохранился. Аль-Хилли собрал огромный объём сведений о Лахмидах, часть которых почерпнута из трудов ат-Табари и Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани. Есть и отрывки, которые не встречаются в других источниках, но, кажется, восходят к оригинальным или, во всяком случае, ранним источникам – например, упомянутый выше рассказ о крещении ан-Нумана III или сообщение о пожаловании Сасанида Хосрова II Парвиза лахмидскому правителю ан-Нуману III, которое приводится со ссылкой на «одну из хирских книг» (*baʿd kutub al-Ḥira*) [213, с. 500]. Вместе с тем, аль-Хилли ставил целью обосновать превосходство своего современника, мазйадитского правителя Хиллы Садаки Ибн Мансура (*Ṣadaqa Ibn Maṣṣūr*, 1085/86 – 1111/12), происходившего из аднанитского (североарабского) племени Бану Асад Ибн Хузайма (*Banū Asad Ibn Ḥuzaʿima*), над

Лахмидами, принадлежавшими к кахтанитам (южным арабам). В стремлении к этому аль-Хилли подбирает и истолковывает сведения так, чтобы подчеркнуть слабость и бедность Лахмидов. Он и в этом делает ценные замечания, однако в целом при рассмотрении его сведений необходимо учитывать общую тональность произведения.

Другой источник, мимо которого нельзя пройти при изучении истории арабов доисламского времени, – «Приносящая упоение [книга] об истории арабов времени джахилийи» (*Našwat al-ṭarab fī tāriḥ ḡāhiliyyat al-‘arab*) Ибн Саида. Он представляет собой обширную компиляцию, которая включает и раздел о Лахмидах, составленный на основе сведений ат-Табари, Хамзы аль-Исфахани и других авторов. Важность этого труда для настоящего исследования во многом определяется тем, что в нём сохранились некоторые сведения из не дошедших до нас источников, в первую очередь – из «Книги бутонов» (*Kitāb al-kamā‘im*) Захир ад-Дина аль-Байхаки (*Ṣaḥīr al-Dīn al-Bayhaqī*), о котором почти ничего не известно.

В основной своей массе арабские сказания, донесённые до нас в письменных источниках, – исторические известия. Им свойствен реализм, и они отличаются от легенд, которые уже оторвались от исторической канвы и отражают в лучшем случае общую суть событий. Но и при работе с этими рассказами исследователь сталкивается с рядом трудностей: они лишены привязки к хронологии, подчас не соответствуют друг другу. В случае с Лахмидами это усугубляется тем, что у многих правителей династии были одинаковые имена. На пятнадцать лахмидских царей пришлось четыре Амра и по три аль-Мунзира, ан-Нумана и Имру-ль-Кайса. В представлении более поздних авторов они подчас выстраивались в однотонный ряд, который аль-Масуди (*al-Mas‘ūdī*, ум. в 956/57 г.), ставя имена Лахмидов в форме собирательного множественного

числа, назвал *al-na'āmina wa al-manādira* [93, с. 186]. По-русски это звучало бы примерно как «нумано-мунзиры». Это вызывает немалые трудности, так как подчас даже авторы известий не очень хорошо представляли себе, к кому они относятся.

При изучении истории Лахмидов мы не можем обойтись без разбора упоминаний о них в источниках, не принадлежащих к арабо-мусульманскому культурному кругу. Эти источники в основном фиксируют то, каким образом то или иное государство или культура контактировали с Лахмидами или подчинёнными им арабами. Позднеримские и византийские авторы повествуют об участии арабов в борьбе против римских войск императора Юлиана Отступника (Аммиан Марцеллин, вторая половина IV в.), походах аль-Мунзира II (Сократ Схоластик, род. ок. 380 г., ум. после 439 г.), аль-Мунзира III (Иоанн Малала, сер. VI в., Прокопий Кесарийский), Амра III и Кабуса (Феофан Исповедник, род. между 752 и 760 гг., ум. в 818 г.), а также дипломатических контактах (Менандр Протектор, конец VI в.). Ценное сообщение о крещении лахмидского царя ан-Нумана III мы находим у Евагрия Схоластика (жил во второй половине VI в.). На юге, где важным контрагентом Лахмидов в политике были правители Йемена, такие сведения мы черпаем из их надписей¹⁹. Из сасанидских материалов в том или ином виде сохранилась лишь небольшая часть. Упоминаний о Лахмидах они не содержат,

¹⁹ Публикации этих надписей разбросаны по периодическим изданиям, которые подчас недоступны автору этих строк. В процессе работы над настоящим исследованием автор пользовался базой данных Университета Пизы «Корпус южноаравийских надписей» (*Corpus of South Arabian Inscriptions, CSAI*), размещённой на сайте www.dasi.humnet.unipi.it. Её несомненным достоинством является то, что по каждой надписи она представляет достигнутые к настоящему времени результаты работы учёных. При рассмотрении южноаравийских надписей автор этих строк «по умолчанию» ссылается на CSAI, если иное прямо не указано в тексте.

однако в созданном в исламское время, хотя и в русле сасанидской традиции небольшом тексте «Города Иранской страны» (*Šahrestānhā-i-Ērān* или *Šahrestānhā-i-Ērānšahr*) есть два фрагмента, имеющие отношение к установлению власти Сасанидов над Хирой.

Немало ценных сведений дошло до нас в произведениях авторов Христианского Востока. О «Сокращённом изложении церковной истории» говорилось выше. Для военной и политической истории Лахмидов особенно важны подробные известия Иисуса Столпника (Иешу Стилита) – об участии лахмидских правителей в византийско-сасанидской войне 503–506 гг., Иоанна Эфесского (род. ок. 507 г., ум. ок. 588 г.) и Михаила Сирийского (ум. в 1199 г.) – о столкновениях между лахмидскими и гассанидскими арабами в 70-х гг. VI в., а также временные указания в хрониках. Есть немало известий о распространении во владениях Лахмидов христианского вероучения; они принадлежат главным образом несторианским авторам. Если не считать хирских записей, о которых говорилось выше, самый ранний из этих источников – житие Сэбришó, католикоса христианской (несторианской) церкви Сасанидской державы (596–604), написанное монахом Петром (*Pātrōs yihīdayā*) примерно в первой половине VII в.²⁰ В нём мы находим подробный рассказ о крещении лахмидского царя ан-Нумана III. Упоминание об этом событии, правда, весьма краткое, встречается и в другом раннем источнике – несторианском рассказе II половины VII в. о времени последних Сасанидов, который принадлежит перу неизвестного автора (согласно одной гипотезе,

²⁰ О времени написания этого произведения можно приблизительно судить по одному фрагменту, в котором речь идёт о том периоде жизни Сэбришó, когда он ещё не был епископом Лашома (отметим, что в событиях, рассматриваемых в Части II, он выступает именно в этом качестве) и вёл жизнь отшельника. Автор жития ссылается на то, что ему и другим рассказал один богобоязненный человек, приходивший тогда к Сэбришó [72, с. 295].

им был епископ Мерва Илия) и известен по имени первого издателя как «аноним Гвиди». Краткость известия о крещении ан-Нумана восполняется подробным рассказом о его опале и гибели. Нельзя, разумеется, пройти мимо несторианских церковных историй, к которым, помимо упомянутого выше «Сокращённого изложения», относятся труды неизвестного автора XI в. («Сииртская хроника»), Мари Ибн Сулаймана (*Mārī Ibn Sulaymān*, писал в середине XII в.) и Амра Ибн Маттая (*ʿAmr Ibn Mattay*, жил в XIV в.). Что касается монофизитских произведений, наибольшую важность для восстановления истории Лахмидов имеют послание Симеона Бет-Аршамского (Симеона Спорщика) и «Деяния св. Арефы и Румы», где рассказывается о посольстве царя объединённой державы Химьяра и Сабы Иосифа Асар Ясара к аль-Мунзиру III, а также житие того же Симеона, принадлежащее перу Иоанна Эфесского.

Все эти источники разбираются далее, по ходу изложения.

Большинство известий о Лахмидах в источниках, не принадлежащих к арабо-мусульманской среде, – краткие упоминания. Но их важность для настоящего исследования определяется не количеством подробностей. Надписи, а также сообщения ранних авторов созданы современниками Лахмидов, что при прочих равных говорит в пользу их достоверности или, во всяком случае, меньшего искажения по сравнению с рассказами, которые были записаны намного позже того, как появились. Кроме того, многие из этих известий имеют чёткую или, во всяком случае, определяемую привязку к датам, что очень важно для установления хронологии, к чему следует перейти далее.

Хронология

Основная часть имеющихся у нас хронологических сведений происходит из переложений «Книги о Хире» Хишама аль-Кальби, о которой говорилось выше. Судя по ним, о каждом из Лахмидов Хишам аль-Кальби указал, сколько лет и месяцев он правил, и какая часть этого срока пришлась на царствование того или иного Сасанида. Эти данные имеют неодинаковую ценность. Там, где друг на друга накладываются сроки правления Лахмидов и Сасанидов, мы, по-видимому, имеем дело не с исходными сведениями «Книги хирцев», а с собственными построениями Хишама аль-Кальби, на которые не всегда правильно ориентироваться. Например, у Хамзы аль-Исфахани лахмидский царь Амр I правил четыре года и пять месяцев в царствование Шапура, сына Шапура (т.е. Сасанида Шапура III), а Имру-ль-Кайс I при нём же – пять лет [67, с. 100]. Далее тот же автор сообщает, что при сасанидском царе Перозе правили два Лахмида – аль-Мунзир, сын ан-Нумана (аль-Мунзир II) и аль-Асуад (*al-Aswad*): первый – семнадцать лет, второй – десять [67, с. 103–104]. Ат-Табари со ссылкой на Хишама аль-Кальби сообщает другие сведения: в царствование Пероза аль-Мунзир II правил десять лет, и аль-Асуад – столько же [19, сер. 1, с. 882]. Из этого можно было бы заключить, что Шапур III царствовал девять лет и пять месяцев, а Пероз – двадцать или двадцать семь лет. Но из расчётов, приведённых автором этих строк в «Хосрове», видно, что Шапур III царствовал пять лет, а Пероз – от двадцати трёх до двадцати четырёх лет [3, с. 63]. Поэтому относительно надёжными можно считать только указания сроков правления Лахмидов.

Здесь тоже не обходится без затруднений. Собственно говоря, мы не очень хорошо представляем себе, каким календарём пользовались Лахмиды и чем для них был год. Некоторые предположения можно строить на основе

рассмотренных в Части II сведений о ежегодном летнем религиозном празднестве и одного известия о том, что в начале каждого года, весной, к лахмидскому царю съезжалась арабская знать [199, т. 1, с. 118; 257, с. 96]. Тот факт, что время этих событий отслеживалось, указывает на существование календаря, в котором год начинался в одно и то же время, весной, т.е., вероятно, составлял около 365 дней. Поэтому в подсчётах мы, кажется, вправе исходить из того, что год лахмидской хронологии примерно соответствовал нашему, хотя и начинался в другое время. Кроме того, представляется возможным и иное допущение: авторы хирских записей следовали сасанидской традиции и определяли продолжительность правления каждого царя начиная с момента его фактического прихода к власти²¹, а не с начала календарного года, в котором это произошло.

Но этого мало. Если мы читаем в источнике, что тот или иной лахмидский царь правил столько-то лет, нужно понимать, от какого времени отсчитывается этот срок. Необходимо учитывать, что лахмидский правитель, чтобы вступить на престол, должен был получить назначение от сасанидского царя. В Части II будет показано, что такие назначения Лахмиды получали, как правило, по итогам собеседования с сасанидскими царями. Значит, если лахмидский царь умирал, кандидаты на престол должны были ехать на собеседование. Такие поездки, естественно, требовали времени, что следует учитывать и в хронологических расчётах. Представить себе время такой поездки можно на основе сведений о путях, использовавшихся в Средние века. Правда, к тому времени, когда писали мусульманские географы Средневековья, Хира была уже заброшена, а Ктесифон превратился в заурядное поселение.

²¹ Вопрос о применении такой системы расчётов в Сасанидской державе рассмотрен автором этих строк в «Хосрове» [3, с. 38–39].

Поэтому описания пути из Хиры в Ктесифон мы в источниках не находим. Вместе с тем можно, кажется, ориентироваться на сопоставимые данные – сведения о поездках из Куфы в Багдад. В X в. считалось, что путь из Куфы в Багдад занимает четыре дневных перехода (*marḥala*) [41, с. 134; 167, с. 79; 241, с. 218]. По другой оценке расстояние от Багдада до Куфы через несколько промежуточных этапов составляло двадцать девять *фарсах*-ов [91, с. 185]. Вопрос о том, сколько именно составлял *фарсах* (*farsah*), не входит в предмет настоящей работы. Очевидно, однако, что расстояние в двадцать девять *фарсах*-ов покрывали за четыре дневных перехода, делая, следовательно, немногим более семи *фарсах*-ов в день. Можно, разумеется, представить себе, что кандидаты на престол, стремясь скорее попасть к сасанидскому царю, двигались быстрее. С другой стороны, далеко не обязательно, чтобы кандидат на престол ехал именно в Ктесифон. Не все Сасаниды обычно жили в нём; кроме того, известен их обычай проводить жаркое время года на севере, в Мидии. Мы не знаем точно, где именно пребывали Сасаниды, но, поскольку нас в любом случае интересует порядок величин, за ориентир можно принять расстояние от Багдада до главного города Мидии – Хамадана (др. Экбатаны). Этот путь подробно описан у Ибн Хордадбега; он составляет 122 *фарсах*-а [91, с. 18–21]. С использованием несложной пропорции можно посчитать, что путь из Багдада в Хамадан занимал семнадцать дней. Стало быть, если лахмидский правитель умирал в жаркое время года, его потенциальные преемники должны были предпринять примерно трёхнедельное путешествие, чтобы попасть на аудиенцию к сасанидскому царю. Тот мог принять их и не сразу, хотя угроза выхода арабов из-под контроля, несомненно, делала вопрос срочным. Получив назначение, успешный кандидат ехал обратно в Хиру, где ему, вероятно, предстояло принять присягу у хирских вельмож и вождей арабских племён.

Представляется, что только после этого при лахмидском дворе начинался отсчёт времени правления нового царя. Поэтому мы, кажется, вправе исходить в хронологических расчётах из того, что между правлениями Лахмидов были разрывы, которые – в зависимости от того, куда кандидаты должны были ехать на собеседование – могли занимать от одного месяца до двух с небольшим.

Другими важными хронологическими ориентирами являются два указания, которые сохранила для нас литература Христианского Востока: о том, что ан-Нуман II умер в августе 503 г., а аль-Мунзир III погиб в сражении в июне 554 г.²² При нынешнем уровне наших знаний именно они – важнейшие отправные точки для хронологических изысканий. Но даже, казалось бы, на самом коротком и ясном хронологическом отрезке, охватывающем 503–554 гг., мы сталкиваемся с затруднениями. Согласно мусульманским авторам на этот период приходится правление Абу Яфура аз-Зумайли (*Abū Ya'fur al-Dumaylī*, три года) и аль-Мунзира III (сорок девять лет) [19, сер. 1, с. 900; 54, с. 53; 213, с. 120, 163; 236, с. 276; 238, с. 359; 240, с. 318;]²³. Между ними у Хамзы аль-Исфахани упоминается отец аль-Мунзира Имру-ль-Кайс III, которому приписывается семилетнее правление [67, с. 105]. Имру-ль-Кайс III

²² Эти датировки рассмотрены в Части I.

²³ В источниках встречаются и другие указания продолжительности правления аль-Мунзира III. В изданиях истории Хамзы аль-Исфахани, использованных в настоящем исследовании, указывается, что аль-Мунзир III правил 32 года [67, с. 105; 256, с. 92]. Однако Т. Нёльдеке (*Th. Nöldeke*) отметил, что в хранившемся в Лейдене списке этого трактата, более правильном, по его мнению, нежели тексты указанных изданий, указана та же продолжительность правления аль-Мунзира III, что и в других источниках – сорок девять лет [117, с. 170, прим. 1]. Ибн Хабиб отводил аль-Мунзиру сорок семь лет правления [238, с. 359]. Однако здесь могла иметь место ошибка переписчика: формы *سبعة* (*sab'a*, семь) и *تسعة* (*tis'a*, девять) очень близки, и даже незначительное искажение может вызвать путаницу.

отсутствует в списках сасанидских царей, восходящих к Хишаму аль-Кальби, но это, как показано в Части I, должно быть так или иначе связано с неприятием его власти в среде хирской знати. Об Имру-ль-Кайсе III известно достаточно много, больше, чем о некоторых других Лахмидах; он упоминается также в перечне лахмидских царей у аль-Хорезми (*al-Ḥuwārizmī*, ум. в 997/98 г.), хотя и без указания срока правления [214, с. 133]. Если суммировать эти сроки, мы получаем: $3 + 7 + 49 = 59$. Это намного больше, чем неполный пятьдесят один год, прошедший от смерти ан-Нумана II до гибели аль-Мунзира III. Однако возникающее противоречие можно, кажется, решить на основании двух допущений. Одно из них состоит в том, что авторы хирских записей, не признававшие Имру-ль-Кайса III, включили годы его правления во время царствования аль-Мунзира²⁴. В таком случае три названных царя

²⁴ Против этих расчётов можно возразить, что, согласно Феофану Исповеднику в 6005 г. от сотворения мира (1 сентября 512 – 31 августа 513) приверженцы Халкидонского собора (православные) вопреки стараниям двух монофизитских епископов крестили филарха сарацин Аламундара, т.е. аль-Мунзира [163, с. 246]. Но И. Гвиди, посвятивший этому фрагменту отдельную работу, совершенно, как представляется, верно отметил, что Феофан воспроизводит отрывок из церковной истории Феодора Чтеца (Анагносты), созданной в первой четверти VI в. [62, с. 142]. Текст Феодора [120, т. 86, кол. 204] подтверждает правильность этого вывода. Сам Феодор не сообщает даты, и, насколько можно судить, его история не была хроникой, как труд Феофана. Поэтому в отношении данного рассказа к событиям 512–513 гг. следует видеть мнение самого Феофана, который, как показано в Части I, на этом временном отрезке не всегда точен в хронологии. Кроме того, не очевидно, что этот рассказ вообще имеет какое-либо отношение к аль-Мунзиру III. Как показано в Части II, он был приверженцем традиционного арабского культа аль-Уззы и не крестился. Влияния православных в Хире, равно как и во всей Сасанидской державе, совершенно не просматривается. Остаётся считать, что крестился не аль-Мунзир III, а кто-то из Гассанидов, например, аль-Мунзир Ибн ан-Нуман, о котором упоминает Хамза аль-Исфахани [67, с. 120].

управляли Хирой не пятьдесят девять лет, а пятьдесят два года, что почти соответствует промежутку времени от августа 503 по июнь 554 г. Это относительно небольшое несоответствие можно, кажется, решить с помощью другого допущения, а именно: авторы хирских записей считали годом и полный, и неполный год. Если так, один из получившихся пятидесяти двух годов считался годом правления и Абу Яфура, и Имру-ль-Кайса III (аль-Мунзира III). Тогда мы не только получаем искомый пятьдесят один год, но и можем сделать некоторые иные выводы. Ан-Нуман II погиб в августе 503 г. во время похода Кавада против Византии. В походной обстановке сасанидский царь едва ли мог уделить много времени выбору нового правителя Хиры; ему нужен был военный вождь, способный командовать войсками лахмидских арабов и держать их в подчинении. В пользу этой трактовки в какой-то степени говорит то, что правителем Хиры стал не Лахмид. Поэтому назначение Абу Яфура правомерно относить к августу 503 г. Это значит, что третий год правления Абу Яфура, который по высказанному выше предположению должен быть неполным, начинается в августе 505 г. Если вести подсчёт с другой стороны, можно заключить, что первый год правления Имру-ль-Кайса III должен был закончиться в июне 506 г., потому что в противном случае царствование аль-Мунзира III могло бы продлиться только сорок восемь полных или неполных лет. Следовательно, правление Абу Яфура началось в августе 503 г. и закончилось в какой-то момент в течение периода с августа 505 г. по июнь 506 г.

Как показано в Части I, Абу Яфур, не принадлежавший к лахмидской династии, был своего рода «блукстителем престола», временным правителем. Естественно предполагать, что сасанидский царь, назначивший его на время, уже во время его правления искал нового кандидата на престол среди Лахмидов. Если так, то в данном случае

промежутка, связанного с поездками ко двору сасанидского царя и обратно, не было. Значит, Имру-ль-Кайс III мог встать у власти в течение того же самого периода (август 505 – июнь 506). Соответственно его правление должно было подойти к концу примерно в 512–513 гг. Точнее определить невозможно, так как мы не знаем дат его смерти и назначения правителем аль-Мунзира III.

Предложенные допущения можно применить и к хронологии преемников аль-Мунзира III, где есть относительная ясность. Кандидатура преемника аль-Мунзира была очевидна; им являлся его сын Амр, который при жизни отца был его наместником над подчинёнными Лахмидам арабскими племенами Аравии. Поэтому, хотя сасанидский царь Хосров I Ануширван (531–579), скорее всего, находился в то время в Мидии, назначение нового правителя Хиры не должно было занять много времени. Быстрота действий диктовалась самой обстановкой: никогда ещё Гассаниды не были столь опасны для Лахмидов, а следовательно – и для Сасанидской державы. Следовательно, есть основания полагать, что Амр стал новым правителем Хиры уже в августе 554 г.

Мусульманские историки, передающие сведения Хишама аль-Кальби и хирских записей, сходятся в том, что правление Амра III продолжалось шестнадцать лет [19, сер. 1, с. 900; 54, с. 54; 67, с. 109; 213, с. 135; 236, с. 278; 238, с. 359; 251, с. 992]. Если отсчитывать их от августа 554 г., смерть Амра (как показано в Части I, он был убит) приходится на август 570 г. Однако здесь расчёты необходимо скорректировать. Согласно сирийской хронике неизвестного автора, повествование в которой доведено до 724 г.²⁵, в 881 г., в четверг, в день Вознесения аль-Мунзир одержал победу над Кабусом [32, ч. 2, с. 143]. Эта дата соответствует

²⁵ По сложившейся традиции такие хроники именуются в историографии по тому году, до которого в них доведено изложение, напр., Хроника 846 г., Хроника 1234 г.

15 мая 570 г.²⁶ Аль-Мунзир, сын гассанидского правителя аль-Хариса, известен в основном по истории Иоанна Эфесского, который рассказывает о его двух победах над Кабусом. Уже в рассказе о первом из этих сражений Кабус назван царём [162, с. 344]. Если отождествить это сражение с тем, о котором упоминается в Хронике 724 г., получается, что Кабус стоял у власти уже весной 570 г.

Строго говоря, отождествление двух сражений, о которых речь шла в предыдущем абзаце, не обязательно. В «Хронике 724 г.» нет указания на то, кем был Кабус 15 мая 570 г. Как показано в Части I, Кабус водил лахмидские войска в походы вверх по течению Евфрата ещё в правление Амра III. Возможно, в «Хронике 724 г.» упомянут один из таких походов, который Кабус совершил ещё в качестве полководца, а не царя, а Иоанн Эфесский говорит о более поздних событиях. Если стремиться примирить сообщения источников, именно это объяснение станет наилучшим. С другой стороны, нельзя исключать, что Иоанн Эфесский, который, вообще говоря, не кажется хорошо осведомлённым о Лахмидах, ошибается и называет Кабуса тем, кем он стал впоследствии, т.е. царём. В этом случае известие «Хроники 724 г.» не может служить основанием для того, чтобы не принимать данные хирских записей о шестнадцатилетнем правлении Амра.

Для решения возникшей проблемы следует перенестись в более позднее время. Ан-Нуман III стал правителем Хиры после собеседования с царём, который в истории Ади Ибн Зайда именуется Хосровом, сыном Хормузда (*Kisrā Ibn Hurmuz*) [19, сер. 1, с. 1017; 172, ч. 2, с. 21]. Это

²⁶ Ставить эту дату под сомнение, кажется, нет оснований, так как события того времени обрисованы в источнике довольно точно. В том же фрагменте землетрясение в Антиохии отнесено к ноябрю 570 г., что соответствует рассказу очевидца этого события – Евагрия Схоластика [50, с. 171].

имя подходит только к царю Хосрову II Парвизу, однако он утвердился у власти только в 592 г. и, как будет видно из дальнейшего изложения, не мог быть тем, от кого ан-Нуман III получил назначение. Вероятнее всего, здесь мы сталкиваемся с собственными построениями Абу Убайды, который полагал – очевидно, ошибочно – что ан-Нумана сделал царём Хиры именно Хосров II Парвиз²⁷.

Это сообщение, однако, нельзя отбрасывать. Из него явствует, что *Kisrā* арабских текстов – не слово, которым арабы обозначали любого сасанидского царя²⁸, а имя. Из сасанидских царей по имени Хосров речь может идти только о Хосрове I Ануширване, который умер весной 579 г. Как ни странно, более правильным оказывается указание более позднего источника – истории Ибн Халдуна, где речь идёт о Хосрове I Ануширване [240, с. 319].

К тому времени в Хире правили упомянутый выше Кабус (четыре года), не названный в источниках по имени сасанидский *шахраб* (один год) и аль-Мунзир IV, младший брат Амра III и Кабуса (четыре года) [19, сер. 1, с. 1038; 54, с. 54; 67, с. 110; 82, с. 240; 213, с. 144; 236, с. 279–280; 238, с. 359; 240, с. 318], а также таййитский вождь Ийас Ибн Кабиса (*Iyās Ibn Qabiṣa*, один или несколько месяцев)²⁹. Кроме

²⁷ Это видно из одного фрагмента истории Ибн аль-Асира [226, т. 1, с. 506]. Приписывать такую точку зрения Хишаму аль-Кальби было бы неправильно. Согласно восходящему к нему списку лахмидских царей, ан-Нуман правил в Хире семь лет и восемь месяцев в царствование Хормузда [67, с. 111; 19, сер. 1, с. 1038]. Вопрос о достоверности этих сведений рассмотрен выше.

²⁸ См. прим. 9.

²⁹ Сведения о правлении Ийаса сохранились только в пересказах повествования об Ади Ибн Зайде, согласно которым после смерти аль-Мунзира IV сасанидский царь назначил управлять Хирой Ийаса Ибн Кабису. Тот правил в Хире один месяц (Ибн Халдун) или несколько (ат-Табари, Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани), а затем царь по совету придворного переводчика Ади Ибн Зайда решил испытать Лакмидов [19, сер. 1, с. 1017; 172, ч. 2, с. 21; 240, с. 319]. Выражением «несколько месяцев» здесь переводится форма *ašhur*

того, заслуживает внимания восходящее к повествованию об Ади Ибн Зайде известие о том, что ан-Нуман и прочие лахмидские царевицы, прибыв ко двору, разместились у Ади Ибн Зайда [19, сер. 1, с. 1017; 172, ч. 2, с. 21]. Вероятно, имеется в виду дом в Ктесифоне, который был у Ади, как и у многих других вельмож и придворных. Значит, сасанидский царь встретился с царевицами в Ктесифоне, т.е. ещё не уехал проводить жаркое время года в Мидию. Если суммировать эти данные, получается, что ан-Нуман, тогда ещё царевица, был на собеседовании у Хосрова I самое позднее в феврале 579 г.

Этим тесным хронологическим рамкам удовлетворяет, кажется, только следующая реконструкция. Амр III погиб осенью 569 г. и, соответственно, последний, шестнадцатый год его правления (считая от момента фактического прихода к власти) был неполным. Кабус начал править в конце 569 г., командовал в сражении 15 мая 570 г. в качестве царя и, как отмечено выше, стоял у власти четыре года. Смерть Кабуса приходится, следовательно, на вторую половину или конец 573 г. На этот раз собеседования кандидата на хирский престол с сасанидским царём не было. Хосров I в то время был занят войной с Византией; 11 ноября его войска взяли важный опорный пункт Дару. К тому же тогда ещё не было очевидного кандидата на престол из Лахмидов. Как показано в Части I, есть основания предполагать, что в течение примерно года Хирой управлял *шахраб* Вех-Кавада. В течение этого времени Хосров, очевидно, встретился с аль-Мунзиром, ставшим

в источниках. Она представляет собой форму множественного числа, но одновременно указывает на то, что обозначаемых ей понятий (в данном случае – месяцев) немного. Упоминание Ибн Халдуна об одном месяце показывает, что в данном случае «несколько» означает «немногим более двух». Как показано ниже, предположение о том, что время правления Ийаса Ибн Кабисы составило три месяца, хорошо вписывается в хронологические расчёты.

потом аль-Мунзиром IV. Во второй половине – конце 574 г. аль-Мунзир IV сменил *шахраб*-а. Однако новый правитель Хиры, потерпев в 578 г. поражение от Гассанида аль-Мунзира, умер во второй половине или в конце того же года. Хосров I, который, судя по пересказу истории об Ади Ибн Зайде у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, не видел явного кандидата на хирский престол, вновь назначил временного правителя, которым стал Ийас Ибн Кабиса. Несколько месяцев его правления, скорее всего, охватывают период с конца 578 по февраль 579 г. Тогда Хосров I незадолго до своей смерти назначил правителем Хиры ан-Нумана III.

Согласно мусульманским авторам ан-Нуман III правил двадцать два года [19, сер. 1, с. 1038; 54, с. 54; 67, с. 111; 213, с. 157; 236, с. 281; 240, с. 318], т.е. до весны 601 г. В источниках нигде не указывается, какое именно событие считалось окончанием его правления. Как показано в Части I, ан-Нуман попал в опалу у Хосрова II Парвиза, скрывался в пустыне (по некоторым сведениям – около года), затем сдался сасанидскому царю и либо был казнён, либо умер в заточении. Несмотря на такое обилие возможных решений, представляется, что для авторов хирских записей очевидным свидетельством прекращения правления ан-Нумана стало прибытие в Хиру нового правителя, назначенного Хосровом. По всей вероятности, этот правитель прибыл в Хиру через какое-то время после отъезда ан-Нумана, когда Хосрову стало ясно, что он бежал.

Перейдём теперь к предшественникам ан-Нумана II. К сожалению, здесь мы не имеем однозначных хронологических ориентиров. Использование сроков правления из хирских записей сильно осложняется тем, что, как показано выше, неполный год приравнивался к полному. Это не даёт возможности двинуться дальше приблизительных подсчётов, причём по мере продвижения вперёд

пределы погрешности будут расширяться. Ан-Нуман II, согласно источникам, правил четыре года [19, сер. 1, с. 900; 54, с. 53; 67, с. 104; 213, с. 120; 236, с. 275; 238, с. 359; 240, с. 318] и, следовательно, должен был прийти к власти между августом 499 г. и августом 500 г. Правление его предшественника аль-Мунзира II продолжалось семь лет [19, сер. 1, с. 900; 54, с. 53; 67, с. 104; 213, с. 119–120; 236, с. 275; 238, с. 359; 240, с. 318]; его начало можно относить к 492 или к 493 г. Аль-Асуад стоял у власти двадцать лет [19, сер. 1, с. 882; 54, с. 53; 67, с. 104; 236, с. 275; 238, с. 359; 240, с. 317], которые условно можно отсчитывать с 472 или 473 г. Очень длительное правление – сорок четыре года приписывается аль-Мунзиру I [19, сер. 1, с. 882; 54, с. 53; 67, с. 103; 236, с. 275; 238, с. 359]; оно должно было начаться в 428 или 429 г.

Против этой датировки можно возражать на основании того, что, согласно хронике, приписываемой Дионисию Телль-Махрскому, аль-Мунзир I (*Mündir* источника) принял участие в войне с Византией (422 г.) в качестве царя [83, с. 194]. Это возражение, впрочем, представляется слабым, так как нет никакой уверенности в том, что автор сирийского текста знал, кто тогда являлся лахмидским царём. Вполне возможно, что аль-Мунзира, который ещё при жизни отца, ан-Нумана I, командовал лахмидскими войсками в походах, приняли за царя.

В определении срока правления ан-Нумана I источники расходятся. Согласно Ибн Хабибу, Хамзе аль-Исфахани, Бируни, аль-Хилли и Ибн Халдуну, ан-Нуман I стоял у власти тридцать лет [54, с. 53; 67, с. 102; 213, с. 118; 238, с. 358–359; 240, с. 316], а по словам ат-Табари – двадцать девять лет и четыре месяца [19, сер. 1, с. 854]. Кажется, и в данном случае неполный год приравняется к полному. Если это верно, начало правления ан-Нумана вероятнее всего относить к 399 г.

До ан-Нумана у власти в Хире стоял Имру-ль-Кайс II. И здесь сведения мусульманских авторов различаются. Ибн Хабиб, ат-Табари, Бируни, Ибн Саид и Ибн Халдун отводят ему двадцать пять лет правления [19, сер. 1, с. 850; 54, с. 53; 236, с. 272; 238, с. 358; 240, с. 315], а Хамза аль-Исфахани – двадцать один год и три месяца [67, с. 101]. Если учесть замечание Т. Нёльдеке относительно рукописей труда Хамзы аль-Исфахани (см. прим. 23), следует предпочесть первую из названных цифр. Если так, правление Имру-ль-Кайса II могло начаться в 374 или 375 г.

Предшественником Имру-ль-Кайса II в источниках называется Аус Ибн Каллам Ибн Батина. Мы относительно хорошо представляем себе протяжённость его правления. Она составляет пять лет; так считают ат-Табари, Хамза аль-Исфахани, Бируни, Ибн Саид и Ибн Халдун [19, сер. 1, с. 850; 54, с. 53; 67, с. 100; 236, с. 272; 240, с. 315]. Аль-Хилли пишет о трёх годах правления Ауса [213, с. 111], но едва ли он ближе к истине, чем более ранние историки – ат-Табари и Хамза аль-Исфахани. Очевидной ошибкой кажется утверждение Ибн Хабиба о пятидесятилетнем правлении Ауса [238, с. 358]. Начало правления Ауса следует относить примерно к 369 или 370 гг.

Мы вступаем теперь в период, относительно которого хронологические расчёты, и прежде бывшие во многом гипотетическими, становятся таковыми ещё более в связи с легендарным характером ряда известий. Отец Имру-ль-Кайса Амр II правил, согласно наиболее правдоподобной версии у Ибн Хабиба, ат-Табари, аль-Хилли, Ибн Саида и Ибн Халдуна, тридцать лет [19, сер. 1, с. 846; 213, с. 240; 236, с. 272; 238, с. 358; 240, с. 315]. Хамза аль-Исфахани утверждает, что Амр II стоял у власти вдвое больше – шестьдесят лет [67, с. 100], но это кажется скорее преувеличением и искажением исходного текста. Видимо, правление Амра II началось около 339–340 гг.

В том, что Амр II стоял у власти тридцать лет, нет ничего неправдоподобного. Если верна высказанная в Части I гипотеза, Амра II следует отождествить с предводителем сарацин Подосаком, который, согласно Аммиану Марцеллину, долго разорял римские владения. Но сведения о предшественниках Амра носят ярко выраженный легендарный характер. Согласно Хишаму аль-Кальби, Ибн Хабибу, ат-Табари и Хамзе аль-Исфахани, отец Амра II Имру-ль-Кайс I правил сто четырнадцать лет, а основатель династии Амр I – сто восемнадцать лет [19, сер. 1, с. 821, 833; 54, с. 52–53; 67, с. 98, 100; 213, с. 105; 236, с. 271; 238, с. 358; 240, с. 315; 260, с. 210]. При этом Имру-ль-Кайс, как показано в Части I, по-видимому, тождествен царю Имру-ль-Кайсу надписи в ан-Намаре, который умер в римской Сирии 7 декабря 328 г. История Имру-ль-Кайса подробно рассматривается в Части I, но здесь необходимо сказать, что, судя по имеющимся сведениям, он ушёл из Хиры в римские владения. Это очевидное противоречие могло бы поставить перед исследователем неразрешимую задачу. Но, к счастью, мы располагаем некоторыми данными, с помощью которых можно если не решить проблему, то хотя бы приблизиться к этому. По словам Ибн Кутайбы (*Ibn Qutayba*, 828–889), утверждали, что после Амра I правил не Имру-ль-Кайс, а аль-Харис Ибн Амр [233, с. 646]. Аль-Якуби (*al-Ya'qūbī*, ум. в 897/98 г. или после 905 г.) называет в числе лахмидских царей и Имру-ль-Кайса I, и его брата аль-Хариса; первый из них правил 35 лет, второй – 37 [82, с. 238]. Сопоставление этих данных приводит к следующим наблюдениям:

1. Имру-ль-Кайс I на каком-то этапе ушёл в Сирию, но неизменно упоминается в списках лахмидских царей, восходящих к Хишаму аль-Кальби;

2. аль-Харис некоторое время правил, но в этих списках не фигурирует.

Едва ли Хишам аль-Кальби был заинтересован в том, чтобы исключить аль-Хариса из числа лахмидских царей. Более вероятно, что хирские записи были исправлены по приказу Амра II. Он был сыном Имру-ль-Кайса I и, естественно, считал отца законным правителем. Для Амра II время между его собственным воцарением (339–340 гг.) и смертью Амра I было годами правления Имру-ль-Кайса I. Тогда получается, что годы правления Имру-ль-Кайса I и аль-Хариса должны накладываться друг на друга. Если так, мы, отступая от 339–340 гг. на 35 или 37 лет назад, приходим в период 302–305 гг. Видимо, тогда Имру-ль-Кайс I сменил на престоле Амра I. Как показано в Части I, есть основания предполагать, что через какое-то время Имру-ль-Кайс был изгнан, и вместо него стал править аль-Харис.

Если высказанное в предыдущем абзаце предположение верно, то время правления основателя Лакмидской династии Амра I определяется следующим образом. Как показано в Части I, он пришёл к власти, когда в Пальмире фактически правила Зенобия, т.е. между 266/67 и 272 г. Если относить смерть Амра к 302–305 гг., получается, что он стоял у власти более трёх десятилетий. Этот вывод по крайней мере не противоречит рассмотренной в Части I гипотезе о том, что Амр I писал сасанидскому царю Нарсе (293–300). Правда, Ибн Кутайба отводил Амру I 60 с небольшим лет правления, а аль-Якуби – 55 лет [233, с. 646; 82, с. 238]. Однако эти цифры, как и слова Хамзы аль-Исфахани об Амре II, кажутся завышенными и, по крайней мере, трудно согласуются с другими хронологическими указаниями. Их следует считать скорее подтверждением того, что Амр I стоял у власти несколько десятилетий.

На основе изложенного можно предложить следующую – разумеется, во многом гипотетическую – хронологию правления Лакмидов.

Царь	Годы правления
Амр ('Amr) I	Между 266/67 и 272 – между 302 и 305
Имру-ль-Кайс (<i>Imru' al-Qays</i>) I / аль-Харис (<i>al-Ḥārīt</i>)	между 302 и 305 – 339/340
Амр ('Amr) II	339/340 – 369/370
Аус Ибн Каллам (<i>Aws Ibn Qallām</i>)	369/370 – 374/375
Имру-ль-Кайс (<i>Imru' al-Qays</i>) II	374/375 – 399
Ан-Нуман (<i>al-Nu'mān</i>) I	399 – 428/429
Аль-Мунзир (<i>al-Munḍir</i>) I	428/429 – 472/473
Аль-Асуад (<i>al-Aswad</i>)	472/473 – 492/493
Аль-Мунзир (<i>al-Munḍir</i>) II	492/493 – 499/500
Ан-Нуман (<i>al-Nu'mān</i>) II	499/500 – 503
Абу Яфур аз-Зумайли (<i>Abū Ya'fur al-Ḍumaylī</i>)	503 – 505/506
Имру-ль-Кайс (<i>Imru' al-Qays</i>) III	505/506–512/513
Аль-Мунзир (<i>al-Munḍir</i>) III	512/513 – 554
Амр ('Amr) III	554–569
Кабус (<i>Qābūs</i>)	569–573
Не известный по имени <i>шахраб</i>	573–574
Аль-Мунзир (<i>al-Munḍir</i>) IV	574–578
Ийас Ибн Кабиса (<i>Iyās Ibn Qabīṣa</i>)	578–579 (неск. месяцев)
Ан-Нуман (<i>al-Nu'mān</i>) III	579–601

Приевфратские области в древности

Античные и средневековые авторы утверждают, что арабы жили в областях среднего и нижнего течения Евфрата с древних времён. Страбон (род. около 64/63 г. до н.э., ум. ок. 23/24 г. н.э.) повествует, что

«...частями Месопотамии, расположенными к югу и на большем [чем иные] расстоянии от гор, безводными и бедными, владеют арабы-скиниты, которые занимаются разбоем и пастушеством и легко перемещаются в другие места всякий раз, когда больше нет пастбищ или добычи» [154, с. 232].

Слово «скиниты» происходит от *σκηνή* (палатка) и буквально означает «живущие в палатках». Плиний Старший (23–79) объясняет, что скиниты (*Scenitae*)

«называются так из-за палаток из козьей шерсти, которые они разбивают, где им заблагорассудится» [123, с. 446].

О палатках как характерной черте быта арабов-кочевников говорят и мусульманские авторы; с этими фрагментами мы столкнёмся далее.

В географии Страбона арабы-скиниты помещаются на «римской», т.е. западной стороне от Евфрата, но также и за рекой. Это видно по описанию пути из Эдессы и Гираполя в Вавилонию. Путники переправлялись через Евфрат, а затем шли по пустыне; мирные скиниты служили им проводниками. Такой выбор пути помогал избежать поборов, которые вымогали те, кому удавалось утвердиться поблизости от реки и задерживать там купцов. За двадцать пять дней путники добирались до города Скины, расположенного около канала, в восемнадцати схенах,

т.е. приблизительно в ста километрах, от Селевкии [154, с. 234]. Судя по названию и описанию в тексте Страбона, этот город представлял собой большой палаточный лагерь, расположенный недалеко от современного аль-Анбара, где мы увидим арабов и в более поздние времена.

Страбон рассказывает и об арабах, живших в верховьях Евфрата, сообщая, что они разделены на родовые образования (*δυναστεῖαι*) [154, с. 300] и в той или иной мере подчинены Риму или Парфии, хотя те, кто ближе к реке (и, следовательно, дальше от городов и крепостей с войсками) более независимы [154, с. 236]. Вероятно, сходным образом обстояли дела и в областях, расположенных ниже по течению Евфрата.

Сведения о положении дел в южном течении Евфрата мы черпаем главным образом из «Естественной истории» Плиния Старшего. Этот автор сообщает, что в приевфратских частях области Харакса³⁰ действуют разбойники-атталы³¹, которых он считает арабами (*Arabum gens*). За атталами в описании Плиния помещаются кочевники-скиниты [123, с. 432]. В другом фрагменте, посвящённом той же области, сообщается, что путники, направлявшиеся

³⁰ Имеется в виду Спасинов Харакс – столица царства Месена (в источниках также Харакина, Харацена, Майшан и Майсан), названная так по имени отстроившего её царя Спасина (или Испасина), сына Сагдодонака. Плиний называет Спасина правителем живших поблизости арабов [123, с. 442]. Династия, основанная Спасином, известна по монетам и ряду упоминаний в повествовательных источниках, но по сохранившимся сведениям её трудно считать арабской. История этой династии заслуживает отдельного исследования и не входит в предмет настоящей работы.

³¹ Естественно сближать этих атталов Плиния с аттаями (*Ἀτταῖοι*) Клавдия Птолемея (род. ок. 87 г., ум. после 150 г.) [35, с. 101]. В этом отношении напрашивается аналогия с арабским племенем *Таййи* (*Ṭayyī*), которое не раз будет упомянуто ниже. Латинское и греческое названия, приводимые нами, происходят, кажется, от арабской формы с определённым артиклем *al-ṭā'ī* (таййит). Необходимо, впрочем, учитывать, что речь может идти не обо всех таййитах, а только о части племени, ушедшей на северо-восток.

из Парфии в сторону моря (т.е. Персидского залива) водным путём, после слияния Евфрата и Тигра достигают селения Тередон, причём левый (т.е. восточный) берег реки занимают халдеи, а правый – скиниты [123, с. 448].

Насколько можно судить по мусульманской литературе, историческая память арабов сохранила воспоминания о том, что в уже древности они расселились в приевфратских областях. В «Книге хирцев», судя по её переложениям у ат-Табари и в «Сокращённом изложении церковной истории», говорилось, что арабы жили около Евфрата ещё во времена Навуходоносора, который поселил их в Хире. Впоследствии Хира была разрушена, а арабы переселились в аль-Анбар. Они принадлежали к северным арабам – аднанитам, т.е. потомкам Аднана (*ʿAdnān*) [19, сер. 1, с. 744–745; 253, с. 137].

Танухиты

В указанных источниках мы находим далее предания о переселении в Ирак племён, составивших впоследствии население Лахмидского государства. Согласно им некоторые арабские племена переселились на северо-восток Аравийского полуострова, в область Бахрейна. Первыми называются аздиты – часть племенного объединения аль-Азд, относившегося к южным арабам – кахтанитам, т.е. потомкам Кахтана (*Qaḥṭān*). Далее сообщается, что из Тихамы выступили арабы из племени Бану Асад Ибн Уабара (*Banū Asad Ibn Wabara*), принадлежавшему к объединению племён Кудaa (*Qudāʿa*)³², во главе с Маликом (*Mālik*)

³² Происхождение кудaa ещё в Средние века считалось спорным. Некоторые авторитетные учёные, в частности, Хишам аль-Кальби, считали, что кудaa принадлежат к кахтанитам [233, с. 103; 260, с. 551]. Между тем в передаче аль-Бакри до нас дошло принадлежащее Ибн Хишаму сообщение о том, что Кудaa (*Qudāʿa*), прародитель кудайтов, был сыном Маадда (*Maʿadd*) и внуком Аднана [188, с. 17]. По словам Ибн Хишама, сами кудайты и йеменцы

и Амром (*ʿAmr*), сыновьями Факма Ибн Таймиллаха (*Fahm Ibn Taym Allāh*), а также Маликом Ибн Зухайром (*Mālik Ibn Zuhayr*) – внуком Амра³³. К ним примкнули некоторые племена аднанитов, в частности – те, которые принадлежали к объединению Бану Ййад (*Banū Iyād*). Переселенцы двигались на север и осели в области Бахрейна³⁴, где по договорённости между собой объединились в единый народ, получивший название Танух (*Tanūh*)³⁵. К ним присоединились некоторые арабы из кахтанитских племён, в частности – из племени Нумара (*Numāra*), принадлежавшего к объединению Лахм [19, сер. 1, с. 745–746; 253, с. 137].

Некоторые дополнения к этому рассказу содержатся в «Книге песен» Абу-ль-Фараджа аль-Исфхани. По его словам, кудайты потерпели поражение в борьбе с адна-

относили кудаа к южным арабам. Но там же Ибн Хишам приводит мнение Ибн Исхака (*Ibn Ishāq*, ум. в 767 г.), согласно которому Кудаа, прародитель кудайтов, был сыном Маадда и внуком Аднана. Далее, видимо, опять-таки с опорой на мнение Ибн Исхака, утверждается, что кудаа присоединились к йеменцам (*ayāmanat*) впоследствии [242, т. 1, с. 28]. Очень похожую точку зрения высказывает более поздний испано-мусульманский автор Ибн Абди-ль-Барр (*Ibn ʿAbd al-Barr*, ум. в 1070/71 г.). По его словам, большинство мусульманских учёных причисляют кудайтов к северным арабам-аднанитам. Так считали и изначально, но в 80-е гг. VII в. кудайты вступили в союз с йеменскими арабами и стали причислять себя к ним [225, с. 59–61].

³³ Кудайтов Бану Асад Ибн Уабара (об их родословной см. 260, с. 644, 646) следует отличать от аднанитов Бану Асад Ибн Хузайма, о которых речь пойдёт ниже. Заметим, что в источнике, на который сделана ссылка, имя отца Факма – не Таймуллах, а Таймуллат (*Taym al-Lāt*).

³⁴ Название «область Бахрейна» применяется в связи с тем, что средневековый Бахрейн был не тождествен современному и охватывал весь аравийский берег Персидского залива («от Басры до Омана» мусульманских географов) [188, с. 228; 264, т. 1, с. 347].

³⁵ От арабского корня *t.n.ḥ* – «встать на стоянку». Хишам аль-Кальби объясняет слово *tanūh* как *miqām* (стоянка) [260, с. 646]. Вероятнее всего первоначально такое название значило «стоящие на одной стоянке».

нитами и отступили. Некоторые племена из крупнейших кудаитских объединений Бану Асад Ибн Уабара и Бану Кальб Ибн Уабара (*Banū Kalb Ibn Wabara*), а также часть кахтанитского племенного объединения ашаритов (*al-Aṣʿariyyūn*) двинулись в область Бахрейна. Придя туда, они победили живших там набатеев³⁶ и объединились в новую общность, которая получила название *танух*. К ним присоединились и некоторые аздиты [172, ч. 11, с. 155].

В этих рассказах есть как реальные, так и легендарные элементы. Реальным можно считать сам факт переселения и его маршрут: через области Бахрейна арабы попали в Ирак и позднее. Легендарными кажутся сведения о происхождении названия *танух*. На деле оно появилось намного раньше. О танухитах упоминает уже Клавдий Птолемей, который знает их как фануитов (*φανούιται*). В географии Птолемея танухиты помещаются на юг Аравийского полуострова, в соседство с кахтанитами [35, с. 103].

Судя по сведениям мусульманских авторов, племена, составившие союз танухитов, намеревались не оставаться в области Бахрейна, а идти далее в поисках лучших мест. Согласно некоторым рассказам танухиты прожили в области Бахрейна всего два года, после чего начали переселяться в Ирак [172, ч. 11, с. 156; 188, с. 23]. Мусульманские авторы говорят о двух переселениях. Если

³⁶ Набатеями арабы часто называли людей, говоривших на сирийском языке. Аль-Масуди упоминает о «сирийцах» (*al-sūryāniyyūn*, т.е. людях, говоривших по-сирийски), «которые суть халдеи (*al-kaldāniyyūn*); они именуются *sūryān*, их язык – сирийский (*sūriyya*). Арабы называют их набатеями» [93, с. 177]. Так называлось и сирязычное население южного Ирака. Хороший пример этого – одно высказывание Хишама аль-Кальби, где он перечисляет не-арабов (*ʿulūḡ*). Согласно ему, неарабы Египта – копты, Месопотамии – гармайцы (жители области Бет Гармай, т.е. района современного Киркука), Савада – набатеи [227, с. 93]. В данном случае, видимо, эти «набатеи» идентичны халдеям Плиния.

следовать их рассказам, первыми выступили арабы-мааддиты³⁷, к которым присоединились люди из различных племён; их предводителем был аль-Хайкар Ибн аль-Хайк³⁸. Мааддиты воевали с удельными царями, правившими от Ниппура (ар. *Niffar*) до Убуллы. Видимо, из этого можно заключить, что мааддиты попытались закрепиться за Евфратом. Однако в конце концов они были вынуждены уйти обратно за реку и присоединиться к арабам, поселившимся в областях аль-Анбара и Хиры.

Затем в Ирак двинулись остальные танухиты. Ат-Табари сообщает, что Малик и Амр (сыновья Фахма), а также Малик Ибн Зухайр дошли до аль-Анбара. Далее утверждается, что Малик Ибн Фахм жил в аль-Анбаре, и после его смерти к власти пришёл его брат Амр. Однако несколько ранее ат-Табари приводит и другой рассказ, по которому Малик и Амр со своими людьми, а также племена Намара (*Namāra*) и Наджда (*Nağda*)³⁹ с разрешения одного из удельных правителей поселились в Хире. Эту линию повествования продолжает Ибн Дурайд (*Ibn Durayd*, 835/36 – 933), по словам которого, переселившиеся племена осели в Хире. Правителем кудаитов был Малик Ибн Фахм, однако через какое-то время его убил собственный сын по имени *سليمة*, т.е. Салима (или Сулайма)⁴⁰.

³⁷ Т.е. потомки Маадда (*Ma'add*), сына Аднана. К ним относилось подавляющее большинство аднанитов.

³⁸ В арабском написании – *الحيقار ابن الحيق*. Встречается также написание *الحيقان ابن الحيق*, т.е. аль-Хайкан Ибн аль-Хайн.

³⁹ Это племя в источнике причисляется к амалекитам. О том, кем были амалекиты для мусульманских авторов, см. прим. 272 и Часть II.

⁴⁰ Приведённый рассказ представляет собой объединённую версию, восстановленную путём сопоставления известий ряда источников [19, сер. 1, с. 748–750; 172, ч. 11, с. 156; 188, с. 52; 231, с. 542; 253, с. 137–138; 264, т. 2, с. 330].

Царь Джазима

На этом этапе на арену выходит первый в истории арабов Хиры деятель, имя которого встречается не только в арабских преданиях – Джазима Ибн Малик (*Ġaḏīma Ibn Mālik*). Согласно «Книге хирцев» он принадлежал к кахтанитам из племенного объединения аль-Азд (*al-Azd*) и присоединился к кудаитам в области Бахрейна; Малик Ибн Фахм выдал за него свою сестру Ламис (*Lāmis*) [19, сер. 1, с. 746; 253, с. 137]. Далее сообщается, что после смерти Амра правителем стал Джазима [19, сер. 1, с. 750; 253, с. 139]. В других источниках Джазима предстаёт как преемник своего отца, который тоже именовался Малик Ибн Фахм [82, т. 1, с. 236–237; 107, т. 3, с. 182; 149, с. 196; 233, с. 645]. Интересен рассказ Хамзы аль-Исфахани, согласно которому в одно и то же время жили два предводителя переселявшихся арабов с одинаковыми именами Малик Ибн Фахм; один был аздитом, другой – кудаитом. Ведомые ими арабы создали союз племён Танух (*Tanūh*) и стали переселяться на северо-запад. Первыми выступили аздиты, затем – кудаиты, которые со своим вождём Маликом Ибн Фахмом ушли дальше в Сирию. Предводителем танухитов Ирака оставался Малик Ибн Фахм аль-Азди; он пребывал в аль-Анбаре и правил до тех пор, пока его сын, который и здесь носит имя *سليمة*, убил его стрелой, обознавшись. Следующим правителем называется Джазима [67, с. 94–95].

Обратим внимание на расхождения в источниках относительно убийства Малика Ибн Фахма. У Ибн Дурайда речь идёт о кудаите, у Хамзы аль-Исфахани – об аздите. Решить, чья передача исходного сообщения вернее, можно на основании сведений Хишама аль-Кальби о родословных арабов. В нём упомянуты два человека по имени Малик Ибн Фахм, кудаит и аздит. При этом Салима (Сулайма) – сын аздитского Малика, то есть брат Джазимы, и в то же время – основатель собственного рода; названо несколько его сыновей. Напротив, среди сыновей кудаитского Малика

человек с таким именем не упоминается [260, с. 488, 644]. Поэтому в Салиме (Сулайме) правомернее видеть аздита. В любом случае, сообщения Хишама аль-Кальби свидетельствуют в пользу рассказа о двух Маликах.

Джазима известен не только по преданиям. В пользу реальности этого исторического персонажа говорит двуязычная (с греческим и набатейским текстами) надгробная надпись в Умм аль-Джималь в Иордании (недалеко от границы с Сирией), принадлежащая Фихру, сыну Суллая (или Шуллая)⁴¹, воспитателю Гадимата, царя танухитов [40, с. 122; 64, с. 197; 105, с. 138–139]. Уже первооткрыватель греческого текста Э. Литтманн (*E. Littmann*) вместе с другим исследователем ближневосточных надписей, М. Лидзбарским (*M. Lidzbarski*), пришёл к выводу о том, что «царь танухитов Гадимат» – Джазима Ибн Малик [105, с. 139]⁴². Нам неизвестен никакой другой правитель танухитов по имени Джазима, вследствие чего остаётся только представленное выше отождествление. Довод против можно видеть в том, что непонятно, каким образом надпись воспитателя царя танухитов оказалась в Сирии, а не в Ираке. Но само по себе это не означает необходимости отвергнуть данное отождествление. Гипотеза относительно того, почему надпись была выполнена в Сирии, представлена далее.

⁴¹ *Phrw br šly* набатейского текста, *Φερου Σολλεου* (в родительном падеже) греческого. Имя Суллая (Шуллая) практически не встречается в арабоязычных источниках, однако в кудайтском племени Бану Джарм мы находим некоего аль-Хариса (*al-Ḥārīṭ*); его звали также Суллá (*Sullā*), и от него происходил род Бану Суллá [239, с. 422]. Разумеется, прямое отождествление Суллая надписи с аль-Харисом Суллá вряд ли правомерно, однако заслуживает внимание то, что это редкое имя встречается именно у Бану Джарм. К тому же племени принадлежал Амр Ибн Абди-ль-Джинн, которого Джазима впоследствии назначил командовать войском.

⁴² Для русскоязычного читателя формы *Гадимат* и *Джазима* сильно различаются, но необходимо иметь в виду, что *g* северных семитских языков у арабов соответствует *дж*, а *з* в *Джазима* представляет собой не *з*, похожее на русское, а межзубный звук, подобный английскому *th* в словах *this* или *that*; в арабском он нередко передаёт *д* других языков.

В арабских сказаниях Джазима предстаёт могущественным правителем. Среди подвластных ему земель называются области Хиры, аль-Анбара, Бакки⁴³, Хита и Айн Тамра; сообщается также, что он правил и сопредельными областями вплоть до аль-Гумайра⁴⁴, аль-Куткутаны⁴⁵ и Хафийи [19, сер. 1, с. 750; 67, с. 96; 172, ч. 14, с. 71; 213, с. 99–100]. На северо-западе он боролся с теми ийадитами, которые, согласно Хишаму аль-Кальби, осели в Айн Убаге на Евфрате [19, сер. 1, с. 752; 82, с. 237; 190, с. 26]⁴⁶. Кроме того, мы читаем в источниках, что Джазима действовал как пророк и прорицатель (*tanabba'a wa takahhana*) и установил двух идолов, которых арабы называли «двумя дай-зан-ами» (*dayzanān*) [19, сер. 1, с. 752; 82, с. 237; 213, с. 99; 253, с. 139]. Однако эти сообщения кратки и отрывочны, в связи с чем трудно определить, отражают они только состояние души Джазимы или же за ними стоят какие-то политические мотивы – например, стремление к созданию нового культового центра и т.п.

Хронологические рамки правления Джазимы можно представить себе лишь приблизительно. Как будет показано далее, Джазима жил в одно время со знаменитой царицей Пальмиры Зенобией, т.е. в 60-е – начале 70-х гг. III в. Мусульманские авторы приписывают Джазиме очень длинные (подчас – неправдоподобно) сроки правления – 60 лет [54, с. 52; 67, с. 97] или даже 120 лет [231, с. 543]. Если считать, что это – пусть и преувеличенное, но всё же указание на довольно долгое правление, Джазима должен был прийти к власти самое раннее в середине III в.

⁴³ О Бакке см. прим. 51.

⁴⁴ Вероятно, имеется в виду не аль-Гумайр (الغدير) в Аравии, а аль-Укайр (العقير), расположенный в области Бахрейна, неподалёку от её центра – Хаджара.

⁴⁵ Совр. Тактакана.

⁴⁶ О Бану Ийад см. прим. 115.

Наступление Сасанидов

К тому времени в Месопотамии произошли значительные изменения. Против парфянской династии Аршакидов, владевшей Месопотамией, выступили персидские Сасаниды. В 225 г. последний парфянский царь Артабан IV проиграл основателю сасанидской династии Ардаширу I решающее сражение при Хормуздагане (в области Неха-венда) и погиб в битве. Сын Артабана был казнён персами в Ктесифоне. На смену парфянской державе пришла, таким образом, сасанидская, которая вскоре начала утверждаться и в приевфратских областях.

Столкнувшись при этом с арабами, Сасаниды развернули на них наступление. Для настоящего исследования наиболее интересны следующие известия.

Согласно трактату «Города Иранской страны», Ардашир I поставил своего наместника (*марзбан-а*) в неназванный «город арабов», который, по всей вероятности, следует отождествить с Хирой⁴⁷.

По сообщениям, восходящим к «Книге хирцев», после того, как Ардашир I овладел Ираком, многие танухиты не пожелали ему подчиняться. Кудаиты ушли в Сирию к своим ранее осевшим там соплеменникам, однако столкнулись с противодействием местных арабов, вследствие чего некоторые вернулись в Ирак. В итоге в Ираке сложились три группы арабов: танухиты, жившие по западному берегу Евфрата между Хирой и аль-Анбаром в палатках и шатрах из шерсти и шкур (как в описании Плиния)⁴⁸, *'ibād*,

⁴⁷ См. Приложение 1.

⁴⁸ Об этих танухитах нам известно очень мало. Согласно Ибн Саиду, который ссылается на аль-Байхаки, у танухитов был свой царь, который сидел в Айн ат-Тамре (примерно в 105 км к северо-западу от Хиры) и воевал с Лахмидами. Впоследствии танухиты оставили Айн ат-Тамр и рассеялись по землям кудаитов [236, с. 177]. Другой поздний автор, аль-Умари, упоминает в одном месте о войнах танухитов с Лахмидами [208, ч. 4, с. 132]. В источниках не указывается, к какому времени относятся эти сведения. Судя по тому,

поселившиеся в Хире и подчинившиеся Ардаширу, а также *aḥlāf*, которые не принадлежали к *'ibād*, но примкнули к ним и осели в Хире [19, сер. 1, с. 821; 67, с. 97–98; 253, с. 138; 264, т. 2, с. 330]⁴⁹.

По другим известиям, Шапур Старший напал на пришедших из области Бахрейна танухитов и победил их в войне. Танухиты в большинстве своём ушли в город аль-Хадр, как мусульманские авторы называют Хатру. Оставшиеся были поставлены перед выбором – подчиниться Сасанидам или тоже уйти – и выбрали второе. Они ушли в Сирию, где, однако, им пришлось воевать с жившими там племенами [172, ч. 11, с. 156; 188, с. 24] – видимо, за места обитания.

Правители Хатры, судя по дошедшим до нас сведениям, относились к арабам благосклонно. Однако в начале 241 г. Хатра была взята сасанидскими войсками, после чего попытки укрываться там от персов потеряли смысл. Стало быть, наступление Сасанидов относится к периоду между 225 и 241 г. Упоминание Абу-ль-Фараджа о Шапуре Старшем, т.е. о Шапуре I, сыне и преемнике Ардашира I, не должно вводить в заблуждение. Шапур командовал сасанидскими войсками ещё при жизни отца. Он участвовал в битве при Хормуздагане и, уже в качестве престолонаследника, в походе на Хатру. Вполне вероятно, что в правление Ардашира и по его поручению он предпринял и поход против арабов.

С именем Шапура I связаны ещё два рассказа о рассматриваемых событиях. В трактате «Города Иранской страны» сообщается, что Шапур, сын Ардашира, построил город Хиру и назначил некоего Михрзада, не известного

что предания о более поздних временах не донесли до нас никаких воспоминаний об этих столкновениях, речь может идти о довольно ранних событиях. Как закончилась история этого государства со столицей в Айн ат-Тамре – неизвестно. Можно предполагать, что уход танухитов из Айн ат-Тамра объясняется установлением над ним власти Лахмидов.

⁴⁹ Об этих названиях см. Часть II.

по другим источникам, *марзбан*-ом, командующим войсками *досар* и *боргаль*, в «город арабов»⁵⁰. Примечательно, что для автора «Городов Иранской страны» строителем Хиры является именно Шапур I. Если исходить из логики, можно предположить, что Шапур, желая упрочить власть Сасанидов над Хирой, воздвиг какие-то постройки для наместника и воинов. Однако отсутствие в источниках каких бы то ни было сведений об этом не даёт возможности идти далее предположений.

Якут приводит нигде более не встречающееся известие о том, что Шапур лично искал место для крепости, чтобы защитить Савад (здесь – южную часть Месопотамии) от ромеев. Ему понравилось одно место, но там было поселение арабов. Тогда Шапур переселил арабов в Бакку и аль-Укайр⁵¹ и построил на выбранном месте укрепленный город, получивший название Пероз-Шапур. Наместником Шапур решил назначить того, кто изловит для него самца из стада газелей. Человек, имя которого, по всей вероятности, было Шир Фаррохзадан⁵², пребывал в заключении

⁵⁰ Это известие разбирается в Приложении 1 (Фрагмент 1). О войсках *досар* и *боргаль* см. Часть II.

⁵¹ Бакка – крепость на Евфрате, расположенная немного ниже по течению, чем Хит [39, с. 4]. Поскольку аль-Укайр, как показано в прим. 44, находился в области Бахрейна, можно заключить, что Шапур I разделил арабов, отправив часть из них на северо-запад, а других – на юго-восток.

⁵² В арабском тексте источника – *شيلي بن فرخزادان*. Поскольку в арабских рукописях диакритические знаки нередко теряются, можно предполагать, что первым словом было не *شيلي*, а *شيلي*, т.е. имя следует читать как *Šīlī bin Farruḥzādān*. Если считать, что данный рассказ представляет собой переложение какого-то среднеперсидского известия (что кажется вполне вероятным), можно представить себе, что в последнем рассматриваемое имя было написано как *Šīr i Farroḥzādān*. Далее, поскольку звуки *l* и *r* в среднеперсидском языке в большинстве случаев передавались одной и той же графемой, можно предложить следующую реконструкцию: *شيلي* → *شيلي* → *شيلي* (*Šīr i – Šīlī – Šīlā*). То, что человек, переложивший среднеперсидское известие на арабский язык, не очень хорошо представлял себе, как

за какой-то проступок по отношению к царю, но благодаря протекции при дворе был освобождён и впоследствии выполнил поставленное условие. Шапур назначил его *марзбан*-ом; ему была вверена оборона земель, орошаемых Евфратом [264, т. 4, с. 283].

В сообщении ас-Сули речь идёт об аль-Анбаре. Первоначально он именовался Мисихи, но после состоявшегося в 244 г. сражения с войсками римского императора Гордиана III (238–244), которое Шапур I, тогда уже царь, считал выигранным, получил название Пероз-Шапур (победоносный Шапур). Следовательно, известие ас-Сули относится приблизительно к этому периоду. Мы, к сожалению, не располагаем подробными рассказами о других поселениях или крепостях, но и по приведённым известиям видно, что уже к 40-м гг. III в. Сасаниды прочно закрепились на Евфрате, в том числе и там, где были поселения арабов: в аль-Анбаре и, вероятно, в Хире.

Эти известия следует рассмотреть вкупе с изложенными выше сведениями о Джазиме и танухитах. Обращает на себя внимание то, что в некоторых рассказах часть кудаитов переселяется в римскую Сирию. В одном из преданий кудаиты уходят вместе со своим вождём Маликом Ибн Фахмом. Видимо, имело место значительное переселение. Уход части кудаитов объясняет, кажется, тот факт, что главной силой среди арабов, живших к западу от нижнего течения Евфрата, стали аздиты, вождём которых на определённом этапе сделался Джазима. Это перемещение центра силы было, по-видимому, мирным и, во всяком случае, не сопровождалось ни истреблением кудаитов, ни их изгнанием. Хишам аль-Кальби сообщает, что среди потомков кудаитского Малика Ибн Фахма был

следует передавать иранские имена, видно из употребления слова *Фаррохзадан*. Слово *Фаррохзадан* само по себе означает «сын Фаррохзада», однако арабоязычные авторы, не зная этого, нередко ставили перед такими формами слово *ибн* (сын).

род Бану-с-Сáты (*Banū al-Sāṭi'*), живший в Хире [260, с. 644]. Как будет показано в Части II, Бану-с-Сáты оставались в Хире до самого конца правления Лахмидов, а вероятно – жили там и далее.

О взаимоотношениях Джазимы и Сасанидов источники сообщают очень мало. Отдельные авторы утверждают, что Ардашир поставил Джазиму править арабами [149, с. 196; 182, ч. 1, с. 190]. Это кажется вполне возможным. В состав державы Аршакидов входило немало государств, которые мы назвали бы удельными княжествами; их правители, называемые в источниках на среднеперсидском языке *kadagh(w)adāyān*, а на арабском – *mulūk al-ṭawā'if* (и то и другое переводится как «правители уделов»), признавали верховную власть парфянского царя. По источникам мы знаем, что Ардашир I, борясь за объединение Ирана под своей властью, не сразу начинал военные действия против них. Этому предшествовало направление письма с предложением подчиниться добровольно. За теми, кто подчинялся, Ардашир сохранял прежние титулы⁵³. Видимо, нечто подобное произошло и с арабскими племенами и их вождями. В пользу этого свидетельствуют появление на исторической арене *ʿibād* – арабов Хиры, подчинившихся Ардаширу (подробно о них – в Части II), а также вся последующая история Лахмидов, которые вплоть до самого конца существования династии были проводниками политики Сасанидов среди арабов.

Джазима и Зенобия Пальмирская

Не распространяясь об отношениях Джазимы с Сасанидами, мусульманские авторы подробно рассказывают историю его гибели. Согласно их сообщениям, Джазима воевал с царём Сирии и Месопотамии (в другом варианте – правителем арабов Месопотамии и восточной Сирии)

⁵³ Этот вопрос раскрыт в «Хосрове» [3, с. 90, 421].

по имени Амр Ибн Зариб Ибн Хассан Ибн Узайна (*ʿAmr Ibn Zarīb Ibn Ḥassān Ibn Uḡayna*). Их борьба завершилась победой Джазимы и гибелью Амра. Последнего сменила на престоле его дочь аз-Заббá (*al-Zabbāʾ*; утверждали, впрочем, что аз-Заббá – её прозвище, тогда как настоящим именем было Нáиля (*Nāʾila*)), которая в источниках предстаёт то как румийка, то как амалекитка, то как женщина из области Бет Гармай, владевшая арабским языком. По одному рассказу, она правила от имени римлян, т.е. как их наместница. Аз-Заббá лично водила войска в походы и готова была воевать с Джазимой, но по совету сестры решила действовать с помощью хитрости. Она написала Джазиме, предлагая ему приехать и жениться на ней, соединив таким образом их царства. Джазима принял предложение и явился к ней, но был схвачен и убит. За Джазиму отомстил сын его сестры Амр Ибн Ади (*ʿAmr Ibn ʿAdī*): пробравшись с помощью хитрости в замок аз-Заббá, он убил её [19, сер. 1, с. 757–761; 67, с. 96–97; 107, т. 3, с. 189–198; 149, с. 198–199; 172, ч. 14, с. 71–73; 182, ч. 1, с. 190–191; 184, с. 717–729; 199, с. 233–237; 207, с. 64–66; 257, с. 301].

Едва ли подлежит сомнению общепринятое отождествление аз-Заббá мусульманских авторов с Зенобией Пальмирской. В пользу этого говорит целый ряд очевидных параллелей. В пальмирских надписях Зенобия именуется Септимия Бат-Забай (*sptymyʾ btzby*, т.е. Септимия, дочь Забая) [36, с. 292; 45, с. 74, 77; 71, с. 70 (надпись PAT 0293), 74 (надпись PAT 0317)], что очевидно близко к арабскому *al-Zabbāʾ*⁵⁴. Согласно пересказам известий Хишама аль-Кальби, аз-Заббá зимовала во дворце, построенном ей на

⁵⁴ По-арабски *al-Zabbāʾ* буквально означает «волосатая», однако эта форма является скорее звукоподражательной и пародийной. Сходным образом в более поздние времена испано-мусульманские авторы именовали португальского короля Афонсу I, сына Энрике (Афонсу Энрикеш, правил в 1139–1185 гг.) не *Ibn Anriq*, а *Ibn al-riq* (буквально – «сын слюны»).

Евфрате, а затем уезжала в Пальмиру [19, сер. 1, с. 757; 184, с. 720]. О построенном Зенобией городе на Евфрате упоминает Прокопий Кесарийский [125, с. 294–297]. Правда, Зенобия была преемницей не отца, а мужа, пальмирского царя Одената, но и некоторые мусульманские авторы имели о ней верные сведения: по словам Ибн Кутайбы, аз-Заббá была дочерью царя, но правила после смерти мужа [233, с. 646].

На основании дошедших до нас сведений о Зенобии легко объяснить различия в представлениях мусульманских авторов об аз-Заббá. Само имя Септимия Бат-Забай состоит из латинской (Септимия) и семитской (Бат-Забай) частей. Зенобия надиктовала письмо римскому императору Аврелиану (270–275) по-арамейски [160, т. 3, с. 248–249], но умела говорить на латыни и по-коптски [160, т. 3, с. 140–141], держала при себе учителя греческого языка [160, т. 3, с. 252–253]. От сыновей она требовала изучения латыни, причём те уже говорили, хотя и не без труда, по-гречески [160, т. 3, с. 140–141]. Пирь Зенобии напоминали пирь персидских царей, но в части придворного ритуала она немало позаимствовала у римских императоров [160, т. 3, с. 138–139]. Неудивительно, что среди арабов, судивших о Зенобии по внешним наблюдениям, ходили самые разные слухи о её происхождении.

Известия мусульманских авторов о войне между Джазимой и Амром, отцом аз-Заббá, тоже не кажутся невероятными. Пальмирские войска уже давно стояли в приевфратских местностях. Известна относящаяся к 132 г. надпись пальмирца Убайда, сына Анима (*'bydw br 'nmw*), в которой он сообщает, что был конником в Хирте (*hyrt'*) и лагере в Ане (*mšryt' dy 'n'*) [71, с. 75 (надпись PAT 0319), 365; 104, с. 70]. Слово *hīrtā* в сирийском языке означает «лагерь», вследствие чего нельзя утверждать, что речь идёт о будущей столице Лахмидов. Крепость Ана, известная также как Аната, была одним из самых дальних

римских форпостов на Евфрате; она упоминается в накш-и-рустамской надписи Шапура I как первый город, взятый царём во время похода в Сирию и Малую Азию 251 г. [110, с. 308–309; 142, с. 15]. Прадедом Амра называется Узайна (ар. *Uḏayna*), как в арабском языке скорее всего именовался бы Оденат. Возможно, Амр, о котором повествуют мусульманские авторы, принадлежал к правящему роду Пальмиры.

Нетрудно представить себе, что интересы Джазимы, стремившегося, как мы видели, к консолидации своей власти, и правителей Пальмиры пересеклись в среднем течении Евфрата. Более того, середина III в. прошла под знаком острого противоборства между Римом и Сасанидской державой. В 260 г. Шапур I захватил в плен императора Валериана (253–260), вслед за чем сасанидские войска вновь вторглись в Малую Азию. Видя успехи персов, Оденат счёл, что они одерживают верх над римлянами, и послал Шапуру письмо с приветствиями и дары. Но Шапур порвал письмо, велел выбросить дары в реку и ответил Оденату, что ему, рабу, не пристало так отвечать своему господину, и, если он хочет более лёгкого наказания, он должен приехать и пасть ниц перед сасанидским царём [42, с. 134].

Этот эпизод нуждается в отдельном рассмотрении, так как иллюстрирует обычаи внешней политики описываемого времени. Шапур, очевидно, не считал Одената, признававшего над собой верховную власть Рима и потому не свободного в своих решениях, достойным контрагентом. Для сасанидского царя Оденат был слугой, который решил сменить господина, но сделал это в неподходящее время, так как перейти на сторону Сасанидов требовалось не после их победы над Валерианом, а раньше. В глазах Шапура такой человек в принципе не имел права писать ему или посылать дары как равный равному; такой поступок, исходивший от слуги, был для сасанидского царя

оскорблением. Именно этим объясняется, кажется, столь резкий ответ Шапура, хотя современному читателю он может показаться неоправданно высокомерным.

Получив такой ответ, Оденат начал войну против Шапура. В период 260–264 гг. он разбил сасанидские войска, шедшие на Евфратисию, овладел сданными ему местными жителями Каррами и Нисибинном, которые тогда находились под властью Шапура, и дважды стоял под Ктесифоном. Взять сасанидскую столицу ему не удалось, но в источниках мы читаем, что Оденат нанёс персам большие потери. Видимыми свидетельствами побед Одената были пленные сасанидские сановники, отосланные римскому императору Галлиену (соправитель Валериана в 253–260 гг., император в 260–268 гг.), а также захваченные сокровища и наложницы Шапура, которых правитель Пальмиры отдал своему старшему сыну и официальному наследнику Иродиану [59, с. 716; 160, т. 3, с. 6–7, 36–37, 40–41, 104–105, 108–109; 170, с. 36–37].

Согласно одному из источников, на которых мы здесь основываемся, приписываемой Требеллию Поллиону истории «двух Галлиенов», для защиты Ктесифона собрались наместники всех областей [160, т. 3, с. 36–37]. Можно предположить, что Шапур призвал на помощь и подчинённых ему арабов – тем более, что те могли, поднявшись вверх по течению Евфрата, нанести удар по самой Пальмире и соседним с ней областям. Возможно, какой-то удачный рейд на одну из приевфратских крепостей, в ходе которого погиб пальмирский военачальник, лёг в основу рассказа о том, что Джазима погубил отца аз-Заббá.

Разбив сасанидское войско в Сирии, Оденат принял персидский титул «царя царей»⁵⁵. Это должно было озна-

⁵⁵ Известна пальмирская надпись, согласно которой старший сын Одената Септимий Иродиан, царь царей, снискал царскую власть при Оронте, победив персов [45, с. 67; 56, с. 255]. Этот Иродиан, по-видимому, тождествен Ироду, который упоминается

чать, что Оденат, победив войска сасанидского царя, перенял у него величие и стал равным ему; кроме того, это несомненно добавляло легитимности его действиям. Наряду с этим источники сообщают, что император Галлиен присвоил Оденату титул «стратига всего Востока» – после разгрома персов в Сирии [59, с. 716] или похода на Ктесифон [85, с. 146]. Но, хотя Оденат не только отбросил назад персов, но и помог Галлиену в борьбе с некоторыми претендентами на престол, отношения между ним и императором были неоднозначными. В источниках мы читаем, что Оденат угрожал Риму войной [160, т. 3, с. 26–27], разбил направленное против персов римское войско [160, т. 2, с. 44–45], и что Галлиен, выступив против персов, сражался и с Оденатом и даже убил его [84, с. 298]. Затем, однако, Галлиен замирился с Оденатом [160, т. 3, с. 62–63].

Оденат погиб в 266/267 г.⁵⁶ от руки племянника. Вместе с ним был убит и Иродиан. Это убийство получает в источниках очень разные объяснения – от личной обиды [85, с. 146] до заговора, устроенного по приказу Галлиена [52, с. 599]. Ходили слухи, что к заговору была причастна Зенобия, которая не принимала назначение наследником престола Ирода (Иродиана), рождённого не ей, а прежней женой Одената [160, т. 3, с. 106–107].

в истории «тридцати тиранов», приписываемой Требеллию Поллиону [160, с. 106–107]. Логично считать, что, если такой титул принял сын и престолонаследник при живом отце-правителе, он был и у последнего. В надписях, выполненных после гибели Одената, он фигурирует как «царь царей» [36, с. 290; 56, с. 256; 71, с. 70 (надпись РАТ 0292), с. 74 (надпись РАТ 0317)]. Вероятно, эти сведения следует сближать со встречающимся в приписываемой Требеллию Поллиону истории «тридцати тиранов» известием о том, что Оденат, выступая против Шапура, принял царский титул (*nomen regale*) [160, т. 3, с. 104–105].

⁵⁶ Эта дата основана на том, что на монетах и медальонах его преемника Вахб-Аллата (Вабаллата римских авторов) четвёртый год его правления отождествляется с первым годом царствования императора Аврелиана [98, с. 113; 168, с. 601–602].

Новым правителем Пальмиры был объявлен сын Зенобии Вахб-Аллат, который также официально носил титул «царя царей» [45, с. 74; 71, с. 74 (надпись *PAT 0317*)]. Реальная власть, однако, принадлежала Зенобии. Вскоре начался конфликт с Римом. В правление преемника Галлиена императора Клавдия (268–270) войска Зенобии захватили провинцию *Arabia* (земли к югу от Дамаска, до Синая и Мадаин Салих), при чём погиб римский полководец Трасс [84, с. 299]. Вслед за этим, на рубеже царствований Клавдия и Аврелиана (270–275) пальмирцы подчинили Египет⁵⁷. Власть Зенобии распространилась на Сирию и часть Малой Азии до Анкиры [170, с. 44]. Однако в 272 г. император Аврелиан предпринял поход против Зенобии, выбил её войска из Малой Азии и Сирии и в конце концов осадил Пальмиру. Эта война заслуживает более подробного изучения, чем позволяют рамки настоящей работы, но следует отметить два интересных эпизода: осаждая Пальмиру, Аврелиан не дал подойти к городу персидским войскам, шедшим на помощь Зенобии [160, т. 3, с. 248–249], а через некоторое время последняя, тайно выбравшись из своей столицы, бежала на верблюдах к Евфрату, чтобы найти убежище у персов [160, т. 3, с. 250–251; 170, с. 49]. Это известие можно объяснить только тем, что Зенобия, изменив прежнюю политику Одената, замирилась с Шапуrom I и в борьбе с римлянами получила от него поддержку⁵⁸.

О дальнейшей судьбе Зенобии источники сообщают самые разные сведения. Будучи настигнута у Евфрата

⁵⁷ Датировка основана на сопоставлении данных источников [160, т. 3, с. 172–173, 352–353; 170, с. 40–42].

⁵⁸ Поздний византийский историк Никифор Каллист (род. ок. 1256 г., ум. ок. 1335 г.) считал, что персы, победив римлян, передали Зенобии власть над Сирией и Финикией [120, т. 145, кол. 1181–1182]. Это не соответствует данным других источников (см. выше), но тоже, кажется, указывает на существование союза между Зенобией и Шапуrom I.

римской погоней, она попала в плен и была привезена в Рим и проведена в процессии на триумфе Аврелиана, который затем даровал ей жизнь и возможность безбедно жить в столице империи [160, т. 3, с. 130–131, 140–141, 258–259], или провезена на верблюде по областям Востока и антиохийскому цирку [84, с. 300], или вскоре умерла от болезни [170, с. 52]. Ничто из этого не соответствует арабским преданиям, согласно которым Зенобия погибла от руки Амра Ибн Ади, мстившего за Джазиму. Это заставляет ещё раз обратиться к их изучению. Примечательно, что в них отсутствует Оденат и, если не считать отмеченного выше краткого упоминания у Ибн Кутайбы, муж Зенобии вообще. Зато в качестве жениха аз-Заббá выступает Джазима, который после шестидесятилетнего правления (см. выше) должен был быть человеком весьма преклонных лет и к тому же страдал проказой. Эти рассказы кажутся невероятными, но едва ли они от начала до конца были плодом чьего-то вымысла. Интересно высказать, хотя бы как догадку, следующее предположение. Оденат, который, судя по изложенным выше сведениям, сам не воевал с арабами из области нижнего течения Евфрата (его походы развернулись севернее, в районе Карр и Нисибина, и к Ктесифону он должен был подойти, двигаясь вниз по течению Тигра), не был хорошо знаком им⁵⁹,

⁵⁹ Впрочем, бакритский поэт Маймун Ибн Кайс (*Maḡmūn Ibn Qays*), известный как «Подслеповатый» (*al-Aṣṣā*) в одном стихе говорит, что смерть «отстранила Узайну (*Uḡayna*) от царской власти его». Составитель комментария к стиху и некоторые другие авторы считали, что речь идёт об Узайне, упомянутом выше [57, с. 14; 67, с. 97; 107, т. 3, с. 274; 210, с. 130]. Мы не можем, к сожалению, сказать, кого в данном случае имел в виду сам поэт, и что он знал о нём. Если приведённая интерпретация отражает представления, имевшие хождение среди арабов, можно выдвинуть следующую гипотезу. Узайна, о котором упоминает Маймун Подслеповатый, по всей вероятности должен отождествляться с Оденатом: трудно найти другого правителя с таким именем, гибель которого могла бы и через сотни лет считаться примером неотвратимости смерти.

а потому едва ли мог стать главным героем красочной легенды: тогда рассказчику пришлось бы объяснять, кто он. Но о Зенобии арабы имели некоторое представление, и вполне возможно, что и до них дошли слухи о том, что она погубила мужа. В итоге в устах арабских рассказчиков Одената замещает Джазима – сначала как супруг, пусть и несостоявшийся, Зенобии, а затем как её жертва.

История о Джазиме, как мы помним, не заканчивается его убийством в замке аз-Заббá. На историческую сцену выходит Амр Ибн Ади (*ʿAmr Ibn ʿAdī*), который, как мы помним, мстит за убитого правителя. Зенобия погибла не от руки Амра, но в арабских преданиях и без того немало расхождений с действительностью. Мусульманские авторы повествуют, что на службе у Джазимы состоял Ади из племени Нумара (*Numāra*), принадлежавшего к лахмитам⁶⁰. Его полюбила сестра Джазимы Ракаш (*Raqāš*). По её

Но, кроме этого, арабам почти ничего не было известно об Оденате; это хорошо видно по сведениям о нём у мусульманских авторов. Особенно примечательно то, что Узайна большинства арабских сказаний – не муж, а прапрадед аз-Заббá. Исключение составляет разве что аль-Масуди, однако и у него аз-Заббá – в одном месте мать Хассана, сына Узайны, в другом – мать Амра, сына Тариба (здесь не ظرب, *Zarib*, а طرب, *Tarib*), в третьем – дочь Амра Ибн Дарба (*ʿAmr Ibn Darb* (ضرِب)) [107, т. 3, с. 189, 274–275]. Брак Узайны и аз-Заббá нигде не является (а в большинстве случаев – и не может являться) сюжетом арабских сказаний. Значит, история о том, как Зенобия погубила своего мужа, в принципе не могла относиться к Узайне. Соответственно, если арабы восприняли эту историю, для их рассказчиков место погибшего мужа Зенобии оставалось незанятым. Это умозаключение вполне соответствует предложенной в тексте гипотезе, согласно которой в арабских сказаниях место погибшего мужа Зенобии отдано Джазиме (см. ниже).

⁶⁰ Этот Ади – отец первого лахмидского царя Амра I. Мы сталкиваемся здесь с вопросом о родословной династии. О её происхождении в Средние века шли споры. Одни возводили её родословную к мааддитам, т.е. северным арабам, другие – к ним, в частности, принадлежал Абу Убайда – к правителям Хатры [19, сер. 1, с. 748; 200, с. 207; 213, с. 275–276]. Теория о мааддитском происхождении Лахмидов основывается, по-видимому, на рассказе о том, как

совету Ади дождался, пока Джазима захмелеет на пиру, и получил от него согласие на брак с ней. Впоследствии Джазима передумал; Ади был казнён по его приказу или бежал. Ракаш же родила Амра, который, однако, ещё в детстве внезапно исчез и потом лишь благодаря счастливому случаю вернулся к Джазиме. Отправляясь к аз-Заббá, Джазима вверил бразды правления Амру, а командование войском – некоему Амру Ибн Абди-ль-Джинну аль-Джарми (*ʿAmr Ibn ʿAbd al-Ġinn al-Ġarmī*). После гибели Джазимы власть фактически была разделена между ними. Один из сподвижников Джазимы по имени Касыр Ибн Саад (*Qaṣīr Ibn Saʿd*) выступил в качестве посредника между ними, а согласно одной из версий привлёк на сторону Амра Ибн Ади большую часть войска. В итоге Амр аль-Джарми подчинился Амру Ибн Ади [19, сер. 1, с. 752–766; 107, т. 3, с. 183–198; 149, с. 196–197; 184, с. 724; 207, с. 64–66; 233, с. 645].

Джубайр Ибн Мутим (*Ġubayr Ibn Muṭʿim*), считавшийся знатоком арабских родословных, доставил халифу Умару Ибн аль-Хаттабу (634–644) меч последнего Лахмида ан-Нумана III, хранившийся в сокровищницах Сасанидов. На вопрос халифа о родословной ан-Нумана Джубайр ответил, что, как говорят арабы, он – из потомков Уджма, сына Канаса Ибн Маадда (*ʿUġm Ibn Qanaṣ Ibn Maʿadd*), т.е. из мааддитов. Не зная, кто такой Уджм, арабы заменили его имя именем Лахма. По некоторым иным сообщениям, в парфянскую эпоху потомки Канаса Ибн Маадда вторглись в Ирак, но потерпели поражение от местных правителей и Аршакидов и, понеся большие потери, растворились среди других племён [188, с. 52–53; 217, ч. 1, с. 125–128; 264, т. 2, с. 330]. Однако история о такой подмене имён кажется фантастичной. Напротив, в переложениях сведений Хишам аль-Кальби, восходящих к хирским записям, родословная Лахмидов неизменно возводится к племени Нумара из кахтанитского (южно-арабского) племенного объединения Лахм [19, сер. 1, с. 748, 752, 768; 54, с. 52; 213, с. 272; 238, с. 358]. Сам Хишам в своём труде о родословных арабов тоже причислял род царей Хиры к лахмитам; ему следовал Ибн Дурайд [231, с. 377; 260, с. 209]. Веским доводом в пользу лахмитского происхождения является также то, что, как будет показано далее, Амр I упоминается в надписи сасанидского царя Нарсе как лахмит.

Амр I

Именно тогда начинается история собственно лахмидского государства. Мы уже видели, что, согласно Хишаму аль-Кальби, некоторые роды из племени Нумара переселились в Ирак вместе с танухитами. Существовала, однако, и другая, приведённая, по-видимому, ещё у Ибн Исхака легенда, согласно которой основатель рода, давшего начало лахмидской династии, Наср Ибн Рабиа, имел видение: Йемен захвачен эфиопами. Поражённый увиденным, Наср со своим родом переселился в Ирак. Царь Шапур, сын Хварразада, позволил им поселиться в Хире, и они осели недалеко от аздитов [19, сер. 1, с. 770–771; 236, с. 146; 242, т. 1, с. 53; 245, с. 305].

Ади и Амр, появляющиеся в преданиях о Джазиме, были, по словам мусульманских авторов, сыном и внуком Насра Ибн Рабиа соответственно. Наср считался основателем рода; именно поэтому царская династия его потомков имеет основания называться насридской (Бану Наср). Возвращаясь к сказаниям о Джазиме, отметим, что в том, что касается Амра, их достоверность может показаться сомнительной. Ведь фактически речь идёт о важнейшем событии – переходе власти от аздитов к Лахмидам, установлении новой династии. Такие события редко обходятся без борьбы за власть, междоусобных войн и т.п. Можно было бы ожидать самое меньшее межплеменной распри. Но мы не видим ничего, кроме незначительного противодействия, причём со стороны даже не аздитов, а танухитов, к которым принадлежал Амр Ибн Абди-ль-Джинн⁶¹.

⁶¹ Из родословной Амра Ибн аль-Джинна у Ибн Хазма (*Ibn Ḥazm*, 994–1063) видно, что он принадлежал к племени Бану Джарм Ибн Раббан (*Banū Ġarm Ibn Rabbān*) из Кудaa [239, с. 422]. Поэтому верно пишут и ат-Табари, и аль-Масуди; первый называет его *al-Ġarmī*, второй – *al-Tanūhī*.

Чтобы правильно понять события, стоящие за арабскими преданиями, следует разобраться в том, как они вписываются в общий исторический контекст. Из преданий следует, что Джазима начал переговоры с Зенобией и со своей знатью направился к ней. Дальнейшая судьба Джазимы нам неизвестна, но на основании умм-джимальской надписи можно догадываться, что его сподвижники добрались до Сирии. Гипотеза об уходе Джазимы, его родственников и знати привлекательна с точки зрения ситуационной логики. Она объясняет и отсутствие в Хире преемника Джазимы из числа его родственников, и ту лёгкость, с которой Амр Ибн Ади получил главенство над арабами.

Для Шапура I действия Джазимы, несомненно, были оскорблением: его слуга пытался уйти от него, оставить своего господина, а возможно – и усилить потенциального противника, ибо правитель Пальмиры ещё недавно осаждал Ктесифон. Более того, изменяя своему господину, слуга совершал вероломство, которое в зороастрийской культуре считалось серьёзным грехом. Шапур, несомненно, гневался на Джазиму, но трудно сказать, распространялось ли это на Амра. Согласно наиболее полным пересказам известия Хишама аль-Кальби Амр советовал Джазиме ехать к аз-Заббá, причём подкреплял это тем, что с ней были его соплеменники-нумариты [19, сер. 1, с. 759; 184, с. 722]. Если такое докладывали Шапуру, это могло только скомпрометировать Амра в его глазах.

Но сасанидский царь не уничтожил Амра и, более того, оставил его у власти. К сожалению, у нас очень мало фактов, на основании которых можно было бы делать выводы о положении Амра и его отношениях с Шапуrom I и его преемниками. Из того, что мы знаем, особого внимания заслуживает следующее. В надписи царя Нарсе, в которой рассказывается о его приходе к власти (293 г.), в числе современников этого события назван *'m[rw]* (Амр. – Д. М.)

*lhm'dyn / lhmīčīn / lhmyšn*⁶² *mlka* [53, с. 708; 69, с. 511; 78, с. 52–53]. Чтение форм, начинающихся с *lhm*, представляет собой проблему. *Lhm* естественно сближать с арабским *Laḥm*, однако что имеется в виду – прилагательное, относящееся к *mlka* (царь), или название подданных Амра – как, например, в *mskt'n mlka* (царь маскутов) или *'byr'n mlka* (царь ивиров)? В среднеперсидской форме с *lhm* используется не суффикс множественного числа *ān* (в приведённых формах – *'n*), а суффикс *īn*, с помощью которого образуются прилагательные. Поэтому вернее считать, что формы с *lhm* представляют собой передачу прилагательного, относящегося к царю. Если так, форма в надписи должна передавать арабское *'Amr al-Laḥmī al-malik*, где *al-Laḥmī* представляет собой нисбу⁶³, указывающую на принадлежность к племени. Из одного источника, правда, довольно позднего, нам известно, что арабы, добавляя к имени человека одну или несколько нисб, считали главной ту, которая указывала не на конкретный род или племя, а на более крупную общность – объединение племён, происходивших от общих предков [195, с. 20]. Это мы и видим в данном случае: Амр именуется по названию объединения племён (Бану Лахм), а не рода (Бану Наср Ибн Рабаи).

Именно это написание и вызывает удивление. В рассматриваемом фрагменте надписи перечислены многие подчинённые Сасанидам правители, однако они именуются по названию областей или народов, которыми управляли, например, *kwšn mlka* (*kūšān-šāh*) и *mkwl'n mlka* (*takūrān-šāh*), т.е. цари кушан и Мукрана соответственно. Судя по тому, что эти титулы в таком виде попали

⁶² Из приведённых форм две первых – различные варианты чтения среднеперсидского текста надписи. Третья форма – из парфянского текста.

⁶³ Нисба (*nisba*) – прилагательное, указывавшее на принадлежность человека к племени или селению, например *al-Kalbī* (кальбитский) или *al-Baḡdādī* (багдадский).

в царскую надпись, которая к тому же увековечивала важнейшее политическое событие, они были официальными. Память об этих титулах сохранялась и в последующие времена. В IX в. Ибн Хордадбех включил в свой географический свод перечень царей, который назвал «те, кого Ардашир нарёк *шах*-ами» (*šāhīn*) [91, с. 17–18]. Несмотря на такое название, в перечне фигурируют и титулы, появившиеся позже эпохи Ардашира I [3, с. 446]. Мы видим в нём, в частности, великого царя кушан (*buzurk kūšān-šāh*) и царя Мукрана. В перечне фигурирует «царь арабов», называемый *tāziyān-šāh* (от среднеперсидского *tāzigān-šāh*), которого, вероятнее всего, следует отождествить с лахмидским правителем. Но тогда кажется странным, что в надписи Нарсе этот титул «царя арабов» не носит Амр. Ключ к решению этой проблемы может дать рассказ аль-Хилли о преемнике Амра – Имру-ль-Кайсе. О нём сообщается, что он был первым, кому персы дали удел, почётное положение и тиару [213, с. 104]. Если так, Амр не мог носить персидский титул «царя арабов», потому что в то время такого ещё не было.

Другой важный факт, который мы знаем об Амре, состоит в том, что, согласно мусульманским авторам, он первым из лахмидских правителей сделал своей столицей Хиру [19, сер. 1, с. 768; 67, с. 97; 107, т. 3, с. 181; 213, с. 102; 227, с. 216; 238, с. 358; 253, с. 139]. Мы видели, что Ардашир I назначил в Хиру *марзбан*-а с войском, а Шапур I стремился ещё прочнее закрепиться там. Получается, что Амр фактически был под надзором сасанидских властей, а подчинённые им отряды могли пресечь любое нежелательное для Сасанидов действие с его стороны.

Если сопоставить изложенные наблюдения, создаётся впечатление, что время правления Амра I было своего рода испытательным сроком, когда Сасаниды признавали за ним власть, но держали под контролем и пока не присваивали ему титула «царя арабов».

Говоря об Амре I, мы не можем обойти вниманием ещё один фрагмент, обнаруживающийся в источниках. Известен один манихейский текст, в котором рассказывается о том, как во времена преследований манихеев (начавшихся при сасанидском царе Варахране I (272–275)) они обратились к некоему царю Амаро, надеясь, что он вступится за них и напишет царю персов. Амаро действительно написал Нарсе, однако тот через какое-то время умер, и при его преемнике Хормузде II (300–307) манихеи вновь подверглись преследованиям [121, с. 198]⁶⁴. Внимание автора сосредоточено на манихеях; кроме того, текст плохо сохранился, и ничто в нём не позволяет однозначно отождествить царя Амаро с Амром I. Возможность путаницы тем более велика, что в упомянутой выше надписи Нарсе рядом с Амром I стоит другой Амр, который характеризуется как *'pgrn'n* [70, с. 119; 78, с. 53]⁶⁵. Письмо

⁶⁴ По сути, этим исчерпываются сведения данного источника о взаимоотношениях царя Амаро и манихеев, которые мы можем считать полностью достоверными. Текст дошёл до нас повреждённым, особенно сильно пострадали поля. Автор этих строк основывается на переводе Н. А. Педерсена (*N. A. Pedersen*) – буквальном, сделанном с учётом пробелов. По-другому несколько ранее подошёл к этому источнику М. Тардьё, перевод которого, по-видимому, основывается на ряде сделанных им допущений и конъектур [148, с. 17]. На основании своего перевода М. Тардьё сделал вывод о том, что манихеи обосновались в области Хиры в 70-е гг. III в. [148, с. 18–21]. Однако перевод Н. А. Педерсена – на котором, заметим, основываются и составители кембриджского сборника манихейских текстов [55, с. 114] – не даёт оснований делать столь далеко идущие выводы. Соображения относительно возможности поселения манихеев в Хире изложены в Части II.

⁶⁵ Форма *'pgrn'n* ещё не получила надлежащего объяснения в литературе. Звуковое сходство наводит на мысль об аналогии с *Абгар* – именем, которое носили правители Эдессы [70, с. 141]. Против этого было выдвинуто возражение, что в описываемое время Эдесса, скорее всего, не находилась под властью Сасанидов [53, с. 703]. В ответ было отмечено, что, если исходить из текста надписи, *'pgrn'n* не обязательно должен быть правителем, подчинённым Сасанидам [127, с. 466]. Это последнее соображение в принципе

к Нарсе мог написать и этот другой Амр. Поэтому говорить о том, что Амр Ибн Ади обратился к Нарсе с письмом, ходатайствуя за манихеев, можно только как о вероятности. Но такая вероятность есть. Как будет показано далее, в Хире не раз находили убежище люди, принадлежавшие к гонимым религиозным общинам: христиане, монофизиты. Лахмиды относились к ним терпимо, а иногда даже покровительствовали. Не исключено, что и Амр I мог действовать так же.

Имру-ль-Кайс I

Преемником Амра мусульманские историки единодушно называют его сына Имру-ль-Кайса. Однако сведения о нём скудны и противоречивы; большинство авторов просто называют его в числе правителей Хиры. Единственный относительно подробный рассказ о его свершениях мы находим у аль-Хилли. Мы видели, что, по его словам, Имру-ль-Кайс был первым Лахмидом, получившим от персов удел, почётное положение и тиару наместника. Кроме того, аль-Хилли повествует, что Имру-ль-Кайс разделил жителей Хиры на разряды по образцу персидских сословий [213, с. 105–108].

Оригинальные сведения об Имру-ль-Кайсе сообщает Ибн Кутайба. Он тоже включает Имру-ль-Кайса в число правителей Хиры, но прибавляет, что, согласно другим известиям, у власти встал аль-Харис Ибн Амр [233, с. 646]. Этот последний упоминается и у аль-Якуби, причём правит 37 лет и называется братом Имру-ль-Кайса [82, с. 238].

Расхождения в мусульманских источниках – не единственная загадка той эпохи. Мы вступаем в наиболее тёмный для историка период истории Лахмидов. Одна из

справедливо. Однако данный вопрос ещё остаётся открытым; его исследование не входит в предмет настоящей работы.

самых больших его тайн связана с гробницей царя Имруль-Кайса Ибн Амра, развалины которой были найдены в начале XX в. в одном километре к северо-востоку от ан-Намары по течению Уади-с-саут (совр. Сирия). На них сохранилась надпись, в которой повествуется о свершениях царя, и указана дата его смерти – 7 декабря 328 г. Разбор этой надписи приведён в Приложении 2.

Для настоящего исследования основной вопрос состоит в том, имеет ли этот Имруль-Кайс что-то общее с лахмидским правителем Хиры. Идея о том, что это одно и то же лицо, была выдвинута вскоре после открытия надписи [122, с. 280–281]. В её пользу свидетельствуют совпадение имени (Имруль-Кайс Ибн Амр) и эпохи (первая треть IV в.). Однако гробница царя была воздвигнута не в Хире, а около ан-Намары, рядом с римской сторожевой крепостью. Если и с учётом этого настаивать на отождествлении двух царей, Лахмид Имруль-Кайс должен был перейти на сторону римлян. Такой точки зрения придерживался И. Шахид (*I. Shahid*), который предложил собственное видение этих событий: Имруль-Кайс был не вассалом Сасанидов, а независимым правителем, который союзничал сначала с персами, а потом – с римлянами, став, правда, клиентом последних [136, с. 45–47; 138, с. 34–35]⁶⁶.

⁶⁶ Другое объяснение предложил Я. Ретсё, согласно которому попытки включить Имруль-Кайса ан-намарской надписи в историю царей Хиры ат-Табари и других авторов – методологическая ошибка, вызванная стремлением примирить несовпадающие сведения, хотя в таких случаях следует отдавать предпочтение данным современных источников – надписей и т.п. Имруль-Кайс надписи тождествен Имруль-Кайсу мусульманских источников, но это объясняется тем, что первый из них был включён в перечень царей Хиры много позже смерти [127, с. 485]. Однако для того, чтобы доказать правильность этой гипотезы, необходимо найти убедительные ответы на некоторые вопросы. В частности, что могло побудить составителей хирских записей включить в перечень лахмидских царей Имруль-Кайса, если последний никогда не правил в Хире? Вероятнее всего, таким мотивом могло бы стать

Эта последняя гипотеза не подтверждается фактами (мы видели, что Хира считалась владением Сасанидов, и в ней стоял персидский отряд), однако возможность перехода арабского племенного аристократа на сторону римлян нельзя исключать. Такие случаи происходили и до, и после первой трети IV в. Мы видели, что в римские владения, вероятно, ушёл Джазима. Для более поздних времён показательны разбираемые ниже известия об арабском племенном вожде Аспевете, а также рассказ Малха Филадельфийского (жил в конце V в.) о том, что в правление Феодосия II (408–450) между римлянами и персами началась война, закончившаяся заключением мирного договора. Одно из его условий состояло в том, что каждая из держав обязалась не принимать подчинённых другой сарацин (автор называет так арабов-скинитов) [42, с. 232]. Малх, по-видимому, имеет в виду войну между Феодосием II и сасанидским царём Ездигердом II (440–458), которая имела место в 441 г. Автор этих строк имел возможность отметить, что мир был заключён на

желание возвести истоки династии к славному предку и тем самым возвеличить её или легитимировать её правление. В этом случае можно было бы ожидать от авторов записей рассказа о деяниях Имру-ль-Кайса. Однако в сообщениях мусульманских историков, восходящих к хирским записям, не упоминаются свершения, которые составители ан-намарской надписи считали главными в жизни Имру-ль-Кайса. Вообще говоря, в этих сообщениях Имру-ль-Кайс I предстаёт по большей части лишь как один из лахмидских царей, а не как великий правитель и полководец. Значит, говорить о том, что Лахмидов возвеличивали или представляли законными правителями за счёт причисления к ним Имру-ль-Кайса, не приходится. Тогда необходимо найти другое объяснение действиям авторов хирских записей, но правдоподобных гипотез не просматривается. Кроме того, гипотеза Я. Ретсё предполагает, что мы должны полностью отказать в исторической достоверности сообщениям о Хире у мусульманских авторов, для чего необходимо иметь веские основания. Но таких оснований пока тоже нет. Поэтому на данном этапе объяснение, о котором идёт речь, можно считать чисто гипотетическим.

благоприятных для сасанидского царя условиях [3, с. 253]. Если так, можно считать, что Ездигерд был заинтересован в принятии данного условия. Это, в свою очередь, означает, что арабы из подвластных Сасанидам земель уходили во владения римлян, причём Ездигерд не смог решить эту проблему самостоятельно и вынес её на уровень межгосударственного соглашения.

Другой фактор, который обязательно следует учесть, состоит в том, что в начале IV в. в приевфратских областях сложилась непростая ситуация. В конце 307 г. арабы, спустившись вниз по Евфрату, подстерегли на охоте сасанидского царя Хормузда II и смертельно ранили его стрелами. Вслед за этим арабы из владений римлян (мусульманские авторы считают их гассанидскими), опять-таки пройдя вдоль Евфрата, напали на Вех-Ардашир – расположенную на западном берегу Тигра часть столичной агломерации – Ктесифона – и даже захватили в плен женщину из сасанидского правящего рода. Одновременно племя Бану Ийад нападало на сасанидские владения к востоку от Евфрата, а арабы из области Бахрейна – на побережье Фарса. Сасанидская держава некоторое время не вела активной борьбы против вторжений арабов – из-за борьбы за власть после гибели Хормузда, а затем вследствие малолетства нового царя, Шапура II. Но, достигнув совершеннолетия, Шапур совершил поход в область Бахрейна и Йемаму и нанёс арабам ряд жестоких поражений. Закончив войну в Аравии, Шапур предпринял поход вверх по течению Евфрата и достиг римских владений. Кроме того, он отразил и нападения ийадитов. Мусульманские авторы единодушно отмечают, что Шапур действовал очень жестоко. Многие арабы погибли, некоторые были переселены в сасанидские владения. Пленным пробивали плечевые кости, делая их калеками⁶⁷.

⁶⁷ Эти события подробно рассмотрены в «Хосрове» [3, с. 50, 234–235, 277–282].

Как ни странно, в источниках нет никаких упоминаний о роли Лахмидов в этих событиях. Разумеется, нельзя отрицать возможность того, что Лахмиды участвовали в них. Следует учесть, что об этих событиях мы знаем почти исключительно из рассказов о Шапуре II, приводимых в мусульманских источниках. Всё внимание в этих сказаниях сосредоточено на юном царе, который с небольшим войском предпринял трудный поход и добился успеха. Не упоминается ни один сподвижник Шапура. Безусловно, это литературное преувеличение, и полководцы Шапура внесли весомый вклад в отражение набегов. Но показателен сам факт того, что персам пришлось бороться с вторжениями арабов самостоятельно. Это значит, что Лахмиды не могли справиться с нападавшими.

Мы не располагаем достоверными сведениями о положении дел в Хире в начале IV в. Если суммировать имеющиеся указания, на их основе можно предложить следующую гипотетическую реконструкцию событий. После смерти Амра Ибн Ади власть перешла к его сыну Имру-ль-Кайсу, который получил титул «царя арабов» (*tāzīgān-šāh*) и тиару – возможно, именно ту, о которой упоминается в ан-намарской надписи. Будучи облечён властью в соответствии с сасанидскими политическими традициями, Имру-ль-Кайс попытался действовать в их русле и распространить персидскую сословную систему на арабские племена. Тем самым племена и роды ставились в разное, а возможно – и неравное положение. В племенной среде такие меры не могли не вызвать возмущения. Власть Имру-ль-Кайса стала ослабевать, и против него выступил его брат аль-Харис. Последний одержал победу, и Имру-ль-Кайс ушёл в римские владения. Власть перешла к аль-Харису. Он не фигурирует в списках царей Хиры у Хишама аль-Кальби, так как следующим правителем был Амр, сын Имру-ль-Кайса. По всей вероятности, он не считал аль-Хариса законным правителем и, придя

к власти, исключил его имя из списка царей. Для Амра промежуток времени между началом его собственного правления и смертью Амра Ибн Ади был царствованием его отца Имру-ль-Кайса. Именно поэтому, кажется, в позаимствованном из хирских записей списке лахмидских царей, которым пользовался Хишам аль-Кальби, аль-Харис отсутствует вовсе, а Имру-ль-Кайсу I отводится непомерно длинный срок правления. Между тем племенная смута не утихала; достигнув совершеннолетия в середине 20-х гг. IV в., Шапур II не мог полагаться на Лахмидов и боролся с вторжениями арабов самостоятельно.

Амр II (339/340 – 369/370)

О правлении аль-Хариса не сохранилось никаких сведений. Это вполне объяснимо: о первых Лахмидах мы вообще осведомлены весьма слабо, и к тому же аль-Харис был «вычеркнут из истории». Поэтому нельзя даже определить, каким образом Амр занял престол. По внешним признакам можно судить, что Амру в конечном счёте удалось консолидировать свою власть. Есть основания полагать, что он принял участие в борьбе с римлянами в Месопотамии. На это указывает упоминание Аммиана Марцеллина о предводителе сарацин, выступавших на стороне персов во время похода императора Юлиана Отступника на Сасанидскую державу (363 г.). В составе римского войска был бежавший из Персии сасанидский царевич Хормузд, который несколькими десятилетиями ранее оспаривал у Шапура II трон. Во время похода Хормузду было уже, кажется, под семьдесят; его участие в кампании объясняется, скорее всего, тем, что Юлиан рассчитывал при случае возвести его на престол как своего ставленника. Видя опасность такого поворота событий, Шапур пытался уже на ранней стадии похода устранить Хормузда. Вскоре после того, как римское войско мино-

вало Хит, на Хормузда была устроена засада, что, впрочем, не увенчалось успехом. По словам Аммиана Марцеллина, на Хормузда готовились напасть самый высокопоставленный сасанидский сановник, принадлежавший к влиятельному тогда роду Суренов, и человек, о котором сообщается следующее:

Malechus Podosacis nomine phylarchus Saracenorum Assanitarum famosi nominis latro omni saevitia per nostros limites diu grassatus, т.е.

«малик по имени Подосак, филарх сарацин-ассанитов, знаменитый разбойник, который долго и со всей жестокостью орудовал в наших пределах» [17, т. 2, с. 410].

В этом тексте много неясного. Нам не известен ни один вождь по имени *Podosacis*⁶⁸, которое вообще очень трудно отождествить с каким-то арабским именем. И. Шахид, анализируя этот фрагмент, предложил две возможные трактовки формы *Podosacis*: персидское слово *бидахи* или арабское имя Фадаукас (*Fadawkas*). Что касается ассанитов, они, согласно И. Шахиду, идентифицируются с предками Гассанидов, которые впоследствии управляли Сирией под верховной властью Византии [136, с. 119–121]. Но эти построения наталкиваются на отсутствие каких-либо параллельных известий в источниках. Отождествление

⁶⁸ Написание этого имени неоднозначно. В первых изданиях дошедших до нас фрагментов труда Аммиана Марцеллина мы видим форму *Podosaces* [13, с. 310; 14, с. 347]. В последующие десятилетия в изданиях обнаруживаются формы *Podosaces* (М. Низар, 1869 [18, с. 214]) и *Podosacis* (Ф. Айссенхардт, 1871 [15, с. 297], Ф. Гардтхаузен, 1875 [16, с. 6]). В издании 1940 г., на которое сделана ссылка выше, принята форма *Podosacis*, но в английском переводе Дж. К. Рольфа (*J. C. Rolfe*) в этом месте стоит *Malechus, Podosaces by name* [17, т. 2, с. 411]. Вопрос о том, какая из двух форм правильна, открыт; остаётся лишь обратить на него внимание специалистов по рукописям трудов Аммиана Марцеллина и полагаться на их компетентное суждение.

Assanitae Аммиана Марцеллина с Гассанидами (*Banū Ġas-sān*) основано прежде всего на звуковом сходстве. Но и если принять его, речь далеко не обязательно должна идти о предках правителей Сирии. Имя Бану Гассан взяли себе некоторые аздиты, которые когда-то пили воду из колодца, называвшегося Гассан. Некоторые из них – племя Бану Мазин Ибн аль-Асд (*Banū Māzin Ibn al-Asd*) – впоследствии жили в Хире [260, с. 471–472; 264, т. 4, с. 204]. Поэтому Гассанидами в данном случае могут оказаться и арабы из владений Лахмидов, и потомки тех, кто когда-то ушёл с Джазимой, тоже аздитом, и обосновался в пограничных областях по Евфрату. С другой стороны, имя *Фадаукас* (букв. – «суровый») – довольно редкое, оно встречается только у таглибитов. Один таглибит по имени Фадаукас обнаруживается среди предков знаменитого поэта аль-Ахталя [231, с. 338; 239, с. 288; 260, с. 88]. Однако если видеть в рассматриваемом персонаже таглибита, трудно объяснить, почему он назван предводителем ассанитов. Слово *бидахш*, как в Сасанидской державе назывался предводитель конницы, известно по другим источникам [3, с. 76], однако его отождествление с *Подосак* нуждается в фонетическом обосновании, прежде всего – в части перехода начального *би* в *по*.

В рассматриваемом фрагменте относительно ясной кажется только форма *malechus*. Она может передавать и имя собственное Малик (*Malik* или *Mālik*), и арабское слово *malik* (царь). Но, поскольку Аммиан Марцеллин говорит об имени *Подосак*, логично считать, что *malechus* – титул, вероятно, царский. Это вполне соответствует утверждению Аммиана о том, что Подосак был филархом, т.е. племенным вождём. Следует, однако, задаться вопросом, почему Аммиан употребляет заимствованное, непонятное большинству его читателей слово *malechus* там, где он мог бы просто написать *rex* (царь) или *regulus* (царёк), как в его тексте именуются правители арабов – федератов Рима

[17, т. 2, с. 324]. Очевидно, Аммиан не очень хорошо представлял себе точное значение слова *malechus* и просто воспроизвёл слова какого-то рассказчика, приписав, что речь идёт о филархе. Этим рассказчиком был, вероятно, кто-то из пленных: стоящие в засаде никогда не стремятся раскрыть ни себя, ни своих предводителей.

С точки зрения фонетики правдоподобным кажется отождествление формы *Podosacis* / *Podosaces* со среднеперсидским *pādiḥšāh* – общим термином, обозначавшим обладателя власти. На то, что арабский вождь мог так именоваться, указывает аналогия с «Житием св. Евфимия» Кирилла Скифопольского (524–558). В этом источнике упоминается арабский вождь Аспевет, который в самом конце правления сасанидского царя Ездигерда I (400–420) саботировал преследования христиан и, опасаясь кары, ушёл в римские владения [97, с. 18–19]. Имя Аспевет можно истолковывать как передачу среднеперсидского *аспбад* (заведующий конюшней или командующий конницей [3, с. 312, прим. 461]) или *испахбад* (командующий войском). Однако дальнейшая работа в этом направлении осложняется тем, что неизвестно, кто из арабских вождей мог так именоваться.

Если суммировать наблюдения, сделанные по рассматриваемому отрывку, Подосак был правителем, который носил титул *малик*, занимал достаточно высокое положение при сасанидском дворе и пользовался доверием Шапура II. Кому ещё мог Шапур поручить важнейшее дело, от успеха которого, может быть, зависела судьба его престола, и, к тому же, покушение на царевича из рода Сасанидов? С кем ещё пошёл бы в опасный поход Сурен, бывший тогда, по словам Аммиана Марцеллина, вторым человеком в Сасанидской державе после Шапура II [17, т. 2, с. 410]? Этот человек активно действовал в приевфратских областях и обладал достаточной силой, чтобы раз за разом вторгаться в римские владения. Из всех

известных нам исторических деятелей того времени этому описанию лучше всего соответствует лахмидский царь Хиры. Автор этих строк уже высказывал предположение о том, что, поскольку в устах греков и римлян персидские имена нередко искажались, в частности, теряя начальную *н*, *Assanitarum* Аммиана Марцеллина может быть искажённым *Nassaritarum* в значении «люди из рода Насра (т.е. Насра Ибн Рабиа)» [3, с. 282–283, прим. 219]. Но, если рассуждать таким образом, кто из Лахмидов мог именоваться *Podosacis* или *Podosaces*? Если искать объяснение этой формы в лахмидских реалиях, наиболее вероятным кажется предположение, согласно которому *Podosacis* представляет собой искажённое *Podosaris*, происходящее от среднеперсидской формы *pad dōsar* (с войском *dōsar*, *dōsar*). Как показано в Части II, отряд *dōsar* представлял собой самую многочисленную и боеспособную часть лахмидского войска; с ним ходили в походы цари. Можно представить себе такую картину: персидские пленные рассказали римлянам, что против них выступил некий арабский царь (*malik*) с войском *dōsar*. Форму *pad dōsar* римляне, особенно не пытавшиеся понять смысл чужих имён и названий, приняли за имя царя.

Дальнейшие события

Следующим правителем Хиры в источниках называется Аус Ибн Каллам Ибн Батына (*Aws Ibn Qallām Ibn Baṭīnā*). Об этом человеке известно очень мало; в некоторых списках царей Хиры он не фигурирует вовсе. Он не принадлежал к Лахмидам и был выходцем из общины Бану Фаран (см. Часть II). О том, чем руководствовался Шапур II, вверяя власть над Хирой Аусу, нигде не сообщается. В Средние века бытовало мнение, что Аус был не правителем, а своего рода местодержателем (*mustaḥlaf*), который охранял престол до тех пор, пока сасанидский

царь не определится с выбором преемника Амра [67, с. 100; 213, с. 112].

Через некоторое время Аус был убит человеком по имени Джахджаба Ибн Атик Ибн Лахм (*Ġaḥġabā Ibn 'Atik Ibn Laḥm*) [19, сер. 1, с. 850; 54, с. 53; 240, с. 315, 322]. Это конечное «Ибн Лахм» может навести на мысль о том, что Джахджаба принадлежал к Лахмидам⁶⁹, которые, устранив чуждого им назначенца, вернули себе бразды правления. Но источники говорят о другом. Хамза аль-Исфахани, повествуя об этих событиях, сообщает, что против Ауса восстал Хахджана Ибн Абиль⁷⁰ из хирского племени Бану Фаран [67, с. 100]. Согласно Ибн Саиду, против Ауса выступили Бану Фаран из амалекитов Хиры, которые убили его [236, с. 272]. Бируни пишет, что Джахджаба принадлежал к роду (или племени) Бану Фасаран⁷¹ Ибн Амр Ибн Амлик [54, с. 52]. У Абу-ль-Фидá (1273–1331) после Ауса правил «другой царь из амалекитов», не названный, однако, по имени [173, с. 116].

Тем не менее последствием убийства Ауса везде называется возвращение царской власти к Лахмидам. Сасанидский царь назначил новым правителем Хиры сына Амра II – Имру-ль-Кайса II. Для политической ситуации в Хире это, несомненно, стало развязкой, однако современному историку трудно объяснить смысл происшедшего. Из того, что власть вернули Лахмидам, можно заключить, что они не утратили расположение Шапура II. Но почему Имру-ль-Кайс не был назначен сразу? Не исключено, конечно, что к моменту смерти Амра он ещё не достиг совершеннолетия, и Аус, не принадлежавший к царской династии, был при нём своего рода регентом.

⁶⁹ Так, например, считал аль-Хилли [213, с. 111, 431].

⁷⁰ Расхождения в написании имён – только графические: *حجنا* (*Haḡḡanā*) соответствует *جحبنا* (*Ġaḥġabā*), *عيل* (*'Abīl*) – *عتك* (*'Atik*).

⁷¹ Это написание (*بنو فسانان*) кажется искажённым *بنو فران* (Бану Фаран).

Однако Амр II умер не молодым человеком: только его правление заняло тридцать лет. Тогда у Имру-ль-Кайса должны были быть старшие братья, и ситуация запутывается ещё больше. Можно лишь догадываться, что Шапур II в связи с какими-то событиями решил на время отстранить Лахмидов от власти и поставил управлять Хирой представителя местной знати, на верность которого считал возможным полагаться. Но через несколько лет среди этой знати начались междоусобицы, и Шапур вернул власть Лахмидам.

Этот шаг, судя по всему, оправдал себя: Имру-ль-Кайс II правил в Хире четверть века без каких-либо заметных проблем. Источники не сообщают ни о каких событиях или потрясениях, происшедших в его правление. Уже сам факт столь долгого правления свидетельствует о стабильности, которая наконец-то была достигнута.

Ан-Нуман I (399 – 428/429)

и аль-Мунзир II (428/429 – 472/473)

Куда более заметной фигурой был сын и наследник Имру-ль-Кайса II – ан-Нуман I. Судя по некоторым данным, для самих Лахмидов его правление стало началом какого-то нового этапа их истории. Это видно по тому, что царя аль-Мунзира III, которого, вероятно, можно считать самым выдающимся правителем династии, средневековые авторы называют «сын аш-Шакики» (*Ibn al-Šaqīqa*)⁷². Но согласно арабским преданиям мать аль-Мунзира звали Мауия или Мария⁷³; за красоту она получила прозвище

⁷² Σακκίκης Прокопия Кесарийского [125, т. 1, с. 144], Ζεκιήης Феофана Исповедника [163, с. 273]. Сыном аш-Шакики считали аль-Мунзира и авторы Христианского Востока – как несториане [20, с. 192, 200], так и монофизиты [11, с. 82; 33, т. 2, с. 269; 150, с. 5].

⁷³ На письме формы مآوية (*Māwiya*) и مارية (*Māriya*) очень похожи, вследствие чего путаница между ними вполне возможна.

Mā' al-samā' (Небесная (т.е. дождевая) вода), ибо дождь у арабов считался благодатью [19, сер. 1, с. 900; 67, с. 105; 107, т. 3, с. 200; 238, с. 359]. Аш-Шакика была матерью ан-Нумана I [19, сер. 1, с. 850; 67, с. 101], отчего его называли «сыном аш-Шакики» [172, ч. 2, с. 36; 181, с. 114; 213, с. 113; 238, с. 358]⁷⁴. Следовательно, аль-Мунзир III считался потомком аш-Шакики, а ещё вернее – потомком ан-Нумана⁷⁵. Иоанн Эфесский считал правителей Хиры «родом ан-Нумана»⁷⁶.

Это начало может быть связано со знаменательным для Лахмидов решением сасанидского царя Ездигерда I (400–420), который отправил к царю Хиры на воспитание своего сына Варахрана, будущего царя Варахрана V Гора. Сказания об этом, восходящие к Хишаму аль-Кальби, распространены в средневековой мусульманской литературе. Согласно их переложению у ат-Табари, сразу после рождения Варахрана Ездигерд велел звездочётам составить его гороскоп. Звездочёты выполнили повеление царя, и выяснилось, что Варахран унаследует престол, но будет вскормлен не в той стране, где живут персы. Ездигерд стал помышлять о том, чтобы отправить сына за пределы своих владений. Первое время он колебался, не зная, отправлять ли сына к ромеям или к арабам, но затем выбрал последних⁷⁷. Этот рассказ может показаться

⁷⁴ Эти сведения восходят к Хишаму аль-Кальби, на которого прямо ссылается ат-Табари. Заметим, однако, что некоторые авторы считают матерью ан-Нумана I не аш-Шакику, а аль-Хайджаману (*al-Hayḡatāna*), происходившую из племени Мурад (*Murād*) или Ийад [107, т. 3, с. 199; 213, с. 113].

⁷⁵ Подчас это вводило в заблуждение авторов источников. Например, Абу Убайда в одном месте прямо назвал аль-Мунзира сыном ан-Нумана, сына аш-Шакики [172, ч. 2, с. 60].

⁷⁶ Это хорошо видно на примере того, что лахмидскую Хиру Иоанн Эфесский считает «Хирой арабов рода Нумана» [27, ч. 1, с. 140], тогда как арабской Хирой он называет столицу Гассанидов [27, ч. 2, с. 490/692, ч. 3, с. 154; 162, с. 252].

⁷⁷ Перевод данного фрагмента см. ниже.

красивой выдумкой (как можно было отправить малолетнего наследника престола в далёкое и опасное путешествие, да и вообще разлучаться с ним?). Но в свете того, что мы знаем о сасанидских традициях, сообщение ат-Табари отнюдь не кажется фантастичным. Сасаниды действительно увлекались астрологией и верили предсказаниям звездочётов⁷⁸. В обычаях Сасанидов было и отдавать детей на воспитание в знатные роды. В накш-и-рустамской надписи Шапура I упоминаются сасанидские царевичи-тёзки по имени Сасан, отданные на воспитание в роды Парриганов и Кидуганов [110, с. 326–327]⁷⁹. Более того, сам Ездигерд был опекуном Феодосия, сына императора Восточной Римской империи Аркадия (395–408) и будущего императора Феодосия II⁸⁰. Возможно, Ездигерд считал себя вправе рассчитывать на ответный шаг со стороны императора. Правда, впоследствии рассматриваемый эпизод действительно вообрал в себя немало легендарных элементов. Рассказывали, например, что дети Ездигерда умирали, и он хотел отправить Варахрана в место со здоровым климатом [73, с. 539; 172, ч. 2, с. 36; 213, с. 113; 253, с. 139] или что сам Варахран страдал одержимостью или какой-то другой болезнью, и придворные лекари советовали отвезти его в Хиру с её здоровым климатом, где он будет омываться мочой верблюдов и пить их молоко [227, с. 212; 264, т. 2, с. 402]⁸¹.

⁷⁸ Это показывает, например, фрагмент труда византийского историка Феофилакты Симокатты (писал между 628 и 638 г.), где он говорит об увлечении Хосрова II Парвиза астрологией [164, с. 234].

⁷⁹ В переводе основываемся на греческом тексте надписи: *Σασάνου τοῦ ἐν βασιλείῳ(ν) τοῦ ε<ις> Παρικαν τραφέντος ... Σασάνου τοῦ ἐν βασιλ[έ]ων τοῦ εἰς Κιδουκαν ἀνατραφέντος*. В парфянском и среднеперсидском текстах этому соответствует *pad Parrigān / Kidūgān dāšt*, т.е. «которого он (Шапур I. – Д. М.) держал в роду Парриганов / Кидуганов».

⁸⁰ Этот эпизод подробно разобран автором этих строк в «Хосрове» [3, с. 245, 326].

⁸¹ Эти рассказы тоже в определённой части основаны на реальности. О том, что в Хире хорошие воздух и почва, говорит

Наиболее подробный рассказ об этих событиях мы находим у ат-Табари. Согласно ему, Ездигерд, ознакомившись с гороскопом,

«...стал помышлять о том, чтобы отдать его (Варахрана. – Д. М.) на вскормление и воспитание кому-нибудь из бывших при его дворе ромеев, арабов или иных кто не был из персов, и ему пришло на ум избрать арабов, чтобы те воспитывали его и нянчили. И вот он призвал аль-Мунзира, сына ан-Нумана, назначил его опекать Бахрама⁸², возвысил его (аль-Мунзира. – Д. М.), обласкал, поставил царём над арабами, пожаловал ему два почётных звания – одно из них называлось *rām afzūd Yazdağird*, что объясняется как “ещё более обрадовался Ездигерд”, а другое – *mahišt*, что объясняется как “самый великий среди слуг”, приказал дать ему дары и одежду в соответствии с тем, на что он имел право, будучи на своём месте⁸³, и велел [ему] увезти Бахрама в страну арабов» [19, сер. 1, с. 854–855].

В этом фрагменте следует прежде всего обратить внимание на слова о том, что Ездигерд поставил аль-Мунзира царём над арабами. Вообще говоря, Ездигерд, который, судя по сообщениям источников, нередко карал вельмож⁸⁴, мог сместить ан-Нумана и поставить на его место аль-Мунзира. В источниках можно прочесть, что Ездигерд

аль-Масуди, который добавляет, что и аббасидские халифы Абуль-Аббас ас-Саффах (749–754), Абу Джафар аль-Мансур (754–775) и Харун ар-Рашид (786–809) приезжали туда по этой причине [107, т. 3, с. 23]. Современник аль-Масуди географ аль-Истахри отмечает, что, хотя с постройкой Куфы Хира опустела, воздух и почва в последней лучше [167, с. 82]. Ибн аль-Факих приводит изречение, согласно которому один день и одна ночь в Хире благотворнее, чем лекарства на целый год [227, с. 216, 529].

⁸² В арабоязычных текстах Бахрам (*Bahrām*) соответствует среднеперсидскому «Варахран».

⁸³ Имеется в виду высокое положение, вновь обретенное аль-Мунзиром.

⁸⁴ Об этом см. 3, с. 101–102.

отправил Варахрана именно к аль-Мунзиру, в его столицу – Хиру [174, с. 51], причём аль-Мунзир называется царём [73, с. 539]. Как будет показано далее, в описаниях войны между Сасанидской державой и Восточной Римской империей 421–422 гг. аль-Мунзир фигурирует как царь. Но авторы, по сообщениям которых мы восстанавливаем историю этой войны, не интересовались делами Лахмидов и потому вполне могли принять командовавшего войсками аль-Мунзира за царя. В ряде источников мы читаем, что Ездигерд поручил ан-Нуману построить для отправленного в Хиру царевича дворец. Ан-Нуман выполнил повеление царя, и именно он называется строителем дворца, который арабы называли аль-Хаварнак [67, с. 101; 107, т. 3, с. 200; 149, с. 199; 172, ч. 2, с. 36; 188, с. 515; 191, с. 273; 213, с. 113; 227, с. 219; 264, т. 2, с. 402]⁸⁵. Более того, как показано во Введении, ан-Нуман правил в Хире до 428/29 г. и пережил Ездигерда I на несколько лет. Поэтому говорить о смещении ан-Нумана было бы неверно.

Для того чтобы правильно понять рассказ ат-Табари, необходимо представить себе, чем руководствовался Ездигерд. По-видимому, он, сделав по той или иной причине выбор в пользу Хиры, теперь должен был решить, с кем отправить туда царевича. Для того, чтобы двигаться по земле арабов с её особыми природными условиями и возможностью в любую минуту подвергнуться нападению, только персидского отряда было недостаточно; требовался кто-то из местных жителей. Аль-Мунзир, который по тем или иным причинам находился при дворе Ездигерда, прекрасно подходил для этого. Но Ездигерд не мог верить царевича человеку, не занимавшему достаточно высокого положения. Мы очень мало знаем о детях ан-Нумана, но нельзя исключать, что он имел нескольких сыновей; следовательно, аль-Мунзир мог даже не быть главным

⁸⁵ О Хаварнаке и других лахмидских дворцах более подробно в Части II.

кандидатом в престолонаследники. Следовательно, аль-Мунзира надо было возвысить, и именно это в тексте ат-Табари делает Ездигерд. Аль-Мунзир получает созданные специально для него почётные звания и объявляется наследником, а возможно – и соправителем ан-Нумана.

Установить временные рамки пребывания Варахрана в Хире сложно из-за расхождения в рассказах источников. Согласно ат-Табари и некоторым другим авторам Варахран вступил на престол в двадцать лет [19, сер. 1, с. 863; 107, т. 3, с. 190; 153, с. 78]. Однако в поэме *Шахнаме* Фирдоуси (ум. ок. 1020 г.) мы читаем, что Варахран родился по истечении семи лет царствования Ездигерда I, в начале восьмого года. Интересно, что Фирдоуси и ат-Табари указывают одну и ту же дату рождения Варахрана – первый день месяца *фарвардин*, т.е. первый день зороастрийского календарного года [19, сер. 1, с. 854; 51, с. 2077–2078].

То, каким образом исчислялись годы правления сасанидских царей, подробно рассмотрено в «Хосрове» [3, с. 38–39]. Применяя описанный там метод здесь, мы заключаем, что Варахран V появился на свет 17 августа 406 г. В этом случае, однако, к моменту смерти Ездигерда Варахрану V было не двадцать лет, а немногим более четырнадцати.

Налицо противоречие между сообщениями источников, и у нас нет бесспорных оснований предпочесть одно из них. В пользу рассказа ат-Табари говорит тот факт, что, согласно источникам, через какое-то время Ездигерд вызвал Варахрана из Хиры и обязал служить во дворце. Царевичу, однако, не понравилась дворцовая жизнь, и он, добившись с помощью византийского посла разрешения, уехал обратно в Хиру [19, сер. 1, с. 857; 51, с. 2089–2093; 73, с. 545–546; 153, с. 75]. Всё это должно было занять время; следовательно, вероятность того, что возраст Варахрана отвечает этому условию, тем выше, чем дальше отодвигается в прошлое дата его рождения. Но если Варахран

родился в 406 г., кратковременная служба при дворе возможна. Кроме того, датировка по Фирдоуси позволяет объяснить, почему в источниках подчёркивается, что Варахран отослал приставленных к нему наставников, т.е. завершил образование, уже в двенадцать лет [19, сер. 1, с. 856] или был искусен в верховой езде ещё до наступления зрелости [73, с. 541]. Ведь в этом случае Варахран начал борьбу за престол, ещё не достигнув совершеннолетия, наступавшего у зороастрийцев в пятнадцать лет. Очевидно, сасанидские придворные сказители времён Варахрана V, к которым восходят эти рассказы, утверждали, что он уже в детском возрасте обладал всеми знаниями и умениями, необходимыми царю, и мог, следовательно, занять престол ещё до совершеннолетия.

Есть расхождения и в определении даты отъезда Варахрана в Хиру. В созданной в конце XI – начале XII в. «Книге о Фарсе» (*Fārs-nāmeḥ*) указывается, что Варахран был увезён в Хиру в возрасте двух лет [153, с. 74]. Однако в более позднем «Собрании [известий] о следах [деяний] царей персов» (*al-Mu'ğam fī ātār mulūk al-'ağam*)⁸⁶ можно прочесть, что Ездигерд принял решение отправить Варахрана в Хиру по достижении последним четырёхлетнего возраста [252, с. 238]. Более точными и однозначными данными мы не располагаем.

Мусульманские авторы изображают царствование Ездигерда I временем жестоких репрессий. В этом они пересказывают персидские предания, в которых, очевидно, отражается то, как представляли себе этот период сасанидские аристократы. Ездигерд, действуя решительно и жёстко, подчинил царскому самовластию аристократические роды, и многие вельможи считали его тираном и самодуром. После смерти Ездигерда осенью 420 г.

⁸⁶ Этот неопубликованный, насколько известно автору, источник относится к XIII или XIV в. и содержит фрагменты некоторых не дошедших до нас произведений [3, с. 27].

ненавидевшие его вельможи убили его сына и наследника, договорились, что не позволят никому из его потомков вступить на престол, и посадили на трон своего ставленника. Известие об этом вскоре донеслось и до Хиры. По словам ат-Табари Варахран решил бороться за престол и призвал на помощь аль-Мунзира и его сына ан-Нумана. Ад-Динавари (*al-Dīnawarī*, ум. в 895/896 г.), которому принадлежит подробный рассказ об этих событиях, представляет дело по-другому: аль-Мунзир призвал Варахрана начать борьбу за наследство отца. Так или иначе, лахмидские войска выступили в поход на Ктесифон. Впереди двигался авангард под командованием ан-Нумана (сына аль-Мунзира). За ним шли основные силы, с которыми были Варахран и аль-Мунзир. Их противники, видимо, не чувствуя за собой достаточной силы, начали переговоры. В конце концов Варахран вступил на престол⁸⁷.

Нетрудно представить себе, что Варахран был благодарен аль-Мунзиру и его сыну за поддержку, без которой он не мог бы прийти к власти. В источниках это подчёркивается не раз: Варахран возвысил аль-Мунзира [82, с. 184], отпустил его и ан-Нумана с дарами [51, с. 2119–2120]. Дальше других идёт ад-Динавари, по словам которого Варахран вверил аль-Мунзиру власть на всей земле арабов [174, с. 56]. Мы уже говорили, что царём должен был остаться ан-Нуман, однако влияние аль-Мунзира, подкрепляемое благоволением Варахрана, несомненно, возросло. Вскоре после воцарения Варахрана, ставшего таким образом Варахраном V, началась война с Восточной Римской империей. Аль-Мунзир принял в ней деятельное участие, причём его войска действовали как самостоятельная операционная единица. Военные действия 421 г. сложились для Варахрана неудачно. В следующем году он решил лично выступить на войну и нанести ромеям

⁸⁷ Эти события более подробно рассматриваются в «Хосрове», где даны также ссылки на источники [3, с. 101–103].

сильный удар. С этой целью он призвал аль-Мунзира. Тот, согласно источникам, ободрил царя, обещав завоевать для него Антиохию и всю Сирию. Войско аль-Мунзира двинулось вверх по Евфрату. Но здесь проявилась слабая сторона лахмидского войска. Составленное из быстрых и подвижных племенных ополчений, оно было хорошо для молниеносных нападений на небольшие отряды неприятеля с последующим быстрым отходом, но не могло выдержать крупного сражения с регулярной армией. К тому же многие из тех, кто составлял эти ополчения, шли не воевать, а грабить. Это предопределило результат похода. Войско аль-Мунзира поднялось вверх по течению Евфрата, однако среди арабов пронёсся слух, что навстречу движется большая византийская армия. Началась паника. Воины аль-Мунзира стали бросаться в Евфрат, чтобы переправиться на другой берег, но гибли в водах реки. Остатки войска аль-Мунзира были впоследствии разбиты полководцем Витианом [83, с. 193–195, 206–208; 141, с. 767–775; 163, с. 132–133].

Эти известия нуждаются, конечно, в критическом осмыслении. Едва ли можно верить словам Сократа Схоластика о том, что в водах Евфрата погибло сто тысяч сарацин. В описании этого похода, видимо, не обошлось без преувеличений. Хишам аль-Кальби изображает ан-Нумана I грозным воителем, который раз за разом нападал на Сирию, причинил её жителям много несчастий, грабил и уводил в полон [19, сер. 1, с. 853; 67, с. 102; 184, с. 714; 227, с. 212]. Эти набеги вряд ли следует относить к правлению Ездигерда I, который стремился поддерживать хорошие отношения с ромеями и наверняка не позволил бы подчинённым ему арабам их испортить. Не исключено, что к числу набегов, о которых говорил Хишам аль-Кальби, относится прежде всего поход аль-Мунзира, который, вероятно, успел разорить некоторые пограничные области. Может быть, впоследствии были и другие походы, хотя,

судя по отсутствию упоминаний о них в византийских источниках, лахмидские войска не продвинулись дальше пограничья.

В Сасанидской державе полководца, потерпевшего поражение, могли казнить, но благоволение Варахрана делало своё дело; кроме того, царь и сам не добился успеха⁸⁸. Поэтому военная неудача не имела для аль-Мунзира никаких видимых последствий. Он продолжал занимать высокое положение и впоследствии стал преемником ан-Нумана.

Царствование ан-Нумана I закончилось при весьма странных обстоятельствах. Многие мусульманские авторы рассказывают историю о том, что однажды царь, осматривая из своего дворца окрестности, был так поражён видом божественного творения, что в одночасье переменялся, покинул дворец, ушёл от мира и посвятил себя религиозному служению. Небезынтересно отметить, что почти все авторы, на которых здесь дана ссылка, приводят стих жившего в конце VI в. Ади Ибн Зайда (о нём см. ниже) с начальной (до ухода от мира) частью того же сюжета [19, сер. 1, с. 853; 67, с. 102–103; 82, с. 238; 149, с. 199–200; 172, ч. 2, с. 37; 176, с. 89–90; 184, с. 712, 715; 188, с. 515; 227, с. 212; 233, с. 647; 238, с. 358–359].

Параллельное сообщение мы находим в «Сокращённом изложении церковной истории». Согласно этому источнику, во времена ан-Нумана жил праведник по имени Симеон, к которому каждый год ездили хирцы. Опасаясь, что поездки к праведнику – лишь предлог для ухода в Сирию, ан-Нуман запретил их. Однако затем Симеон явился к ан-Нуману в видении. Поражённый ан-Нуман вызвал к себе епископа Шимуна Ибн Ханзалу, и тот объяснил ему, кого он видел. После этого Шимун Ибн Ханзала стал посещать ан-Нумана и постепенно привёл его к крещению.

⁸⁸ Ход этой войны рассмотрен автором этих строк в «Хосрове» [3, с. 250–252].

На первых порах ан-Нуман был скрытым христианином, но затем, будучи поражён видом творения или мыслью о тленности мирского, оставил власть и исчез [253, с. 134–135, 139–140].

Этот рассказ, в свою очередь, находит ещё две параллели в источниках. Одна из них обнаруживается в сирийском житии Симеона Столпника, которое, судя по тексту, изданному П. Беджаном, принадлежит перу неких Шимона, сына Аполлона (*Šim'ōn Bār Apōlōn*) и Бэр Хэттара, сына Удана (*Bār Ḥaṭṭar breh d-Ūdan*) [10, с. 648]. Согласно данному источнику арабы из Хиры ездили к Симеону, и ан-Нуман по настоянию вельмож запретил это, чтобы они не становились христианами и не присоединялись к ромеям, оставляя, таким образом, своего правителя. Однако Симеон Столпник явился ан-Нуману во сне и обещал покарать его, если он и впредь будет препятствовать таким поездкам. Потрясённый этим видением, ан-Нуман разрешил хирцам ездить к Симеону и креститься. Он также позволил, чтобы в Хире были церковь, епископы и священники [10, с. 596–598].

Сходство известия «Сокращённого изложения» с этим рассказом очевидно, но это касается только его начала. Согласно житию, ан-Нуман не стал креститься, так как был подчинён царю персов, а впоследствии, пребывая под Дамаском, спрашивал, не бог ли Симеон. Видимо, рассказ жития об ан-Нумане был позже дополнен другим сообщением, в котором появляется епископ Шимун Ибн Ханзала. По всей вероятности, эти два рассказа соединили хирские авторы. На это указывают следующие обстоятельства. В арабском тексте «Сокращённого изложения» Симеон именуется *al-Aṣṭūn*. Это слово, не употребляющееся у арабов, – переложение сирийского *iṣṭōnā*, т.е. «столпник». Его присутствие в тексте следует, видимо, истолковывать как свидетельство того, что сирийский текст был переведён авторами, не знавшими традиции столпничества, т.е.,

вероятно, арабами. Кроме того, по сообщению аль-Хилли, утверждали, что ан-Нумана привёл к крещению Шимун Ибн Ханзала из хирских Бану Лихьян. Далее сообщается, что ан-Нумана видели после ухода от власти; от аскетизма⁸⁹ он совершенно исхудал [213, с. 118].

Сопоставление источников говорит, таким образом, в пользу высказанного во Введении предположения о том, что Хишам аль-Кальби использовал более объёмный, чем его произведение, хирский свод, из которого исключил всё, что считал непонятным для своих читателей. Именно поэтому сообщения мусульманских авторов, процитированные выше, лишены христианского содержания. Однако в исходном тексте, фрагменты которого дошли до аль-Хилли, утверждалось, что ан-Нуман постепенно шёл к принятию христианского вероучения и наконец крестился.

Здесь перед нами встаёт вопрос о достоверности сведений о крещении ан-Нумана I. Поскольку в нашем распоряжении нет однозначных данных, предложить его решение нельзя. Можно, впрочем, обозначить подходы к решению проблемы. С одной стороны, нельзя считать, что рассказы о крещении ан-Нумана I в принципе не могут быть правильными; в их пользу говорит общий принцип презумпции доверия к источникам. Кроме того, представления о том, что ан-Нуман стал христианином, были распространены. По одному сообщению, известному в разных пересказах, ан-Нуман крестился после того, как Ади Ибн Зайд прочёл ему стих о бренности бытия, когда они проезжали через кладбища. Эта история очевидно неверна; уже Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, который приводит её, отказывает ей в достоверности на том основании, что Ади Ибн Зайд не был современником ан-Нумана I [67, с. 111; 172, ч. 2, с. 32–33]. Но её можно воспринимать как доказательство того, что среди арабов

⁸⁹ Видимо, так в данном случае следует переводить *al-‘ibāda*.

ходили легенды о крещении ан-Нумана I. С другой стороны, как показано во Введении и Части II, авторы «Книги о хирцах», в которой, видимо, были рассмотренные выше рассказы о крещении ан-Нумана и его уходе от мира, стремились удлинить историю христианской общины Хиры, считая христианами даже первых Лахмидов. Если учесть отсутствие упоминаний о крещении ан-Нумана в житии Симеона Столпника, можно предполагать, что мы и в данном случае имеем дело с проявлением этого стремления. Косвенно на это указывает тот факт, что согласно тексту «Сокращённого изложения» крещение было тайным. Как отмечено выше, ан-Нуман являлся одним из наиболее известных представителей лахмидской династии, и, следовательно, представить его христианином было труднее, чем первых царей, история которых окутана легендами. Возможно, поэтому хирские авторы писали именно о тайном крещении, что позволяло им уходить от неудобных вопросов об отсутствии внешних проявлений смены ан-Нуманом веры. Кроме того, из-за одинаковых имён ан-Нумана I могли просто спутать с ан-Нуманом III⁹⁰.

Следует, впрочем, повторить, что на данном этапе исследований трудно однозначно ответить на вопрос о достоверности известий о крещении и исчезновении ан-Нумана.

После ан-Нумана на престол вступил, естественно, аль-Мунзир. Хишам аль-Кальби, как мы видели, отводит ему очень долгое правление – сорок четыре года. Логично предполагать, что аль-Мунзир I продолжал выступать преданным слугой и помощником Сасанидов и сохранил расположение и Варахрана V, и его преемников. Возвращаясь

⁹⁰ Характерно в этой связи приводимое у Ибн Халдуна высказывание аль-Байхаки (видимо – Захир-ад-Дина), согласно которому, по одним утверждениям, первым из Лахмидов, кто крестился, был ан-Нуман, сын аш-Шакики (ан-Нуман I), а по другим – ан-Нуман Последний (ан-Нуман III) [240, с. 325].

немного назад, отметим, что уже в 420 г. у аль-Мунзира был сын, которому он доверил командование передовым отрядом в ответственном походе. Если на этом основании относить дату рождения аль-Мунзира примерно на 380 г., получается, что он прожил очень долгую жизнь и умер в возрасте более девяноста лет.

Аль-Асуад (472/473 – 492/493)

Следующим правителем Хиры источники называют сына аль-Мунзира I – аль-Асуада. Трудно не задаться вопросом, почему царём не стал ан-Нуман, который, как показано выше, в 420 г. командовал передовым отрядом войска Варахрана V и аль-Мунзира в походе на Ктесифон и, следовательно, должен был пользоваться доверием обоих. Непохоже, чтобы он погиб во время неудачного похода 422 г.: авторы источников, рисуя картины полного разгрома лахмидского войска, вряд ли умолчали бы о гибели «сарацинского» царевича, но именно о ней они и не сообщают.

Столь же неясна и история правления аль-Асуада. Ат-Табари, основываясь на сведениях Хишама аль-Кальби, повествует, что

«...затем после него (аль-Мунзира I. – Д. М.) царствовал его сын аль-Асуад Ибн аль-Мунзир, матерью которого была дочь ан-Нумана из [рода] Бану-ль-Хайджумана (*Banū al-Hayḡumāna*), [а аль-Хайджумана –] дочь Амра Ибн Аби Рабиа Ибн Зухля Ибн Шайбана (*ʿAmr Ibn Abī Rabīʿa Ibn ḏuhl Ibn Šaybān*), а он – тот, кого держали под стражей персы, двадцать лет, из них при Перозе, сыне Ездигерда, десять лет, при Валаше, сыне Ездигерда⁹¹, четыре года, и при Каваде, сыне Пероза, шесть лет» [19, сер. 1, с. 882].

⁹¹ Так в тексте источника, однако это явная ошибка: сасанидский царь Валаш, правивший в 484–488 гг., был сыном Пероза, а не Ездигерда. Ат-Табари сам пишет об этом через несколько строк.

«Держали под стражей персы» – условный перевод арабского *asarat-hu fāris*. Глагол *asara* может означать и «взять в плен», и «заточить». Предложение ат-Табари составлено так, что выражение «он – тот, кого держали под стражей персы» может относиться и к аль-Асуаду, и к Амру – например, если последний выступил против персов. Между тем, о том, как понимали это известие в Средние века, можно судить по следующему фрагменту, принадлежащему перу аль-Хилли:

«Говорили, что он правил двадцать лет. Его правление было во времена Пероза, сына Ездигерда, и Валаша, сына Пероза. Однако затем последний покарал⁹² его и заточил в темницу, так что тот оставался в темнице сасанидских царей двадцать лет» [213, с. 119].

В трактовке аль-Хилли слова о двадцати годах однозначно относятся к аль-Асуаду. Примечательно, что в этом тексте упоминание о двадцати годах встречается дважды: как указание времени правления и количества лет, проведённых в темнице. Видимо, в этом отразились различные интерпретации текста ат-Табари. Но Хишам аль-Кальби, на сведениях которого основывается ат-Табари в рассказе о лахмидских царях, указывал для каждого из них именно продолжительность правления. Кажется, аль-Хилли, который пользовался сведениями, восходящими к Хишаму аль-Кальби, неверно истолковал упоминание о двадцати годах как о времени пребывания в темнице. Но аль-Хилли наверняка знал, что аль-Асуад правил в течение двадцати лет; поэтому в его труде появились два двадцатилетних срока. Заметим, что в данном фрагменте аль-Хилли расходится с ат-Табари ещё в одном: у первого аль-Асуада карает Валаш, у второго – Пероз.

О том, что произошло в Хире, и чем аль-Асуад вызвал гнев сасанидского царя, у нас нет никаких сведений.

⁹² О глаголе *paqata* в значении «покарать» см. 99, с. 3037.

Строго говоря, по тексту ат-Табари мы даже не можем однозначно сказать, когда именно аль-Асуад оказался в сасанидской темнице – до или после своего правления. Из приведённого выше фрагмента трактата аль-Хилли можно заключить, что аль-Асуад был смещён сасанидским царём и заточён в темницу, однако не исключено, что данный текст отражает лишь то, как его автор истолковал свои источники. Вместе с тем, исторический контекст говорит скорее в пользу интерпретации аль-Хилли. Согласно единодушному мнению мусульманских авторов преемником аль-Асуада стал его брат аль-Мунзир II (492/493 – 499/500), сын аль-Мунзира I, затем правил сын аль-Асуада – ан-Нуман. Поскольку правителя Хиры назначал сасанидский царь (см. Часть II), можно предположить, что выбор в пользу аль-Мунзира был обусловлен опалой аль-Асуада и недоверием к его сыну.

Ан-Нуман II (499/500 – 503)

Преемником аль-Мунзира II называется ан-Нуман II. Сопоставление этих фактов – опала аль-Асуада, очень короткое (по меркам Лахмидов) правление аль-Мунзира II и последующий переход власти к сыну смещённого аль-Асуада – наводит на мысль о том, что в Хире могло иметь место соперничество (если не борьба) за престол между сыновьями аль-Мунзира II и их потомками. Но было бы неправильно объяснять краткость правления аль-Мунзира II тем, что его так или иначе погубил обделённый и рвавшийся к власти ан-Нуман. Аль-Мунзир II – если считать, что он родился, когда его отцу аль-Мунзиру I было около пятидесяти лет – появился на свет примерно в 430 г. Даже в этом случае аль-Мунзир II умер в возрасте около семидесяти лет, хотя вполне вероятно, что ему было больше. Стало быть, аль-Мунзир мог просто умереть своей смертью.

Правление ан-Нумана II, согласно мусульманским авторам, продлилось всего четыре года, однако этот период нам хорошо известен – в основном благодаря известиям об участии царя в войне между Сасанидской державой и Византией. Первым из этих известий следует поставить сообщение Феофана Исповедника о том, что в 5990 году от сотворения мира арабы-скиниты из племени филарха Наамана вторглись в Евфратисию, но около Вифрапса (*Βιθράψος*) потерпели поражение от войск стратига Евгения [163, с. 217]. Евфратисия (с центром в Гиераполе, т.е. Манбидже) охватывала земли, расположенные в верховьях Евфрата. Вифрапс следует, кажется, отождествить с Байт-Расом, селением недалеко от Алеппо, о котором упоминает Якут [264, т. 1, с. 520]. Очевидно, лахмидское войско, в очередной раз поднявшись вверх по течению Евфрата, повернуло на запад в сторону Алеппо – возможно, чтобы пройти дальше в земли Сирии, – но потерпело поражение.

Некоторые затруднения может вызвать дата этого похода. В хронологии Феофана 5990 год от сотворения мира соответствует промежутку времени от 1 сентября 497 по 31 августа 498 г. Однако последовательность событий в повествовании Феофана не оправдывает этой датировки. Согласно Феофану, тогда уже шло второе правление Кавада [163, с. 216], но оно, как автор этих строк попытался показать в «Хосрове», началось в середине 501 г. [3, с. 61–62]. Представляется, что было бы правильное исходить не из дат, а из последовательности событий. Если поступать так, поход ан-Нумана должен был начаться не ранее середины 501 г. и не позднее августа-сентября 502 г., когда Кавад начал войну против Византии и двинулся на Амиду. Видимо, рейд ан-Нумана следует датировать весной 502 г. В какой-то степени это подтверждается известием Иисуса Столпника о том, что Кавад, вернувшись к власти, добился подчинения от мятежных тморийцев и

кадисиев, а правитель арабов, узнав, что готовится война с ромеями, охотно примкнул к нему [152а, с. 19].

Весенний поход 502 г. преследовал, по всей видимости, несколько целей: Кавад хотел провести разведку боем, разорить вражеские земли, перерезав коммуникации с Амидой – главной целью похода, посеять панику среди ромеев. Важно отметить, что именно арабам было поручено первыми вступить в столкновение с противником. Очевидно, речь шла о том, чтобы ударить подвижным, легко перемещавшимся войском, не вводя пока в бой главные силы. Эта тактика, как мы увидим далее, применялась и впоследствии.

Ан-Нуман принял участие и в основной кампании, начавшейся несколько месяцев спустя. В октябре 502 г. сасанидские войска подступили к Амиде, но не смогли взять город (он пал 10 января следующего года). Через некоторое время Кавад, согласно Иисусу Столпнику, послал ан-Нумана в область Харрана (Карр). Выполняя этот приказ, ан-Нуман пересёк область Харрана и дошёл до Эдессы. Лахмидские войска разорили области, по которым проходили, и, если верить источнику, взяли в полон 18 500 человек [152а, с. 47–48].

Весной 503 г. Византия начала контрнаступление. В мае 503 г. против Кавада было направлено войско. Полководец Ареовинд разбил персов, гнал их до самого Нисибина и едва не овладел городом. Кавад на время покинул Нисибин (оставшийся, впрочем, в руках персов), но в июле того же года начал своё наступление и, воспользовавшись несогласованностью действий византийских полководцев, захватил лагерь Ареовинда, который был вынужден бежать в Теллу, а затем – в Эдессу. Ан-Нуман, как и ранее, активно участвовал в боевых действиях. Лахмидские войска вновь попытались совершить рейд по Евфрату, но на этот раз дошли только до места, где в него впадает река Хабур. Там они сразились с византийской

армией под командованием Тимострата, коменданта Каллиника. Об исходе этого сражения источники не сообщают, но, судя по тому, что лахмидские войска явно не продвинулись вперёд, они отступили.

Иисус Столпник, повествование которого – наш главный источник по этой войне, повествует далее о том, что арабы из владений ромеев, именуемые *Bēt Ta'labā*, совершили рейд к Нумановой Хире (*Ḥīrā d-Nu'man*), захватили направлявшийся туда караван верблюдов и не стали брать город лишь потому, что его жители бежали во «внутреннюю пустошь» [152а, с. 54], т.е. в пустынные районы, расположенные неподалёку.

Сирийское слово *ḥīrā*, как показано выше, можно переводить и как географическое название (Хира), и как «укреплённый лагерь». Исторический контекст говорит в пользу первой интерпретации, так как ан-Нуман, находясь со своим войском, да ещё в присутствии персов, едва ли стал бы при подходе противника искать убежища в пустыне.

В «Хосрове» автор этих строк вкратце высказал предположение, что *Bēt Ta'labā*, о которых говорит Иисус Столпник, могут быть либо гассанидскими арабами, либо таглибитами [3, с. 286, прим. 430]. Здесь этот вопрос может быть рассмотрен подробнее. «Гассанидская» гипотеза предполагает сближение *Bēt Ta'labā* Иисуса Столпника с одним из двух человек: вождём Салабой Ибн Амром Ибн аль-Муджалидом (*Ta'labā Ibn 'Amr Ibn al-Muǧālīd*), который, согласно некоторым мусульманским авторам, привёл гассанидских арабов в Сирию [67, с. 115; 231, с. 486; 238, с. 371–372; 240, с. 334–335], или Салабой Ибн Амром (*Ta'labā Ibn 'Amr*), третьим царём гассанидской династии и внуком её основателя Джафны [67, с. 117; 173, с. 119]. В пользу этой гипотезы говорит то, что Гассаниды были верными союзниками Византии и в качестве таковых боролись с Лахмидами в приевфратских областях, причём совершили

самое меньшее ещё два удачных рейда на Хиру. Правда, в источниках Гассаниды нигде не называются племенем или родом Салабы, но отождествление с *Bēṭ Ta'labā* этого и не требует; достаточно того, чтобы нападавшие происходили из племени или местности, которая для средневекового рассказчика была так или иначе связана с именем Салабы. «Таглибитская» гипотеза представляет собой скорее догадку, основанную на звуковом сходстве *Ta'labā* Иисуса Столпника с названием племени *Taglib* и допущении аналогий с переселениями таглибитов в византийские владения в более поздние времена (о них см. ниже). На данный момент её нельзя подкрепить доказательствами, но и отрицать возможность того, что нападшими были таглибиты, мы тоже не можем.

В другое время ан-Нуман, вероятно, вернулся бы в Хиру или попытался нанести ответный удар по нападавшим, но тогда он, пребывая подле Кавада, не мог оставить ни его, ни театр военных действий. Трудно сказать, сделал ли он что-либо подобное позднее. Тем временем война продолжалась. В августе 503 г. сасанидское войско с вспомогательными отрядами из гуннов, кадусиев (дейлемитов) и армян подошло к селению, называемому у Иисуса Столпника Упадна⁹³. Навстречу ему выступила византийская армия полководца Патрикия, однако она была наголову разбита сасанидским войском и отошла к Самосате. В этом сражении был серьёзно ранен ан-Нуман. Кавад, несомненно воодушевлённый этим успехом, собирался вновь идти на Ареовинда, чтобы покончить с основной частью византийских войск. Один из арабских

⁹³ Идентификация этого топонима неоднозначна, потому что, как справедливо отметил Э. Хонигманн, существовали две крепости с похожими названиями: Апатна в Осроэне и Ападна в Месопотамии. Обе эти крепости упоминаются в *Notitia dignitatum*; о второй из них говорит также Прокопий Кесарийский, называя её одной из крепостей, расположенных вокруг Амиды [76, с. 14; 116, с. 76, 78; 124, с. 223].

вождей, христианин, имени которого Иисус Столпник не называет, советовал царю остановить войну. Ан-Нуман, однако, заявил, что готов идти на Эдессу. Он действительно снялся с лагеря и выступил с войском в поход, но через два дня умер – видимо, от полученного ранения.

Абу Яфур аз-Зумайли (503 – 505/6)

Иисус Столпник сообщает далее, что на смену ан-Нуману Кавад назначил нового правителя. В мусульманских источниках преемником ан-Нумана называется Абу Яфур Ибн Алькама аз-Зумайли. Судя по его родословной, которую мы находим у Ибн Хабиба и ат-Табари, он не принадлежал к правящей династии, но был выходцем из племени Нумара [19, сер. 1, с. 900; 238, с. 359]. Некоторые авторы называют Зумайль (*Dumayl*) одним из подразделений (*batn*) племени Лахм [54, с. 53; 67, с. 104; 236, с. 276]. Согласно рассказам источников, Абу Яфур был поставлен, чтобы замещать царя (*ustuḥlifa*) [19, сер. 1, с. 900; 67, с. 104; 214, с. 133; 240, с. 111]. Очевидно, в походной обстановке Кавад, поглощённый войной против византийцев, не имел ни времени, ни желания заниматься делами Хиры и потому назначил наместника из числа лахмидских вельмож, находившихся в его ставке, – видимо, рассчитывая вернуться к этому вопросу позже. Найдя таким образом временное решение вопроса, царь двинулся с войском на Теллу. Местный гарнизон, однако, сопротивлялся, и Кавад направился к Эдессе, а оттуда – к Харрану. Арабскому войску было приказано идти в область Батн (ар. Сарудж, совр. Сюрюч в Турции). По сообщению Иисуса Столпника, оно дошло до Евфрата, разоряя всё на своём пути [152а, с. 59]. Кавад явно стремился отрезать Эдессу от подкреплений и снабжения. Однако ни Теллу, ни Эдессу взять не удалось, и единственный успех Кавада заключался в том, что он занял город Батны, не имевший надёжных укреплений.

Впоследствии византийцы перехватили инициативу, вернули Амиду, и война завершилась для Сасанидской державы без значительных приобретений⁹⁴.

Согласно мусульманским авторам правление Абу Яфура оказалось очень недолгим и заняло всего три года. Для временного правления «блюстителя престола» это кажется вполне естественным. Если учесть описанную выше обстановку, можно представить себе, что Кавад возвысил Абу Яфура прежде всего как полководца, способного помочь в войне против Византии. По окончании войны эта потребность отпала, и Кавад вернул власть Лахмидам.

Имру-ль-Кайс III (505/506–512/513)

Следующим правителем Хиры надлежит считать Имру-ль-Кайса III, однако в списках лахмидских царей он появляется только у аль-Хорезми и Хамзы аль-Исфахани, причём у последнего предстаёт как сын ан-Нумана I [67, с. 104; 214, с. 133]. Ибн Хабиб, не упоминая Имру-ль-Кайса III среди лахмидских царей, говорит о нём в другом месте, но, судя по приводимой тут же родословной, путает его с Имру-ль-Кайсом II [238, с. 369]. Более того, Хамза аль-Исфахани, называя вместе с каждым лахмидским царём его мать, в данном случае этого не делает. Как показано во Введении, список лахмидских царей с указанием их матерей восходит к «Книге хирцев», известной мусульманским авторам через посредство Хишама аль-Кальби. Значит, Имру-ль-Кайс III не упоминается в «Книге хирцев», и известие о нём в списках аль-Хорезми и Хамзы аль-Исфахани появилось как отдельная вставка.

Может ли эта вставка оказаться ошибкой какого-нибудь средневекового компилятора или переписчика? Нет, мы не имеем оснований сомневаться в том, что Имру-ль-

⁹⁴ Ход войны подробно разобран автором этих строк в «Хосрове» [3, с. 263–267].

Кайс III действительно существовал: это очевидно вытекает из того факта, что следующий лахмидский правитель, один из наиболее известных во всей династии, аль-Мунзир III, был сыном Имру-ль-Кайса. Интересно, что мусульманские авторы уверенно называют отца аль-Мунзира III – Имру-ль-Кайса⁹⁵, но совершенно не упоминают о его деде. Видимо, аль-Мунзир III был сыном того самого таинственного Имру-ль-Кайса, сведения о котором мы рассмотрим теперь.

Дошедшие до нас известия об Имру-ль-Кайсе III можно разделить на две группы. Согласно аль-Хорезми и Хамзе аль-Исфахани, Имру-ль-Кайс воздвиг крепость, которая у первого из названных авторов именуется *الصنبر*, а у второго – *الصنبر* [76, с. 105; 214, с. 133]. Вернее у аль-Хорезми, так как о крепости *الصنبر* источники не упоминают, а *الصنبر* (читай – *al-Ṣinnīn*) Якут сообщает, что это – селение около Куфы, одно из обиталищ (*manāzil*) аль-Мунзира [264, т. 3, с. 431]. Правда, Якут не уточняет, о каком именно аль-Мунзире идёт речь, но, если исходить из того, что это должна быть весьма известная историческая личность, не нуждавшаяся в дополнительном представлении, можно предполагать, что имеется в виду самый известный правитель с таким именем – аль-Мунзир III. Для последнего было бы вполне естественным пребывать в крепости, построенной отцом.

В том же фрагменте, но несколько ранее, Хамза аль-Исфахани описывает приход к власти Имру-ль-Кайса:

«Затем царём сделали сына ан-Нумана Кривого по имени Имру-ль-Кайс Ибн ан-Нуман» [67, с. 104].

Очевидно, что стоящую в тексте форму *ملكو* следует читать как *mallakū*, т.е. «сделали царём». Это отличается от фрагментов о других лахмидских царях, которые

⁹⁵ Заметим, впрочем, что аль-Масуди считал аль-Мунзира III сыном аль-Асуада [107, т. 3, с. 200], но это – явная ошибка, вызванная, может быть, тем, что автор спутал его с аль-Мунзиром II.

обычно начинаются с ثم ملك («затем стал царствовать...»). Различие нельзя списывать на ошибку переписчика: будь правильной форма *malaka*, слово *ibn* стояло бы далее не в родительном, а в именительном падеже с соответствующим написанием.

Кто именно сделал царём Имру-ль-Кайса, Хамза, к сожалению, не уточняет. Но, кто бы ни стоял за формой *mallakū*, решающее слово оставалось за Кавадом. Без соизволения сасанидского царя Имру-ль-Кайс не мог бы объявить себя правителем и тем более построить крепость рядом с Евфратом.

Если суммировать эти наблюдения, получается примерно следующая картина. Не без участия каких-то неизвестных сил Кавад назначил правителем Лахмида, который, однако, построил себе крепость-усадьбу и не упоминается в списках царей. Всё это говорит в пользу того, что Имру-ль-Кайс III не был принят хирцами и не считался у них легитимным правителем. Не исключено, что была угроза заговора; это лучше всего объясняет постройку Имру-ль-Кайсом отдельной крепости. Почему так произошло – можно только догадываться. Кажется, что борьба за власть, начавшаяся ещё после смещения аль-Асуада, продолжалась; длительное отсутствие ан-Нумана, пребывавшего на войне вместе с Кавадом, могло только усилить противостояние. После смерти ан-Нумана борьба должна была достичь высшей точки: различные партии хирской знати понимали, что правление Абу Яфура не продлится долго, и делали всё, чтобы выбор Кавада пал на их кандидата. Получилось так, что Кавад назначил правителем царевича, но не того, кого поддерживали предки составителей списков лахмидских царей. Эта часть хирской знати ушла в оппозицию, не считая Имру-ль-Кайса легитимным правителем. Возможно, это предположение объясняет появление формы *mallakū*: имеются в виду сторонники той партии, которая поддерживала Имру-ль-Кайса.

Другая группа сведений об Имру-ль-Кайсе III не менее интересна. Хамза аль-Исфাহани повествует о вражде между Имру-ль-Кайсом и племенем Бакр Ибн Уаиль (*Bakr Ibn Wā'il*) – бакритами. Эти сведения разбросаны по двум разным фрагментам, что затрудняет восстановление последовательности событий. В одном месте сообщается, что в день битвы при Уваре Имру-ль-Кайс совершил нападение на бакритов, которые прежде были помощниками царей Хиры⁹⁶, но тогда союзничали с сынами Пожирателя

⁹⁶ В этом известии слова Хамзы аль-Исфাহани подкрепляются отрывком из *муаллаки* бакритского поэта аль-Хариса Ибн Хилиззы, который, рассказывая о достопамятных деяниях соплеменников, сказал:

«Затем [был] Худжр (*Huġr*) – я имею в виду сына Умм Катам (*Umm Qatām*) – а у него [было подобное] персидскому [войско], серостальное [по цвету доспехов].

В бою [он –] лев, сокрушающий добычу, а при недостатке дождя – источник изобилия.

Мы отразили их ударом; так поверхность воды в колодце отражает бурдюки» [43, с. 34; 172, ч. 9, с. 173; 179, с. 154–155; 218, с. 282–284; 223, с. 142]. Третья строка есть только у Абу-ль-Фараджа аль-Исфাহани и Яхьи ат-Тибризи (*Yahyā al-Tibrīzī*, 1030–1109). Речь идёт о сыне киндитского царя аль-Хариса (о нём см. ниже), рождённом от женщины по имени Умм Катам [157, с. 429; 244, с. 486, 733]. В исторических комментариях к этому стиху у Абу-ль-Фараджа аль-Исфাহани и ат-Тибризи говорится следующее: Худжр, сын аль-Хариса, напал на Имру-ль-Кайса. Заметим, что здесь Абу-ль-Фарадж или его источник допускает явную ошибку и называет Имру-ль-Кайса «Небесной водой» (*Mā' al-samā'*). Вероятно, средневекового комментатора ввело в заблуждение то, что аль-Мунзир III именовался «Сыном Небесной воды»; могло создаться впечатление, что таково было прозвище его отца, а не матери. Далее в комментариях утверждается, что бакриты, бывшие в войске Имру-ль-Кайса, отразили наступление Худжра и перебили его воинов [172, ч. 9, с. 173; 218, с. 283]. Очевидно, на первых порах бакриты выступали на стороне Лахмидов против киндитов и лишь впоследствии перешли на сторону последних. Аль-Харис не случайно упоминает в стихе именно об этом эпизоде. Как будет показано далее, он сказал этот стих на своего рода суде, на котором бакриты и таглибиты фактически спорили о том, кто из них более ценен для лахмидских царей. Именно поэтому, кажется, аль-Харис говорит, что бакриты

горьких растений (*Ākil al-murār*, о нём см. ниже), т.е. с киндитами [67, с. 104–105]. Через несколько фрагментов Хамза объясняет установление в Хире власти киндитов (об этом см. ниже); одной из причин этого называется то, что Имру-ль-Кайс (ошибочно отождествляемый с Имру-ль-Кайсом II) напал на аднанитские племена Рабиа (*Rabī'a*), причинял им несчастья, захватил в полон Небесную воду (мать аль-Мунзира III), но в одном из походов действовал нерешительно, и бакриты разбили его войско и взяли в плен его самого. Имру-ль-Кайс освободился за выкуп, но враждебное отношение к нему осталось в душах бакритов [67, с. 107–108].

Упоминание о битве при Уваре сомнительно. Как будет показано далее, первым сражением при Уваре арабы считали битву, в которой бакритов разбил аль-Мунзир III. Но в остальном есть основания поверить рассказу Хамзы

выступали на стороне Имру-ль-Кайса, но умалчивает о том, какую поддержку они впоследствии оказывали киндитам.

Предложенная реконструкция исторического контекста во многом определяет перевод стиха. Ат-Тибризи и другой комментатор поэмы, аль-Хусайн аз-Заузани (*al-Ḥusayn al-Zawzanī*, ум. в 1093 г.), считали, что слово *fārisiyya* из первой строки можно понимать как «персидский отряд» или «отряд в персидских доспехах». Но, как показано в тексте, к тому времени союз между сасанидским царём Кавадом I и киндитами ещё не был заключён. Поэтому буквальный перевод «персидский отряд» отпадает. Впрочем, не менее трудно сказать, откуда у киндитов были персидские доспехи. Наиболее вероятным представляется следующее объяснение. Следующее за *fārisiyya* слово *ḥadrā'* согласно обоим комментариям указывает на цвет доспехов. Вероятно, имеется в виду серый, серо-стальной или чёрный цвет, который, заметим, является одним из «словарных» значений данного слова [99, с. 756]. Такое войско напоминало стоявший в Хире персидский отряд, который назывался *al-ṣāhbā'* или *al-malḥā'* именно из-за цвета доспехов (об этом см. Часть II). Видимо, слова поэта следует истолковывать в том смысле, что войско киндитов в доспехах (возможно – трофейных, взятых у арабских племён и в византийских владениях) было подобно персидскому.

О чтении арабского имени حجر (в цитате выше – Худжр) см. прим. 110.

аль-Исфакхани. Очень похожие известия обнаруживаются у аль-Хилли. Тот в одном месте повествует, что Имру-ль-Кайс, сын ан-Нумана, сына Имру-ль-Кайса (здесь опять возникает ошибочное отождествление с Имру-ль-Кайсом II) непрестанно воевал с бакритами и в одном из набегов захватил в плен Мауию – Небесную воду. Муж её отправился к Имру-ль-Кайсу и договорился с ним, в результате чего царь отпустил пленников, но оставил женщину себе [213, с. 281–282]. В другом фрагменте сообщается, что Имру-ль-Кайс (опять-таки неверно отождествляемый с Имру-ль-Кайсом II) выступил в поход на бакритов, но те подготовились к сражению, разбили его войско. Имру-ль-Кайс был взят в плен, его богатства – захвачены победителями. Двое бакритов заспорили, кто из них взял в плен царя и имеет право на выкуп. В этом споре победил Салама Ибн Мурра (*Salama Ibn Murra*) из племени Бану Шайбан (*Banū Šaybān*) по прозвищу ан-Намус (*al-Nāmūs*), который предстаёт как пленитель царя и во втором из рассмотренных выше сообщений Хамзы аль-Исфакхани. Имру-ль-Кайс освобождён, уплатив выкуп в шестьдесят верблюдов, причём сам ездил за ними в Хиру [213, с. 435–436].

Киндиты

Для понимания дальнейших событий следует вернуться к сообщению Хамзы аль-Исфакхани о союзе между бакритами и киндитами (последние принадлежали к кахтанитам). Об этом относительно подробно рассказывает Абу Убайда. Согласно его сообщению, известному в пересказе Ибн Абд Раббихи и Ибн аль-Асира, бакриты потеряли разум, и над ними возобладали глупцы; началась смута. Чтобы покончить с ней, разумные люди из бакритов решили поставить над этими племенами царя. При этом они не хотели, чтобы царём стал кто-то из

своих: предпочтение одному из племён или родов наверняка вызвало бы междоусобицу. Поэтому бакриты обратились к царю Йемена. У мусульманских авторов он именуется Тубба (*Tubbaʿ*), что, судя по употреблению этого слова в источниках, было скорее прозвищем, нежели именем. Тубба назначил их правителем киндита – аль-Хариса Ибн Амра (*al-Ḥārīt Ibn ʿAmr* у Ибн Абд Раббихи) или его деда, имя которого пишется арабской графикой как حجر, что можно читать как Худжр (*Ḥuġr*) или Хаджар (*Ḥaġar*) (у Ибн аль-Асира). В обоих случаях этот человек именуется «Пожирателем горьких растений» [208, ч. 25, с. 116; 224, ч. 5, с. 222; 226, т. 1, с. 399; 242, т. 4, с. 275]⁹⁷.

Согласно некоторым другим мусульманским авторам Тубба назначил Худжра Пожирателя горьких растений своим наместником над мааддитами, когда направился в поход на Ирак [67, с. 140; 172, ч. 15, с. 82]. Ибн Хабиб называет Туббу по имени – Абкариб (*Abkarib*) [238, с. 368]. Это позволяет заключить, что речь идёт о «среднем» Туббе (т.е. Туббе II), который у мусульманских авторов именуется также Абу Кариб Асад (*Abū Karib Asʿad*) [19, сер. 1, с. 684, 749; 67, с. 129; 149, с. 177–178; 233, с. 631; 245, с. 305, 452; 262, с. 117]. Он отождествляется с правителем объединённой державы Химьяра и Сабы Абкарибом Асадом, известным по ряду южноаравийских надписей (*BynM 17, Gar BSE, Ja 516 Gr 39, Ja 520 Lu 10, Ry 509, Ry 534+MAFY/Rayda 1*). Из них для настоящего исследования особое значение имеет надпись Абкариба Асада (*ʿbkrb ʿsʿd*) и его сына Хассана Юхамина (*Ḥṣn Yhʿmn*) у вади Масаль (в Саудовской Аравии, в пятидесяти километрах к юго-востоку от ад-Дуадими, западнее эр-Рияда), известная как *Ry 509*.

⁹⁷ Вопрос о том, как следует читать это имя, остаётся открытым. Здесь, в соответствии с устоявшейся в историографии традицией, дед аль-Хариса будет фигурировать под именем Худжр. Вопрос об альтернативе между чтениями Худжр и Хаджар применительно к именам киндитов рассмотрен в прим. 110.

В сохранившемся фрагменте надписи идёт речь о том, как Абкариб Асад и Хассан Юхамин с войском направились в земли мааддитов, т.е. североарабских (аднанитских) племён. Это вызывает различные интерпретации; в литературе можно прочесть, что Абкариб Асад и Хассан Юхамин пребывали в землях мааддитов [129, с. 677; 132, с. 304], вели войну и стояли в землях мааддитов [28, с. 9] или предприняли поход и овладели землями мааддитов [7, с. 175; перевод CSAI]. В надписи упоминаются киндиты, которых Абкариб Асад и Хассан Юхамин называют в числе «своих» (т.е. подчинённых им) арабов.

В сохранившемся фрагменте надписи *Ry 509* нет указания дат. Поэтому сказать, к какому времени она относится, можно только приблизительно, сопоставляя её с другими. Надпись *Ry 534+MAFY/Rayda 1*, посвящённая строительству синагоги, датирована месяцем *d-Hrfrn* 543 года химьяритской эры, т.е. августом 433 г.⁹⁸; в ней

⁹⁸ В отношении того, как исчислять годы химьяритской эры, мнения специалистов расходятся (см. напр. 23, с. 141; 28, с. 6; 38, с. 119–120; 66, с. 519; 133, с. 22–24). Наиболее правильной представляется та точка зрения, согласно которой из указанной в надписи даты по химьяритской эре следует вычитать 109 (если речь идёт о событии, имевшем место с января по март, т.е. до апреля, начала химьяритского года) или 110 (для событий, происходивших с апреля по декабрь). Этот вывод подтверждается сообщениями о правлении царя объединённой державы Химьяра и Сабы Иосифа Асар Ясара (в южноаравийских надписях – *Ysf 's'r Yt'r*). События, происшедшие в то время, датируются в южноаравийских надписях по химьяритской эре, а в повествовательных источниках – по известным нам летосчислениям, что позволяет провести некоторые параллели.

Сообщения повествовательных источников дают основания для различных выводов в том, что касается хронологии. Поэтому сначала необходимо определить, какие данные следует принимать как наиболее правильные. Вероятнее всего таковыми следует считать упоминания дат в рассказе Симеона Бет-Аршамского о его поездке к аль-Мунзиру III в составе византийского посольства. Симеон называет недавние даты из своей собственной жизни, что по общему правилу более достоверно, чем даты, известные со слов

других людей. По словам Симеона, посольство к аль-Мунзиру III, находившемуся тогда вне столицы, двинулось в путь из Нумановой Хиры (о ней см. прим. 76) 20 канун-а второго 835 года селевкидской эры, т.е. 20 января 524 г. [75, с. 64; 83, с. 57, 331, т. 2, с. 183], а затем вернулось туда в первую субботу поста [75, с. 70; 83, с. 63]. Если, что вероятно, имеется в виду Великий пост, время возвращения можно приблизительно определить из того, что в 524 г. Пасха пришлась на 7 апреля. Следовательно, послы пробыли у аль-Мунзира недолго и вернулись уже в конце февраля или в самом начале марта. Судя по рассказу Симеона, непосредственно перед этим Иосиф Асар Ясар ещё стоял у власти, и его правлению пока ничто не угрожало. Он направил к аль-Мунзиру III посла, который передал лахмидскому царю его послание. Текст этого послания, который приводится в хрониках, приписываемых Захарии Митилинскому и Дионисию Тель-Махрскому, кажется апокрифичным. Однако вполне вероятно, что по крайней мере общий смысл пересказа послания в источниках верен, и Иосиф действительно сообщил аль-Мунзиру о взятии Наджрана. При этом посол Иосифа должен был потратить некоторое время на поездку к аль-Мунзиру. Из этого на данном этапе можно заключить, что Наджран пал не позднее начала 524 г.

Далее указания источников противоречат друг другу и дают основания для нескольких взаимоисключающих датировок падения Наджрана. Первая из них – 523 г., она основывается на том, что, согласно «Деяниям св. Арефы и Румы», многие наджранские христиане, в т.ч. их предводитель аль-Харис (Арефа), были казнены 24 гиперберетея, т.е. октября, второго года очередного индикта [11, с. 77]. Речь может идти только о 24 октября 523 г., вторник. В сирийской истории наджранских мучеников, опубликованной И. Шахидом, есть эпизод, в котором фигурирует служанка аль-Хариса, казнённая вместе с другими женщинами в среду. В разговоре с Иосифом Асар Ясаром она говорит ему, что он казнил аль-Хариса днём ранее, т.е. во вторник. Правда, в данном источнике казни, о которых идёт речь, относятся к *тишрин*-у второму, т.е. ноябрю [139, с. xviii, xx], однако автор мог и ошибиться, спутав этот месяц с *тишрин*-ом первым (октябрём). В другом фрагменте того же текста говорится, что наджранские мученики удостоились венца, т.е. были казнены, в *тишрин*-е втором 835 г. Александра [139, с. xviii], т.е. в ноябре 523 г.

Вторая возможная датировка – 522 г. – основана на том, что в упомянутой выше истории мучеников казнь св. Румы отнесена к воскресенью 20-го *тишрин*-а второго [139, с. xxvii]. Из годов, о которых может идти речь, 20 ноября пришлось на воскресенье только в 522 г. При этом в «Деяниях св. Арефы и Румы» казнь наджранских

мучеников датируется не только вторым годом индикта, но и пятым годом правления Юстина I (10 июля 522 – 9 июля 523) [11, с. 61]. Если верно это последнее указание, из всех возможных датировок остаётся только ноябрь 522 г. Кроме того, Феофан Исповедник повествует о репрессиях над Арефой и другими наджранскими мучениками под 6015 годом от сотворения мира (1 сентября 522 – 31 августа 523) [163, с. 260]. Правда, вследствие отмеченных выше многочисленных неточностей в хронологии Феофана ссылка на неё не может быть решающим аргументом.

Третья возможная датировка – 518 г. В её пользу говорит то, что, согласно сирийской «Книге о химьяритах», изданной А. Мубергом (А. Moberg), один из наджранцев (его имя невозможно однозначно определить из-за пробелов в тексте) был казнён в воскресенье 25 *тишрин*-а второго (ноябрь) [150, с. 23, CXV], что подходит только к 518 г. Кроме того, в конце истории наджранских мучеников, опубликованной И. Шахидом, мы читаем, что текст был написан в ставке гассанидского царя Джабалы (*Gab'alā*) в аль-Джабии (*Gbitā*) в месяце *таммуз* 830 г. Александра [Македонского] [139, с. xxxi], т.е. в июле 519 г. Правда, при критическом анализе текста эта последняя дата кажется очень сомнительной. Мы видели, что в другом его фрагменте казнь мучеников отнесена к *тишрин*-у второму 835 г. Александра. При этом имя Александра в этих фрагментах написано по-разному: ܐܠܝܚܐܢܐ (фрагмент на с. xviii), ܐܠܝܚܐܢܐ (фрагмент на с. xxxi). Ещё в одном фрагменте сообщается, что об одном из героев повествования рассказывает также Иоанн Асийский [139, с. XVI], т.е. Иоанн Эфесский. Деятельность Иоанна Эфесского пришлась на более позднее время, и в 519 г. такой фрагмент едва ли мог появиться. Поэтому если дата «830 г. Александра» и верна, это означает лишь то, что тогда был создан исходный текст, который впоследствии подвергся значительным изменениям. Вполне может быть, что повествование о наджранских мучениках представляет собой более позднюю вставку, которой по каким-то причинам был заменён исходный текст.

Тем не менее ни одну из предложенных датировок нельзя с самого начала сбрасывать со счетов. При буквальном подходе наиболее правильной следует признать датировку наджранских событий 518 г. Согласно «Деяниям св. Арефы и Румы» через некоторое время после того, как византийское посольство прибыло к аль-Мунзиру III, состоялся диспут Симеона и других монофизитов с несторианами, которых возглавлял епископ Сила (этот эпизод более подробно разобран в Части II). Вероятно, монофизитский автор «Деяний» имеет в виду несторианского католикоса Силу, который умер в середине 521 г. [3, с. 208–209, прим. 280, 449, прим. 630]. Однако

в этом случае после взятия Наджрана войсками Иосифа Асар Ясара осенью 518 г. история как бы замирает. Иосиф остаётся у власти, но направляет послов к аль-Мунзиру с известием о взятии Наджрана только через пять лет; ни византийский император, ни царь Аксума ничего не предпринимают. Для последнего такое поведение довольно странно: ведь Иосиф Асар Ясар, будучи его данником, поднял мятеж, захватил Зафар, уничтожил стоявший там эфиопский гарнизон и сжёг церковь. И только после византийского посольства к аль-Мунзиру III в 524 г. происходит какая-то перемена, и царь Аксума переходит к активным действиям. Эту длительную паузу очень трудно объяснить. Напротив, датировка кампаний Иосифа Асар Ясара кажется тем более вероятной, чем ближе она к началу 524 г. Если считать, что поход Иосифа на Наджран пришёлся на 523 г., развитие событий выглядит вполне естественным. Иосиф Асар Ясар, захватив Зафар и Наджран, вскоре известил об этом аль-Мунзира III и, вероятно, предложил ему какую-то форму союза, а царь Аксума Калед Элла-Асбаха, употребив 524 г. на подготовку похода, в следующем году восстановил свою власть над Йеменом (об этом см. прим. 170). Поэтому на данном этапе исследований лучше всего принять датировку походов Иосифа 523 г. Сообщение о диспуте монофизитов с католиком Силой в «Деяниях св. Арефы и Румы» само по себе вряд ли может служить решающим аргументом против этой датировки, так как его достоверность вызывает сомнения (см. Часть II).

Впрочем, нельзя исключать, что объяснение пятилетней паузы, о которой говорилось выше, всё же будет найдено.

Сделанное умозаключение следует теперь сопоставить с южноаравийскими надписями. Здесь необходимо разобрать надписи полководца Шарахилия Якбуля (*Šrh'l Yqbl*) из рода Язанов (*Yz'n*), в которых он повествует о боевых действиях и своём участии в них на стороне Иосифа Асар Ясара (*Ja 1028*, *Ry 507*, *Ry 508*). В надписи *Ry 508* (месяц *q-Yuzn*, т.е. июнь, 633 года химьяритской эры) Шарахиль сообщает, что был послан с войском против Наджрана. В двух других надписях, т.е. *Ja 1028* и *Ry 508*, относящихся к месяцу *q-Mdr'n* (июль) того же года говорится, что они были написаны тогда, когда Шарахиль с войском стоял перед Наджраном. Крайне маловероятно, чтобы в этих надписях речь шла не о той осаде Наджрана, о которой говорится в повествовательных источниках. У нас нет свидетельств того, чтобы войска Иосифа Асар Ясара брали Наджран дважды. В то же время в «Книге о химьяритах» упоминается полководец Иосифа Асар Ясара по имени Зу Язан [150, с. 44, СХХХIV], с которым, видимо, и следует отождествить Шарахилия. Судя по тому, в каком контексте в «Книге о химьяритах» появляется Зу

фигурируют Абкариб Асад ('bkrb 's'd), Хассан Юхамин (Hṣn Yh'mn), Мадикариб Юханизм (M'dkrb Yhn'm), Марсадилан Язан (Mrtd'ln Yz'n) и Шурахбилъ Яфур (Šrḥb'l Y'fr)⁹⁹ с титулами царей Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута и Яманата¹⁰⁰. Но в надписи Ry 509 Абкариб и Хассан именуются царями не только указанных выше областей, но и арабов побережья (*thmt*) и возвышенности (*twdm*). Видимо, прибавление к титулу следует относить к более позднему времени, чем 433 г. Гипотезы относительно более точной датировки можно строить на основании того, что в следующей (по хронологии) датированной надписи, CИH 540, относящейся к месяцу *ḡ-D'wn* 565 г. химьяритской эры (январь 456 г.) мы видим только имя Шурахбиля Яфура с титулом царя Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута, Яманата и арабов побе-

Язан, Шарахиль должен был оставаться у Наджрана до конца осады и далее, т.е. осенью 523 г. Из некоторых указаний в источниках следует, что осада Наджрана продолжалась шесть месяцев [49, с. 127; 139, с. 184]. Во всех рассмотренных выше фрагментах падение Наджрана и казнь христианских мучеников происходят в октябре-ноябре. Отступая на 6 месяцев назад, мы приходим в апрель-май того же года. Здесь следует обратить внимание на то, что месяц *ḡ-Qyzn* 633 года химьяритской эры – время создания надписи Ry 508, а не похода Шарахили Ямбуля на Наджран. Поход должен был начаться немногим ранее – возможно, опять-таки в апреле-мае. Получается, что надписи касаются отдельных эпизодов похода, о котором говорится в повествовательных источниках. Значит, июнь и июль 633 г. химьяритской эры соответствуют июню и июлю 523 г., что можно использовать как основу для дальнейших хронологических расчётов.

В отношении того, что считать началом года по химьяритской эре, автор этих строк основывается на выводах К. Робена (*Ch. Robin*) [128, с. 48].

⁹⁹ Из этих людей Хассан, Мадикариб и Шурахбилъ известны по другим надписям как сыновья Абкариба Асада (см. надписи Ry 509, *Gar BSE*, *BynM* 17 относительно первых двух и CИH 540, *Gar Sharahbil A*, *Gar Sharahbil B* относительно третьего). Обратим внимание и на то, что в списке царей Абкариб Асад стоит первым. Это указывает на главенствующее положение Абкариба Асада среди членов правившего рода

¹⁰⁰ Это название значит «юг» [24, с. 168]. Видимо, имеются в виду южные области Йемена.

режья и возвышенности. Абкариб Асад не упоминается ни в этой надписи, ни в более поздних; видимо, к началу 456 г. его уже не было в живых. Поэтому принятие Абкарибом Асадом и его сыном титулов правителей арабов следует относить к периоду 433–455 гг.¹⁰¹

Можно возразить, что надпись *Ry 534+MAFY/Rayda 1* не является царской; она принадлежит тем, кто завершил строительство синагоги, а эти последние теоретически могли и не привести титул правителя в полном объеме. Но тогда следует обратить внимание на то, каков титул царей в более ранних надписях. Отец Абкариба Асада – Малькикариб – оставил несколько надписей, в которых он и его сыновья – тот же Абкариб и Зараамар Айман (*Dr'mr ymn*) – именуются только царями Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута и Яманата (см. надписи *Gar Bayt al-Ashwal 2* (месяц *q-D'wn* 493 г. химьяритской эры, т.е. январь 384 г.), *RES 3383 / Gl 389* (493 г. химьяритской эры, т.е. апрель 383 – март 384 гг.) и *Ja 856 / Fa 60* без дат). Точно так же выглядит титул Малькикариба и в надписи *Ry 509*. Видимо, Малькикариб не называл себя правителем арабов побережья и возвышенности; этот титул принял Абкариб вместе со своим сыном Хассаном.

О том, что стоит за принятием Абкарибом и Хассаном нового титула, можно судить по данным двух видов. Один из них – аналогии с тем, как обстояли дела, когда правители объединённой державы Химьяра и Сабы приняли титул царей Хадрамаута. Они, очевидно, считали Хадра-

¹⁰¹ Известна ещё одна надпись, на которой Абкариб и Хассан называются царями Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута, юга, побережья и возвышенности – *ВупМ 17*. В этой надписи частично определена дата – 5_5; числительное из разряда десятков не поддаётся установлению. Стало быть, надпись *ВупМ 17* относится либо к 545, либо к 555 году химьяритской эры (435/36 и 445/46 соответственно). Однако текст надписи сохранился плохо и, насколько можно судить, не содержит упоминаний об арабах, что не даёт возможности опираться на неё в целях настоящего исследования.

маут территорией, властвовать над которой имеют право, хотя по надписям видно, что правители этой области не раз воевали с ними¹⁰². С другой стороны, в историческую память арабов «средний» Тубба вошёл как воитель, который в своих походах вышел далеко за пределы Аравийского полуострова¹⁰³. Если сопоставить эти наблюдения с надписью *Ry 509*, можно заключить, что Абкариб Асад предпринял масштабный поход (или несколько походов) на север и считал себя вправе именоваться правителем арабов. Вожди некоторых арабских племён признали верховную власть Абкариба Асада и сохранили своё положение. Если учесть аналогию с Хадрамаутом, мы должны допускать, что другие племена сопротивлялись царю. Киндиты, по-видимому, были подчинены Абкарибу Асаду и выступали на его стороне.

Теперь вернёмся к человеку, которого называли Пожирателем горьких растений. Из представленной выше хронологии следует, что им мог быть только Худжр: аль-Харис Киндитский, как показано ниже, жил намного позже. О Худжре мы знаем прежде всего из надписи в вадии Нуфуд Мусамма, в 100 км к северу от Наджрана, известной как *Ph – Ry – Li*. Она читается так: *hgr bn 'mrm mlk kd[t]*,

¹⁰² Приведём примеры, хронология которых наиболее ясна. Царь из химьяритского рода Зу Райдан по имени Ясир Юханизм (в надписях – *Ysrm Yhn 'm*), который вместе со своим сыном Шаммиром Юхаришем (*šmr Yhr š*) правил объединённой державой Химьяра и Сабы, на определённом этапе (между концом 275 и серединой 297 г.) принял титул повелителя Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута и Яманата. Однако в надписях *Ja 665* и *Ja 665 ZI 68*; *Sh 30* сообщается, что его войско сражалось с силами правителя Хадрамаута. Шаммир Юхариш, который, судя по всему, управлял державой после смерти Ясира Юханизма, тоже носил указанный выше титул (о нём и хронологии его правления см. Прил. 2) и, согласно надписи *Ja 656*, воевал с двумя царями Хадрамаута.

¹⁰³ Об этом свидетельствуют сказания о Туббе и приписываемые ему стихи, которые донесли до нас мусульманские источники [19, сер. 1, с. 684–686; 67, с. 129; 149, с. 177; 233, с. 631; 245, с. 453–456; 262, с. 122–125].

т.е. «Х.дж.р, сын Амра, царь киндитов». К сожалению, краткость текста не даёт возможности однозначно сказать, что связывало Худжра с этим местом. По словам мусульманских авторов резиденция Худжра находилась севернее. Согласно известию Хишама аль-Кальби, известному в пересказе Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани (через посредство Ибн Дурайда), Худжр поселился в аль-Гамре (*al-Ġamr*) [172, ч. 15, с. 82]. Речь идёт об аль-Гамре, находившемся в самом конце пути, который в исламскую эпоху был известен как путь из Багдада в Мекку, недалеко от последней. Ибн Хордадбех, которому принадлежит описание этого пути, говорит о «Гамре киндитов» [91, с. 132]; так же называют аль-Гамр и другие авторы [188, с. 18; 212, с. 171; 260, с. 170]. В некоторых других источниках местами расселения киндитов называются земли между Зат Ирк (*Dāt 'Irq*, расположенным, согласно Ибн Хордадбеку, на том же пути из Багдада в Мекку, недалеко от аль-Гамра) и аль-Гамром [172, ч. 2, с. 154; 240, с. 288]. Вероятно, это перемещение на север связано с назначением Худжра наместником царей объединённой державы Химьяра и Сабы над арабскими племенами, о котором повествуют мусульманские авторы¹⁰⁴.

Судя по дошедшим до нас сказаниям о Худжре, он прошёл ещё дальше на северо-восток. Из сообщений мусульманских авторов о Худжре наиболее известно то, что однажды он воевал в области Бахрейна, и некий племенной вождь по имени Зияд Ибн Хабула аль-Кудай (*Ziyād Ibn Habūla al-Qudā'i*) совершил набег на лагерь царя киндитов

¹⁰⁴ Известны две надписи, на которых в качестве сына и соправителя Абкариба Асада назван некий *Hgr 'yḥ* (*Gar BSE, Ja 520 Lu 10*). Если отождествлять его с Худжром Пожирателем горьких растений, статус последнего, несомненно, повышается. Однако на данном этапе исследования такое отождествление кажется скорее гипотетическим. У нас нет ни оснований для однозначной идентификации, ни объяснения для *'yḥ*, как Худжр в источниках нигде не называется.

и захватил в плен его жену Хинд (*Hind*). Затем, однако, Худжр вместе с бакритами выступил в погоню, разгромил неприятеля и отбил Хинд [172, ч. 15, с. 82–83]. Этот рассказ, заметим, весьма неоднозначен, особенно в том, что касается противника Худжра. Например, его считали правителем из числа Салихидов – династии, которая, согласно мусульманским источникам, правила в Сирии до Гассанидов. Хамза аль-Исфахани и Ибн аль-Асир оспаривали это сообщение, так как не считали Салихидов современниками Худжра, и предлагали считать Зияда просто племенным вождём или влиятельным временщиком [67, с. 140; 226, т. 1, с. 397; 260, с. 693]. Согласно другому рассказу жилище Худжра занял гассанидский царь аль-Харис Ибн Джабала, причём именно после этого вождь киндитов получил прозвище «Пожиратель горьких растений»: услышав известие о случившемся, он поедал их, не обращая внимание на вкус. [172, ч. 8, с. 61]¹⁰⁵. Против этого второго рассказа можно выдвинуть то же возражение: аль-Харис, который правил в середине VI в., не был современником Худжра. Поэтому установить, кто был противником Худжра, нельзя; можно лишь констатировать, что в представлениях средневековых рассказчиков напавшие на его лагерь пришли из Сирии.

Обратим внимание на упоминание о походе на область Бахрейна. О действиях Худжра на востоке Аравии мы осведомлены куда меньше, но этот недостаток сведений может, кажется, быть восполнен за счёт арабских сказаний о Хассане, сыне Абкариба. Согласно им, народы Тасм (*Tasm*) и Джадис (*Ġadīs*) были объединены под властью одного царя. Затем джадиситы на пиру убили царя

¹⁰⁵ У Ибн Хишама в качестве противников киндитов называется Амр Ибн Хабула аль-Гассани (*ʿAmr Ibn Habūla al-Ġassānī*), причём приводятся разные мнения: по одной из версий, рассказ о нападении относится к аль-Харису Киндитскому, по другой – к Худжру [242, т. 4, с. 275].

и устроили резню тасмитов. Уцелевшие тасмиты бежали к Хассану; тот предпринял поход на Йемаму и нанёс джадиситам поражение [67, с. 130; 208, ч. 4, с. 129–130; 217, ч. 1, с. 107; 236, с. 51–52; 243, с. 124–125; 245, с. 308–309; 262, с. 138–142]. В Средние века Тасм и Джадис считались древними, вымершими арабскими народами; в описываемое время северо-восток Аравии занимали другие племена. Очевидно, составители этих рассказов слабо разбирались в положении дел в Йемене и передали лишь общий смысл происшедшего. Видимо, Абкариб и Хассан использовали в своих интересах межплеменные распри и – вероятно, не без помощи Худжра – утвердились в Йемене. Оттуда Худжр мог совершить поход в область Бахрейна.

После смерти Худжра земли, которыми он управлял, были разделены между его сыновьями Муауией (*Mu'āwiyā*) и Амром (*ʿAmr*). Муауия, прозванный «Чёрным» (*al-Ġawn*), управлял Йеменом. Амр, насколько можно судить, правил бывшими владениями отца. Он носил прозвище *maqṣūr*, что в источниках объясняется в основном как «тот, чья власть была ограничена землями, которыми правил его предшественник» [226, т. 1, с. 399; 238, с. 369; 260, с. 168], но также и как «возведённый на престол против воли» [29, с. 16; 172, ч. 8, с. 61]. Источники прямо указывают, что Амр служил Хассану, а затем и его преемнику [19, сер. 1, с. 880; 236, с. 244]; то же самое, кажется, можно говорить и о Муауии. При этом курс на дальнейшее продвижение на север оставался неизменным. Согласно одному сообщению, восходящему к какому-то неизвестному нам источнику¹⁰⁶, аднанитские племена Раба заставили Амра довольствоваться владениями отца (т.е. отразили его наступление). Тогда Амр обратился к Марсаду Ибн Абд Якнуфу аль-Химьяри (*Maṣʿad Ibn ʿAbd Yaknuf al-Ḥimyārī*), который направил на помощь ему большое войско. Амр

¹⁰⁶ Аль-Анбари, который приводит это известие, сообщает лишь то, что оно принадлежит не Хишаму аль-Кальби.

сразился с рабитами при аль-Канане¹⁰⁷ и погиб в бою [157, с. 429]. Марсад, о котором идёт речь, должен быть тождествен с царём объединённой державы Химьяра и Сабы Марсадиланом Януфом (*Mrtḏ'ln Ynf*), известным по нескольким надписям. Если ориентироваться на них, Марсадилан Януф стоял у власти в июле 504 г. (месяц *ḏ-Mḏr'n* 614 года химьяритской эры, надпись *Fa 74*) и в марте 510 г. (в месяце *ḏ-M'n* 619 года химьяритской эры, надпись *Gar antichitā 9 d*). Точнее определить хронологию затруднительно, но вполне можно допускать, что правление Марсадилана Януфа началось раньше июля 504 г.

Рассмотренное сообщение в принципе не противоречит другим данным источников, но положение дел полностью не проясняет. Исход сражения при аль-Канане неизвестен. Поскольку Амр погиб в бою и, судя по всему, не добился территориальных приобретений, можно заключить, что, даже несмотря на полученную помощь, сражение закончилось не в его пользу. Между тем другие источники сообщают, что Амр воевал с Бану Гассан и погиб, сражаясь с ними [82, с. 246; 172, ч. 8, с. 62]. Можно возразить, что речь не обязательно идёт о сирийских Гассанидах, но для отождествления этих Бану Гассан с рабитами нужны веские основания.

Если военная экспансия киндитов на время остановилась, то на дипломатической ниве они, кажется, преуспели куда больше. Главным их достижением стало сближение с бакритами, которое, как мы увидим далее, сыграло большую роль в дальнейшем развитии событий. Это сближение началось, вероятнее всего, ещё во времена Худжра,

¹⁰⁷ Вероятнее всего, речь идёт о горе аль-Канан (*al-Qanān*), к которой, судя по сообщениям Якута, можно было прийти от горы Хабша (*Ḥabšā*), расположенной к востоку от Самиры (*Samirā*) [264, т. 2, с. 214, т. 4, с. 401]. В другом месте Якут помещает аль-Канан к востоку от Самиры [264, т. 4, с. 127]. Самира находилась на пути из Багдада в Медину, между Куфой и Зат Ирком [91, с. 186].

которому, как показано выше, бакриты помогли бороться против тех, кто захватил его лагерь. Худжр был женат на женщине из влиятельного бакритского племени Бану Шайбан Ибн Салаба (*Banū Šaybān Ibn Ta‘laba*). Возможно, Амр тоже взял в жёны девушку из этого племени¹⁰⁸. В том же направлении, кажется, действовал и Муауия Чёрный. Вообще говоря, о нём сообщается мало, и автор этих строк может лишь повторить высказанное в «Хосрове» предположение о том, что именно к нему относятся слова Ибн Абд Раббихи об аль-Джауне Ибн Язиде (*al-Ġawn Ibn Yazīd*), который впервые заключил союз между киндитами и бакритами [3, с. 286, прим. 429; 224, ч. 3, с. 392].

¹⁰⁸ Хишам аль-Кальби полагал, что Амр женился на Умм Унас (*Umm Unās*), дочери Ауфа Ибн Мухаллима (*Awf Ibn Muḥallim*), принадлежавшего к Бану Шайбан Ибн Салаба [157, с. 429; 260, с. 27, 168–169]. Однако аль-Харис Ибн Хилизза в своей *муаллаке* говорит: «Мы (т.е. бакриты. – Д. М.) родили Амра, сына Умм Унас» [43, с. 34; 179, с. 155; 218, с. 286–287; 223, с. 142]. Поэт, который рассказывает о славных эпизодах из истории своего племени, очевидно, имеет в виду кого-то из знаменитых персонажей; это в известной степени говорит в пользу того, что упомянутый им Амр – киндитский правитель. Комментатор *муаллаки* ат-Тибризи считал, что речь идёт о киндитском правителе Амре, сыне Худжра (см. сноску выше). Слова аль-Хариса Ибн Хилиззы следует, очевидно, понимать в том смысле, что Амр был рождён матерью-бакриткой – Умм Унас. Однако тогда встаёт вопрос о том, кем была последняя – женой или матерью Амра. Возникшее противоречие можно было бы решить, предположив, что Амр, о котором говорит аль-Харис Ибн Хилизза, – сын Амра и Умм Унас, т.е. брат аль-Хариса Киндитского. Однако Хишам аль-Кальби прямо указывает, что кроме аль-Хариса у Умм Унас не было детей [260, с. 169]. Заслуживает внимания и то, что Ибн Хишам, повествуя о набеге гассанидских арабов на лагерь Пожирателя горьких растений (здесь отождествляемого с аль-Харисом), сообщает, что в плен попала жена последнего Умм Унас [242, т. 4, с. 275]. Если руководствоваться общепринятым подходом и принимать за достоверные сведения более раннего источника, следует считать, что Умм Унас была женой Худжра. Но и из известия Хишама аль-Кальби едва ли можно однозначно объявить ошибочными или вымышленными; скорее всего, они имеют под собой реальную основу. Видимо, Амр по примеру отца женился на девушке из Бану Шайбан, образ которой слился с образом Умм Унас.

К сожалению, мы лишь приблизительно представляем себе хронологию рассматриваемых событий. Единственные данные, которыми можно оперировать, сводятся к тому, что, согласно аль-Якуби, Худжр правил двадцать три года, а Амр – сорок лет [82, с. 246]. Эти известия, по крайней мере, не кажутся легендарными. Мы видели, что Абкариб закрепился в Центральной Аравии между 433 и 455 г. Если прибавить к этому шестьдесят три года суммарной продолжительности правления Худжра и Амра, мы приходим в конец V – начало VI в. Это в принципе соответствует историческому контексту, однако для того, чтобы расставить хронологические вехи более точно, мы не имеем достаточного количества сведений. Неизвестно даже, откуда следует отсчитывать указанные выше сроки правления Худжра и Амра.

Новый этап киндитского наступления на север начался с приходом к власти сына Амра – аль-Хариса. Согласно ряду мусульманских источников, царь Йемена Тубба Младший, сын Хассана¹⁰⁹, поставил его правителем над

¹⁰⁹ Этот царь неизвестен по надписям, а в повествовательных источниках есть расхождения. Следует обратить внимание на параллельное сообщение ад-Динавари о том, что аль-Хариса назначил правителем мааддитов Сухбан (*Ṣuḥbān*), который убил царя Йемена и узурпировал власть. Данное сообщение не встречается в других повествовательных источниках, рассказы которых об этом периоде сильно различаются. О Сухбане ад-Динавари пишет, что он был ابن ذي خرب, что, кажется, следует читать как ابن ذي جن (*Ibn dī Ġadan*), т.е. «сын Зу Джадана». Гаданы (в арабском произношении – Зу Джаданы) были одним из родов йеменских князей (*кайл-ов*). Как будет показано ниже, и о Сухбане, и о Зу Джаданах в средневековых арабских сказаниях сообщается, что они так или иначе принимали участие в событиях в Аравии. Возвращаясь к повествованию ад-Динавари, отметим: по его словам, на выбор Сухбана повлияло то, что мать аль-Хариса принадлежала к племени Бану Амир Ибн Сасаа (*Banū 'Amir Ibn Ṣa'ṣa'a*) [174, с. 52]. В свете сообщений источников об Умм Унас это утверждение ад-Динавари кажется ошибочным, но нельзя не отметить, что общая линия повествования выдержана верно: аль-Харис был назначен правителем бакритов не в последнюю очередь потому, что из них происходила его мать (см. ниже).

мааддитами и отправил на север [19, сер. 1, с. 880; 54, с. 54; 67, с. 131; 233, с. 634; 245, с. 310].

О дальнейших событиях мы узнаём от Феофана Исповедника. По его словам, в 5990 г. от сотворения мира (1 сентября 497 – 31 августа 498 г.) командующий византийскими войсками в Палестине Роман победил в сражении Агара, сына Арефы, и взял большой полон [163, с. 218]. Арефа (*Ἀρέθας*) в тексте Феофана – не кто иной как аль-Харис (ар. *al-Ḥārīt*). Феофан называет его *τῆς Ταλαβάνης* [163, с. 218, 222], т.е. «сын женщины из Талав». Последняя, видимо, тождественна Умм Унас, от которой, через Амра, брала своё начало ветвь киндитского царского рода, правившая в прежних владениях Худжра. Видимо, автор исходного сообщения называет её по имени родоначальника племени Бану Шайбан Ибн Салаба – Салабы (ар. *Ta'labā*).

Феофан далее повествует, что в 5994 г. от сотворения мира (1 сентября 501 – 31 августа 502 г.) произошло новое нападение сарацин на Финикию и Палестину. Во главе нападавших стоял Вадихарим – брат погибшего к тому времени Агара. Сарацины прошли по ранее разорённым местам и нигде долго не задерживались; это помогало им уходить от преследовавших их византийских войск [163, с. 221–222].

В Вадихариме Феофана легко узнать Мадикариба (*Ma'dikarib*), одного из сыновей аль-Хариса, о котором речь пойдёт далее. С Агаром несколько сложнее. Его можно было бы отождествить с Худжром, другим сыном аль-Хариса и отцом знаменитого поэта Имру-ль-Кайса, и на этом основании исправить прочтение арабской формы حجر с *Ḥuġr* на *Ḥaġar*. Но подробные рассказы мусульманских авторов о гибели Худжра (см. ниже) сильно отличаются, прежде всего по хронологии, от известия Феофана. Более того, по метрике стихов Имру-ль-Кайса можно предполагать, что он называл своего отца

Худжр¹¹⁰. Поэтому, скорее всего, речь идёт о разных людях, причём Хаджар был старше Худжра.

Согласно Феофану в 5995 г. от сотворения мира (1 сентября 502 – 31 сентября 503 гг.) византийский император Анастасий (491–518) заключил мирный договор с Арефой, отцом Вадихарима и Агара, после чего Палестина и Аравия¹¹¹ пребывали в состоянии мира [163, с. 222]¹¹². В параллельном источнике, церковной истории Евагрия Схоластика, мы читаем, что скиниты вторгались в Междуречье, Финикию и Палестину, но понесли большие потери в боях с византийскими войсками и через некоторое время предложили заключить мир [50, с. 100].

По рассказам Феофана можно сделать следующие умозаключения. Ни в одном из двух набегов аль-Харис лично не командовал войсками, поручив это сыновьям. Естественно считать, что оба похода представляли собой разведку боем перед последующим вторжением. С другой стороны, у Феофана набеги киндитов предшествуют по времени войне за Амиду¹¹³. Видимо, и набеги следует отодвинуть по времени на год или два назад. Значит,

¹¹⁰ Среди стихов Имру-ль-Кайса автору этих строк не удалось обнаружить такого, где чтение *Худжр* было бы единственно возможным. Большой арсенал поэтических вольностей (подобных русскому переносу ударения в стихе и т.п.), имевшийся у арабского поэта, всегда оставляет возможность того, что в форме *حجر* сокращена вторая гласная, и следует читать не *Худжр*, а *Хаджр*, т.е. *Хаджар*. Показателен стих, где Имру-ль-Кайс называет себя *Ibn H.ġ.r.* Эта форма рифмуется с *šukrī*, что диктовало бы чтение *Худжр*, но также с *nadrī* и *paṣrī* (с соответствующим чтением *Хаджр*) [244, с. 655–656]. Тем не менее чтение *Худжр* является общеупотребительным в литературе.

¹¹¹ Имеется в виду бывшая римская провинция *Arabia* (см. выше).

¹¹² Это известие повторяет затем следующий за повествованием Феофана Георгий Кедрин [59а, с. 628].

¹¹³ Эта война помещается у Феофана под 5996 г. от сотворения мира (1 сентября 503 – 31 августа 504 гг.) [163, с. 222]. Эта дата неточна, т.к война, как показано ниже, началась в 502 г.

события восстанавливаются так: первые пробные набегі закончились для киндитов столь неуспешно, что аль-Харис замирился с Византией и больше не отваживался нападать на её владения – даже во время начавшейся вскоре войны с персами, когда силы империи были отвлечены на борьбу с ними. Приблизительно так же, видимо, аль-Харис вёл себя и по отношению к Гассанидам, которые, как мы видели, послали войско на Хиру, не опасаясь вторжения киндитов в Сирию.

Вполне возможно, что неудачи киндитов на западе стали причиной того, что центр деятельности аль-Хариса переместился на северо-восток Аравии. Здесь следует вернуться к рассмотренному выше пересказу сообщения Абу Убайды у Ибн Абд Раббихи и Ибн аль-Асира. Согласно первому из них бакриты просили Туббу назначить им царя; он поставил над ними аль-Хариса, который обосновался в Батн Акиль (*Baṭn ʿĀqil*) [224, ч. 5, с. 222]. У Ибн аль-Асира – всё то же самое, но вместо аль-Хариса – Худжр [226, т. 1, с. 399]. Пожирателем горьких растений называли Худжра. Но Батн Акиль в источниках обычно связывается с аль-Харисом. Хишам аль-Кальби, сообщение которого дошло до нас в передаче Якута, повествует, что Акиль – гора, на которой жил аль-Харис, потомок Пожирателя горьких растений [264, т. 4, с. 68]. Считалось, что в Батн Акиле находилась могила аль-Хариса. Поэт Лабид (*Labīd*) в стихе о том, как смерть приходит к сильным мира сего, говорит, что тьма поглотила род Лахмидов, Туббу, Ираклия

«и воителя аль-Хариса, который сделал обителью своей Акиль и пребывал там, не уходя» [247, с. 182].

О могиле аль-Хариса в Акиле упоминает в своём описании Аравийского полуострова аль-Хамдани [212, с. 295].

В противоположность этому резиденция Худжра, как мы видели, находилась в аль-Гамре. Следовательно, есть основания полагать, что известие о том, как йеменский

царь назначил бакритам правителя, относится на деле к аль-Харису и, возможно, Марсадилану Януфу. В этом отношении версия Ибн Абд Раббихи достовернее, хотя он, повторим, ошибается, отождествляя аль-Хариса с Пожирателем горьких растений.

Определить, где находился Батн Акиль, затруднительно. Относительно точную информацию даёт только Якут, согласно которому Батн Акиль находился на пути паломников, направлявшихся из Мекку из Басры, между «двумя Рамами» [264, т. 4, с. 68]. В другом месте Якут пишет, что название «две Рамы» относятся к одному поселению и тождественно названию Рама (*Rāma*) [264, т. 3, с. 16]. Подробные описания этого пути есть у Ибн Хордадбега, Кудамы Ибн Джафара (*Qudāma Ibn Ġaʿfar*, ум. в 30–40-е гг. X в.) и аль-Мукаддаси (*al-Muqaddasī*, жил в конце X в.); все они помещают Раму на него, но ближе к Басре, чем Зат Ирк [41, с. 109; 91, с. 146–147, 190]. Стало быть, аль-Харис ушёл на северо-восток Аравии дальше, чем его предшественники.

Будучи ставленником царя объединённой державы Химьяра и Сабы, аль-Харис, вероятнее всего, переместился на восток по его решению. Основываясь на историческом контексте, мы можем строить предположения относительно того, что двигало царём. Кажется, что он вслед за аль-Харисом пришёл к выводу о бесперспективности попыток нападения на Византию и перенёс направление экспансии на восток. Аль-Харис, мать которого, как показано выше, вероятно, принадлежала к бакритам, был для них своим и потому прекрасно годился в их правители. Именно поэтому выбор пал на аль-Хариса, а не на Муауию Чёрного, хотя последний, управляя Йемамой, находился ближе к бакритам. Если так, на западе аль-Харис уже не был нужен.

Киндиты против Лахмидов

Провозглашение аль-Хариса правителем бакритов не могло не вызвать столкновения с Лахмидами. Мы уже видели, что Имру-ль-Кайс III воевал с бакритами, которые перешли на сторону киндитов. В источниках мы находим и другие известия об этой войне, среди которых наиболее ценен относительно подробный рассказ Ибн Хабиба. По его словам, аль-Харис воевал с Лахмидами и отнял у них часть владений. Так продолжалось до тех пор, пока не умер Имру-ль-Кайс. Вместо него на хирский престол вступил его сын аль-Мунзир. Тогда Кавад, бывший приверженцем учения Маздака, предложил аль-Мунзиру и аль-Харису принять его. Первый из них отказался, второй – согласился. Тогда Кавад изгнал аль-Мунзира и сделал правителем аль-Хариса [238, с. 369].

Это сообщение показательно в нескольких отношениях. Из него видно, что аль-Харис, несмотря на переход на его сторону бакритов¹¹⁴ и успехи местного значения, не смог одержать решающей победы над Имру-ль-Кайсом и покончить с ним как с противником. Даже пленение Имру-ль-Кайса бакритами не имело значительных последствий. По арабским обычаям того времени право распоряжаться пленником принадлежало его пленителю, а не вождю или царю. Поэтому всё кончилось тем, что Имру-ль-Кайс просто выкупился и вернулся в Хиру.

Другая важная тема, которой касается Ибн Хабиб, – позиция Кавада. После смерти Имру-ль-Кайса Кавад должен был назначить в Хиру нового правителя и уже в силу этого столкнулся с необходимостью принять решение о её дальнейшей судьбе. Решение Кавада мусульманские историки представляют по-разному. Одни, как и Ибн Хабиб,

¹¹⁴ Помимо рассмотренных выше известий Хамзы аль-Исфахани следует обратить внимание на рассказ Абу Убайды в передаче Ибн Абд Раббихи, согласно которому аль-Харис воевал против Лахмидов вместе с бакритами [224, ч. 5, с. 222].

повествуют, что Кавад, недовольный отказом аль-Мунзира присоединиться к маздакитам, сместил и изгнал его. Владения Лахмидов он отдал аль-Харису, согласившемуся стать последователем Маздака [172, ч. 8, с. 61; 226, т. 1, с. 399; 236, с. 245, 327]. Согласно другому рассказу сасанидский царь просто не помог аль-Мунзиру, когда тот обратился к нему за помощью. Из наиболее ранних авторов данную версию выдвигал Абу Убайда [251, с. 442], который, однако, явно ошибался, считая этим царём не Кавада, а Хосрова I Ануширвана. Уже в Средние века Абу Убайду поправил аль-Хилли, который сообщал примерно то же самое, но отмечал, что аль-Мунзиру не помог именно Кавад [213, с. 121–122]. По одному рассказу, который тоже восходит к Абу Убайде, но сюжетом наименее похож на остальные, аль-Мунзир был изгнан арабами из племён Рабиа, бежал к Бану Ийад¹¹⁵ и умер среди них. Его сын

¹¹⁵ Бану Ийад (ийадиты) периодически упоминаются на страницах настоящего исследования, в связи с чем целесообразно вкратце остановиться на истории их самих и их отношений с Лахмидами. Автор этих строк надеется посвятить данному вопросу отдельное исследование и потому ограничится здесь лишь кратким изложением основных выводов. Ийадиты пришли на северо-восток Аравийского полуострова из Тихамы, несколькими потоками. Как показано выше, некоторые из них примкнули к танухитам. Эти ийадиты впоследствии жили во владениях Лахмидов, а также у Айн Убага. Вероятно, именно ийадиты, жившие в Айн Убаге, фигурируют в рассматриваемом в тексте арабском сказании. Когда же аль-Мунзир, усилившись, начал наступление на киндитов, в войсках, которые он послал против Имру-ль-Кайса и аль-Хариса Киндитского, были ийадиты (см. ниже), которых, видимо, следует отождествлять с ийадитами из лахмидских владений или из области Айн Убага. Другие племена ийадитов, миграции которых не связаны с переселениями танухитов, осели между Хирой и Убуллой; там, на вади Синдад, находилось их святилище – «Синдадская Кааба». Эти племена составляли основную часть ийадитов [188, с. 69]. Судя по всему, они были теми ийадитами, которые в начале IV в. нападали на сасанидские владения (см. выше). Несмотря на близость к Хире, эти ийадиты не подчинялись Лахмидам. Об этом можно судить по сказаниям об Имру-ль-Кайсе. Бежав от

аль-Мунзир хотел выступить против киндитов, но не получил помощи от Кавада [157, с. 427; 172, ч. 11, с. 60].

Это бездействие Кавада в источниках нередко объясняется его слабостью, вызванной, в свою очередь, увлечением идеями Маздака, отвергавшего убийства и кровопролитие. Средневековые авторы видели в этом причину ослабления державы в целом. Наиболее ясно говорит об этом Хамза аль-Исфахани, согласно которому Кавад, придя к власти,

«...оставил убийства и сражения. Его царская власть пришла в упадок, ибо он предавался делам другого (т.е. потустороннего. – Д. М.) мира. Тогда персы ударились в неподчинение, и среди них распространилась ересь. К ней призывал мобед Маздак, сын Бамдада;

аль-Мунзира III (этот эпизод рассмотрен ниже), он какое-то время укрывался у Саада Ибн ад-Дабаба аль-Ийади (*Sa'd Ibn al-Dabāb al-Iyādī*), которого Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани называет *саййид*-ом (т.е. предводителем, главой) своего народа (ийадитов), а аль-Якуби – наместником сасанидского царя над одной из областей Ирака [82, с. 250; 172, ч. 8, с. 68]. Предводитель «синдадских» ийадитов, тем самым, тоже был сасанидским наместником и потому не подчинялся лахмидскому царю. Именно этим, видимо, следует объяснять слова ийадитского поэта Абу Дуада (о нём см. ниже), который, повествуя о своих соплеменниках, сказал, что «никогда ни один царь не принуждал их что-либо делать» [171, с. 94], и дошедшую до нас в разных передачах фразу Хишама аль-Кальби о том, что Бану Ийад были *laqāh* или *liqāh*, т.е. независимыми [81, с. 97; 248, с. 71]. Сведения об отношениях «синдадских» ийадитов с Лакимидами очень неоднозначны. Судя по историческому контексту эти отношения были скорее дружественными, чем враждебными; иначе трудно объяснить, почему «синдадские» ийадиты не выступили против Лакмидов в самое трудное для тех время противоборства с киндитами. В начале правления сасанидского царя Хосрова I Ануширвана «синдадские» ийадиты вторглись в сасанидские владения. Хосров – вероятно, не без помощи аль-Мунзира III (о чём источники, правда, не сообщают) – отразил эти нападения и, более того, разгромил «синдадских» ийадитов, остатки которых были переселены на север Ирака. Впоследствии Хосров изгнал ийадитов и оттуда, и они ушли в византийские владения.

к нему собрались слабые¹¹⁶, и он обещал им царскую власть. По этой причине ослабело царство арабов (т.е. Лахмидов. – Д. М.), ибо силу цари арабов черпали у царей персов» [67, с. 106–107].

Об этих событиях подробно рассказывает Хишам аль-Кальби, сообщение которого известно в передаче ат-Табари. Согласно ему, аль-Харис встретил ан-Нумана, сына аль-Мунзира II, и убил его¹¹⁷. Сын ан-Нумана аль-Мунзир бежал. Кавад, приверженный идеям Маздака о недопустимости кровопролития, не стал воевать с аль-Харисом и вступил с ним в переговоры. Одновременно киндиты нападали на Савад. Почувствовав слабость Кавада, аль-Харис вёл переговоры с позиции силы и требовал, чтобы за ним были признано право на завоёванные им земли. Кавад выделил ему шесть округов (*tasāṣiğ*) в нижнем течении Евфрата. Но и эти уступки не спасли Кавада. Аль-Харис написал о слабости сасанидского царя Туббе, и тот с йеменским войском напал на Иран. Кавад был вынужден бежать в Рей, а затем погиб. Йеменцы же двинулись дальше и через Хорасан дошли до Китая [19, сер. 1, с. 888–891].

Что может быть верного в этих рассказах? Слова о слабости Кавада представляют собой вымысел. Кавада, который дважды завоёвывал власть в борьбе, затем правил ещё почти тридцать лет, а незадолго до описываемого времени вёл войну с Византией, трудно назвать слабым правителем или пацифистом. По отношению к арабам Кавад мог действовать жёстко. Известен случай, когда он послал войска против ийадитов [81, с. 121]. Кроме того,

¹¹⁶ Так в буквальном переводе (*du'afā'*). Имеются в виду люди, не обладавшие весом, влиянием в обществе и потому не представлявшие собой силу.

¹¹⁷ Это – очевидный анахронизм, что видно из сопоставления дат. В начале VI в. ан-Нуман, сын аль-Мунзира, должен был быть уже почти столетним старцем.

начало VI в. – время второго правления Кавада, когда, судя по некоторым данным, влияние маздакитов было уже меньшим [3, с. 204–205]. Судя по всему, в рассмотренных сказаниях перед нами предстаёт не настоящий Кавад, а скорее созданный сасанидской знатью его образ как бес-таланного правителя, который ослабил государство, так как попустительствовал маздакитам и не поддерживал сословный порядок. Такой правитель, естественно, не мог противостоять внешним угрозам, и под пером Хишама аль-Кальби Кавад терпит поражение от йеменцев и погибает, хотя в действительности произошло совершенно иное. Утверждение о вторжении йеменцев в Иран не подкрепляется другими источниками, а Кавад правил дальше и умер своей смертью в сентябре 531 г., причём в последние годы жизни он снова воевал с Византией.

Между тем, как будет показано далее, киндиты переселились в сасанидские владения, а аль-Харис некоторое время считался правителем Хиры. Стало быть, переговоры аль-Хариса с посланцами Кавада, если не с ним самим, имели место. Сделав это умозаключение, мы должны вернуться к рассмотренному выше сообщению о том, что аль-Харис, в отличие от аль-Мунзира, согласился принять учение маздакитов. Мусульманские авторы обыкновенно видят в этом выражение стремления Кавада распространить еретическое учение Маздака среди окружающих. Но в контексте того времени предложение Кавада имело совершенно иное значение. Принятие зороастризма, пусть и в его маздакитской трактовке, означало бы для аль-Хариса разрыв с иудейским правителем объединённой державы Химьяра и Сабы и переход под власть сасанидского царя. Судя по некоторым данным, дальнейшие события развивались именно в этом ключе. У Ибн Саида мы находим нигде более не встречающиеся рассказы о том, что Кавад сместил Насридов (т.е. Лахмидов. – Д. М.), отказавшихся примкнуть к маздакитам, поставил править

Хирой аль-Хариса и велел ему привести арабские племена Неджда и Тихамы к принятию маздакитского учения [236, с. 245, 327]. Кажется, в действиях Кавада прослеживается политический расчёт: он замышлял привлечь аль-Хариса на свою сторону и тем самым не только прекратить войну на южных рубежах Сасанидской державы, но и распространить свою власть на подчинявшиеся киндитскому правителю арабские племена.

Компромисс был достигнут. По источникам можно составить некоторое представление о нём. Мы видели, что, согласно Хишаму аль-Кальби, Кавад выделил киндитам шесть округов в нижнем течении Евфрата. Хотя, как показано выше, рассказ аль-Кальби в целом представляет собой легенду, эта подробность выглядит достоверной, так как подкрепляется словами Ибн Хабиба о том, что владения аль-Хариса простирались до «Жамасповой реки» (*ṣarāt ġāmāsb*) близ Каср Аби Хубайра (*Qaṣr Abī Hubayra*) [238, с. 369]¹¹⁸. Разбор этого известия представлен автором этих строк в «Хосрове» [3, с. 693–695], и, кажется, нет смысла повторять его здесь. Впрочем, здесь необходимо привести основной вывод: Кавад позволил киндитам аль-Хариса переселиться за Евфрат и осесть недалеко от Ктесифона. Естественно, Кавад не пустил бы к столице племенное войско, вождю которого не доверял. Заметим, что это – ещё одно доказательство того, что Кавад и аль-Харис по крайней мере тогда стали союзниками. С другой стороны, решение Кавада пустить киндитов за Евфрат вполне могло вызвать рассказы о его чрезмерной уступчивости и неспособности противостоять внешнему врагу.

¹¹⁸ Похожее известие мы обнаруживаем в историческом комментарии аль-Анбари к составленному аль-Муфаддалем сборнику стихов. Согласно этому источнику аль-Харис заключил с Кавадом договор, по которому границей между их владениями стала река (*al-ṣarāt*) [157, с. 429]. Это, несомненно, Жамаспова река, о которой говорит Ибн Хабиб.

Переселившись в Ирак, аль-Харис по-прежнему считался правителем племён северной и центральной Аравии. Поэт Имру-ль-Кайс отметил в одном стихе, вспоминая о своём знаменитом деде, что тот владел землями Ирака и всем, что находилось до Омана [244, с. 580]. Как мы увидим далее, своих сыновей аль-Харис поставил во главе арабских племён. Кавад, вероятно, принимал это: ведь власть аль-Хариса над племенами означала и главенство сасанидского царя над ними.

К тому, чем управлял аль-Харис, не относилась, однако, Хира. Несмотря на все рассказы о победах киндитов источники совершенно не связывают аль-Хариса с ней. В этом отношении очень интересно повествование Хамзы аль-Исфакхани. Он тоже рассказывает о победах киндитов и даже включает аль-Хариса в перечень лахмидских царей. Далее, однако, следует приведённый во Введении фрагмент, который здесь стоит повторить:

«Хишам [аль-Кальби] сообщил со слов своего отца, что тот не нашёл аль-Хариса среди царей арабов, перечисленных в “Книге хирцев” (*Kitāb ahl al-Ḥira*). Он (Хишам. – Д. М.) сказал: “Я думаю, что они (хирцы. – Д. М.) не стали упоминать его потому, что он силой завладел царством без разрешения царей персов и пребывал в отстранении от Хиры, которая была столицей. Неизвестно, чтобы у него было постоянное жилище; он скитался по земле арабов”» [67, с. 108]¹¹⁹.

Другой правдоподобной частью арабских сказаний следует, видимо, считать то, что киндиты смогли добиться успеха в войне с Лакмидами. Для аль-Мунзира III неблагоприятное положение дел осложнялось ещё и тем, что он, кажется, не пользовался единодушной поддержкой хирской знати. Противники Имру-ль-Кайса III наверняка перенесли

¹¹⁹ Подобный фрагмент – правда, со ссылкой на неназванных рассказчиков (*al-ruwāt*) – приводит и аль-Хилли [213, с. 122].

неприязнь к нему на его сына. Не исключено, что не только в Хире, но и при сасанидском дворе плелись интриги против аль-Мунзира, и противники обвиняли его, помимо прочего, в неприятии учения маздакитов. Кроме того, отрицательную роль играл и возраст аль-Мунзира. Не все хирские вельможи охотно подчинялись молодому человеку¹²⁰.

Нетрудно представить себе, что в сложившейся ситуации аль-Мунзир не чувствовал себя уверенно в Хире. По сообщениям источников он оставил столицу [67, с. 107; 213, с. 62, 121–122] и бежал в Хит или Тикрит [251, с. 442]. Затем некий Суфьян Ибн Муджаши (*Sufyān Ibn Muğāṣiʿ*) из племени Дарим (*Dārim*), принадлежавшего к объединению племён Бану Тамим (*Banū Tamīm*), посоветовал аль-Мунзиру жениться на дочери аль-Хариса и взялся устроить это дело. Аль-Харис выдал за аль-Мунзира свою дочь Хинд. После происшедшего таким образом примирения аль-Харис ушёл из Хиры, и аль-Мунзир вернулся туда [213, с. 62, 121–122; 251, с. 442].

Очень похоже выглядят события в сказании, согласно которому аль-Мунзир умер у Бану Ийад, и в дальнейшем на исторической арене действовал его сын и тезка. Аль-Мунзир-сын написал аль-Харису письмо, содержание которого передаётся в источниках следующим образом:

«Не у своих я, а ты – лучший из тех, кто вокруг меня, так что перейду я к тебе».

¹²⁰ Мусульманские авторы сообщают, что наряду с известным прозвищем «Сын Небесной воды» аль-Мунзир носил и другое – *ḡū-l-qataun* (двурогий). Это второе прозвище было дано аль-Мунзиру за то, что он носил две косички [19, сер. 1, с. 899; 157, с. 427; 172, ч. 11, с. 60; 232, с. 794; 240, с. 318; 244, с. 563; 262, с. 112]. В то время у арабов такие косички носили юноши. В дошедших до нас пересказах известий Абу Убайды есть один эпизод, в котором появляется Хаджиб Ибн Зурара (*Ḥāḡib Ibn Zurāra*, о нём см. ниже). О нём сообщается, что он был юношей и носил косичку [157, с. 364; 251, с. 414]. Применительно к правителю такое прозвище (с учётом вкладывавшегося в него смысла) было малопочётным. Сходным образом в России «младореформаторов» называли «мальчиками в коротких штанишках».

Аль-Харис забрал аль-Мунзира к себе и женил на своей дочери Хинд [157, с. 427–428; 172, ч. 11, с. 60].

Эти рассказы интересно сопоставить с сообщением Ибн Халдуна, согласно которому Хосров I Ануширван восстановил на хирском престоле аль-Мунзира, и тот заключил с аль-Харисом договор. По этому договору власть над арабами была разделена между аль-Мунзиром и аль-Харисом, причём последний сохранял за собой земли за Евфратом [240, с. 328]. Этот рассказ вполне правдоподобен за исключением того, что речь в нём на деле идёт не о Хосрове, а о Каваде. В остальном сведения Ибн Халдуна вполне соответствуют данным других источников. Видимо, аль-Харис, замирившись с аль-Мунзиром, ушёл за Евфрат, в земли, отведённые для киндитов Кавадом.

То, что аль-Харис стал договариваться с аль-Мунзиром (и именно с ним) важен для понимания исторической роли последнего. По-видимому, ко времени неудачной войны с киндитами и изгнания аль-Мунзир был уже царём. В противном случае трудно объяснить, каким образом он, будучи сыном нелюбимого правителя, а теперь ещё и изгнанником, смог с согласия сасанидского царя встать вровень с предводителем киндитов, заключить с ним договор и жениться на его дочери. Это важно для ответа на вопрос о времени начала правления аль-Мунзира III, поставленный во Введении. С другой стороны, очевидно, что и заключение мира между недавними противниками, и женитьба аль-Мунзира на Хинд едва ли могли бы иметь место без согласия Кавада. Скорее наоборот: все эти договорённости кажутся элементами одного всеобщего мирного урегулирования, устроенного Кавадом. Сасанидский царь нуждался в двух подчинённых ему арабских царях, один из которых служил бы ему на Евфрате, а другой – в Аравии. Таковыми были аль-Мунзир и аль-Харис соответственно. Чтобы покончить с конфликтом между ними, который мог принести только отрицательные послед-

ствия, Кавад помирил их, связал брачными узами и разделил между ними власть над арабами. Кроме того, в результате переселения киндитов от владений Лахмидов их отделил Евфрат. Эта естественная преграда мешала киндитами и Лахмидам как воевать между собой, так и объединиться против персов.

В принятой Кавадом схеме урегулирования нашлось, таким образом, место и для аль-Мунзира. Это противоречит рассмотренным выше арабским преданиям, согласно которым аль-Мунзир, отказавшись примкнуть к маздакитам, попал в опалу, был смещён и изгнан. Но даже если бы мы ничего не знали об аль-Мунзире, эти сведения казались бы подозрительными. Как показано в Части II, Лахмиды не были зороастрийцами и придерживались традиционных арабских верований. Эти верования не во всём были совместимы с зороастризмом, но на всём протяжении многолетней истории династии Лахмидов следование им не вызывало для них отрицательных последствий. Каваду, как показывает его отношение к христианам различных направлений, была свойственна веротерпимость [3, с. 210]. В свете этого кажутся странными попытки приписать Каваду требования к аль-Мунзиру о принятии зороастризма в его маздакитской трактовке. Пример аль-Хариса не может быть приведён как возражение: для него принятие зороастризма было прежде всего сменой политической ориентации.

Другое основание сомневаться в достоверности известий об опале аль-Мунзира – его быстрое возвращение в политику, хорошо прослеживаемое по источникам. Согласно сирийской хронике неизвестного автора, повествование в которой доведено до 724 г. («Хроника 724 г.»), в 830 г. селевкидской эры¹²¹ аль-Мунзир совершил свой

¹²¹ Этот год должен соответствовать промежутку времени с начала сентября 518 по конец августа 519 г. Автор хроники использовал греческий календарь, по которому год начинался в сентябре. Это видно из того, что взятие Кавадом Амиды, которое, как показа-

первый поход [32, ч. 2, с. 143]. Направление похода не указывается, но, судя по тематике источника, в виду должны иметься владения Византии. Илия Нисибисский (975–1046) сообщает, со ссылкой на Иоанна Яковита, т.е., вероятно, на одну из не дошедших до нас частей труда Иоанна Эфесского, что в 831 г. селевкидской эры¹²² «царь сарацин» аль-Мунзир напал на земли ромеев и увёл пленных со всей границы [48, с. 118].

В начале или, может быть, в середине 20-х гг. VI в.¹²³ аль-Мунзир добился важного и, судя по приводимому ниже отрывку из труда Прокопия Кесарийского, заметного успеха – захватил в плен двух византийских полководцев: Тимострата и Иоанна. Как мы видели, Тимострат был комендантом Каллиника, закрывавшего лахмидским войскам путь в Сирию; на основании этого можно предполагать, что военачальники попали в плен во время одного из набегов аль-Мунзира на пограничные области Византии. Для проведения переговоров о судьбе пленных к аль-Мунзиру было направлено византийское посольство. Его главой был Авраам¹²⁴, отец другого византий-

но выше, имело место в январе 503 г., в «Хронике 724 г.» упоминается под 814 г. [32, ч. 2, с. 147].

¹²² Т.е. в промежутке времени от начала сентября 519 г. до конца августа 520 г. Как показано в «Хосрове», Илия Нисибисский считал началом года сентябрь [3, с. 60, прим. 67].

¹²³ Дата этого события неизвестна. Её можно приблизительно определить по тому, что, согласно запискам Нонно́са, освобождению пленных содействовал император Юстин I (518–527) [52, с. 179].

¹²⁴ Этот Авраам был сыном Нонно́са, который в 502–503 гг. вёл переговоры с аль-Харисом Киндитским о заключении мира [52, с. 179]. Формально это исключает его отождествление с Авраамом, сыном Евпора, который возглавлял византийское посольство к аль-Мунзиру в 524 г. [75, с. 64; 83, с. 57]. Следует, впрочем, иметь в виду, что в древнегреческом языке слово *εβλτορος* означает «способный, ловкий». Можно представить себе, что Нонно́су дали такое прозвище, а Симеон Бет-Аршамский, на письме которого основывается автор истории, приписываемой Захарии Митилинскому, по какой-то причине принял его за имя.

ского дипломата, Нонно́са, записки которого, в том числе и об этом посольстве, дошли до нас в пересказе Фотия (род. ок. 810 г., ум. ок. 893 г.). Аврааму удалось договориться с аль-Мунзиром, и пленные византийские полководцы были отпущены за большой выкуп [50, с. 118; 52, с. 179; 125, т. 1, с. 158]¹²⁵.

Для 20-х гг. VI в. у нас есть ещё три известия о византийских посольствах к аль-Мунзиру, но ни в одном из них не упоминаются пленные полководцы. В сообщении «Сииртской хроники», которое разбирается в Части II, мы читаем, что император Юстин (518–527) отправил посольство к аль-Мунзиру, призвав его преследовать бежавших из Византии монофизитов. Как показано в прим. 124, посольство, возглавляемое Авраамом, сыном Евпора, побывало у аль-Мунзира в начале 524 г. с целью заключения мира. Наконец, Агапий Манбиджский (писал в 942 г.) сообщает, что византийское посольство ездило к аль-Мунзиру на восьмом году правления императора Юстина I, т.е. в промежутке с 10 июля 525 г. по 9 июля 526 г. Целью послов было заключение мира, в котором византийцы нуждались из-за набегов аль-Мунзира, поскольку он многих уводил в полон [92, с. 425]. По этим сообщениям видно, что Юстину I было о чём вести переговоры с аль-Мунзиром. Даже несмотря на подчинённость аль-Мунзира персам император видел в нём важного контрагента.

Одновременно аль-Мунзир принимал участие и в событиях в Аравии. Об этом свидетельствует надпись царя объединённой державы Химьяра и Сабы Мадикариба Яфура (в южноаравийских надписях – *M'dkrb Y'fr*), известная как *Ry 510* и датированная месяцем *d-Qyzn* 631 г. химьяритской эры (июнь 521 г.). Согласно тексту надписи

¹²⁵ Фрагмент истории Прокопия Кесарийского, на который сделана ссылка, приведён в переводе ниже.

аль-Мунзир (*Mdm*) начал войну против Мадикариба; тот, выступив с войсками на север, подчинил не признававших его власти арабов. Надпись обнаружена около вад Масаль, т.е. примерно там же, где и надпись Абкариба. Видимо, после этого столкновения начались переговоры. Из послания Симеона Бет-Аршамского мы знаем, что в начале 524 г. он встретил в Хире посла, которого, вероятно, направил Мадикариб Яфур [75, с. 70; 83, с. 63]. К сожалению, у нас нет других сведений об этом посольстве, и нельзя ничего сказать ни о ходе, ни о теме переговоров. Можно, впрочем, предполагать, что стороны договаривались о разграничении сфер влияния среди арабских племён. После смерти Мадикариба Яфура в объединённой державе Химьяра и Сабы имели место бурные события, связанные с попыткой нового правителя, Иосифа Асар Ясара, освободиться от верховной власти царя Аксума. Иосиф Асар Ясар отправил к аль-Мунзиру III своё посольство, которое явилось к последнему в начале 524 г. Интересно, что в «Деяниях св. Арефы и Румы», одном из важнейших источников о событиях тех лет в Йемене, аль-Мунзир в связи с этим эпизодом назван царьком всех подвластных персам сарацин [11, с. 82]. Возвращаясь к посольству Иосифа Асар Ясара, мы должны отметить, что сведения о нём сохранились в текстах, в которых основное внимание сосредоточено на преследованиях христиан в его правление. Видимо, в связи с этим о дипломатической инициативе Иосифа сообщается лишь то, что он предлагал аль-Мунзиру III репрессировать христиан в лахмидских владениях и покровительствовать иудеям [11, с. 82; 49, с. 150; 75, с. 69; 83, с. 62]. Но вполне вероятно, что предложения Иосифа Асар Ясара этим не ограничивались, и он, предвидя войну с царём Аксума, стремился заручиться поддержкой аль-Мунзира III. Ответ последнего нам неизвестен, но можно представить себе, что союз между Иосифом Асар Ясаром и аль-Мунзиром III не состоялся.

Аль-Мунзир не стал преследовать христиан и – по крайней мере, судя по имеющимся сведениям – никак не помог Иосифу Асар Ясару во время похода Калеба Элла-Асбахи (525 г.). В результате этого похода Иосиф Асар Ясар потерпел поражение и погиб. Положение дел в Йемене совершенно изменилось; отношения его новых правителей с аль-Мунзиром III будут рассмотрены ниже.

Разгром киндитов

Если аль-Мунзир часто воевал и не раз добивался успехов, совершенно по-другому шли дела у аль-Хариса. В том, что касается его, установленная Кавадом система взаимоотношений оказалась действенной лишь в одном: аль-Харис не пытался напасть на аль-Мунзира, что обеспечивало тому прочные тылы. Во всём остальном нет впечатления, что аль-Харис совершил то, чего ожидал от него Кавад. Единственное свершение аль-Хариса, упоминаемое в источниках, состоит в следующем. Согласно продолжению рассмотренного выше рассказа, приводимого у Ибн Саида, Кавад поручил аль-Харису привести арабские племена Неджда и Тихамы к следованию учению Маздака. Аль-Харис стал распространять его среди арабских племён и дошёл до Мекки. Некоторые мекканцы примкнули к маздакитам, но большинство, ведомое Абд Манафом (*'Abd Manāf*), сыном Кусая (*Qusayy*), при котором Меккой овладели курейшиты, отказалось это сделать. Получив от аль-Хариса донесение об этом, Кавад приказал ему идти в поход на Мекку. Не желая проливать кровь арабов, аль-Харис фактически саботировал повеление царя. Затем Кавада заняли другие дела, и он более не вспоминал о Мекке [236, с. 327].

Из рассмотренной выше надписи *Ry 510* видно, что Мадикариб Яфур воевал в Аравии не с аль-Харисом, а с аль-Мунзиром. Видимо, Кавад считал действия аль-Хариса

недостаточно успешными, на что указывает и сообщение Ибн Саида. Можно предполагать, что стало причиной нерешительности аль-Хариса. В надписи Ry 510 говорится, что во время похода Мадикариба Яфура на его стороне выступали киндиты. Столкновение между Мадикарибом и аль-Харисом неминуемо вызвало бы междоусобицу среди киндитов, последствия которой было трудно предугадать. Поэтому аль-Харис не стал начинать большую войну, к чему его побуждал Кавад. По всей вероятности, в этой обстановке Кавад фактически сместил аль-Хариса и направил в Аравию аль-Мунзира.

С течением времени у Кавада появились и иные основания не доверять аль-Харису. Согласно одному средневековому рассказу киндиты поддерживали дружественные отношения с Гассанидами, обменивались с ними письмами и дарами [236, с. 245]. Кроме того, через некоторое время Кавад отошёл от учения Маздака. Как показано в «Хосрове», это произошло около 524–527 гг., хотя точная дата неизвестна [3, с. 330–331]. Сам Маздак и многие его видные последователи были схвачены и казнены. Оставшихся маздакитов выискивали и преследовали во всех сасанидских владениях. В этих условиях, как повествует Хамза аль-Исфакхани, Хосров Ануширван узнал, что аль-Харис принимает у себя маздакитов [67, с. 108].

Рассказ Хамзы продолжается так: Хосров призвал к себе аль-Мунзира, сделал его царём Хиры и дал ему войско [67, с. 108]. Это сообщение нуждается в комментарии. Средневековые мусульманские историки считали, что преследования маздакитов начались после прихода к власти Хосрова I Ануширвана. Распространённые среди этих авторов представления находят своё отражение и в рассказе о том, будто Хосров вернул аль-Мунзиру хирский престол. Известна восходящая к Ибн Хордадбеку легенда о том, что Хосров до своего воцарения имел три желания: вступить на престол, назначить аль-Мунзира правителем

арабов и уничтожить Маздака и его последователей. Сделавшись царём, Хосров исполнил их [73, с. 604; 226, т. 1, с. 336]. В действительности события развивались по-иному: Маздак был казнён ещё в правление Кавада, а в назначении аль-Мунзира можно видеть разве что подтверждение его статуса новым сасанидским царём.

Сообщение Хамзы очень похоже на рассказ, который встречается у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани и Ибн аль-Асира и, вероятно, восходит к Абу Убайде. Согласно этому известию Хосров, вступив на престол, стал разыскивать аль-Хариса, местом пребывания которого тогда был аль-Анбар. Узнав об этом, аль-Харис бежал, взяв с собой сподвижников, детей и казну. Его кортеж прошёл через место, именуемое ас-Сауиййя (*al-Ṭawīyya*)¹²⁶. Аль-Хариса преследовала конница аль-Мунзира из таглибитов, ийадитов¹²⁷ и кудаитов из племени Бану Бахрā (*Banū Bahrā*). Таглибиты захватили в плен сорок восемь человек, принадлежавших к правящему роду киндитов¹²⁸. Пленников доставили к аль-Мунзиру и обезглавили по его приказу во владениях рода Бану Марина (*Banū Marīnā*). Их похоронили там же, в месте, которое – видимо, в память об этом событии – впоследствии называлось *ḥafr al-amlāk* (могила царей) [81, с. 44; 172, ч. 8, с. 62; 226, т. 1, с. 337]¹²⁹.

Другая версия этих событий представлена у Якута. Согласно ей Кайс, сын Саламы и внук аль-Хариса Киндит-

¹²⁶ Так у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани – الثورية. Об этом топониме см. ниже. У Ибн аль-Асира – النوبة, но в этом случае невозможно найти подходящую идентификацию.

¹²⁷ Об участии ийадитов в этих событиях см. прим. 115.

¹²⁸ Ибн Кутайба, который тоже рассказывает об этом эпизоде, сообщает только о двенадцати казнённых киндитах из правящего рода [81, с. 44].

¹²⁹ У Ибн Кутайбы, как далее у Якута, это место называется *ḡafr al-amlāk*. Однако слово *ḡafr* в основном означает «колодец», в связи с чем более вероятной кажется форма *ḥafr* (яма) из рассказа Абу Убайды. На письме формы جفر (*ḡafr*) и حفر (*ḥafr*) очень сходны, что могло вызвать путаницу.

ского, напал на аль-Мунзира, который с двумя сыновьями, Кабусом и Амром, укрылся во дворце аль-Хаварнак. Но через некоторое время аль-Мунзир нанёс контрудар и разгромил киндитов, взяв в плен двенадцать их царевичей. Другой внук аль-Хариса, знаменитый поэт доисламской Аравии Имру-ль-Кайс, на коне ушёл от погони. Аль-Мунзир держал пленных царевичей под стражей и не решался вызывать их к себе, боясь, что киндиты отобьют своих родственников. Наконец он велел казнить их на месте, они были перебиты в месте, которое потом называли *ǧafr al-atlāk*. Это место было известно также как «монастырь Бану Марина»¹³⁰ [264, т. 2, с. 503].

Сообщения мусульманских историков подтверждаются стихом Имру-ль-Кайса, где он оплакивает гибель погибших родственников:

«Царей (т.е. людей из царского рода. – Д. М.) из потомков Худжра Ибн Амра ведут в конце ночи и убивают!

Если бы пали они сражёнными в день битвы – но [погибли они] в землях Бану Марина.

Не были головы их обмыты водою, но омылись они кровью.

Птицы усердно выклёвывают им брови и глаза» [67, с. 108; 172, ч. 8, с. 62; 173, с. 122; 226, т. 1, с. 337; 244, с. 647].

Возвращаясь к рассказу Абу Убайды, мы должны обратить внимание на путь, по которому двигался аль-Харис. Ас-Сауиййя, как сообщает Якут, находилась рядом с Хирой; при ан-Нумане, сыне аль-Мунзира (т.е. при ан-Нумане III) там была темница [213, с. 147; 264, т. 2, с. 87]. Едва ли аль-Харис, зная, что его преследует аль-Мунзир, искал спасения именно там. Кроме того, далее Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани со ссылкой на Ибн Кутайбу сообщает, что при бегстве киндитов погибли два сына аль-Хариса – Амр

¹³⁰ Здесь, кажется, у Якута снова неверная форма. Речь должна идти не о монастыре (*dayr*), а о владениях (*diyār*).

(или Умар) и Малик; последний был убит в Хите [172, ч. 8, с. 62]. Но, если двигаться из аль-Анбара, Хит совсем в другой стороне: путь к нему лежит не вниз по течению Евфрата, как к ас-Сауиййе, а вверх. Хит куда лучше подходил аль-Харису для бегства. По некоторым сообщениям, ещё недавно аль-Мунзир III укрывался там от аль-Хариса.

Не менее интересен и вопрос о том, почему вообще аль-Харис в момент начала погони пребывал в аль-Анбаре. В этом отношении у нас есть только одна историческая аналогия: как мы видели, в начале IV в. Шапур II, одержав победу над арабскими племенами, расселил их по разным областям, а их вождей отправил жить в аль-Анбар. Там, вдали от соплеменников и под присмотром персидского гарнизона, они не представляли большой опасности. Если основываться на этом, можно предположить, что Кавад не доверял аль-Харису и хотел заранее обезопасить себя от любых враждебных действий с его стороны. Это вполне согласуется с предложенной выше реконструкцией событий. Не исключено даже, что и упоминание об ас-Сауиййи следует понимать в том смысле, что там в темнице содержали кого-то из членов правящего рода киндитов, позже бежавшего вместе с остальными.

Другая проблема связана с сыновьями аль-Хариса, которых он, как отмечено выше, сделал правителями арабских племён. Якут со ссылкой на Абу Убайду повествует, что аль-Харис, изгнав лахмидского царя (здесь это ан-Нуман) и овладев Хирой, перестал интересоваться областями пустыни, и между населявшими их племенами начались междоусобицы. Тогда племена обратились к аль-Харису, прося его дать им правителей. Аль-Харис назначил вождями племён своих сыновей [264, т. 4, с. 72].

Этот эпизод отсутствует во всех имеющихся переказах текстов Абу Убайды, да и маловероятно, чтобы аль-Харис выпустил из рук бразды правления арабскими

племенами¹³¹. Не будем забывать, что аль-Харис был ценен для Кавада именно потому, что держал в подчинении ряд племён. Действительным в данном рассказе можно считать то, что аль-Харис, уходя по договору с Кавадом в Ирак, терял возможность управлять положением дел на северо-востоке Аравии и должен был понимать это. Ему нужны были наместники, и он назначил ими своих сыновей. Стихотворное описание этого мы находим у Имру-ль-Кайса:

«Из нас – тот, кто силой правил множеством людей¹³². Он обладал властью вершить дела. Спроси об этом мудрого!

А сыны его вершили царскую власть как наместники его над молодыми воинами, предводителями и старцами.

Они сказали ему: “Свершишь ли ты то, что считаешь нужным? Мы полагаем, что немного тебе осталось”.

И он рассудил для каждого племени сообразно с тем, [за что] оно хотело мстить, и не упустил ничего в [устройстве] царской власти над ними, что следовало исправить.

Затем он умер и оставил в наследство царскую власть над теми, кто ходит по земле, [вершимую] посредством принуждения, которое отвергали, насилия и даров¹³³» [244, с. 734].

¹³¹ Очень похожее известие обнаруживается у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, который указывает тех, кто пересказывал его. Судя по тексту источника, известие восходит к иудеям города Тайма. Согласно ему, аль-Харис воссел в Хире, но затем начались раздоры между низаритами (т.е. мааддитами), и их вельможи просили, чтобы киндитский царь назначил своих сыновей их наместниками [172, ч. 8, с. 62]. Однако о потере аль-Харисом интереса к делам в Аравии речи не идёт.

¹³² Им. в виду аль-Харис.

¹³³ Т.е. посредством принуждения и т.п. заставил племена признать наследственную власть его сыновей.

Сведения о сыновьях аль-Хариса в источниках разнятся. В наиболее раннем сообщении, которое восходит к Абу Зияду аль-Килаби (*Abū Ziyād al-Kilābī*, жил во второй половине VIII – первой половине IX в.) и известно в пересказе Якута, называются три сына: Шарахиль (*Šarāhīl*, правил у Бану Амир, *Banū Āmir*), Мухаррик (*Muḥarriq* – у тамимитов и Бану Дабба, *Banū Ḍabba*) и Шурахбиль (*Šuraḥbīl* – у Бану Уаиль (*Banū Wā'il*), т.е. у бакритов и таглибитов) [264, т. 2, с. 365]. Другие авторы, в том числе Хишам аль-Кальби и Абу Убайда, говорят о четырёх сыновьях: Худжре (*Ḥuǧr*)¹³⁴, Мадикарибе (*Ma'dīkarīb*), Шурахбиле (*Šuraḥbīl*) и Саламе (*Salama*). Ибн аль-Асир, который в этой части своей истории основывается на сведениях Абу Убайды, называет Худжра старшим, а Саламу – младшим из сыновей аль-Хариса. Этот перечень выглядит более правдоподобно, так как в нём упомянут один из сыновей аль-Хариса, в существовании которого нет оснований сомневаться, – Мадикариб (Бадихарим Феофана Исповедника). Вместе с тем, сведения о том, как аль-Харис распределил между сыновьями власть над арабскими племенами, расходятся. В большинстве известий Худжр связывается с племенем Бану Асад Ибн Хузайма (*Banū Asad Ibn Ḥuzaʾma*)¹³⁵, Мадикариб – с Бану Кайс (*Banū*

¹³⁴ О Худжре и возможности его отождествления с Агаром Феофана Исповедника (Хаджаром) см. выше.

¹³⁵ Авторы, повествующие о том, как аль-Харис Киндитский назначил своих сыновей вождями племён, обычно ограничиваются тем, что называют *Banū As.d*. Между тем у Ибн Хабиба – Бану Асад Ибн Хузайма [238, с. 369]. Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани со ссылкой на Хишама аль-Кальби рассказывает, что Бану Асад убили Худжра по совету своего прорицателя, принадлежавшего к Бану Асад Ибн Хузайма [172, т. 8, с. 63]. В другом фрагменте Абу-ль-Фарадж, говоря, опять-таки, со ссылкой на Хишама аль-Кальби, о том, как Имру-ль-Кайс воевал с Бану Асад, замечает, что Асад и Кинана – братья [172, т. 8, с. 67; ср. 226, т. 1, с. 403]. Согласно аль-Масуди Худжра убили Бану Асад Ибн Хузайма [93, с. 187]. Тем самым, речь идёт об аднанитском (североарабском) племени Бану Асад Ибн Хузайма.

Qays)¹³⁶, Салама – с таглибитами. В том, что касается Шурахбия, мы видим расхождения. Согласно Абу Убайде Шурахбий правил бакритами, тогда как родственные им таглибиты находились под властью Саламы. Однако Хишам аль-Кальби и Ибн Хабиб утверждают, что Шурахбий управлял тамимитами и родственным им союзом племён ар-Рабаб (*al-Rabāb*)¹³⁷, а Салама – бакритами и таглибитами. В одном сообщении, приводимом у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, упоминается ещё один сын аль-Хариса – Абдуллах (*ʿAbd Allāh*), правивший у Бану Абди-ль-Кайс (*Banū ʿAbd al-Qays*). Это известие схоже со сведениями Абу Убайды (Худжр называется правителем асадитов и Бану Гатафан, Шурахбий – бакритов и некоторых других племён), но Мадикариб и Салама как бы меняются местами: первый властвует над таглибитами, второй – над кайситами [82, т. 1, с. 247; 157, с. 429; 172, ч. 8, с. 63, ч. 11, с. 60–61; 173, с. 122; 226, т. 1, с. 435; 238, с. 369–370; 239, с. 401–402; 240, с. 328; 251, с. 619; 260, с. 169–170].

В арабских сказаниях о сыновьях аль-Хариса аль-Мунзир неизменно предстаёт как их противник. Наиболее известны рассказы о знаменитом поэте Имру-ль-Кайсе, сыне Худжра. Согласно им Худжр правил асадитами и брал с них ежегодную подать (*itāwa*). В какой-то момент он совершил злоупотребления, которые, кажется, состояли в чрезмерных требованиях. Асадиты отказались что-либо отдавать сборщику податей. На это Худжр

¹³⁶ Бану Кайс (Бану Кайс Айлан, *Banū Qays ʿAylān*) представляли собой крупное племенное объединение аднанитов, к которому принадлежали, в частности, Бану Гатафан и Бану Амир. Поэтому, если принимать на веру упоминания в данном контексте о Бану Гатафан, остаётся считать, что имеются в виду не все кайситы, а лишь некоторые их племена.

¹³⁷ В пользу этой версии говорит то, что Шурахбий, согласно одному известию, был вскормлен в тамимитском племени Бану Дарим (*Banū Dārim*) [81, с. 48]. Логика подсказывает, что в этом случае бакриты и таглибиты «остаются» Саламе.

ответил карательным походом. Далее мы видим в источниках две сюжетные линии. По одной Худжр подавил восстание асадитов, но затем их вельможи, которые прибыли в его ставку для капитуляции, а затем двинулись назад, внезапно вернулись, ворвались в его шатёр и убили его. Согласно другой версии при приближении войска Худжра асадиты решили сражаться. В битве войско Худжра потерпело поражение, а сам он был взят в плен и убит. Имру-ль-Кайс, который согласно первой версии узнал о гибели Худжра в Даммуне, а по второй – участвовал в сражении с асадитами и бежал, решил отомстить за отца. Призвав на помощь бакритов и таглибитов, он разгромил асадитов. Те отступили, но затем бакриты и таглибиты отказались преследовать их, заявив Имру-ль-Кайсу, что он уже довольно отомстил своим недругам. Оставшись без союзников, Имру-ль-Кайс скитался и, по одному рассказу, на некоторое время остановился у сына аль-Мунзира – Амра. С последним Имру-ль-Кайс состоял в родстве: мать Амра Хинд приходилась Имру-ль-Кайсу тёткой. В «Книге песен», где мы находим этот эпизод, Амр назван наместником Бакки на Евфрате, но это может быть ошибкой: Имру-ль-Кайс воевал с асадитами в Аравии, а Амр, как мы увидим далее, действовал там впоследствии как наместник аль-Мунзира. Амр принял Имру-ль-Кайса любезно, но через какое-то время предупредил, что аль-Мунзир собирается преследовать его. Имру-ль-Кайс ушёл в Йемен и, по-прежнему стремясь отомстить за отца, обратился к одному из влиятельных местных правителей из рода Зу Джадан, т.е. Гаданов, за помощью против асадитов. Этот правитель (или, по другой версии, его преемник, пришедший к власти после его смерти) дал ему отряд из пятисот человек, к которым присоединились ватаги разбойников. Пополнив своё войско арабами из различных племён, Имру-ль-Кайс вновь напал на асадитов и одержал победу. По сообщению Ибн Кутайбы, впоследствии Имру-ль-Кайс

принял участие в событиях, завершившихся казнью у «могилы царей», но остался в живых и бежал. Аль-Мунзир III послал против него войско, состоявшее из ийадитов¹³⁸, танухитов и бахраитов. В этом войске был и персидский конный отряд, посланный на помощь аль-Мунзиру Хосровом Ануширваном. Имру-ль-Кайс, оставленный большинством соратников, укрылся у некоего аль-Хариса Ибн Шихаба (*al-Ḥārīt Ibn Šihāb*) из тамимитского племени Бану Ярбу Ибн Ханзала (*Banū Yarbū' Ibn Ḥanẓala*). Аль-Мунзир направил к этому аль-Харису посольство, требуя выдать всех членов царского рода киндитов и угрожая войной в случае отказа. Аль-Харис подчинился и выдал находившихся у него киндитов, но Имру-ль-Кайс вновь бежал и после новых скитаний нашёл убежище в Византии [81, с. 37–45; 82, с. 248–250; 149, с. 202; 172, ч. 8, с. 63–70, ч. 19, с. 85, 99; 226, т. 1, с. 402–403; 236, с. 248–250; 240, с. 328; 244, с. 558, 632].

Другой часто встречающийся у мусульманских писателей рассказ касается Шурахбилля и Саламы. По словам аль-Якуби аль-Мунзир спровоцировал конфликт между братьями. Саламе доставили дары от аль-Мунзира. Затем посланник аль-Мунзира к Шурахбиллю сказал ему, что Салама – выше его, так как получает более богатые дары [82, с. 247–248]. Это сообщение не встречается в других источниках, но, если оно соответствует действительности, расчёт аль-Мунзира кажется верным. В одном из перечней сыновей аль-Хариса, которых он назначил правителями арабских племён, самым старшим назван Худжр; за ним следует Шурахбилль¹³⁹. Кроме того, по некоторым

¹³⁸ Об участии ийадитов в этих событиях см. прим. 115.

¹³⁹ Прочитированный фрагмент сам по себе не опровергает высказанного выше предположения о том, что Худжр мусульманских авторов и Агар Феофана Исповедника (Хаджар) – разные люди. К моменту, когда аль-Харис стал назначать сыновей правителями арабских племён, Хаджара уже не было в живых; можно предполагать, что именно поэтому он не фигурирует в перечнях наместников отца.

рассказам, мать Саламы была служанкой матери Шурахбиля [157, с. 429, 432]. Вполне вероятно, что Шурахбиль считал себя выше брата и по старшинству, и по происхождению. Нетрудно представить себе, какое негодование вызвало у него известие, полученное от аль-Мунзира.

Начался конфликт, кульминацией которого стало сражение, обычно именуемое в источниках «первой битвой при аль-Кулабе». Большая часть имеющихся сведений об этом сражении происходит из повествования Абу Убайды и его пересказов у более поздних авторов. Согласно этому рассказу, противники встретились у колодца аль-Кулаб (*al-Kulāb*) между тогда ещё не существовавшими Куфой и Басрой. Со стороны Саламы первым к месту битвы явился известный нам Суфьян Ибн Муджаши, желавший отомстить бакритам за убитых сыновей. Советники Шурахбиля и Саламы были против кровопролития, но враждовавших между собой братьев уже ничто не могло остановить. В ходе сражения племенные ополчения одно за другим покидали поле битвы; в конце концов остались только бакриты и таглибиты. Вечером каждый из братьев назначил награду за голову другого – сто верблюдов. Наконец некий Усм Ибн ан-Нуман (*‘Uṣm Ibn al-Nu‘mān*), известный как Абу Ханаш (*Abū Ḥanaš*), убил Шурахбиля. Согласно тексту Ибн аль-Асира к тому времени воины Шурахбиля уже обратились в бегство, но это не подтверждается другими источниками.

Гибель Шурахбиля окончательно предопределила исход сражения в пользу Саламы. Ему доставили голову Шурахбиля, но он, потрясённый жестокостью, с которой был убит его брат, отказался выдавать вознаграждение [157, с. 428–432; 172, ч. 11, с. 61; 208, ч. 25, с. 116–117; 213, с. 527–529; 224, ч. 5, с. 222–223; 226, т. 1, с. 435–436; 251, с. 619–621; 261, с. 566].

Нетрудно заметить, что Абу Убайда повествует о битве в соответствии со своими представлениями, по которым

за Шурахбия выступали подчинённые ему бакриты, а за Саламу – таглибиты. К сожалению, нам неизвестно, что рассказывали (или рассказывали бы) о борьбе между братьями Хишам аль-Кальби и Ибн Хабиб, которые, как мы видели, придерживались иной точки зрения. Единственная параллельная версия рассказа о битве принадлежит аш-Шимшати. Она очень близка по сюжету к сообщению Абу Убайды, но отличается от неё несколькими немаловажными деталями. Согласно ей Шурахбий правил тамимитами и некоторыми племенами бакритов. В ходе битвы тамимиты потерпели поражение и обратились в бегство. Шурахбий погиб от руки Абу Ханаша. Салама не хотел выдавать вознаграждение, но под давлением племенной знати, которая заявляла, что неверность слову не красит царя, в конце концов уступил [221, с. 209–219].

Далее аш-Шимшати сообщает, что таглибиты, недовольные таким поступком Саламы, изгнали его, и он ушёл к бакритам. В свою очередь таглибиты и племя Бану-н-Намир¹⁴⁰ провозгласили своим правителем сына аль-Мунзира – Амра [221, с. 222]. Это полностью соответствует сообщению Ибн аль-Асира о том, что таглибиты изгнали Саламу и признали над собой власть аль-Мунзира [226, т. 1, с. 437]. Об изгнании таглибитами Саламы после битвы с Шурахбием говорит и аль-Хилли [213, с. 528–529]¹⁴¹.

Если дальше следовать повествованию аш-Шимшати, Салама оставался у бакритов три года, собирая к себе

¹⁴⁰ Имеется в виду, кажется, племя Бану-н-Намир Ибн Касит (*Banū al-Namir Ibn Qāṣit*), принадлежавшее к аднанитскому племенному объединению Бану Рабаи.

¹⁴¹ Сходное известие обнаруживается в историческом комментарии аль-Анбари, согласно которому Бану Салаба изгнали Саламу, и он ушёл к бакритам, а таглибиты примкнули к аль-Мунзиру, сыну Имру-ль-Кайса, т.е. к аль-Мунзиру III [157, с. 441]. Бану Салаба, принадлежавшие к бакритам, нигде не называются поданными Саламы. Вероятно, мы имеем здесь дело с ошибкой переписчика, и вместо بنو ثعلبة (Бану Салаба) следует читать بنو تغلب (Бану Таглиб).

тамимитов и йеменцев. Собрав войско, он выступил в поход, но один из приближённых напомнил ему о сражениях, которые в мусульманской литературе известны как «день ас-Суллана» и «день Хазазы» (или «день Хазаза»). Рассказы о них не входят в известные нам переложения «[Памятных] дней арабов», но это восполняется сведениями других источников. Согласно им, сражение при ас-Суллане стало решающим событием похода объединённого войска йеменцев и мазхиджитов¹⁴² под командованием Саламы. Чтобы отразить нападение, мааддиты объединились, вверив командование таглибитскому вождю по имени Рабаи Ибн аль-Харис (*Rabī'a Ibn al-Ḥārīt*). На их стороне выступили также кудаиты. В сражении при ас-Суллане¹⁴³ они разгромили силы мазхиджитов и йеменцев. Впоследствии был заключён мир; согласно одному из источников, это произошло в тот день, когда был убит Рабаи.

Это поражение не охладило пыл Саламы. Через некоторое время он возобновил войну, причём обратился

¹⁴² Мазхиджиты прежде выступали в войнах на стороне царей объединённой державы Химьяра и Сабы – Мадикариба Яфура (надпись Ry 510) и Иосифа Асар Ясара (надписи Ry 508, Ja 1028). Судя по составу войска, пошедшего в поход с Саламой, последний искал помощи в Йемене. То же самое он, как показано ниже, сделал и перед походом, закончившимся битвой при Хазазе. Гипотеза, объясняющая эти действия Саламы, предложена ниже.

¹⁴³ Определить, где произошло сражение, трудно вследствие недостатка сведений об ас-Суллане. Собственно говоря, нельзя даже однозначно сказать, к чему относилось это название. В арабском языке слово *al-sullān* (мн. ч. от *sāll*) означает низины, где протекает вода или растут деревья. Значит, ас-Суллан не обязательно был селением; он мог представлять собой одну из таких низин. Указаний на его местонахождение очень мало; Якут в одном месте помещает его в Тихаму со стороны Йемена, в другом – между Хиджазом и Йеменом [264, т. 3, с. 235]. Эта локализация, однако, не соответствует рассматриваемой исторической ситуации: если ас-Суллан находился там, куда его помещает Якут, поход предпринял скорее не Салама, а его противники.

за помощью к правителям Йемена; ими, согласно одному из источников, были Тубба и Сухбан. В войске Саламы и его союзников были воины из племён Мазхидж и Хамдан (*Hamdān*), йеменские аздиты и кудаиты. При приближении этого войска арабские племена в страхе снимались со стоянок и уходили прочь. Но мааддиты вновь объединились; в числе племён, составивших коалицию, называются бакриты, таглибиты, тамимиты, даббиты, Бану Амир Ибн Сасаа, Рабаи, Кааб (*Ka'ab*), Гатафан. В отношении того, кто был предводителем их войска, источники расходятся. В одних рассказах все заслуги приписываются Кулайбу (*Kulayb*), сыну убитого Рабии, в других – вождём мааддитов называется аль-Ахуас Ибн Джафар Ибн Кулаб (*al-Aḥwaṣ Ibn Ġa'far Ibn Kulāb*). Можно также прочесть, что Кулайб и аль-Ахуас командовали ополчениями разных племенных объединений мааддитов: первый – Рабаи, второй – Мудар.

Различаются между собой и описания решающего сражения – битвы при Хазазе¹⁴⁴. Согласно одному рассказу Кулайб, ожидая, что враги нападут ночью или в пред рассветное время (это был излюбленный приём арабов того времени), велел своим людям зажечь огонь на вершине горы как только они почувствуют приближение неприятеля. Ночью мазхиджиты действительно напали, но Кулайб с войском, ориентируясь по зажжённому огню, ударил им в тыл. В другом сообщении битва при Хазазе изображается как длительное и упорное противоборство, продолжавшееся несколько дней. Лишь на четвёртый день, когда погибли предводители войска Саламы и его союзников, перевес склонился на сторону мааддитов.

¹⁴⁴ По словам Абу Убайды, которые мы знаем через посредство Ибн аль-Асира и Якута, гора Хазаз находилась около Тыхфы [226, т. 1, с. 408; 264, т. 2, с. 365]. Из локализации Тыхфы (см. прим. 283) можно заключить, что рассматриваемые события происходили в северо-восточной части Йемамы.

Союзники Саламы были разгромлены и понесли большие потери. Тубба спасся бегством¹⁴⁵.

Так представлены эти события в арабских сказаниях, которые воспроизводятся в письменных источниках. Видимо, это накладывает свой отпечаток на изложение фактов: на первом плане стоят племенные вожди. Если не знать исторического контекста, может сложиться впечатление, что всё свелось к очередной племенной междоусобице. Но за племенами по-прежнему стояли правители, стремившиеся распространить свою власть на области Аравии. Это видно и по некоторым арабским преданиям. В одном фрагменте, восходящем к аль-Асмаи (*al-Aṣmaʿī*, род. в 739–741 г., ум. в 829–832 г.), сообщается, что в битве при Хазазе победу над потомками Пожирателя горьких растений (киндитами) и бакритами одержали таглибиты, кудаиты, а также аль-Мунзир [251, с. 994]. Как показано выше, в ходе своей борьбы с киндитами аль-Мунзир стал правителем если не всех таглибитских племён, то по крайней мере их части. Для него новое противостояние с Саламой стало, очевидно, ещё одним этапом борьбы с киндитами.

То же самое можно сказать и о противной стороне. В этом отношении заслуживает внимания продолжение рассказа ад-Динавари (*al-Dīnawarī*, ум. в 895/896 г.) о Сухбане, начало которого разобрано в прим. 109. Аль-Харис которого Сухбан, согласно ад-Динавари, назначил намест-

¹⁴⁵ Эта реконструкция событий основана на сравнительном анализе ряда источников [82, с. 257; 173, с. 129; 224, ч. 5, с. 213; 226, т. 1 с. 407–408; 246, с. 12–17; 264, т. 2, с. 365–366, т. 3, с. 234–235]. Заметим что арабы с древних времён извещали друг друга о подходе противника в ночи, зажигая огонь. Римский автор Секст Юлий Фронтин (I – начало II в.) называет это их обычаем. Правда, по его словам, при непосредственном приближении неприятеля сигналы не подавали чтобы противник полагал, что о его подходе не догадываются [18 с. 536; 52а, с. 140–141]. Однако последнее, видимо, не было универсальным правилом; в каждом случае действовали сообразно с обстановкой.

ником над арабскими племенами, поручил управление ими своим сыновьям Худжру (почему-то именуемому сыном Амра), Шурахбилу и Мадикарибу. После смерти аль-Хариса асадиты, которыми правил Худжр, убили его. Сухбан направил против асадитов карательную экспедицию, отдав предводителю войска приказ истребить их¹⁴⁶. Однако Бану Асад и родственные им Бану Кинана изготавились к войне, и войско Сухбана вернулось ни с чем. Затем наместников Сухбана свергли кайситы и тамимиты, а через некоторое время – и Рабиа. Эти племена заключили союз и, поставив во главе объединённого войска таглибитского вождя Кулайба Ибн Рабиа, нанесли Сухбану поражение в битве при ас-Суллане. Сухбан попытался взять реванш, но в сражении при Хазазе (его описание у ад-Динавари очень напоминает рассмотренный выше рассказ о том, как Кулайб ударил по неприятелю, ориентируясь по зажжённому на горе огню) его войско было разбито, а сам он – убит [174, с. 52–53]¹⁴⁷. Это сообщение примечательно тем, что описываемые события представлены не как столкновение между различными арабскими племенами, а как экспансия правителей Йемена в Аравии. Если учитывать сведения ад-Динавари, можно заключить, что было бы неверно видеть в действиях Саламы только его собственное предприятие; то же самое можно сказать и об Имру-ль-Кайсе. По-видимому, Имру-ль-Кайс и Салама, не надеясь получить поддержку при сасанидском дворе, искали помощи в Йемене. Если верна предложенная в прим. 109 конъектура, оба они обращались к Гадам. В южноаравийских надписях, относящихся к более ранним

¹⁴⁶ Об этом походе отряда из пятисот человек мы читаем в рассказах о поэте Имру-ль-Кайсе (см. выше).

¹⁴⁷ Аль-Хилли, который тоже приводит аналогичный рассказ, сообщает, что Сухбан погиб вместе с девятью братьями; ещё пятьдесят человек, принадлежавших к йеменскому царскому роду, попали в плен [213, с. 533].

временам временам (конец III и, предположительно, первые десятилетия IV в.), обнаруживается один представитель этого рода, который был сановником самое меньшее двух царей объединённой державы Химьяра и Сабы и предводителем (*kbr*, т.е. *kabīr*) подчинённых последним арабов, в том числе киндитов и мазхиджитов (см. надписи *Ja 665*, *Ja 665 ZI 68*; *Sh 30*; *Ir 39*, *Ir 32 Schreyer-Geukens*; *ZI 87*). Вероятно, ему напрямую подчинялись племенные цари и вожди. Если Гаданы выступали в этом качестве и впоследствии (а на это указывает рассмотренное в прим. 109 сообщение ад-Динавари о том, что аль-Харис Киндитский получил назначение от Сухбана), можно представить себе, что Имру-ль-Кайс и Салама обращались к тем, кого считали покровителями киндитов. Судя по готовности Гаданов помочь, они полагали возможным в том или ином виде повторить экспансию в Аравии с помощью киндитов. В то же время многое ещё остаётся неизвестным. Трудно сказать, например, с кем следует отождествить Туббу или йеменских царевичей, которые, согласно мусульманским источникам, участвовали в битве при Хазазе. Отсутствие хронологических указаний затрудняет и без того непростое проведение параллелей с историей Йемена.

Возвращаясь к Саламе, мы видим его у бакритов. Трудно не задаться вопросом, почему бакриты приняли его у себя, хотя ещё недавно сражались с ним при Хазазе. Но следует обратить внимание на то, что Салама нашёл прибежище у племени Бану Шайбан, которое, как показано в Части II (раздел о *ридф*-е), занимало при киндитских царях высокое положение. Видимо, там киндитский царевич мог рассчитывать на поддержку. Салама поселился у аль-Харисы Ибн Амра (*al-Ḥārīṭa Ibn 'Amr*), который, согласно некоторым источникам, был провозглашён царём и носил тиару (*tāğ*) [213, с. 122–123; 260, с. 22; 261, с. 491]. В историческом комментарии к сборнику стихов Маймуна Ибн Кайса Подслеповатого (*al-A'šā*) мы читаем, что аль-Хариса

(в тексте источника – Хариса) стал правителем по воле аль-Мунзира III [57, с. 63]. Если считать это утверждение верным, мы должны заключить, что аль-Мунзир назначил аль-Харису наместником в то время, когда Шурахбилль был уже мёртв, а Салама находился не у бакритов, а, например, в Йемене. Если так, в аль-Харисе правильнее всего видеть вождя, который лавировал между аль-Мунзиром и киндитами и поддерживал тех, кто признавал его власть над соплеменниками. В данном случае он, очевидно, счёл за благо вновь поддержать киндитов.

Укрепившись у аль-Харисы, Салама распространил свою власть на другие племена бакритов, которые признали его царём, и стал готовиться к возобновлению борьбы с аль-Мунзиром, собирая к себе также тамимитов и йеменцев. На это, видимо, были употреблены три года, о которых говорит аш-Шимшати. Аль-Мунзир, естественно, увидел в действиях Саламы угрозу и приступил к решительным действиям. Посольство аль-Мунзира потребовало от бакритов подчиниться верховной власти лахмидского царя. Но и Салама красноречиво убеждал бакритов не поддаваться на уговоры аль-Мунзира. Согласно одному из рассказов Салама называл аль-Мунзира «человеком, унаследовавшим войну» (*wāriṭ al-ḥarb*), – видимо, намекая на борьбу, которую вёл против бакритов Имру-ль-Кайс III. В итоге бакриты отказались от предложений аль-Мунзира, и против них выступило лахмидское войско. В описании этого похода источники расходятся. Абу Убайда, рассказ которого известен в передаче Ибн аль-Асира, считал, что лахмидским войском командовал аль-Мунзир. Напротив, у аш-Шимшати мы читаем, что воевать с Саламой отправился сын аль-Мунзира Амр, который, как показано выше, правил таглибитами. Противники сошлись у горы Увара, которую Якут помещает в область Бахрейна. Борьба была упорной и продолжалась несколько дней. У Хишама аль-Кальби сохранилось

упоминание о том, что некий человек по прозвищу «Странствующий» (*al-Mutamattir*), принадлежавший к потомкам Насра Ибн Рабиа, т.е. к царскому роду Лахмидов, вызвал одного из бакритов на единоборство и погиб. Тем не менее лахмидское войско одержало победу. Салама был взят в плен, но один из таглибитов убил его прежде, чем его успели довести до лагеря. В плен попал и другой киндитский царевич – Язид (*Yazid*), сын Шурахбия. Аль-Хариса тоже был взят в плен и затем либо казнён, либо убит в лахмидском лагере. Если верить арабским сказаниям, с пленными обошлись очень жестоко. Несколько десятков или сотню человек казнили на вершине горы. Предводитель лахмидского войска велел не останавливать резню до тех пор, пока кровь, стекая с горы, не достигнет её основания. Но из-за холода на вершине горы кровь замерзала, и её, чтобы она не застывала, разогревали горячей водой¹⁴⁸.

При изучении истории борьбы аль-Мунзира III с киндитами мы до настоящего времени рассматривали отдельные эпизоды этого противостояния, более или менее освещённые в источниках. Но эти сведения требуется свести в единую картину. Восстанавливая последовательность событий, мы замечаем, что источники нередко противоречат друг другу. Например, Абу Убайда полагал, что распри между сыновьями аль-Хариса начались после его смерти [157, с. 428; 172, ч. 11, с. 60; 226, т. 1, с. 435; 251, с. 619]. Так же пишет и Хамза аль-Исфахани, основывающийся в этом месте на трактате «История Кинды» (*Kitāb Aḥbār Kinda*) [67, с. 140], который пока трудно с чем-либо отождествить. Однако, если исходить из этого, трудно объяснить, откуда в войске аль-Мунзира, преследовавшем аль-Хариса, появились таглибиты, которые

¹⁴⁸ И в этом случае мы основываемся на сопоставлении источников [57, с. 63–64; 173, с. 130; 213, с. 122–123; 221, с. 222–224; 226, т. 1, с. 437; 231, с. 345; 260, с. 22, 47–48; 261, с. 491, 521; 264, т. 2, с. 273].

тогда должны были бы находиться под властью кого-то из сыновей последнего. Ибн аль-Асир, пересказывая сообщение Абу Убайды, пишет, что аль-Мунзир выступил против потомков Пожирателя горьких растений с бакритами и таглибитами [226, т. 1, с. 424]. Кроме того, непонятно, отчего никто из сыновей аль-Хариса даже не попытался выручить отца или отомстить за него – хотя, судя по действиям Имру-ль-Кайса (поэта), это было в обычаях киндитов. Нелегко представить себе, чтобы Салама и Шарахбиль принимали посольства и дары от аль-Мунзира III после того, как тот стал преследовать их отца и казнил их родичей у «могилы царей». С другой стороны, по рассмотренным выше сообщениям об Имру-ль-Кайсе видно, что восстание асадитов против Худжра произошло раньше наступления аль-Мунзира III на киндитов и казни у «могилы царей». При этом среди тех, к кому Имру-ль-Кайс обращался за помощью, нигде не упоминаются его дядья (братья Худжра), у которых он должен был бы искать её в первую очередь. Якут, основываясь на сведениях Абу Зияда аль-Килаби и Хишама аль-Кальби, сообщает о серии восстаний арабских племён против киндитских правителей: асадиты убили Худжра, амириты – Шарахилу, тамимиты – Мухаррика. В итоге после первой битвы при аль-Кулабе из всех сыновей аль-Хариса, назначенных правителями арабских племён, в живых оставался только Салама [264, т. 2, с. 365–366]. Но что тогда сказать о Мадикарибе, который вошёл в историю и культуру арабов прежде всего как автор стиха на смерть Саламы?¹⁴⁹ При этом для того, чтобы полностью отместить какой-то рассказ (а не отдельное утверждение), у нас нет оснований.

Если искать версию, которая будет относительно полно соответствовать всем сообщениям источников, получится примерно следующее. Опала аль-Хариса, фактически

¹⁴⁹ Текст этого стиха, восстановленный на основе сравнительного анализа его передач в источниках, дан у Л. Шейхо [263, с. 3–4].

заточённого в аль-Анбаре, привела к тому, что его сыновья во многом оказались предоставлены самим себе. В племенах началось брожение; в результате одного из мятежей погиб Худжр. Возможно, к этому времени относятся и другие выступления против киндитов (ставленников Гаданов), о которых в рассмотренных выше сообщениях повествуют аль-Килаби и ад-Динавари. Тем временем аль-Мунзир III намеревался ударить по киндитам и, кажется, уже тогда стал разжигать вражду между Шурахбилем и Саламой. В решающем сражении Шурахбиль погиб, после чего, согласно одному сообщению, тамимитское племя Бану Саад Ибн Зайд Манат (*Banū Sa'd Ibn Zayd Manāt*), прежде подчинённое ему, восстало против его родственников и изгнало их [157, с. 434]. В свою очередь таглибиты, изгнав Саламу, перешли на сторону аль-Мунзира – вероятно, не без давления или хотя бы призыва с его стороны. Как и аль-Харис, аль-Мунзир поставил над таглибитами сына – Амра. Возможно, изгнание Саламы и переход власти над подчинёнными ему племенами к Лахмидам стали причиной выступления Кайса, о котором говорится в рассмотренном выше сообщении Якута, – если, конечно, принимать его на веру.

Положение аль-Хариса было отчаянным. Мало того, что Сасаниды разочаровались в нём как в вассале – при ктесифонском дворе его обвиняли в пособничестве маздакитам, что в изменившихся условиях уже расценивалось как преступление. Искать помощи было негде. К тому времени мало кто из наследников аль-Хариса оставался в живых¹⁵⁰. Теоретически за аль-Хариса мог бы вступить его брат – Муауия Чёрный, однако мы

¹⁵⁰ Если верны изложенные выше построения, некоторые из сыновей аль-Хариса: Худжр, Шурахбиль, а возможно – также Шарахиль и Мухаррик – были уже мертвы. Очень мало сведений о Мадикарибе, который, насколько можно судить по рассказам источников, умер вследствие душевного расстройства, вызванного

слишком мало знаем о нём, чтобы строить предположения. К тому же, любым киндитами, которые пошли бы на помощь аль-Харису, пришлось бы пробиваться через войска Сасанидов и аль-Мунзира и подчинённых им арабских племён¹⁵¹.

гибелью Шурахбия [157, с. 441; 238, с. 370; 240, с. 328]. Если так, в описываемое время Мадикариб либо был мёртв, либо пребывал в таком душевном состоянии, которое не давало ему возможности воевать.

¹⁵¹ Отметим в этой связи один фрагмент из *муаллаки* аль-Хариса Ибн Хилиззы:

«А у аль-Джауна – [аль-]Джауна [из рода] Бану-ль-Аус – было войско, подобное орлу [, бросающемуся на добычу].

Когда разгорелся бой, не успели мы оказаться под облаком пыли, как они (воины аль-Джауна. – Д. М.) обратились в беспорядочное бегство» [43, с. 34; 179, с. 155; 218, с. 285–286; 223, с. 142].

Согласно историческому комментарию к фрагменту этой *муаллаки* у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани (который, впрочем, не приводит процитированный стих) аль-Мунзир III послал бакритов преследовать членов киндитского правящего рода (в тексте – *Ḥ.ǧ.r.*, но имеются в виду, очевидно, *banū Ḥuǧr Ākil al-murār*). Бакриты привели к нему девять пленников, которых он приказал казнить у «могилы царей». Далее Абу-ль-Фарадж повествует о том, как бакриты столкнулись с отрядом некоего аль-Джауна (букв. – «Чёрный») из рода аль-Ауса (*ǧawn āl al-Aws*), который шёл, чтобы защитить киндитских царевичей. В этом столкновении бакриты взяли верх; пленных противников привели к аль-Мунзиру, который велел казнить и их тоже. В тексте комментария Абу-ль-Фараджа, а также у ат-Тибризи этот аль-Джаун назван сыном дяди (по матери) Кайса, сына Мадикариба и одним из царей киндитов. Ат-Тибризи добавляет, что Бану-ль-Аус – киндиты [172, ч. 9, с. 173–174; 218, с. 285–286]. Следует учесть, что аль-Харис Ибн Хилизза прочитал свой стих во время суда бакритов и тагибитов перед аль-Мунзиром. Ему было важно показать заслуги бакритов перед Лахмидами, и ради достижения этой цели он говорил несколько тенденциозно (об этом см. прим. 96 и текст ниже). Поэтому не исключено, что масштаб этого боя в той или иной мере преувеличен. Заметим, впрочем, что и в этом случае бакриты выступают на стороне Лахмидов уже во время начала наступления аль-Мунзира III на киндитов и казни у «могилы царей». Это вполне согласуется с представленной выше реконструкцией событий.

В этой обстановке аль-Харис выбрал единственный оставшийся у него путь и бежал в Византию¹⁵². В свою очередь аль-Мунзир довёл до победного конца войну с оставшимися киндитами.

¹⁵² Сообщения источников о гибели аль-Хариса рассмотрены автором этих строк в «Хосрове». Дальнейшие изыскания в этой области не привели к обнаружению материалов, которые могли бы скорректировать представленную там реконструкцию событий. Поскольку в этих событиях немаловажную роль сыграл аль-Мунзир III, целесообразно привести здесь, с отдельными изменениями, изложенные в «Хосрове» наблюдения. Судя по рассказу Иоанна Малалы, в первые годы правления Юстиниана, незадолго до похода Хосрова и Михрана (530 г.) на Византию, произошёл конфликт между византийским военным комендантом Сирии и филархом сарацин Арефой. Устрашившись византийцев, Арефа бежал в область, которую Иоанн Малала называет «индийскими пределами». Узнав об этом, Аламундар (аль-Мунзир) напал на него, захватил в плен и казнил [84, с. 434–435]. Очень похожим образом рассказывал об этом впоследствии Феофан Исповедник, хотя его текст несколько отличается. Прежде всего Феофан указывает дату этого события – 6021 год от сотворения мира (1 сентября 528 – 31 августа 529 г.). Кроме того, в его изложении византийский наместник начал конфликт против неназванного филарха подчинённых ромеям сарацин; тот бежал во внешние пределы империи, где на него напал ал-Мунзир [163, с. 275]. Но, несмотря на эти различия, оба рассказа явно восходят к какому-то общему источнику, на что указывает хотя бы текстуальное сходство.

Этот рассказ продолжается так. Узнав о происшедшем, Юстиниан собрал войско, к которому присоединились филарх Арефа, а также другие вожди арабов, среди которых называются Гнуф (Джафна?) и Нааман (ан-Нуман). Теперь уже ал-Мунзир был вынужден бежать в «индийские пределы». Византийцы и союзные им арабы разорили его ставку и с победой вернулись домой [84, с. 434–435; 163, с. 275–276].

Арефа (*Ἀρέθας*) Иоанна Малалы и Феофана Исповедника – несомненно, аль-Харис (ар. *al-Ḥārīt*). Таким образом, в источниках появляются два филарха сарацин по имени аль-Харис. Их отождествление, разумеется, невозможно – хотя бы потому, что один погиб прежде, чем другой выступил в поход. Арефа (аль-Харис), выступивший в поход вместе с византийцами, по-видимому, тождествен с гассанидским правителем аль-Харисом Ибн Джабалой (о нём см. прим. 157) и, следовательно, не может быть сыном аль-

Хариса Киндитского. Значит, погибший аль-Харис, с одной стороны, был достаточно крупным деятелем, чтобы ответить на нападение на него стал поход на Лахмидов, а с другой – не приходился ни отцом, ни братом тогдашнему гассанидскому царю. Вполне возможно, что погибший – аль-Харис Киндитский. Мы не знаем никакого другого аль-Хариса, который соответствовал бы тому, что следует из сообщений Иоанна Малалы и Феофана Исповедника. Судя по всему, аль-Харис не погиб при погоне и бежал вверх по течению Евфрата в византийские владения. Там, в Византии, могли оценить высокое положение и военный опыт ал-Хариса. Нетрудно представить себе, что он стал вождём каких-то подчинённых Византии арабов.

Здесь мы сталкиваемся с непреодолимым противоречием. У Иоанна Малалы и Феофана гибель Арефы относится ко времени, предшествовавшему походу 530 г., тогда как согласно арабским традициям киндиты были изгнаны после смерти Кавада (531 г.). Противоречие разрешается только выбором одной из версий. Но сделать такой выбор нелегко – ошибка могла быть допущена в любом из приведённых источников. У Иоанна Малалы вообще не было хронологической системы, и он подчас располагал имевшиеся у него известия в произвольной последовательности. Феофан, черпая сведения у Иоанна Малалы, интегрировал их в хронологическую систему, бывшую плодом его собственных построений. Мусульманские историки нередко приписывают Хосрову то, что было совершено при Каваде – например, разгром маздакитов.

Известия Иоанна Малалы и Феофана Исповедника не имеют прямых параллелей в арабских сказаниях. Среди арабов ходили самые разные рассказы о том, как погиб аль-Харис Киндитский. Сами киндиты утверждали, что он умер от голода после того, как на охоте долго преследовал дичь. По другим рассказам, аль-Харис был убит кальбитами, или, наоборот, жил у них до самой смерти, или же погиб от укуса змеи [67, с. 141; 172, ч. 8, с. 62; 182, ч. 2, с. 335; 200, с. 275]. Видимо, арабам не было точно известно, что произошло с аль-Харисом, и его смерть, как когда-то гибель Джазимы, обросла легендами. Между тем, заслуживает внимания продолжение рассмотренного выше рассказа Ибн Саида о взаимной симпатии сирийских Гассанидов и киндитов. Согласно Ибн Саиду, после того, как Хира попала под власть аль-Мунзира III, аль-Харис (им. в виду аль-Харис Ибн Джабала) выступил против него и разгромил при Айн Убаге [236, с. 245]. Но речь не может идти о битве при Айн Убаге, т.к. она произошла в 554 г., намного позже разгрома киндитов. Вполне возможно, что Ибн Саид на деле говорит о том походе, о котором повествуют Иоанн Малала и Феофан Исповедник.

Одним из результатов действий аль-Мунзира стало то, что он объединил под своим верховенством бакритов и таглибитов. Теперь ему, естественно, следовало упрочить свою власть над обоими племенными объединениями. Из арабских сказаний, приводимых в «Книге песен», мы знаем, что аль-Мунзир взял заложников и от бакритов, и от таглибитов [172, ч. 9, с. 172]. Эти заложники – судя по тому, что в тексте источника они именуются *aḥdāf*, – были юными отпрысками знатных родов. Как будет показано в Части II, взятие заложников было, по крайней мере в VI в., обычной практикой Лахмидов в отношениях с арабскими племенами. Одновременно аль-Мунзир стремился предотвратить распри между бакритами и таглибитами. Конфликт между племенами наступал в основном тогда, когда происходило убийство. Избежать кровной мести можно было, уплатив выкуп за убитого – виру – которая в источниках называется *diya*, *qawāt* или *ʿaql*). Однако для этого требовалось, чтобы было понятно, кто должен его предоставить. Напротив, если не было известно, кто должен платить выкуп, потенциальной жертвой мести был любой член племени, что, в свою очередь, могло повлечь за собой войну. Позднее убийство одним из бакритов Кулайба, командовавшего таглибитами в битве при Хазазе, вызвало межплеменную войну, которая получила известность как «война из-за верблюдицы аль-Басус» и растянулась на несколько десятилетий. Такая междоусобица могла вызвать сумятицу и ослабить власть аль-Мунзира над обоими племенами. Поэтому аль-Мунзир, судя по тому, что сообщается о нём в источниках, попытался предотвратить возникновение таких случаев. Он постановил, что если на кочевой стоянке будет обнаружен мертвец, обязанность по уплате выкупа лежит на том племени или роде, которому она принадлежит. Если же мертвеца находили между двумя стоянками, выкуп должны были платить те, к кому он лежал ближе

[172, ч. 9, с. 171]. Это делало возможным использование института выкупа и тогда, когда убийца был неизвестен, что помогало предотвратить междоусобицу.

Участие аль-Мунзира III в войнах против Византии

В конце 20-х гг. VI в. началась новая война между Сасанидской державой и Византией. Аль-Мунзир принял в ней деятельное участие, причём по источникам видно, что он в то время занимал видное положение в Сасанидской державе в целом. В войнах с Византией аль-Мунзиру отводилась особая роль: он первым выступал в поход, что было своего рода «разведкой боем». После того, как в апреле 527 г. Юстиниан I стал соправителем Юстина I, византийцы стали отстраивать пограничную крепость Миндув неподалёку от Нисибина, что в конце концов привело к войне¹⁵³. Кажется, к тому же году¹⁵⁴ относится обнаруживающееся в церковной истории, приписываемой Захарии Митилинскому, и у Михаила Сирийского известие о том, что аль-Мунзир по велению Кавада напал на приграничные византийские области, расположенные в районе течения рек Хабур и аль-Балих [33, т. 2, с. 178; 75, с. 77]¹⁵⁵. Из этих указаний видно, что аль-Мунзир поднялся с войском вверх по течению Евфрата, прошёл примерно от Киркесия до Каллиника (современная ар-Ракка), но двигаться дальше не стал.

¹⁵³ Данные события разобраны автором этих строк в «Хосрове» [3, с. 334].

¹⁵⁴ Альтернативной датой мог бы стать 528 г., но тогда в поход по Евфрату ходило персидское войско под командованием Хосрова, будущего Хосрова I, и Михрана [3, с. 334].

¹⁵⁵ Географическая локализация встречается только у Михаила Сирийского, который, кажется, обладал более полным текстом исходного сообщения, чем автор текста, приписываемого Захарии Митилинскому.

В 529 г.¹⁵⁶ аль-Мунзир вновь выступил в поход по Евфрату. 21 марта его войска вступили в пределы провинции Первая Сирия, центром которой была Антиохия. По сообщениям источников, аль-Мунзир приблизился к Антиохии, но не стал осаждать город и двинулся на юг. Феофан сообщает, что он разорил окрестности Халкидона и владение Сермион. Этот Халкидон, разумеется, не Халкидон в Малой Азии, а Халкида, как в то время именовался Киннасрин. Что касается Сермиона, его следует, кажется, отождествить с городком Сармин, который упоминается у мусульманских авторов. Персидский путешественник XI в. Насир-и-Хосров, проезжавший по тем местам, даёт следующие географические указания: от Алеппо до Киннасрина три *фарсанг*-а, оттуда до Сармина – шесть *фарсанг*-ов, а затем до Мааррат ан-Нуман – ещё шесть [250, с. 14]. Видимо, к этому походу относятся и известия истории, приписываемой Захарии Митилинскому, и Михаила Сирийского о том, что аль-Мунзир прошёл до Апамеи (Калат аль-Мадык) и Эмессы (Хомс). Против него выступили византийские войска, но источники ничего не сообщают об их победе над лахмидскими арабами. Аль-Мунзир ушёл от преследования и вернулся в свои владения с полоном и добычей [33, т. 2, с. 178; 75, с. 77; 84, с. 445; 163, с. 273].

В истории Иоанна Малалы до нас дошло известие о дальнейшей судьбе заложников. Согласно источнику, пленные подвергались дурному обращению. Более того, аль-Мунзир даже казнил некоторых из них. Иоанн Малала объясняет это тем, что царь боялся заговора среди пленных. Реальность этой угрозы кажется сомнительной,

¹⁵⁶ Точную дату похода сообщает Феофан Исповедник. Его собственные хронологические построения, как мы видели, не всегда точны, но здесь он, передавая сведения своего источника, указывает не только свою собственную дату (6021 г. от сотворения мира), но и дату по индикту. Седьмой год индикта (дата похода аль-Мунзира у Феофана) соответствует промежутку времени от сентября 528 г. по август 529 г. Поскольку поход начался весной, речь может идти только о весне 529 г.

хотя нельзя упускать из виду, что аль-Мунзир, скорее всего, не имел возможности содержать пленных так, чтобы исключить возможность побега или мятежа. Оставшиеся пленники просили у аль-Мунзира время, чтобы собрать средства на выкуп. Аль-Мунзир дал им шестьдесят дней. В итоге пленные были выкуплены на средства, собранные антиохийцами [84, с. 460–461].

Другим результатом похода стало повышение престижа аль-Мунзира при сасанидском дворе. Успех лахмидского царя был особенно заметен на фоне неудачи сасанидских войск, которые в 530 г. потерпели поражения недалеко от Дары и в Армении [3, с. 336–337]. Михран, командовавший войском, которое действовало против Дары, подвергся опале. Напротив, аль-Мунзир, добившийся успеха, снискал расположение Кавада. В 531 г. аль-Мунзир предложил Каваду собственный план войны: следовало повторить успешный поход вверх по Евфрату и внезапно ударить по Антиохии. Прокопий Кесарийский, от которого мы узнаём об этом, отмечает, что план аль-Мунзира понравился Каваду, и у того не было оснований отказать ему [125, с. 154–157, 160–161].

Именно в связи с этими событиями Прокопий включает в свою историю войны с персами следующее описание аль-Мунзира, исполненное уважения к нему:

«Аламундар (аль-Мунзир. – Д. М.) был умнейшим человеком, опытным в военных делах, глубоко верным персам и исключительно деятельным; в течение пятидесяти лет он заставлял ромейское государство становиться на колени. Он разорял местности от пределов Египта до Месопотамии одну за другой, уводя и унося оттуда всех и всё, сжигал стоявшие на пути хозяйства, обращал в рабство людей, [причём] неизменно многими десятками тысяч, немало из них перебил без всяких оснований, иных же возвращал за большой выкуп. Никто не выходил ему навстречу. Он же никогда не ходил в поход без разведки, но [действовал] столь внезапно

и умело, что обыкновенно успевал уйти с добычей прежде, чем [византийские] полководцы и воины узнавали о происшедшем и начинали собираться [чтобы выступить] против него. Если же по какому-нибудь стечению обстоятельств они могли поймать его, то и тогда варвар (т.е. аль-Мунзир. – Д. М.) поворачивал к тем, кто его преследовал, неготовым [к этому] и непростроившимся, без всякого труда убивал и брал в плен гнавшихся [за ним] воинов с их начальниками. Тимострата, брата Руфина, и Иоанна, сына Луки, он в конце концов отпустил, завладев их немалыми, не какими-нибудь, богатствами. Говоря в общем, этот человек был для ромеев намного более трудным и опасным противником, чем все остальные. Причина [этого] состояла в том, что Аламундар, имея положение царя, один правил всеми сарацинами персидских земель и во всякое время мог со всем войском совершить поход туда, куда хотел из Византийской державы; никто из военачальников ромеев, называемых дук-ами, и никто из сарацин, заключивших договор с ромеями и именуемых филархами, не был в состоянии со своими сподвижниками противостоять Аламундару, так что в той области не находилось способных выступить против врагов. Поэтому император Юстиниан поставил над как можно большим количеством племён Арефу, сына Габалы¹⁵⁷, правившего сарацинами из арабских земель,

¹⁵⁷ Речь идёт об аль-Харисе Ибн Джабале – правителе из династии Гассанидов. История его правления важна для настоящего исследования, однако данные для её восстановления неполны и противоречивы. Например, согласно церковной истории, приписываемой Захарии Митилинскому, в месяце *тишрин* десятого года индикта, т.е. в октябре или ноябре 531 г., правителем арабов (гассанидских. – Д. М.) ещё был Джабала [75, с. 97] – видимо, отец аль-Хариса. Между тем рассмотренное выше известие о гибели аль-Хариса Киндитского, в котором аль-Харис предстаёт в качестве филарха, как в грекоязычной литературе назывались гассанидские правители, помещается у Иоанна Малалы перед рассказом о походе аль-Мунзира и *хазарбад*-а весной 531 г. [84, с. 434]. У Феофана, как

показано в прим. 114, известие о гибели аль-Хариса Киндитского стоит под 6021 г. от сотворения мира (1 сентября 528 – 31 августа 529 гг.) [163, с. 275]. Сходным образом Прокопий Кесарийский сначала сообщает, что Юстиниан I поставил Арефу править несколько можно большим количеством арабских племён и сделал его царём (см. перевод в тексте), а затем повествует о весенней кампании 531 г., в которой, по его словам, войском сарацин, т.е. гассанидских арабов, командовал именно аль-Харис [125, с. 160, 162, 166]. Правда, в достоверности этих данных можно усомниться: в истории Иоанна Малалы события мало привязаны к хронологии, и их последовательность иногда сомнительна, а Прокопий Кесарийский, строго говоря, не называет аль-Хариса царём применительно к 531 г. Фрагмент, где аль-Харис именуется царём, действительно предшествует рассказу о кампании 531 г., однако он представляет собой общий, не привязанный к конкретной дате, рассказ об аль-Мунзире III; упоминание в нём о провозглашении аль-Хариса царём может относиться и к более позднему времени. Можно также предполагать, что у Гассанидов одновременно правили несколько человек, под властью которых находились различные племена. Эта последняя гипотеза представляется наиболее правдоподобной, на что указывают следующие события. Из рассказов Иоанна Эфесского видно, что аль-Харис стоял у власти на шестнадцатом году правления Юстиниана, т.е. в 542–543 г. [27, ч. 3, с. 153]. В тексте марибской надписи Абрахи (*СН 541*) мы читаем, что между месяцем *q-šrbn* 657 г. и месяцем *q-D'wn* 658 г. химьяритской эры (октябрь 547 г. и январь 549 г. соответственно) он принял послов негуса, правителя ромеев, царя Персии, аль-Мунзира (*Mḡrn*, т.е. аль-Мунзира III Лахмидского), аль-Хариса Ибн Джабалы (*Ḥrtm bn Gblt*) и *'bkrb bn Gblt*. Этот последний, по всей вероятности, тождествен Авохараву (Абу Караб), которого Юстиниан, по свидетельству Прокопия Кесарийского, назначил правителем (архонтом) сарацин Палестины [125, с. 180]. Если считать, что *Gblt* в обоих случаях относится к одному и тому же человеку, т.е. к Джабале, аль-Харис и Абу Караб были братьями. Стало быть, в одно и то же время было два гассанидских правителя, управлявших разными племенами.

Сведения мусульманских авторов о Гассанидах куда менее подробны, чем о Лахмидах. Мы располагаем только двумя полными списками царей – правда, с указанием сроков правления, – которые дошли до нас в трудах Хамзы аль-Исфакхани и Бируни. Согласно обоим аль-Харис Ибн Джабала правил 21 год и 5 месяцев [54, с. 51; 67, с. 120]. Это очень мало походит на правду. Как будет показано далее, аль-Харис умер незадолго до весны 570 г.; по словам Феофана Исповедника, в ноябре 6056 г. (ноябрь 563 г.) он прибыл в Константинополь, чтобы обсудить с Юстинианом кандидатуру

и пожаловал ему царское достоинство, чего у ромеев прежде никогда не случалось. Однако Аламундар [по-прежнему] причинял ромеям ничуть не меньший, если не больший вред. Арефа же в каждом походе и бою был неудачлив как нельзя более и проявлял ненадёжность как нельзя быстрее. С ним для нас ещё ничего не ясно. Аламундару же, которому никто не противостоял, удавалось длительное время грабить весь Восток, так как он жил очень долго» [125, с. 156, 158]¹⁵⁸.

своего преемника [163, с. 371]. С другой стороны, если сложить сроки царствования преемников аль-Хариса по указанным спискам и отсчитать получившееся от 570–571 гг., когда должен был умереть аль-Харис, мы придём к выводу, что правление Гассанидов подошло к концу в 687–688 гг., но это явно неправдоподобно. Это несоответствие лучше всего объясняется тем, что мы отметили ранее: несколько гассанидских правителей правили одновременно, и поэтому сроки в арабских списках накладываются друг на друга. Заслуживает внимания и то, что в списках Хамзы аль-Исфахани и Бируни отсутствуют сын аль-Хариса аль-Мунзир, который, как будет показано ниже, удостоился большего возвышения, чем иные Гассаниды. Списки Хамзы аль-Исфахани и Бируни дают иную картину: после аль-Хариса правителем называется его сын Абу Карабан-Нуман, прозванный *qaṭām* («Ястреб»). Согласно спискам, он стоял у власти 37 лет и три месяца. Далее следует аль-Айхам, сын Джабалы, причём Бируни уточняет, что Джабала – сын аль-Хариса. Это может показаться странным, потому что сын аль-Хариса Джабала, как показано ниже, погиб в битве при «источнике удитов» в 554 г. и вряд ли мог стать преемником отца. Но пример аль-Мунзира III свидетельствует о том, что у правителя могли быть сыновья с одинаковыми именами – от разных жён. За Джабалой следует аль-Мунзир, но сын не аль-Хариса (как аль-Мунзир, о котором речь пойдёт далее), а Джабалы [54, с. 120; 67, с. 120]. Никто из этих правителей не известен по другим источникам. Это можно объяснить только тем, что в списках Хамзы аль-Исфахани и Бируни перечислены гассанидские правители каких-то отдельных племён, которые могли править одновременно. Если так, можно предположить, что на каком-то этапе аль-Харис вверил власть над этими племенами ан-Нуману, и тот продолжал править ими и далее – возможно, и после смерти отца, во времена аль-Мунзира (сына аль-Хариса).

¹⁵⁸ Очень похожее описание аль-Мунзира III и его деяний обнаруживается в «Житии Симеона Младшего»: «У персов был один

Судя по приготовлениям Кавада, он планировал масштабный поход. Только персов было пятнадцать тысяч. Командовал ими человек, имени которого мы не знаем; известен, впрочем, его титул – *хазарбад*. В ранние годы сасанидской истории *хазарбад* был одним из высших сановников. Впоследствии его влияние уменьшилось, но он по-прежнему принадлежал к верхушке сасанидской знати. *Хазарбад*-у был вручён царский штандарт, хотя источники не указывают, было ли это легендарное знамя персидских царей – *дерафш-и-кавиян* или что-то ещё. Несмотря на это, Прокопий Кесарийский прямо заявляет, что вести войско было поручено аль-Мунзиру. Разумеется, аль-Мунзир как человек, досконально знавший театр военных действий, лучше подходил для оперативного руководства войском. Но для Сасанидской державы, где иерархия сановников имела огромную важность, такое назначение было нетипичным явлением и могло объясняться единственно расположением Кавада к аль-Мунзиру.

филарх, муж сильный в руках, по имени Алмундар (аль-Мунзир. – Д. М.), а по вероисповеданию язычник (*Ἑλλην*), большим размером тела немногим уступавший гигантам... Он непрестанно совершал набеги на страну ромеев, причём никто не мог с лёгкостью вступить в бой с [этим] варваром, а если брал в плен христиан, то не знал к ним никакой жалости, но действовал с крайней жестокостью» [120, т. 86, кол. 3164]. Этот фрагмент нуждается в некоторых комментариях. Прежде всего, Симеона Младшего (521–596), монаха и столпника, не следует путать с Симеоном Столпником, о котором речь шла выше. Далее, несколькими фрагментами ранее речь в «Житии» идёт о смерти Юстиниана I и вступлении на престол Юстина II [120, т. 86, кол. 3160]. Из этого можно сделать вывод, что процитированный фрагмент относится к аль-Мунзиру IV. Однако далее в «Житии» говорится о сражении Алмундара с поставленным во главе ромейского войска Арефой, т.е. аль-Харисом (см. ниже). Это исключает отождествление Алмундара с аль-Мунзиром IV, противником которого был гассанидский правитель аль-Мунзир, сын аль-Хариса, но не сам аль-Харис. Остаётся считать, что рассматриваемый фрагмент, центральным элементом которого является видение Симеона Младшего, стоит в «Житии» не на своём месте.

Благодаря подробным рассказам Иоанна Малалы и Прокопия Кесарийского мы можем восстановить ход военных действий и, между прочим, исправить некоторые неточности, вкравшиеся в текст «Хосрова». Войско аль-Мунзира и *хазарбад*-а двинулось вверх по Евфрату и достигло Каллиника. К тому времени походы Шапура I по Евфрату были забыты, и византийцы не ожидали, что персы, обычно нападавшие со стороны Нисибина, на этот раз изберут такое направление удара. Византийские полководцы некоторое время пребывали в замешательстве, очевидно, не зная, куда будут наступать персы и арабы. Боевые действия развернулись сразу на нескольких направлениях. Главные силы аль-Мунзира двинулись в направлении Антиохии и подошли к крепости Габбул. Византийский полководец Суника с четырёхтысячным войском успешно перехватывал отдельные отряды неприятеля, предпринимавшие грабительские рейды. Аль-Мунзир и *хазарбад*-у удалось внезапным ударом овладеть Габбулом. Жители Антиохии в страхе покидали город, но другое византийское войско под командованием Велисария, усиленное отрядами гассанидских арабов аль-Хариса Ибн Джабалы, шло к Габбулу из Халкиды. Узнав о подходе этого войска, аль-Мунзир и *хазарбад* устремились обратно к Каллинику. Тем временем отдельные отряды лахмидских арабов и персов нападали на область Батн и города, который Иоанн Малала называет *Веселафос* (*Βεσελαθῶς*)¹⁵⁹. С ними воевал магистр Гермоген, пребывавший в то время

¹⁵⁹ Это поселение трудно с чем-то отождествить, так как прямых аналогий в источниках не обнаруживается. Если исходить из того, что, судя по тексту Иоанна Малалы, Веселафос должен был стоять недалеко от Батн, наиболее близкой аналогией кажется разрушенное поселение *Thilaticomum*, упоминаемое в Дорожнике императора Антонина Пия (138–161) [126, с. 53]. В пользу этого отождествления свидетельствует известное звуковое сходство (фрагменты *σελαθ* – *thilat*), а также тот факт, что в Дорожнике *Thilaticomum* помещается в нескольких километрах от Батн.

в Гиераполе (Манбидж). Двигаясь вслед за отступавшим противником, Велисарий и Гермоген встретились в Барбалиссе (Маскана). Аль-Мунзир и *хазарбад* по западному берегу Евфрата отступили в сторону Каллиника и встали лагерем напротив города. Византийцы продолжали их преследовать.

Девятнадцатого апреля состоялась решающая битва. Силы сторон были примерно равны: численность войска Велисария и Гермогена достигала двадцати тысяч человек, тогда как аль-Мунзир и *хазарбад* располагали в начале похода пятнадцатью тысячами персов и большим количеством арабов. По словам Прокопия Кесарийского, сасанидское войско строил к битве *хазарбад*. Персы были поставлены на правый фланг, который в сасанидской военной теории считался более важным, чем левый. Арабы аль-Мунзира помещались на левом крыле. С противоположной стороны против персов стояли византийские войска под командованием Суники и Симмы, а против воинов аль-Мунзира – гассанидские арабы во главе с аль-Харисом и исавры. Бой был упорным. Погибли сын аль-Мунзира ан-Нуман, персидский тысячник, имя которого у Иоанна Малалы пишется как *Ἀνδράκης*, а также выступавшие на стороне византийцев предводители исавров и фригийцев. Гибель последних едва не решила исход сражения. Видя, что их предводитель мёртв, фригийцы обратились в бегство; за ними последовали некоторые из гассанидских арабов (хотя сам аль-Харис продолжал сражаться) и исавры. Тем не менее византийские воины Суники и Симмы в плотном строю отражали атаки неприятеля.

В определении результата сражения источники расходятся. Прокопий Кесарийский сообщает, что противники сражались до ночи, а затем персы ушли в свой лагерь, а византийцы на кораблях и вплавь переправились в Каллиник. По словам Иоанна Малалы, византийцы

преследовали отступавших персов две мили, а затем ушли в Каллиник [50, с. 118–119; 84, с. 462–465; 125, с. 160–174].

Таким образом, сражение завершилось «вничью»: ни одна из сторон не смогла добиться победы. Но в стратегическом плане поход закончился для Сасанидов неудачно. Им не удалось ни овладеть Антиохией, как замышлял аль-Мунзир, ни даже взять какую-нибудь византийскую крепость – если не считать занятого на очень короткое время, а затем спешно оставленного Габбула. Это даже не принималось в расчёт. По словам Прокопия Кесарийского, *хазарбад*, явившись к Каваду по возвращении из похода, доложил ему, что не удалось взять ни одной византийской крепости [125, с. 176].

Недостижение цели похода привело – в соответствии с отмеченной выше сасанидской традицией – к опале *хазарбад*-а [125, с. 176]. Но для царя Хиры, как и столетием ранее, происшедшее осталось без заметных последствий. Аль-Мунзир не только не сошёл с политической сцены, но и остался в центре событий. Согласно Иоанну Малале, в июне того же года аль-Мунзир потребовал от императора Юстиниана прислать к нему дьякона Сергия, чтобы через него объявить ромеям условия мира. Сергей был направлен к аль-Мунзиру и вернулся в Константинополь с письмом от него. Затем Сергей вновь был послан к аль-Мунзиру с дарами от Юстиниана [84, с. 466–467].

Этот эпизод нуждается в комментарии. Для Сасанидов аль-Мунзир оставался их слугой и поэтому не имел права самостоятельно, без их участия, решать вопросы войны и мира в отношениях с Византией. Вернее считать, что он и здесь выступал как проводник политики Кавада. По-видимому, сасанидский царь после ряда неудач предпочитал не вести переговоры самостоятельно, чтобы не признавать их. Поэтому переговоры вёл аль-Мунзир,

и это было следствием его похода против Византии. Но и византийский император не мог опуститься до того, чтобы вести переговоры о мире с подчинённым правителем. Примечательно, что в то же время Юстиниан направил посольство и к Каваду [84, с. 467].

Через несколько месяцев в развитии событий произошёл крутой поворот. Тринадцатого сентября 531 г. умер Кавад. Вслед за этим началась борьба за власть между его сыновьями: Хосровом, которого возвели на престол верные ему вельможи, и Кавусом, правившим тогда в сасанидском Азербайджане. Эта борьба завершилась в середине следующего года победой Хосрова. Именно на его стороне выступал, насколько можно судить, аль-Мунзир. У нас нет конкретных данных, указывающих на это, но высказанный тезис подкрепляется рассмотренной выше легендой о том, что Хосров хотел сделать аль-Мунзира царём арабов и, придя к власти, привёл своё намерение в исполнение, а также последующим развитием событий.

Хотя Хосров, судя по всему, изначально видел в Византии врага, на тот момент он ещё не имел возможности начать против неё крупномасштабную войну: его отвлекали задачи борьбы с Кавусом и укрепления вновь обретённой царской власти в среде сасанидской знати. К концу марта 533 г. Хосров заключил с Юстинианом мирный договор. Эту мирную передышку аль-Мунзир использовал для консолидации своих позиций среди арабских племён. Повторимся: нельзя исключать, что выступление против аль-Хариса Киндитского произошло в начале правления Хосрова. Но и если бы к тому времени киндиты уже и были разгромлены и угрозу для аль-Мунзира представлял разве что Салама, вероятно, что лахмидский царь не имел ещё власти над всеми арабскими племенами, жившими поблизости от его владений. Выше мы рассмотрели сообщение Ибн аль-Асира о том, что аль-Мунзир выступил

против киндитов с бакритами и таглибитами. Это известие продолжается так: затем таглибиты перестали подчиняться аль-Мунзиру и ушли в Сирию [226, т. 1, с. 424]¹⁶⁰.

Интересное сообщение о переселении арабов в Сирию обнаруживается в истории современника аль-Мунзира – Марцеллина Комита. По его словам, в год, соответствующий 536 г., пятнадцать тысяч «сарацин» вследствие засухи и оскудения пастбищ ушли от аль-Мунзира в византийскую Евфратисию. В тексте источника названы предводители переселившихся арабов; в латинском отложительном падеже их имена пишутся как *Chabo* и *Hezido* [109, с. 105]. В этих формах узнаются арабские *Ka'b* и *Yazīd* соответственно. Если судить по тексту источника, было бы неверно приписывать это переселение каким-либо агрессивным действиям аль-Мунзира. Но понятно также,

¹⁶⁰ Возможно, к этим таглибитам имеет какое-то отношение область, которую историк мусульманских завоеваний аль-Куфи (*al-Kūfī*, ум. ок. 926/27 г.) называет *بلاد ثعلب*. В ней, по его словам, находилось место аль-Кауатиль (*الكاوائل*), через которое в 634 г. прошло войско Халида Ибн аль-Уалида, направляясь из Ирака в Сирию [198, с. 110]. Повествуя об этом походе, аль-Балазури делает важное уточнение: из аль-Кауатилия Халид Ибн аль-Уалид со своим войском пришёл в Киркесий [189, с. 154]. Якут, который тоже знает об этом эпизоде, пишет, что аль-Кауасиль (*الكاوائل*) – место на окраинах Сирии [264, т. 4, с. 486]. Сравнение рассказа аль-Куфи о походе Халида Ибн аль-Уалида с повествованиями других авторов показывает, что эти *ثعلب*, по всей вероятности, тождественны *ثعلب*, т.е. таглибитам [19, сер. 1, с. 2109; 189, с. 152; 198, с. 108; 226, т. 2, с. 256]. По словам аль-Куфи, *ثعلب* были христианами и придерживались того же вероучения, что и император Ираклий (610–641), который ранее выделил им эти земли [198, с. 110]. Можно возразить, что упоминание об Ираклии противоречит высказанной гипотезе. Однако аль-Куфи не утверждает, что жители указанной выше области переселились в византийские владения именно при Ираклии. Последний мог дать земли потомкам более ранних переселенцев или утвердить сделанное прежде пожалование. Нельзя также исключать, что участники похода, к которым, очевидно, восходит рассказ аль-Куфи, перенесли на известного им императора Ираклия пожалование, совершённое одним из его предшественников.

что в засушливые места вытесняли тех, кто проигрывал в соперничестве за пастбища и источники воды. Кроме того, ушедшие могли просить аль-Мунзира, чтобы тот разрешил им поселиться на новом месте. Но следов этого не видно. Поэтому историческая картина легче поддаётся восстановлению, если предположить, что арабы, о которых повествует Марцеллин Комит, не пользовались расположением аль-Мунзира. Прямая аналогия с таглибитами, разумеется, невозможна из-за отсутствия прямых параллелей в источниках.

Со временем Хосров начал искать повод к войне против Византии. Благоприятный, с его точки зрения, случай для этого представился в 535 г., когда значительные силы византийской армии были отвлечены на войну в Италии против готов. О том, что произошло далее, мы узнаём от Прокопия Кесарийского. По его словам, Хосров велел аль-Мунзиру найти повод к войне. Аль-Мунзир обвинил аль-Хариса Ибн Джабалу в нарушении границ и развязывании войны. Кроме того, аль-Мунзир претендовал на местность Страта в области Пальмиры, которую считал своим владением [125, с 260, 262]. Но маловероятно, чтобы аль-Мунзир требовал отдать ему определённые земли: слишком далеко от его владений находились эти места. Вероятно, ключ к пониманию этого сообщения даёт фраза Прокопия Кесарийского о том, что аль-Мунзир в споре с аль-Харисом выдвигал такой довод: те, кто пас там скот, издавна платили ему дань [125, с. 262]. Вероятнее всего, речь идёт о следующем. Какие-то арабы ушли из владений аль-Мунзира в византийскую Сирию и были расселены в местности, называвшейся Страта. Аль-Мунзир, однако, по-прежнему считал их подчинёнными ему и требовал дани с них, хотя они уже не жили в его владениях.

Поскольку на тот момент Византии не нужна была война на востоке, Юстиниан направил к аль-Мунзиру посольство. Но Хосров, который, наоборот, стремился

к войне, продолжал искать повод к ней. Он обвинил Юстиниана в том, что его посол Сумм пытался привлечь аль-Мунзира на сторону Византии, обещая ему большие богатства [125, с. 262, 264].

Судя по сообщениям мусульманских историков, конфликт между аль-Мунзиром III и аль-Харисом Ибн Джабалой вылился в вооружённое столкновение. Ад-Динавари и ат-Табари повествуют, что Гассанид Халид Ибн Джабала¹⁶¹ напал на владения аль-Мунзира, убил многих его сподвижников и захватил богатую добычу. Аль-Мунзир пожаловался Хосрову, и тот написал византийскому императору, требуя от него велеть Гассанидам вернуть аль-Мунзиру несправедливо отнятое, а также заплатить выкуп за убитых (ат-Табари) или покарать тех, кто убивал (ад-Динавари). Император не стал удовлетворять эти требования, и Хосров начал войну [19, сер. 1, с. 958–959; 174, с. 68]. Похожий сюжет, хотя и с некоторыми отличиями, мы находим и в *Шахнаме* [51, с. 2333–2334].

При чтении этих фрагментов может создаться впечатление, что рассматриваемые события следовали одно за другим в течение короткого промежутка времени. В действительности они растянулись приблизительно на четыре года – с 536 по 539 г. Очевидно, переговоры чередовались с походами и набегами. В конце концов Юстиниан написал Хосрову, что его упрёки в попытках привлечь аль-Мунзира на сторону Византии безосновательны, так как лахмидский царь немногим ранее напал на владения империи [125, с. 290, 292]. Но дело шло к войне. В *Шахнаме* мы читаем, что Хосров продолжал вести переговоры, но

¹⁶¹ Упоминания об этом человеке нигде больше не встречаются в источниках. Можно выдвинуть две гипотезы: либо аль-Харис отправил в поход брата, т.е. сына своего отца – Джабалы, либо первоначальное сообщение было составлен на среднеперсидском языке, где *𐭠𐭣𐭥* можно читать и как *Харит* (аль-Харис), и как *Халит* (Халид); тогда возможно, что те, кто переводил текст на арабский, допустили ошибку, и войну вёл лично аль-Харис.

одновременно послал аль-Мунзира против Византии и сам готовился к походу [51, с. 2335–2338].

Весной 540 г. Хосров с войском вторгся в византийские пределы. История этого и последующих походов рассмотрена автором в «Хосрове». Как ни странно, аль-Мунзир очень мало упоминается в источниках в контексте этих событий. Можно предположить, что войска аль-Мунзира были задействованы в кампании 540 г., когда персы первоначально наступали вверх по Евфрату. В 541 г. Хосров двинулся с войском в принадлежавшую тогда византийцам Лазику. В этом походе аль-Мунзир, кажется, не участвовал. По словам Прокопия Кесарийского, византийские полководцы противились тому, чтобы послать против Хосрова войска из Финикии и Сирии, утверждая, что может напасть аль-Мунзир [125, с. 400, 402]. В 542 г. Хосров вновь пошёл с войском вверх по Евфрату. В описании этого похода Прокопий Кесарийский упоминает о некоем Амбрусе – «сарацине», служившем аль-Мунзиру. Имя Амбрус представляет собой греческую передачу арабского *Амр*. Будучи христианином, Амр немало помог жителям Сергиополя (ар-Русафа), сообщая им важные сведения из сасанидского лагеря [125, с. 432, 434]. Зная о положении дел в стане неприятеля, защитники города не сдавались, и Хосрову так и не удалось овладеть им.

Далее события развивались примерно так же, как в 536–539 гг. В 546 г. был заключён мирный договор между Хосровом и Юстинианом. На арабов его действие, видимо, не распространялось, и война между Лахмидами и Гассанидами продолжалась. Судя по рассказу Прокопия Кесарийского, между 546 и 549 гг. произошло новое столкновение между аль-Мунзиром и аль-Харисом. В одном набеге аль-Мунзир захватил и казнил сына аль-Хариса. Тот выступил против аль-Мунзира и нанёс ему поражение. Два сына аль-Мунзира едва не были захвачены в плен [125, с. 518].

Сражение при «источнике удитов» и гибель аль-Мунзира III

В 551 или 552 г. Юстиниан и Хосров заключили новый мирный договор. В силу особенностей дошедших до нас источников мы очень слабо представляем себе события последующих лет. Но, по-видимому, и этот договор не касался арабов. Война между Лахмидами и Гассанидами продолжалась, и на это время приходится важнейшее событие – сражение, в котором погиб аль-Мунзир. Оно известно прежде всего по арабским сказаниям (в том числе – и приведённым Абу Убайдой в «[Памятных] днях арабов») и произведениям авторов Христианского Востока. Начать рассмотрение лучше с этих последних, так как именно в них содержится указание даты сражения. Согласно «Хронике 724 г.» аль-Мунзир погиб в месяце *хазиран* 865 г. севеккидской эры [32, ч. 2, с. 143]. Автор хроники пользовался классическим византийским календарём, по которому год начинался в сентябре¹⁶²; поэтому указанная дата соответствует июню 554 г. Однако в других источниках – истории Михаила Сирийского и сирийской «Хронике 1234 г.» сражение, в котором погиб аль-Мунзир, отнесено к двадцать седьмому году правления Юстиниана. На данном этапе исследования автор может лишь повторить высказанное в «Хосрове» предположение о том, что годы правления Юстиниана в данном случае отсчитываются с августа 527 г., когда он стал единоличным правителем¹⁶³.

¹⁶² Так, взятие Амиды, имевшее место, как показано выше, в январе 503 г., в «Хронике 724 г.» датируется 814 г. севеккидской эры [32, ч. 2, с. 149], что возможно, только если началом года автор считал сентябрь, а не апрель.

¹⁶³ Этим автор данного сообщения отличается, например, от Прокопия Кесарийского, который вёл счёт годам правления Юстиниана со дня его провозглашения соправителем Юстина I, т.е. с начала апреля 527 г.

По сообщениям Михаила Сирийского и «Хроники 1234 г.» перед нами предстаёт следующая картина событий. Аль-Мунзир вторгся во владения ромеев и разорил некоторые приграничные области. Аль-Харис выступил против него и нанёс ему поражение при «источнике удитов» (*ʿāynā d-ʿūdayē*) возле Киннастрина, освободив взятых в полон. Аль-Мунзир погиб. Однако в сражении был убит сын аль-Хариса Джабала [20, с. 192, 200; 33, т. 2, с. 269].

Арабские предания об этой битве сильно различаются между собой. С известиями авторов Христианского Востока более всего схож рассказ Ибн аль-Асира, согласно которому аль-Мунзир, сын Небесной воды, выступил из Хиры и встал у Айн Убага (*ʿAyn Ubāj*) в месте *ḡāt al-Ḥiyār*, после чего послал аль-Харису письмо с требованием откупиться или принять вызов на бой. Аль-Харис решил сразаться и подошёл с войском. По обычаям того времени сражение начиналось с единоборств. Цари решили, что первыми должны сразиться их сыновья. Но аль-Мунзир выставил одного из лучших бойцов, велел ему выдавать себя за его сына. В борьбе с ним погибли два сына аль-Хариса. Однако в начавшемся затем сражении гассанидское войско одержало победу. Аль-Мунзир погиб. Аль-Харис велел поместить тела убитых сыновей в перемётные сумы, укреплённые на спинах верблюдов, и двинулся на Хиру. Он разорил лахмидскую столицу, а затем похоронил там сыновей [226, т. 1, с. 426–427]. Этот рассказ приводит, хотя и с большими сокращениями, Абу-ль-Фидá [173, с. 130]¹⁶⁴.

Совершенно по-другому выглядит версия Абу Убайды, известная в пересказах Ибн Абд Раббихи, ан-Нувайри и аль-Умари. Согласно ей, в битве при Айн Убаге сошлись гассанидские и лахмидские войска, однако если первыми командовал аль-Харис, то вторыми – не аль-Мунзир III,

¹⁶⁴ Заметим, что в тексте Абу-ль-Фидá стоит не الخيار, как у Ибн аль-Асира, а الخبار.

а его сын аль-Мунзир IV. Последний погиб, и сасанидский царь назначил вместо него ан-Нумана, который здесь именуется младшим сыном аль-Мунзира, сына Небесной воды [208, ч. 25, с. 128; 215, с. 329; 224, ч. 5, с. 260–261]. Этой версии, по-видимому, придерживались аль-Бакри и Якут [188, с. 95; 264, т. 1, с. 61].

О гибели аль-Мунзира подробно рассказывает Ибн Кутайба, который приводит несколько сообщений, восходящих, по-видимому, к разным источникам. Повествуя о лахмидских царях, он сообщает, что аль-Мунзир, сын Имру-ль-Кайса, напал на Гассанида аль-Хариса, но тот убил его при *al-Ḥiyār*¹⁶⁵. Сын и тезка аль-Мунзира попытался отомстить за отца, но был побеждён аль-Харисом при Айн Убаге и убит [233, с. 648]. В других фрагментах сообщается, что во время битвы аль-Харис отрядил сотню воинов, дав им особое задание. Приблизившись к ставке аль-Мунзира, сына Небесной воды, они сделали вид, будто переходят на его сторону, но, усыпив таким образом бдительность царя, набросились на него и убили. Лахмидские воины перебили нападавших, но один из них (у Ибн Кутайбы это поэт Лабид (*Labīd*), тогда ещё юноша) спасся и принёс весть о случившемся в гассанидский лагерь. В итоге гассанидские войска одержали победу. Это сражение у Ибн Кутайбы называется «день Халимы» – в честь дочери аль-Хариса, которая пребывала в лагере отца и ободряла бойцов [81, с. 148; 233, с. 642].

Упоминание об участии Лабиды в этих событиях подверглось критике уже в Средние века. Аль-Хилли считал, что Лабид едва ли мог участвовать в сражении, так как жил в более позднее время [213, с. 126]. Но сюжет о том, что аль-Мунзир пал от рук лжеперебежчиков, довольно

¹⁶⁵ Ар. الحيار. Многообразие графических вариантов объясняется, очевидно, тем, что это место было мало известно средневековым авторам.

популярен. Он известен в различных версиях¹⁶⁶. В наиболее ранних известных нам их передачах, у аль-Муфаддала, сражение, в котором погиб аль-Мунзир, в одном месте называется «день Айн Убага» [207, с. 51], а в другом – «день Халимы» [207, с. 79].

О «дне Халимы» упоминают и другие авторы. Хамза аль-Исфাহани, упоминая в одном месте о Шамире Ибн Амре, пишет, что аль-Мунзир III погиб в сражении при Айн Убаге [257, с. 222]. В двух других фрагментах он сообщает, что в «день Халимы» аль-Харис сражался с аль-Мунзиром, сыном аль-Мунзира III [257, с. 246, 301]. Ибн аль-Асир, как показано выше, писал, что при Айн Убаге аль-Харис сражался с аль-Мунзиром III. Однако сразу после этого сообщения приводится рассказ о битве на «лугу Халимы». Согласно ему аль-Мунзир, сын аль-Мунзира III, желая отомстить за отца, сразился с аль-Харисом, но был убит Гассанидом по имени Лабид Ибн Амр (*Labīd Ibn 'Amr*) [226, т. 1, с. 428]¹⁶⁷. При этом сам Ибн аль-Асир, в отличие от своего источника, полагал, что на поле боя погиб только аль-Мунзир III, тогда как его сын и тезка умер в Хире [226, т. 1, с. 432]. По словам Ибн Саида, в «день Халимы» аль-Харис Гассанидский нанёс поражение аль-Мунзиру, сыну аль-Мунзира, т.е. аль-Мунзиру IV, который погиб в битве [236, с. 573].

¹⁶⁶ Эти версии различаются между собой по тому, какую роль играет в них человек по имени Шамир Ибн Амр (*Šamir Ibn 'Amr*) из племени Бану Ханифа (*Banū Ḥanīfa*). По одной версии, он первоначально был в лахмидском войске, но во время битвы перешёл на сторону аль-Хариса и провёл гассанидских воинов в ставку аль-Мунзира [199, с. 273; 207, с. 79]. Кажется, эта версия приводится в сокращённом виде у Абу-ль-Фараджа аль-Исфাহани [172, ч. 9, с. 172]. По другой версии, Шамир оставался в лагере аль-Мунзира, но после боя привёз его плащ аль-Харису, чем заслужил репутацию предателя [207, с. 51].

¹⁶⁷ За Ибн аль-Асиром здесь, как и в некоторых других местах, следует Абу-ль-Фидá, который приводит рассказ, правда, очень краткий, о битве на «лугу Халимы» [173, с. 130].

При чтении этих фрагментов возникает ощущение безнадежной путаницы. Слово «безнадежная» уместно потому, что мы не имеем – и вряд ли будем иметь – исходные тексты, пересказываемые в источниках. Самое естественное решение – считать, что все рассказы мусульманских авторов относятся к одному и тому же сражению, которое просто фигурирует под разными названиями. Судя по словам Ибн аль-Асира, историки поступали так уже в Средние века, считая, что было только одно сражение, в котором погиб аль-Мунзир III [226, т. 1, с. 432]. Но прямолинейное отождествление было бы неправильным, так как мы знаем, что поэт Набига аз-Зубьяни однажды обратился к Гассанидам со стихом, в котором были, в частности, такие слова:

«Было в старину два [памятных] дня – день Халимы и день Айн Убага – и случилось так, как было определено.

О люди! Сын Хинд¹⁶⁸ не оставит вас. Так не будьте в ближайшем бою жертвенными животными!» [249, с. 118; 263, с. 722].

Следует, однако, иметь в виду, что «памятный день» арабских сказаний и сражение – не совсем одно и то же. Сражение могло растянуться на несколько дней, и каждый день имел своё название. Примером этого может служить знаменитая битва при аль-Кадисийи. Поэтому возможно, что известия мусульманских авторов относятся к двум боям, которые составляют одно сражение.

Естественно считать, что истину следует искать на пересечении сообщений источников. В этом отношении наиболее предпочтительным кажется рассказ Ибн аль-Асира, который, как показано выше, ближе всего к известиям Михаила Сирийского и «Хроники 1234 г.». Однако и к нему можно поставить немало вопросов. По словам Якута,

¹⁶⁸ Имеется в виду сын и преемник аль-Мунзира III Амр III (о нём см. ниже).

Айн Убаг – источник воды на Евфрате, за аль-Анбаром, на пути в Сирию [264, т. 1, с. 61]. Но трудно предположить, чтобы аль-Мунзир, отправившись – причём уже не в первый раз – разорять Сирию, остановился на полпути и там ожидал подхода гассанидских войск. Поэтому более верным кажется упоминание об «источнике удитов»; можно представить себе, что арабские сказители не знали его и потому заменили непонятное им *ʿĀynā d-ʿūdayē* на сходное по звучанию *ʿAyn Ubāḡ*. Вместе с тем, в «Житии Симеона Младшего» обнаруживается следующий рассказ. Симеону было видение: он находился в середине войска Арефы, стоявшего между рубежами ромейской и персидской держав. На них наступало многочисленное войско Алмундара¹⁶⁹. Не выдерживая натиск, воины Арефы были готовы обратиться в бегство. Однако явился ангел и метнул в голову Алмундара огненный шар. После этого видения Симеон объявил своим сподвижникам, что Восток свободен (от набегов аль-Мунзира). Вскоре в Антиохию, недалеко от которой они пребывали, было доставлено известие, согласно которому всё произошло так, как было в видении; возвращавшиеся воины тоже рассказывали, что одержали победу [120, т. 86, кол. 3160]. В этом рассказе узнаётся рассматриваемое сражение; заслуживает внимание то, что битва происходит между границами ромейской и персидской держав. Если опираться на «Житие», войско аль-Мунзира III было остановлено на пограничье и, следовательно, не дошло до области Киннастрина. Но внимание автора «Жития» сосредоточено на том, что чудесное видение сбылось; он явно не ставил своей задачей точно определить место битвы и, следовательно, мог ошибиться. В комментариях к стихам Маймуна Ибн Кайса Подслеповатого мы читаем, что аль-Харис Гассанидский, одержав победу над аль-Мунзиром, отправил своего племянника аль-Абрада (*al-Abrad*)

¹⁶⁹ Имеются в виду Гассанид аль-Харис Ибн Джабала и аль-Мунзир III.

в земли, расположенные между Сирией и Евфратом [57, с. 126]. Видимо, аль-Абрад был послан преследовать отступавшего противника. Поэтому на данном этапе исследования можно предполагать, что аль-Мунзир III всё-таки достиг области Киннасына, где и произошло сражение.

Если это предположение верно, маловероятно, чтобы тела погибших сыновей аль-Хариса доставили в Хиру: они просто разложились бы в пути. Это порождает сомнения в достоверности сообщения о походе аль-Хариса на Хиру. Разумеется, нельзя исключать, что гассанидский царь погнал врага назад и на его плечах ворвался в Хиру. Но возможны и иные объяснения. Не исключено, например, что упоминание о Хире возникло из-за того, что арабские рассказчики неверно поняли сирийское *hīrtā* (лагерь). Можно представить себе, что аль-Харис, разгромив противника, овладел его лагерем и там, совершив символический жест, похоронил убитых сыновей.

Итак, рассказ Ибн аль-Асира фактически относится к сражению 554 г., в котором погиб аль-Мунзир III, но упоминание о взятии Гассанидами Хиры, по всей вероятности, неверно. В связи с этим мы вновь должны вспомнить, что в некоторых сказаниях противником Гассанидов назван не аль-Мунзир III, а его сын аль-Мунзир IV. Последний, как будет показано ниже, тоже не раз воевал с Гассанидами и потерпел несколько поражений, причём не исключено, что одно из них закончилось его гибелью. Более того, при аль-Мунзире IV гассанидские войска razорили Хиру. Кажется, что изначальное предание о поражении аль-Мунзира III при Айн Убаге (читай – «источнике удитов») со временем вобрало в себя воспоминания о событиях, происшедших в правление аль-Мунзира IV. На такое развитие изначальных преданий указывает то, что во всех их передачах в дошедших о нас источниках лахмидское войско терпит поражение от сил аль-Хариса, хотя противником аль-Мунзира IV был не он сам, а его сын аль-Мунзир.

Положение дел в Аравии

Прежде чем перейти к событиям, последовавшим за гибелью аль-Мунзира III, следует вновь обратить внимание на положение дел в Аравии. Ат-Табари сообщает – очевидно, со слов Хишама аль-Кальби, – что Хосров I Ануширван назначил аль-Мунзира III своим наместником над всеми землями, расположенными между Оманом и областью Бахрейна, а также Йемамой вплоть до Таифа и Хиджаза [19, сер. 1, с. 958]. Такое назначение предполагало масштабную экспансию в Аравии, прежде всего – в Йемене. В какой степени аль-Мунзир выполнил эту задачу – сказать трудно. Как показано выше, в ходе борьбы с Саламой он распространил свою власть на некоторые племена северо-востока Аравийского полуострова (прежде всего – входившие в состав объединений бакритов и таглибитов). Однако за власть над Йемамой аль-Мунзиру пришлось вести новую борьбу в связи с возобновлением экспансии правителей Йемена.

В то время в Йемене произошли значительные изменения. Против Иосифа Асар Ясара (Зу Нуваса), который, как показано выше, в 523 г. захватил Наджран, выступил царь Аксума Кaleb Элла-Асбаха. Он с войском переправился в Йемен и нанёс поражение Иосифу; тот погиб вместе с ближайшими сподвижниками¹⁷⁰.

¹⁷⁰ О дате взятия Наджрана войсками Иосифа Асар Ясара см. прим. 98. Дата похода Калеба Элла-Асбахи определяется на основании хронологических указаний в «Деяниях св. Арефы и Румы». Согласно этому источнику Кaleb Элла-Асбаха выступил в поход после Пятидесятницы третьего года индикта, употребив зиму на подготовку флота [11, с. 87]. Таким образом, поход Калеба должен был состояться в конце весны – летом 525 г. Это в принципе соответствует требованиям исторического контекста, согласно которым длительное бездействие царя Аксума маловероятно, и дата его похода тем правдоподобнее, чем ближе она к датам захвата Иосифом Асар Ясаром Зафара и Наджрана. Против этого можно возразить, что Иоанн Малала и Прокопий Кесарийский помещают рассказы

Наш главный источник о последующих событиях – повествование Прокопия Кесарийского. По его словам, Калед Элла-Асбаха вернулся в Эфиопию, оставив правителем Йемена химьяритского вельможу Есимфея – Симьяфу Ашву (*Smyf' 'šw*) южноаравийской надписи *Ist 7608 bis RES 3904*¹⁷¹. Однако через некоторое время против Симьяфы

о событиях в Йемене в те части своих трудов, где повествуется о начале правления Юстиниана I [84, с. 433; 125, с. 188]. Однако это возражение само уязвимо для контраргументов. У Иоанна Малалы последовательность фрагментов нередко не соответствует их действительной хронологии, а Прокопий Кесарийский рассказывает о походе эфиопов в Йемен в связи с планами Юстиниана I нанести по Сасанидской державе удар с юга (об этом см. в тексте), и, таким образом, создаётся впечатление, что промежуток времени между этими событиями мал. Южноаравийская надпись *CIN 621 Ry 342; RES 2633; RES 5091*, датированная месяцем *q-ḥltn* 640 г. (февраль 531 г.), тоже едва ли может быть доводом против предложенной датировки похода, т.к. последовательность событий в ней такова: возвращение инициатора создания надписи Симьяфы Ашвы в Йемен из Эфиопии и победа эфиопов над царём Химьяра, затем действия Симьяфы и его сподвижников по отстройке крепости Мауия (Хисн аль-Гураб). Очевидно, что в надписи представлена история длительного периода, который включает в себя, помимо прочего, строительные работы, по природе своей требующие времени. Кроме того, в эфиопских источниках мы читаем, что Калед Элла-Асбаха совершил поход в Йемен во время правления византийского императора Юстина I (518–527) [49, с. 178; 159, с. 226].

¹⁷¹ Насколько можно судить, этот Симьяфа Ашва не тождествен своему тёзке, который упомянут в надписи, разобранный в предыдущем примечании. Собственно говоря, в надписи *Ist 7608 bis RES 3904* фигурируют два человека по имени Симьяфа Ашва. Один из них – видимо, инициатор создания надписи – именуется царём Сабы. Краткость титула не должна создавать неверное впечатление: до нас дошла только часть надписи, и фрагмент, в котором должно было быть продолжение титула, не сохранился. Прочитанные фрагменты надписи о царе Эфиопии и негусе Аксума Элле-Асбахе (*ʾl šbhḥ*), царях над Химьяром и наместниках негуса Аксума, подчинении царю Аксума, назначении людей для защиты моря (т.е. морского побережья) и поддержания порядка в Химьяре, а также начало и заключительная часть, указывающие на христианское вероисповедание царя Сабы Симьяфы Ашвы, свидетельствуют в пользу отождествления послед-

выступили стоявшие в Йемене эфиопские войска. Эфиопы свергли Симьяфу и провозгласили царём человека из своей среды – бывшего раба Абраху. Калёб Элла-Асбаха послал в Йемен войско, но воины убили своего предводителя и перешли на сторону Абрахи; неудачным оказался и второй карательный поход. Впоследствии, после смерти Калёба Элла-Асбахи, Абраха согласился платить дань его преемнику [125, с. 188, 190]. Сообщения мусульманских авторов в целом похожи на рассказ Прокопия, но расходятся с ним в деталях. Наиболее близка к нему версия Хишама аль-Кальби, согласно которой Абраха завоевал Йемен, но не прислал негусу трофеи. Расценив это как неподчинение, негус послал в Йемен войско во главе с полководцем Арьятотом (*Aryāt*). По версии Ибн Исхака, Арьят с самого начала командовал посланным в Йемен войском, в составе которого был и Абраха. После победы между Арьятотом и Абрахой началась вражда. Продолжаются эти рассказы одинаково: перед началом решающего сражения Арьят и Абраха сошлись в единоборстве. Абраха пошёл на хитрость, и его доверенный человек убил Арьята. Став таким образом единоличным правителем Йемена, Абраха повинулся перед негусом, и тот простил его и назначил своим наместником [19, сер. 1, с. 927–934; 60, с. 87–88; 82, с. 226–227; 107, т. 3, с. 157–158; 149, с. 185; 242, т. 1, с. 75–81].

У Прокопия Кесарийского рассказ о событиях в Йемене представляет собой вставку в повествование о ходе борьбы Византии и Сасанидской державы в 531 г. Согласно автору, стратегическая цель Юстиниана состояла в том, чтобы эфиопы получили возможность покупать доставлявшийся через Индию шёлк и поставлять его в Византию. Для осуществления этой идеи химьяриты,

него с Есимфеем, который, заметим, предстаёт как христианин и у Прокопия. В противоположность этому Симьяфа Ашва, упомянутый в надписи *СН 621 Ру 342; RES 2633; RES 5091*, определённо не являлся царём; иначе он был бы назван так в её тексте.

т.е. подданные правившего тогда в Йемене Симьяфы Ашвы, должны были поставить царём над мааддитами киндита Кайса¹⁷². О последнем сообщается, что он убил одного из родственников Симьяфы Ашвы и укрылся в пустыне – видимо, опасаясь мести. Вслед за этим объединённые силы мааддитов, «сарацин» и химьяритов должны были напасть на «землю персов» [125, с. 192]. Сказать, что имеется в виду под «землёй персов», трудно. Чтобы достичь указанной выше стратегической цели, следовало прежде всего выбить персов из Омана, однако ни Прокопий, ни другие авторы не называют его главной целью наступления.

¹⁷² Прокопий Кесарийский не называет Кайса киндитом. Однако рассказ Прокопия можно дополнить сведениями Нонноса, который ездил к Кайсу в качестве посла Юстиниана. Ноннос называет Кайса потомком Арефы (аль-Хариса), правителем киндитов и мааддитов [52, с. 179]. В «Хосрове» автор этих строк предложил отождествить этого человека с Кайсом, которого Хишам аль-Кальби называет в числе сыновей аль-Хариса Киндитского [3, с. 498, прим. 710; 260, с. 170]. Это отождествление представляется наиболее обоснованным. Менее вероятно, что речь идёт о сыне Саламы, напавшем на аль-Мунзира и его сыновей в Хире (см. выше), или жившем намного позднее Кайсе Ибн Мадикарибе Ибн Джабале, которого восхвалял Маймун Ибн Кайс Подслеповатый [57, с. 13, 120, 231; 67, с. 141]. Возвращаясь к Кайсу – сыну аль-Хариса, мы должны отметить следующее. У Хишама аль-Кальби Кайс появляется в списке сыновей аль-Хариса с указанием племён, которыми они правили, но стоит в нём последним. Вместо указания подчинённых ему племён мы находим слова о том, что он был природным странником (*ṣayyāra*) и правил у того племени, у которого останавливался [239, с. 402; 260, с. 170]. Видимо, Кайс был одним из младших сыновей аль-Хариса. Он ничего не получил в управление и, подобно Саламе и Имру-ль-Кайсу, скитался от одного племени к другому, призывая арабов встать под его знамя, которое, несомненно, представлялось как знамя царского рода киндитов. Нетрудно представить себе, что такой человек мог примкнуть к начинаниям Юстиниана, если они сулили ему власть над племенами. Судя по известиям Нонноса, он был не первым византийским послом к Кайсу. Прежде к киндитскому царевичу ездил отец Нонноса Авраам; они заключили мирный договор, в обеспечение исполнения которого сын Кайса должен был отправиться к Юстиниану в качестве заложника [52, с. 179].

Судя по некоторым данным, Юстиниан попытался претворить свой замысел в жизнь. Известно, что его посол Ноннос ездил к Кайсу в годы правления Калеба Элла-Асбахи¹⁷³. Но неурядицы в Йемене, о которых говорилось выше, не могли не отвлечь эфиопов от готовившегося наступления. Впоследствии, по словам Прокопия Кесарийского, Кайс и Абраха приняли план Юстиниана, но ни один из них ничего не сделал. Абраха не раз обещал императору выступить в поход на север, но сделал это лишь однажды, причём скоро вернулся [125, с. 192, 194]. Кайс после ряда контактов с посланниками Юстиниана в конце концов уехал в византийские владения и был назначен наместником Палестины [52, с. 179] – скорее, по видимому, предводителем всех или части подчинённых Византии арабов Палестины.

Для последующих времён наши исследования сильно затруднены недостатком источников. Трудно, например, сказать, что имел в виду Прокопий Кесарийский, говоря о единственном походе Абрахи. Мы черпаем сведения в основном из надписей Абрахи. Если расположить их по хронологии, первыми окажутся надписи из Мариба, относящиеся к началу 549 г. – *DAI GDN 2002 – 20* и *CIH 541*. В обеих надписях Абраха именует себя царём Сабы, Зу Райдан, Хадрамаута, Яманата, кочевников побережья (*thmt*) и возвышенности (*twdm*) – как показано выше, этот титул прежде носили правители объединённого государства Химьяра и Сабы. Даты в надписях указаны по химьяритской эре. С другой стороны, как отмечено в прим. 157, между октябрём 547 г. и январём 549 г. Абраха принял посланников ряда правителей. Первым среди них упомянут негус, за ним следует византийский император. Это подчёркнутое уважение к правителю Аксума вкуче с обязательством платить ему дань, о котором говорит

¹⁷³ Об этом посольстве см. предыдущее примечание.

Прокопий Кесарийский, приводят нас к следующему пониманию статуса Абрахи. Он стал новым правителем объединённой державы Химьяра и Сабы и, следовательно, занял то положение, которым обладали его предшественники. Из «Деяний св. Арефы и Румы» мы знаем, что по крайней мере непосредственно перед кампаниями Иосифа Асар Ясара цари объединённой державы Химьяра и Сабы платили дань негусу Аксума [11, с. 62; 49, с. 125], признавая, тем самым, его верховенство. Кажется, такие отношения с правителями Аксума были и у Абрахи.

По надписи *CIN 541* можно сделать ещё некоторые наблюдения. Прежде всего, Абраха, по крайней мере на каком-то этапе, предпочёл не воевать с Сасанидами и Лахмидами, а вести с ними дипломатические сношения. С другой стороны, в той же надписи рассказывается, что против Абрахи выступили назначенный им наместник киндитов Язид Ибн Кабша (*Yzd Ibn Kbšt*)¹⁷⁴ и некоторые йеменские вельможи. Впоследствии и Язид, и йеменские вельможи, и племена вновь принесли Абрахе клятву на верность, однако для того, чтобы нанести удар по Сасанидам или хотя бы по Лахмидам, он должен был установить свой контроль над племенами Аравии, которые, даже будучи подчинёнными, в любой момент могли повернуть против него.

По этому сценарию развивались дальнейшие действия Абрахи, о которых мы узнаём из его надписей в Бир Мурайгане (*Ry 506 Murayghān 1, Murayghān 3*). Из этих надписей датирована только первая; она относится к месяцу *ḡ-ln* 662 г. химьяритской эры (сентябрь 552 г.). В этой надписи Абраха рассказывает, что в апреле того же года

¹⁷⁴ Этого человека нельзя точно отождествить с кем-либо из известных нам исторических персонажей. У Нонноса мы читаем, что Кайс, уезжая в Палестину, разделил свои владения между братьями – Амром (*Ἀμβρος*) и Язидом (*Ἰεζίδος*) [52, с. 179]. Логично отождествить Язида надписи *CIN 541* со вторым из братьев, однако для того, чтобы этот тезис стал чем-то большим, чем предположение, нужны веские доказательства.

ходил походом на мааддитов, против которых выступал уже в четвёртый раз, а также восставших амиритов. По приказу Абрахи в поход пошли и подчинённые ему арабы из киндитов (во главе с Абгабаром¹⁷⁵), Бану Мурад, Бану Саад¹⁷⁶ и некие 'l, которых, если не считать, что за этой формой кроется неправильно переданное название арабского племени Иджль ('Iǧl), трудно отождествить с каким-либо известным нам племенем. В надписи говорится о трёх битвах. Киндиты и 'l сражались с амиритами при *wadi d-Mrḥ*, мурадиты и саадиты с неназванным противником – поблизости от другого вади, при колодце *Trbn*; в обоих случаях союзники Абрахи перебили немало врагов и взяли большой полон. Сам Абраха дал сражение в месте,

¹⁷⁵ Этот Абгабар (в надписи – 'bǧbr), кажется, тождествен киндитскому царевичу Абу-ль-Джабару (*Abū al-Ġabar*) – внуку Язида (сына Шурахбия) который, как показано выше, был взят в плен в битве при Уваре и, скорее всего, казнён тогда же. Что касается самого Абу-ль-Джабара, он, судя по рассказам источников, впоследствии был изгнан киндитами и обратился за помощью к сасанидскому царю Хосрову I Ануширвану. Последний обласкал его, подарил прекрасную невольницу и дал войско для борьбы за власть. Войско выступило в поход, но ещё в Казиме, т.е. не доходя до области Бахрейна, персы стали страдать от тягот пути и жары. Чтобы прервать поход, они привлекли на свою сторону повара, и тот подмешал Абу-ль-Джабару в пищу яд. Когда Абу-ль-Джабар почувствовал себя дурно, персы обещали оставить его, если он напишет письмо, освобождающее их от участия в походе. Абу-ль-Джабар так и поступил. Персы ушли, а Абу-ль-Джабар, пройдя лечение, отправился в Йемен, но умер от рецидива болезни [29, с. 17–18; 210, с. 90; 231, с. 306; 260, с. 170]. В изданиях трудов Хишама аль-Кальби и аль-Хамдани, на которые сделана ссылка, стоит форма أبو الخير (*Abū al-Ḥayr*), что, очевидно, следует исправить на أبو الجبر (*Abū al-Ġabar*).

¹⁷⁶ По всей вероятности, имеется в виду племя Саад аль-Ашира (*Sa'd al-Ašīra*), т.е. Мазхидж. М. Дж. Кистер, ссылаясь на рассматриваемые далее стихи Раби Ибн Рабии, утверждает, что речь идёт о Бану Саад из тамимитов [89, с. 431]. Более вероятной кажется идентификация с мазхиджитами. Согласно надписи, Абраха послал вперёд саадитов и мурадитов, и они сразились с врагом у колодца *Trbn*. Судя по этому описанию, саадиты подошли к месту битвы с юга, что более подходит к мазхиджитам.

названном *Hlbn*, после чего мааддиты подчинились ему и дали заложников. Вслед за этим Амр, сын аль-Мунзира (в надписи – *‘mrn bn Mḡrn*), повёл с Абрахой переговоры и дал ему в заложники своего сына. Далее идёт не совсем понятная фраза, из которой следует, что Абраха назначил кого-то (то ли Амра, то ли его сына) наместником над мааддитами. Затем Абраха вернулся в свои владения.

Для понимания текста надписи необходимо установить, какие места в ней упомянуты. Если искать известные в Средневековье места с названием, в котором фигурируют согласные *m*, *p*, *b* и *n*, мы найдём вади под названием Турбан, расположенное между Меккой и Мединой [91, с. 130, 187; 188, т. 1, с. 308, 409; 264, т. 2, 20]. Разумеется, вади нельзя отождествлять с колодцем, но связь между этими названиями вполне может присутствовать. Обратим внимание, что в тексте надписи название вади не сообщается; указание *Trbn* было вполне достаточным. Халабан существует и в наши дни; это селение на скоростной трассе из Медины в Эр-Рияд, несколько западнее вади Масаль, где оставили свою надпись Абкариб и Хассан. Получается, что Абраха двинулся из Йемена на север, миновал Мекку и двинулся в сторону Медины, после чего повернул на восток и направился к вади Масаль. Это определяет и локализацию *wadi d-Mrḥ*. Из нескольких вади под названием *Mrḥ*, о которых упоминает Якут, мы, видимо, должны выбрать вади Зу Марах (*Dū Marah*), протекавшее через аль-Хариджу (*al-Ḥārīḡa*) – селение тамимитского племени Бану Ярбу (*Banū Yarbūʿ*) в Йемене [264, т. 5, с. 103]. Значит, даже если сам Абраха не продвинулся далее Халабана, передовые отряды его войск ушли в Йемену.

Политическим итогом кампании Абраха называет подчинение мааддитов. Нельзя, разумеется, утверждать, что под его власть попали все аднанитские (североарабские) племена. К сожалению, у нас слишком мало параллельных источников, чтобы можно было сказать, о каких

племенах идёт речь. Мы можем сослаться только на два стиха поэта Раби Ибн Рабии (*Rabī' Ibn Rabī'a*), принадлежавшего к роду Бану Курай (*Banū Quray'*) из тамимитского племени Бану Саад (*Banū Sa'd*) и известного по прозвищу *al-Muḥabbal* (вероятно – «Не владеющий конечностями» или «Увечный»), а также некоторые комментарии аль-Бакри. В одном из этих стихов Раби Ибн Рабиа говорит:

«Они (предки поэта. – Д. М.) свершили для Абрахи дела его при Халабана и двинулись вместе с йеменскими князьями (*al-aqwāl*)» [188, с. 461; 205, с. 131].

Аль-Бакри, комментируя этот стих, замечает, что люди, о которых говорится в нём, помогали Абрахе [188, с. 461].

Другой стих не столь ясен:

«В день отца Яксума, когда пребывали люди у Халабана, и подошли к концу припасы его (отца Яксума. – Д. М.),

Мы разрушили / закрыли для них ворота крепостицы – а перед ними стоял могучий человек, йеменские князья которого¹⁷⁷ шли с пехотой и конницей¹⁷⁸» [184, с. 698; 205, с. 117–118].

¹⁷⁷ В тексте – *maqāwīlu-hu*. Слово *maqāwīl*, множественное число от *miqwal*, образовано от корня Q.W.L. и аналогично понятию *aqwāl* или *aqyāl*, т.е. кайл-ы. Как показано в прим. 274, слово *qayl* могло употребляться и в значении «правитель, подчинённый царю», без непосредственной связи с Йеменом. Однако в целом у арабов слова *qayl* и *miqwal* ассоциировались с правителями Химьяра; об этом можно судить по средневековым толковым словарям [192, с. 1806; 232, с. 977]. Кроме того, здесь мы имеем дело с особым случаем: поэт описывает ситуацию, когда одно из войск, ведомое Абрахой, шло из Йемена. Было бы очень странно, если бы в описании поэта *maqāwīl* выступали не на стороне Абрахи, а вместе с боровшимися против него арабскими племенами. Куда более гармоничной кажется трактовка, согласно которой *maqāwīl* стиха были в составе войска Абрахи.

¹⁷⁸ В тексте – *bi al-ḥirāb* (буквально – с дротиками). Следуем здесь трактовке автора комментария к тексту стиха – Али Ибн Сулаймана, известного по прозвищу «аль-Ахфаш (*al-Aḥfaš*, т.е. страдающий глазной болезнью *ḥafš*) Младший» (род. ок. 849/50 г., ум. в 927/28 г.).

Отец Яксума – Абраха. Под именем Яксум (*Yaksūm*) у средневековых арабозычных авторов фигурирует сын и преемник Абрахи Аксум, упомянутый в надписи *СН 541* (в тексте надписи – *'ksm*). Трактовка этого стиха зависит от того, как переводить начало второй строки – *ṭawaynā la-hum bāb al-ḥiṣayn*. М. Дж. Кистер, посвятивший этому походу отдельное исследование, основывается на английском переводе С. М. Хусайна: *we closed against them the gate of the fortress* [80, англ. перевод, с. 183; 89, с. 433]. «Могучим человеком», с которым шли йеменские князья, должен быть Абраха. Если он без припасов стоял перед воротами крепости, трудно понять, как помогли ему предки поэта, закрыв их. При такой трактовке получается, что Бану Саад сражались не на стороне Абрахи, а скорее против него. Тогда процитированные стихи должны относиться к разным походам Абрахи, в одном из которых саадиты поддерживали его, в другом – его противников. Разумеется, могло быть и так. В надписи *Ry 506 Murayghān 1* Абраха заявляет, что повествует в ней о своём четвёртом походе против мааддитов, а арабские племена и вожди, вовлечённые в конфликты держав, не раз переходили с одной стороны на другую. Однако глагол *ṭawā* может иметь и значение *destroyed it, annihilated it* [99, с. 1898]. В этом случае ход событий восстанавливается по-другому: в критический момент, когда у Абрахи и его людей подходили к концу припасы, саадиты разрушили ворота крепости, чем, наверное, помогли эфиопам взять её. К сожалению, в обоих стихах Раби лишь отмечает наиболее важные свершения своих предков, не сообщая исторических подробностей. Это не даёт возможности сделать однозначный выбор в пользу одного из предложенных вариантов прочтения и трактовки.

Комментируя первый из процитированных стихов Раби Ибн Рабии, аль-Бакри сообщает также, что с Абрахой пошли Хиндаф (*Ḥindaf*) [188, с. 461]. Имеются в виду

племена, возводившие свою родословную к Хиндаф – жене Ильяса (*Ilyās*), сына Мудара (*Muḍar*) – прародителя одной из ветвей аднанитов [19, сер. 1, с. 1107; 107, т. 4, с. 120; 239, с. 9]. К ним относилось главным образом племенное объединение Бану Хузайма. Если учесть маршрут похода Абрахи, можно предположить, что аль-Бакри говорит о племенах, живших поблизости от Мекки, например, Бану Кинана.

Некоторые выводы можно сделать и по фразе, которая выше названа не совсем понятной. Абраха, очевидно, вёл переговоры с Амром – сыном аль-Мунзира III и будущим царём Амром III. Этот Амр, который ранее управлял таглибитами, в описываемое время был – судя по тому, что именно с ним договаривался Абраха – наместником аль-Мунзира III над подчинёнными Лахмидам племенами Аравии. Маловероятно, чтобы слова «он назначил наместника над мааддитами» относились к кому-либо, кроме Абрахи, который по понятным причинам является главным героем надписи. Для Абрахи было куда правильнее назначить правителем мааддитов не Амра, а его сына, который как заложник должен был находиться вместе с ним. С другой стороны, если Абраха одержал победу и мог назначить наместником над мааддитами кого угодно, странно, почему его выбор пал именно на сына Амра, т.е. внука лахмидского царя. Кажется, правильнее всего считать, что над какими-то племенами мааддитов был установлен своего рода кондоминиум: их правителем считался Лахмид, который, однако, получил назначение от Абрахи. Следовательно, победа Абрахи, скорее всего, была неполной.

Труднее поддаётся интерпретации вторая из указанных надписей – *Muraughān* 3. Согласно тексту, Абраха велел исполнить её, вернувшись из похода в страну мааддитов. Во время похода он отобрал власть над мааддитами у аль-Мунзира (в надписи – *Mḍrn*), изгнав его сына Амра

(*'trm*), и подчинил себе всех арабов из числа мааддитов, *Hgrm*, *Ḥt*, *Ṭum*, *Yṭrb* и *Gzm*. Форма *Hgrm* – конъектура составителей CSAI, которые добавили первую букву *h*. Поскольку рядом с этим *Hgrm* стоит *Ḥt*, естественно считать, что речь идёт о двух городах области Бахрейна – Хаджаре (*Haḡar*) и аль-Хатте (*al-Ḥaṭṭ*) соответственно. *Ṭum* вернее всего отождествлять с названием арабского племени Таййи (*Taʿyī*). *Yṭrb*, по всей вероятности, не Медина (Ясриб или Етрив, ар. *Yaṭrib*), а селение Ятраб (*Yatrab*), которое, согласно одному сообщению, восходящему к Абу Убайде, находилось неподалёку от центра Йемамы – Хаджра – и в доисламское время было известно тем, что в нём делали стрелы, считавшиеся одними из лучших в Аравии [184, с. 37]¹⁷⁹.

Наибольшие трудности вызывает форма *G.z.m*. Внешне привлекательное отождествление с названием арабского племени Джузам (*Ġuḡām*) трудно считать подходящим, так как *z* в *Джузам* – межзубное, и его скорее передали бы через *ḡ* (как в *Mḡrn*), а не через *z*. Однако племени с названием *Ġ.z* у арабов не обнаруживается; нет ничего подобного и среди топонимов. Слово *Ġ.z* представляет собой неразрешимую на сегодняшний день загадку. Не имея лучших аналогий, мы можем лишь догадываться, что *G.z* надписи связано с именем Джаза Ибн Саада (*Ġaz' Ibn Sa'd*) из тамимитского племени Бану Ярбу. О нём известно, что в доисламское время он был очень могущественным человеком и предводителем всех ярбуитов [231, с. 224; 251, с. 486]. Возможно, речь идёт о «роде Джаза» (Бану Джаз), но о последнем слишком мало известно, чтобы говорить с уверенностью.

Если предложенные отождествления верны, то в походе, о котором говорится в надписи *Murayghān* 3, Абраха

¹⁷⁹ Якут тоже помещает Ятраб в Йемаму [264, т. 5, с. 429]. По всей вероятности, ошибается аль-Хамдани, когда называет Ятраб городом в Хадрамауте [212, с. 170].

вновь действовал в Йемаме, но продвинулся дальше, чем в 552 г., и подчинил себе арабов, живших в области Бахрейна, т.е. совсем рядом с сасанидскими крепостями. Логично считать, что надпись *Murayghān 3* – более поздняя по сравнению с *Ry 506*. Вместе с тем, в надписи *Murayghān 3* Абраха заявляет, что отобрал власть над мааддитами у аль-Мунзира. Стало быть, надпись *Murayghān 3* относится к периоду 553–554 гг. Это умозаключение неизбежно ставит перед нами вопрос о том, отчего почти сразу после заключения мирного договора 552 г. между сторонами вновь началась война. Однозначных сведений, позволяющих дать на него ответ, мы не имеем. С позиций логики наиболее правдоподобным объяснением кажется то, что договор не был исполнен – например, потому, что стороны по-разному понимали его положения.

Этим исчерпываются сведения, которые мы можем получить из надписей Абрахи. Зная аль-Мунзира, мы можем с уверенностью предполагать, что он не смирился с поражением – которое к тому же было чревато гневом сасанидского царя – и готовил контрнаступление. Но уже совсем немного времени оставалось до последнего похода аль-Мунзира и битвы при «источнике удитов». Вероятно, возобновление борьбы с Гассанидами на Евфрате отвлекло внимание аль-Мунзира от дел в Аравии.

Амр III «Заставляющий трескаться камни» (554–569)

Аль-Мунзир III оставил нескольких сыновей. Они были рождены разными женщинами: Амр Старший (будущий Амр III), Кабус (*Qābūs*), Хассан (*Ḥassān*) и аль-Мунзир Младший (будущий аль-Мунзир IV) – Хинд, дочерью аль-Хариса Киндитского, аль-Асуад (*al-Aswad*) – неизвестной по имени женщиной из ар-Рабаб (*al-Rabāb*), Амр Младший – Амамой (*Amāma*). Эта последняя была дочерью Саламы, сына аль-Хариса Киндитского и, следовательно,

племянницей Хинд; вероятнее всего, она попала к аль-Мунзиру III как пленница в годы его борьбы с киндитами. Судя по некоторым рассказам, Амама снискала такое расположение аль-Мунзира, что тот ради неё оставил Хинд¹⁸⁰.

В источниках можно прочесть, что старшим сыном аль-Мунзира III был Амр, рождённый от Хинд [200, с. 367]. Но некоторые данные указывают на то, что первым появился на свет Кабус. Аль-Хилли пишет, что аль-Мунзира III называли Абу Кабус, т.е. «отец Кабуса» [213, с. 120]. Так человека могли назвать по имени его первого или знаменитого сына. Но Кабус, как показано ниже, пользовался не самой лучшей репутацией. Стало быть, аль-Мунзиру дали такое прозвище в честь его первенца Кабуса.

Тем не менее своим ближайшим сподвижником аль-Мунзир III сделал Амра. Ещё с 20-х гг. VI в. Амр правил таглибитами и действовал, таким образом, на одном из самых важных участков, где, несмотря ни на что, сохранялась угроза, исходившая от киндитов. Впоследствии Амр стал наместником над подчинёнными Лахмидам племенами Аравии, кем, судя по рассмотренным выше надписям Абрахи, был непосредственно перед гибелью аль-Мунзира. Таким образом, Амр по воле отца управлял значительной частью лахмидских владений. Логично считать, что именно он должен был стать наследником престола.

¹⁸⁰ Основываемся здесь на сопоставлении данных источников [182, ч. 1, с. 161; 200, с. 206, 366; 207, с. 68, 82; 213, с. 122, 140, 142]. Помимо перечисленных в тексте мы можем назвать ещё одного сына аль-Мунзира III – Имру-ль-Кайса. Аль-Харис Ибн Хилизза упоминает в своей *муаллаке* о том, что его соплеменники-бакриты «сняли с Имру-ль-Кайса ярмо после того, как он долго пребывал в темнице и страдал» [43, с. 34; 179, с. 155; 218, с. 284–285; 223, с. 142]. Вероятно, поэт рассказывает о походе Амра III против Гассанидов вскоре после сражения при «источнике удитов» (см. текст ниже). В комментарии к *муаллаке* ат-Тибризи сообщает, что Имру-ль-Кайс был братом Амра III по отцу [218, с. 284]. Видимо, Имру-ль-Кайс был рождён не от Хинд и принадлежал к младшим сыновьям аль-Мунзира III.

Согласно одному рассказу, приводимому у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, Амр, узнав о гибели отца, призвал таглибитов отомстить Гассанидам за аль-Мунзира. Таглибиты отказались. Тогда Амр, собрав вокруг себя множество арабов из различных племён, поклялся, что будет воевать с таглибитами, прежде чем с каким бы то ни было иным противником. С вновь собранным войском он выступил против таглибитов, перебил многих из них и остановился лишь по настоянию приближённых [172, ч. 9, с. 173]¹⁸¹. Вслед за этим Амр исполнил своё первоначальное намерение и, чтобы отомстить за отца, напал на Сирию. Об этом походе нам известно сравнительно мало. Ат-Тибризи в комментарии к *муаллаке* аль-Хариса Ибн Хилиззы повествует, что бакриты вместе с Амром совершили поход в пустынные области Сирии, убили одного из гассанидских царей (видимо – членов царского рода. – Д. М.) и освободили из плена сына аль-Мунзира III Имру-ль-Кайса, который попал в плен в день гибели отца [218, с. 284–285]. Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани рассказывает об этом почти так же, хотя и не упоминает об участии Амра в походе [172, ч. 9, с. 173]. Кроме того, известен стих с похвалой Амру, который в честь похода составил поэт Набига аз-Зубьяни. В этом стихе, однако, отсутствует описание боевых действий [249, с. 63–68; 263, с. 713–715].

По-видимому, к началу правления Амра относится и другой эпизод, в котором власть его могла поколебаться. Утвердившись у власти, Амр вверил Кабусу правление над *bādiya*, т.е., по сути, над всем, кроме Хиры, или, по другим сведениям, разделил власть над периферией между братьями – сыновьями Хинд, которых назначил наместниками. Обделённый таким образом Амр Младший бежал в Йемен, где просил помощи у одного из местных

¹⁸¹ Интерпретация этого эпизода предложена в Части II.

правителей; тот поставил его во главе племени Бану Мурад. С ополчением мурадитов Амр выступил в поход. Но в пути мурадиты восстали против Амра и убили его. По некоторым сообщениям, Амр Старший в отместку за убийство брата предпринял поход против мурадитов и разгромил их. Убийцу Амра Младшего казнили; согласно одним известиям, его бросили в огонь, по другим – забили ножнами мечей [182, с. 161–162; 199, с. 102; 200, с. 206; 207, с. 68–69; 213, с. 438–441; 264, т. 4, с. 369].

В арабских сказаниях Амр неизменно предстаёт как суровый и жестокий правитель. Вообще говоря, жестокие поступки приписываются в источниках многим Лахмидам. Об аль-Мунзире III, например, рассказывали, что он, разгневавшись однажды на двух своих товарищей по пирам, велел закопать их заживо¹⁸². Но образцом жестокости считали прежде всего Амра, которого арабы называли *muḍarriṭ al-ḥiḡāra* (тот, кто заставляет трескаться камни) [149, с. 203; 199, с. 143; 200, с. 206; 213, с. 128, 441; 226, т. 1, с. 433; 233, с. 648; 236, с. 278; 240, с. 324].

Наиболее известный рассказ о жестокости Амра в общих чертах таков. Один лахмидский царевич по имени Асад (*As'ad*) или Малик (*Mālik*) был отдан аль-Мунзиром III на воспитание в тамимитское племя Бану Дарим. После того, как царевич вырос, случилось так, что один из даримитов убил его и бежал. Амр поклялся умертвить за него сотню тамимитов и через некоторое время напал на Бану Дарим. Разбив даримитов, Амр казнил сожжением

¹⁸² Эту легенду мы приводим со слов Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани [172, ч. 18, с. 89]. У неё, впрочем, есть и более «мягкая» версия, которая принадлежит Ибн Дурайду и известна в пересказе Исмаила аль-Кали (*Ismā'il al-Qālī*, 901–967): несчастных товарищей царя казнили, а затем их тела поместили в гробы и закопали [194, т. 3, с. 195]. Заметим, однако, что исходный рассказ, по-видимому, вернее передаёт Абу-ль-Фарадж. Согласно ему казнь произошла за пределами Хиры. У аль-Кали вместо Хиры – Куфа, что представляет собой очевидную неточность.

девяносто восемь или девяносто девять пленных, а также – ради выполнения обета – случайно проезжавшего мимо тамимита, привлечённого запахом палёного мяса и, согласно одной версии, какую-то женщину [149, с. 203–204; 172, ч. 19, с. 128–129; 204, т. 1, с. 233–234; 213, с. 128; 237, с. 290–293; 257, с. 259–260].

Согласно другой версии этой истории, восходящей, видимо, к Абу Убайде, Амр отправил к даримитам на воспитание своего сына Асада (*As'ad*). Тот был убит одним из даримитов, но Амр, не зная всей правды, не обвинял их. Однажды он предпринял поход в Йемаму; с ним был и предводитель даримитов Зурара Ибн Удус (*Zurāra Ibn Udu*s). Аль-Хилли уточняет, что Амр воевал с племенами Гатафан и Асад Ибн Хузайма; этого нет в дошедшем до нас тексте Абу Убайды. Поход прошёл неудачно для Амра; его войско возвращалось назад без добычи. Тогда Зурара предложил царю напасть на племя Таййи, неподалёку от поселений которого проходило войско. Амр сначала отверг это предложение, сказав, что прежде он заключил договор с одним из таййитских племён. Но Зурара возразил, что этот договор распространяется не на всех таййитов, и уговорил царя напасть. Войско Амра атаковало таййитов, взяло добычу и полон. Один таййитский поэт, явившись в ставку Амра, прочёл стих, в котором намекал, что к убийству царевича причастен Зурара. Предводитель даримитов всё отрицал, но затем ночью бежал; вскоре, судя по рассказу Абу Убайды, он умер. Тогда Амр, заключив, что царевич погиб по вине Зурары и даримитов, выступил против них. Концовка рассказа – казнь пленнх тамимитов – в целом такая же, как и в ранее рассмотренных сообщениях [172, ч. 19, с. 127; 177, ч. 2, с. 18; 213, с. 514–520; 226, т. 1, с. 438–439; 251, с. 208, 805–807; 259, с. 33–35].

Согласно многим источникам, из-за этой казни Амра называли также *Muḥarriq* (буквально – «сжигатель») [190,

т. 1, с. 28; 172, ч. 21, с. 121; 199, с. 9; 213, с. 518; 226, т. 1, с. 439; 233, с. 648; 237, с. 290–292; 257, с. 260]¹⁸³.

Судя по некоторым другим рассказам, репрессии и казни не были для Амра самоцелью; с их помощью поддерживался порядок. О том, что этой цели Амр в известной степени достиг, свидетельствует следующий рассказ. Однажды, в засушливый год (когда отсутствие трав вызывало сокращение поголовья скота и, следовательно, голод) Амр распорядился выпустить откормленного барана с привязанными к горлу ножом и огнивом. Страх перед гневом царя был таков, что никто не отважился самовольно зарезать барана, кроме одного человека из племени Бану Яшкур (*Banū Yaškur*)¹⁸⁴, который, однако, затем сам явился к Амру и попросил прощения [199, с. 143–144].

В отношениях с арабскими племенами Амр сочетал жёсткость со стремлением поддерживать равновесие между ними. По некоторым сообщениям, он, объединив под своей властью бакритов и таглибитов, взял от каждого их племени заложников: по сорок, восемьдесят или сто человек; они сопровождали царя в походах¹⁸⁵. В одном походе случилось так, что большинство таглибитов погибли, тогда как бакриты уцелели. Таглибиты – видимо, считая, что бакриты так или иначе виноваты – потребовали от них уплаты виры за каждого погибшего. Бакриты отказались. Тогда обе стороны направили своих представителей к Амру. Бакритов представлял ан-Нуман Ибн Харим (*al-Nu'mān Ibn Harim*) из племени Бану Салаба (*Banū Ṭa'labā*), таглибитов – поэт Амр Ибн Кульсум. Состоялся суд. Первоначально симпатии царя склонялись на сторону

¹⁸³ Другую версию даёт Ибн Халдун, согласно которому Амр был известен как «сжигатель» из-за того, что сжёг город Мальхам (*Malham*) в Йемаме [240, с. 323]. Мальхам в Йемаме известен мусульманским географам, правда, как селение; однако они не связывают его с тамимитами [212, с. 275; 264, т. 5, с. 195–196].

¹⁸⁴ Об этом племени см. ниже.

¹⁸⁵ О заложниках более подробно в Части II.

таглибитов, однако затем бакритский поэт аль-Харис Ибн Хилизза прочёл стих, в котором перечислял заслуги своих соплеменников перед Лахмидами¹⁸⁶. Выслушав его, Амр изменил своё мнение и отказал таглибитам в их требованиях [172, ч. 9, с. 171–174; 213, с. 130–131; 218, с. 250–251].

Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, на труд которого сделана ссылка, приводит этот рассказ со ссылкой на Абу Амра Исхака Ибн Мирара аш-Шайбани (*Abū 'Amr Ishāq Ibn Mirār al-Šaybānī*, ум. в 821/22 или 825/26 г.), хотя делает при этом вставки и из других авторов. Судя по *нисбе*¹⁸⁷, этот человек был бакритом. Можно предполагать, что его рассказ не лишён пристрастия и представляет собой бакритскую версию событий; это, впрочем, чувствуется уже при прочтении текста¹⁸⁸. Но и если сделать поправку на это, нельзя не отметить, что племена судились у царя, а не перешли к вооружённой борьбе вроде длительной войны между ними, известной как «война из-за верблюдицы Басус».

Ещё одно сказание, в котором Амр предстаёт как жестокий правитель, – рассказ о гибели поэта Тарафы Ибн аль-Абда, выходца из бакритского племени Дубайя (*Dubay'a*). Судя по сообщениям источников, Тарафа был выдающейся личностью. Прожив немногим более двадцати лет (по некоторым сведениям, он даже не дожил до двадцати), он стал одним из классиков средневековой арабской поэзии и оставил обширное творческое наследие. Линия повествования в сказании такова. Молодой стихотворец вместе со своим дядей аль-Муталаммисом, тоже поэтом, был принят при дворе и определён в свиту

¹⁸⁶ Фрагменты этого стиха разобраны в прим. 96, 108, 151, 180, 276.

¹⁸⁷ О значении понятия *нисба* см. прим. 63.

¹⁸⁸ Сомнительно, чтобы Амр поддерживал таглибитов, ещё недавно изменивших ему, против бакритов, которые, как показывают рассмотренные далее сообщения о поэте Тарафе, составляли значительную часть его войска. Вероятно, бакритский рассказчик намеренно представил ситуацию как драматичную, чтобы лучше показать, какую роль сыграл стих аль-Хариса Ибн Хилиззы.

брата царя – Кабуса (по другим сведениям – в свиту самого Амра). Но придворный этикет был не по душе свободолюбивому поэту, и он стал порицать Амра и Кабуса в своих стихах¹⁸⁹; то же самое делал и аль-Муталаммис. Наконец до Амра дошёл один из стихов, показавшийся ему особенно обидным. Царь разгневался, но казнить Тарафу не стал, так как не желал открытого конфликта с влиятельным родом, к которому принадлежал поэт. Вместо этого Амр отправил Тарафу и аль-Муталаммиса к своему наместнику в области Бахрейна, дав каждому из них запечатанную грамоту. Поэтам было объявлено, что наместник, прочитав грамоту, щедро одарит их. Тарафа и аль-Муталаммис отправились в область Бахрейна. В пути осторожный ал-Муталаммис распечатал вручённую ему грамоту (по некоторым рассказам, её прочёл ему какой-то грамотный хирский юноша). Выяснилось, что Амр велел казнить обоих поэтов. Аль-Муталаммис немедленно развернулся и стал спасаться бегством, посоветовав Тарафе поступить так же. Амр приказал своим наместникам задерживать ал-Муталаммиса, но последнему всё же удалось укрыться в Сирии. Тарафа же не прислушался к словам дяди и продолжил путь. Он доехал до области Бахрейна и был казнён [44, ар. текст, с. 99–100; 81, с. 85–89; 172, ч. 21, с. 125; 182, ч. 1, с. 476–477; 200, с. 201–202; 207, с. 82–83; 213, с. 131–133, 140; 229, с. 30; 233, с. 649; 236, 621–622]¹⁹⁰.

¹⁸⁹ В исторических комментариях к собранию стихов аль-Муталаммиса мы находим один рассказ, из которого следует, что Тарафа подчас пренебрегал дворцовыми установлениями. Согласно этому известию, однажды Амр призвал к себе Тарафу, но тот отказался явиться, сославшись на то, что занят: его внимания требуют стада верблюдов. Тогда Амр велел своему брату Кабусу и Кайсу Ибн Бишру (*Qays Ibn Bišr*) из рода Бану Хилаль (*Banū Hilāl*), принадлежавшего к Бану-н-Намир, присмотреть за верблюдами Тарафы [206, с. 50].

¹⁹⁰ Во всех указанных источниках приказ о казни поэтов отдаёт Амр III, и лишь в версии Ибн Саида речь идёт об ан-Нумане III.

В данный момент самое интересное в данном рассказе – то, что в нём появляется подчинённый Амру III наместник области Бахрейна. Из авторов, на труды которых мы сослались выше, Ибн Кутайба, аль-Аскари (писал в конце X в.), аль-Хилли, Ибн аш-Шаджари (*Ibn al-Šaġarī*, 1058–1148) и Ибн Саид говорят о «его» (т.е. Амра) наместнике [области] Бахрейна (или в [области] Бахрейна), Абуль-Фарадж ал-Исфахани и автор комментария к *дивану* Тарафы Юсуф аш-Шантамари (*Yūsuf al-Šantamarī*, 1019/20–1084) – о его (опять-таки Амра) наместнике [области] Бахрейна и Хаджара. У ал-Муфаддала речь идёт только о Хаджаре. Очень интересна самая подробная и одновременно наиболее ранняя версия рассказа о Тарафе, принадлежащая Абу Зайду Мухаммаду аль-Кураши (*Abū Zayd Muḥammad al-Qurašī*, ум. в 786/87 г.). По его словам, наместник области Бахрейна и Хаджара Рабия Ибн аль-Харис (*Rabīʿa Ibn al-Ḥārīṭ*), покровительствовавший возлюбленной Тарафы Хауле (*Ḥaʿūla*), не желал казнить поэта, о чём известил Амра. В ответ царь сместил наместника и назначил другого, принадлежавшего к таглибитам. Тот не питал никаких тёплых чувств к бакриту Тарафе и без колебаний казнил его [197, с. 74–76]. В рассказе Абуль-Фараджа аль-Исфахани имя наместника – тоже Рабия Ибн аль-Харис, но к нему добавляется *нисба* аль-Абди (*al-ʿAbdī*), указывающая на принадлежность к племени Бану Абди-ль-Кайс (*Banū ʿAbd al-Qays*)¹⁹¹.

Упоминание о лахмидском наместнике области Бахрейна кажется удивительным. Эта область, подчинённая Сасанидам ещё при Ардашире I, издавна была центром их

¹⁹¹ У Ибн Кутайбы в этом месте упомянут ар-Раби Ибн аль-Джаусара (*al-Rabīʿ Ibn al-Ġawṣara*) [81, с. 91]. Видимо, следует читать не الجورثة (*al-Ġawṣara*), а الحورثة (*al-Hawṣara*), как у аль-Хилли (см. ссылку в тексте). По-видимому, Раби принадлежал к роду аль-Хауасир (*al-Hawāṣir*), входившему в состав племени Бану Абди-ль-Кайс. Согласно Абуль-Фараджу аль-Исфахани, Тарафу казнил один из представителей этого рода [172, ч. 21, с. 132].

влияния в Аравии. Странно, что сасанидские военачальники и чиновники были поставлены под власть вассального арабского царя, притом сидевшего в далёкой Хире. Решение этой загадки содержит, кажется, исторический комментарий к собранию стихов аль-Муталаммиса, восходящий к аль-Асмаи. Согласно ему, Амр отослал Тарафу и аль-Муталаммиса к своему наместнику, ведавшему сбором податей с арабов, живших в области Бахрейна; то был не названный в источниках по имени человек из племени Бану-н-Намир Ибн Касит (*Banū al-Namir Ibn Qāsiṭ*)¹⁹², приходившийся царю родственником по материнской линии¹⁹³.

Благодаря этому сообщению можно свести известия источников в относительно непротиворечивую картину. Область Бахрейна оставалась под управлением сасанидских наместников, но по крайней мере часть живших там племён платила дань Лахмидам и, следовательно, была у них в подчинении, подобно бакритам или таглибитам. Далее, Рабиа Ибн аль-Харис аль-Абди, по-видимому, не принадлежал к родственникам царя и, значит, едва ли мог стоять выше их. Стало быть, намирит был наместником Амра над арабскими племенами Бахрейна, а Рабиа – племенным вождём Бану Абди-ль-Кайс, подчинённым ему. На то, что Бану Абди-ль-Кайс были в подчинении у Лахмидов, косвенно указывает один стих, который аль-Муталаммис сочинил после бегства в Сирию. Поэт призывает своих соплеменников-бакритов подняться против Амра и, в частности, говорит:

«Будьте такими, как [настоящие] бакриты, такими, какими были предки ваши!

Не будьте как Бану Абди-ль-Кайс, ибо они сидят [в бездействии]» [206, с. 204].

¹⁹² Это племя входило в состав объединений Асад и Рабиа.

¹⁹³ К намиритам принадлежала, как мы видели, Небесная вода [19, сер. 1, с. 900; 67, с. 105].

Не исключено, впрочем, что Рабиа был не просто племенным вождём, а сановником какого-то более высокого ранга. Такой вывод можно сделать, если принять на веру утверждение Абу Зайда о том, что Рабиа Ибн аль-Харис был заменён на наместника-таглибита. Едва ли таглибит был назначен племенным вождём Бану Абди-ль-Кайс. Поэтому речь может идти только о более высоком назначении.

К западу от области Бахрейна, между Хаджаром и Йемамой, находились, согласно одному замечанию Абу Убайды, земли тамимитов [226, т. 1, с. 480]. В обстановке противостояния между Лахмидами с одной стороны и Абрахой и его наследниками с другой тамимитские племена занимали разные позиции. На стороне Лахмидов были, вероятно, даримиты (Бану Дарим). Власть над этим племенем принадлежала роду упомянутого выше Зураны Ибн Удуса. Ибн Саид считал род Зураны аристократией среди тамимитов [236, с. 449]. Более ранний автор аль-Мубаррад (*al-Mubarrad*, 825/26 – 898/99) называл род Зураны «средоточием» (*markaz*) тамимитов и причислял его к трём самым великим родам доисламской эпохи [204, т. 1, с. 108]. Зурана и его сыновья Лахит (*Laqīt*) и Хаджиб (*Ḥāḡib*) были зороастрийцами. В некоторых источниках им приписывается следование зороастрийскому обычаю брать в жёны дочерей [90, с. 217; 226, т. 1, с. 465; 233, с. 621]. Принятие ими зороастризма Ибн Саид объясняет их тесными связями с персидскими царями [236, с. 449, 452]. Можно предполагать, что религиозная и культурная близость даримитов к Ирану сопровождалась и их политической ориентацией на Сасанидов. Одновременно Зурана и его сыновья поддерживали связи и с Лахмидами, которым, как царям, были подчинены. Асад, по-видимому, был не единственным лахмидским царевичем, воспитывавшимся в роде Зураны. Аль-Аскари называет людей из рода Зураны воспитателями царей,

а затем приводит приписываемый Хаджибу стих, где есть, в частности, такие слова:

«Мы пестовали сына Воды из туч и сына Сжигателя¹⁹⁴
До тех пор, пока у них не появлялись борода и усы»
[182, ч. 1, с. 212].

Свидетельством тесных связей между Зурарой и его сыновьями с одной стороны и царским родом Лахмидов с другой можно считать и один эпизод, о котором мы знаем от того же аль-Аскари: аль-Мунзир III подарил Лакыту сто быстроходных верблюдов, чтобы тот мог заплатить выкуп за невесту и жениться [182, ч. 2, с. 197].

Другой опорой Лахмидов в среде тамимитов был род Бану Харми (*Banū Harmī*), принадлежавший к племени Бану Ярбу. Члены этого рода были наследственными держателями титула *ридф*-ов, т.е. высшими сановниками Лахмидского государства (об этом более подробно в Части II). Естественно считать, что Бану Харми были весьма влиятельны, и за ними следовала по меньшей мере значительная часть ярбуитов.

По-иному обстояли дела в некоторых других тамимитских племенах. Мы видели, что племя Бану Саад по крайней мере однажды выступило против Лахмидов на стороне Абрахи. Ещё одно интересное известие обнаруживается у аль-Хилли. По его словам, однажды Амр послал некоего Уаила Ибн Сурайма (*Wā'il Ibn Ṣuraym*) из тамимитского племени Бану Усаййид (*Banū Usayyid*) за податью (*itāwa*), которую тот должен был собрать со своих соплеменников. Те, однако, убили его. Амр ничего не мог поделать, но брат Уаила по имени Баис (*Bā'it*) собрал отряд и перебил тех, кого считал виновными в этом убийстве [213, с. 436–437]. Поручиться за полную достоверность этого рассказа трудно. В параллельном сообщении Абу Убайды, известном в пересказе Ибн Абд Раббихи, совершенно не упоминается

¹⁹⁴ Сын Воды из туч (*Ibn Mā' al-muzn*), видимо – аль-Мунзир III, Сын Небесной воды. Под «Сжигателем» понимается Амр III.

ни об Амре, ни о дани, которую он взимал с тамимитов, а Уайль Ибн Сурайм предстаёт как бакрит, которого тамимиты взяли в плен, а впоследствии убили [224, ч. 5, с. 211].

Далее аль-Хилли рассказывает ещё об одном похожем случае: Амр напал на ар-Рабаб. В войске Амра был и его брат аль-Мунзир (будущий аль-Мунзир IV). Однако поход закончился неудачей для Амра, его войско потерпело поражение [213, с. 446].

Рассматриваемые здесь известия аль-Хилли (как и некоторые другие, которые будут разобраны ниже) – из той части его труда, где он говорит о слабости лахмидских царей, их неспособности справиться с внешними угрозами и приводит тому многочисленные примеры. Не исключено, что некоторые детали этих эпизодов представляют собой трактовку самого аль-Хилли. Вполне вероятно, например, что Амр взимал дань с тамимитов, что, как будет показано ниже, делали и его преемники. Кроме того, судя по некоторым данным, Амр смог продвинуться ещё дальше и подчинить себе амиритов. Это видно из стихотворного поединка между мазхиджитским поэтом Язидом Ибн Абди-ль-Маданом (*Yazīd Ibn 'Abd al-Madān*) и амиритом Амиром Ибн ат-Туфайлем (*ʿĀmir Ibn al-Ṭufayl*), племянником Амира Ибн Малика (*ʿĀmir Ibn Mālik*), «Играющего с наконечниками копий»¹⁹⁵. Такие поединки не были редкостью у арабов; каждый поэт стремился превознести себя и своё племя и, наоборот, принизить племя своего соперника. Так делает и Язид, который говорит:

«Была дань (*itāwa*) с людей¹⁹⁶ его (Амира Ибн ат-Туфайля. – Д. М.) Сжигателю, а потом она отошла ан-Нуману» [263, с. 81].

¹⁹⁵ Амир Ибн ат-Туфайль, насколько можно судить, был заметной личностью. В источниках мы читаем, что он был вождём одного из амиритских племён [239, с. 268] и считался одним из трёх лучших всадников доисламской эпохи [231, с. 358].

¹⁹⁶ Т.е. соплеменников.

Примечательно, что Амир Ибн ат-Туфайль, отвечая Язиду, косвенно подтверждает его слова:

«Они (мазхиджиты. – Д. М.) похваляются передо мной, [выставляя как довод] подати (*ḡabwa*) Сжигателю и дань (*itāwa*), которая первой доставлялась ан-Нуману.

Что тебе до сына Сжигателя, его племени и лахмидской дани на айланитов¹⁹⁷?

Похваляясь, говори о своих родичах, чтобы помочь им, и оставь племена хахтанитов» [263, с. 82].

Эти разрозненные, лишённые чёткой привязки к хронологии или хотя бы к последовательности событий и подчас противоречивые сообщения нелегко свести в единую картину. Но общий смысл событий можно себе представить. Очевидно, на каком-то этапе Амр начал контрнаступление в Аравии. Он покончил с влиянием эфиопов в области Бахрейна, поставил над жившими там племенами своего наместника и двинулся далее на запад, в Йемаму. Само количество рассмотренных известий показывает, с какой настойчивостью Амр двигался вперёд. Заключив мирный договор с таййитами, он достиг того, что последние, несмотря на недавнее подчинение Абрахе, обязались не нападать на Лахмидов. В иных случаях Амр шёл войной. В итоге ему удалось утвердить свою власть над рядом племён северной Аравии, что видно на примере тамимитов и амиритов.

¹⁹⁷ В тексте издания – غيلان, что, по-видимому, следует исправить на عيلان (*ʿAylān*). Судя по контексту, речь идёт не об айланитах (т.е. о Кайс Айлан, северных арабах), а об амиритах. Племя Бану Амир Ибн Сасаа входило в состав объединения Хауазин и, соответственно, относилось к Кайс Айлан.

Амр III и Византия

Правление Амра пришлось на тот период, когда в приевфратских областях установилось относительное спокойствие. Во второй половине 50-х гг. VI в. борьба между Византией и Сасанидской державой шла в Закавказье, а в 561 – начале 562 г. они заключили мирный договор на пятьдесят лет.

Во время переговоров, предшествовавших заключению договора, не раз вставал вопрос об арабах. Сасанидский посланник Язд-Гушнасп Зиг требовал от Византии уплаты Амру контрибуции – ста либр золота (32,745 кг). Это требование основывалось на том, что прежде Юстиниан I делал аналогичные выплаты аль-Мунзиру III [42, с. 358]. Византийский посол Пётр Патриций отвечал, что то была не контрибуция, а дары, которые император посылал аль-Мунзиру, чтобы выказать расположение к нему или соблюсти дипломатический этикет. Этот довод Пётр высказал впоследствии и Хосрову I Ануширвану [42, с. 358–359, 369]. Сделанные выше, на примере конфликта Шапура I и Одената, наблюдения об особенностях дипломатии тех времён позволяют без труда разобраться в смысле этого диспута. Выплата Юстинианом любой контрибуции в пользу Амра позволяла Хосрову представить дело так, что византийский император – данник не только его самого, но и подчинённого ему лахмидского царя, т.е. слуга его слуги. Формально это означало бы, что Византия подчинена Сасанидской державе и признаёт это. Естественно, для Византии это было неприемлемо. Судя по тому, что положения об этом отсутствуют в договоре, сасанидская сторона отказалась от своих требований.

Договор, однако, содержал иные условия, касавшиеся арабов. «Ромейским» и «персидским» «сарацинам» было запрещено ополчаться друг на друга, а купцам, в том числе и «сарацинским», предписывалось ездить только через Нисибин и Дару и не использовать иных путей. Эти

условия, между прочим, хорошо показывают правовое положение и Лахмидов, и Гассанидов. Как подчинённые правители, они были скорее объектами, чем субъектами межгосударственных отношений. Лишь византийский император и сасанидский царь имели право заключать договоры на высшем уровне и устанавливать обязательства для подчинённых им правителей, не принимая в расчёт их мнение¹⁹⁸.

В разговоре с Петром, состоявшемся, видимо, в начале 562 г., Хосров заявил, что Амр недоволен договорённостями, по которым он ничего не получает [42, с. 369]. Кажется, с этим связано известие Феофана Исповедника о том, что в ноябре 6056 г. от сотворения мира (ноябрь 563 г.) патриций и филарх «сарацин» Арефа, т.е. гассанидский царь аль-Харис Ибн Джабала, прибыл в Константинополь, намереваясь, в частности, рассказать о том, что сделал Аварос¹⁹⁹, сын Аламундара, в его землях [163, с. 371]. Речь, по-видимому, идёт о походе лахмидского войска во владения Гассанидов. Едва ли это совершилось по велению Хосрова: он к тому времени не только заключил договор, но и получил от Византии первую часть контрибуции [3, с. 543]. Правильнее считать, что Амр, потерпевший обиды и от Византии, и от Гассанидов, убивших его отца, выступил по собственному почину. Хосров же по какой-то не известной нам причине не стал ни удерживать его от нападения, ни карать за него.

В ноябре 565 г. умер Юстиниан I, и на византийский престол вступил Юстин II. Автор этих строк отмечал в «Хосрове», что новый император категорически отвергал какие бы то ни было выплаты соседям империи [3, с. 543]. Когда весной 566 г. византийский посол Иоанн Коментиол прибыл к Хосрову, споры о том, должна ли

¹⁹⁸ Содержание договора представлено автором этих строк в «Хосрове» [3, с. 538–541].

¹⁹⁹ Т.е. Амр (через промежуточную греческую форму *Амброс*).

Византия что-либо выплачивать Амру, возобновились. На этот раз, однако, в переговорах участвовали и представители Амра. Они утверждали, что принимали от Юстиниана дары для того, чтобы обеспечить мир [42, с. 375]. Тем самым, дарам Юстиниана вновь придавался статус контрибуции или дани. Коментиол категорически отрицал это, утверждая, что Юстиниан слал арабам непомерно большие дары, и они привыкли их получать; Юстин же перестал делать какие-либо подношения, и о них не следует даже мечтать [42, с. 375–378].

Вслед за этим в Константинополь отправилось ответное посольство Хосрова. Вместе с сасанидскими послами в византийскую столицу явились и посланники Амра. Действуя в духе прежней сасанидской политики, согласно которой надлежало поставить византийского императора на один уровень с подчинённым Сасанидам лахмидским царём, персидский посланник Мехбуд настаивал, чтобы Юстин принял и арабских послов. Посланник Амра был допущен на приём, но в присутствии Мехбуда молчал, оставляя слово ему. На переговорах Юстин нелестно отозвался о «сарацине»²⁰⁰, уподобив его мелкому торговцу, и назвал смехотворной саму мысль о том, что ромеи могут платить дань его народу. После этого сасанидско-лахмидское посольство без видимых успехов вернулось назад.

По возвращении посланники Амра рассказали ему, как их принял император. Нетрудно представить себе, какой гнев вызвал у Амра этот рассказ. Чтобы отомстить Византии, Амр велел Кабусу напасть на владения гассанидских арабов [42, с. 295]. Источник, из которого мы узнаём об этом, – дошедшие до нас отрывки из трактата Менандра Протектора, посвящённые истории византийской дипломатии. Сведений о военных событиях в них немного.

²⁰⁰ Имеется в виду посол Амра. Попутно исправим ошибку, вкравшуюся в текст «Хосрова» [3, с. 544]: вместо «уподобил Амра» следует читать «уподобил посла Амра».

В силу этой отличительной черты источника мы не можем сказать, состоялся ли поход Кабуса или же Амр – например, по велению Хосрова, – отменил его.

Время правления Амра приближалось к концу. Примерно осенью 569 г. он был убит. Обстоятельства его гибели были хорошо известны средневековым арабам – не в последнюю очередь потому, что человек, убивший Амра, – таглибитский поэт Амр Ибн Кульсум – составил в память об этом событии свой знаменитый стих, вошедший в число классических арабских поэмы-муаллак, и прочитал его на рынке Указа. Наиболее полный рассказ о том, как погиб Амр, даёт Хишам аль-Кальби, сообщение которого известно в передаче Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани. Согласно ему Амр однажды спросил приближённых, есть ли среди арабов человек, мать которого отказалась бы прислуживать его матери, т.е. Хинд, дочери аль-Хариса Киндитского. Ему ответили, что такой человек есть, это – Амр Ибн Кульсум, мать которого Лайла (*Laylā*) – дочь Мухальхила (*Muhalhil*), брата упомянутого выше таглибитского вождя Кулайба. Амр решил устроить своего рода испытание и пригласил Амра Ибн Кульсума с матерью в Хиру. Амр Ибн Кульсум явился вместе с Лайлой. Царь Амр велел разбить для гостей шатры между Хирой и Евфратом. Во время пира оба Амра сидели в одном шатре, их матери – в другом. Хинд потребовала от Лайлы прислуживать ей; та отказалась. Началась ссора. На крик матери прибежал Амр Ибн Кульсум. Затем он вернулся к царю и, поняв по его лицу, что тот замыслил недоброе, схватил висевший в шатре меч и зарубил его. После этого Амр Ибн Кульсум кликнул своих; таглибиты разграбили шатры и уехали [81, с. 117–119; 172, ч. 9, с. 175; 213, с. 441–442; 226, т. 1, с. 433–434; 236, с. 647; 238, с. 202–204; 251, с. 992–993].

Кабус (569–573)

Преемником Амра стал его брат Кабус. Аль-Муфаддаль повествует, что Амр при жизни сделал Кабуса своим преемником [207, с. 82]. Это утверждение может показаться по меньшей мере спорным: ведь Амр погиб неожиданно, при обстоятельствах, в которых он едва ли задумывался о наследнике престола. Но нельзя исключать, что мысли о преемнике уже занимали Амра. Мы видели, что он начал править уже в конце 20-х – начале 30-х гг. (сначала – как наместник аль-Мунзира III над таглибитами); следовательно, к моменту гибели он стоял у власти около сорока лет, т.е. был уже в годах.

Авторы источников обычно говорят о Кабусе в негативных тонах. Аль-Муфаддаль в рассмотренном выше фрагменте, относящемся, правда, ко времени до воцарения Кабуса, изображает его молодым человеком (*šābb*), любившим наслаждения [207, с. 82]. Согласно одному известию, восходящему к Абу Убайде, Кабус был правителем мягким и слабым, хотя и не женоподобным; его называли *qaynat al-‘urs* (служанка (или певица) на свадьбе) [67, с. 110; 81, с. 91; 213, с. 140; 236, с. 279; 251, с. 442–443]. Утверждали даже, что Кабус вовсе не становился царём и лишь именовался так, потому что правителями были его отец и брат [67, с. 110; 173, с. 118].

Из слов о «любившем наслаждения молодом человеке» следует, что нелестные характеристики пристали к Кабусу ещё в юные годы. Этот вывод хорошо согласуется с тем, что, хотя Кабус был первым сыном аль-Мунзира III, ближайшим сподвижником отца стал не он, а Амр. В последующие годы недоброжелатели были готовы пустить в ход старые эпитеты – даже тогда, когда их мишенью был не Кабус или не только он. Аль-Якуби приводит следующий стих, который приписывается Тарафе, но отсутствует в его *диван*-е:

«Наихудшие из всех известных царей, ближайшие из них к нечистотам –

Амр, Кабус и сын их матери²⁰¹. Кто станет приходить к ним вершить грязные дела в темнице?

[Туда] приходят те, чья брань не вызывает страха – Амр и Кабус, две служанки (певицы) на свадьбе» [82, с. 240].

Такое мы встречаем не у всех авторов. Ади Ибн Зайд, обращаясь к Кабусу, в то время уже царю, сказал:

«Ты снискал царскую власть победоносно. Люди знают, что ты не поступал вероломно и не обманывал» [176, с. 81].

Для того, чтобы вспоминать давнишние насмешки, должны были иметься основания. Мы очень мало знаем о Кабусе, однако можем, кажется, указать самое меньшее на две причины того, почему в источниках сложился именно такой его образ. С одной стороны, Кабус не проводил жестоких репрессий и на фоне Амра мог казаться мягким правителем. С другой – не исключено, что образ Кабуса сформировался под воздействием его поражений в борьбе против Гассанидов.

Наш главный источник по этим событиям – история Иоанна Эфесского, сообщения которого передаёт также Михаил Сирийский. Согласно этим известиям, царь «ромейских», т.е. гассанидских арабов Харит (аль-Харис Ибн Джабала) держал в страхе «персидских» (лахмидских) арабов, но те после его смерти воспряли духом и, презирая его сыновей и полководцев, вторглись в его страну и начали грабить [33, т. 2, с. 308; 162, с. 344–345].

Далее в рассказе Иоанна Эфесского и Михаила Сирийского появляется гассанидский царевич аль-Мунзир, которого оба названных автора считают сыном аль-

²⁰¹ Должно быть, имеется в виду аль-Мунзир (будущий аль-Мунзир IV).

Хариса [33, т. 2, с. 308, 318; 162, с. 344, 385]. В мусульманских трактатах о родословных среди сыновей аль-Хариса Ибн Джабалы называется аль-Мунзир [231, с. 436; 260, с. 434; 261, с. 618], видимо, тождественный тому, о ком повествуют авторы Христианского Востока. На основе известий, рассмотренных в предыдущем абзаце, может создаться впечатление, что аль-Харис Ибн Джабала умер незадолго до описываемых событий, датируемых, как показано ниже, весной 570 г. Между тем ещё в ноябре 563 г.²⁰² аль-Харис ездил в Константинополь, намереваясь говорить с Юстинианом I, помимо прочего, о своём преемнике [163, с. 371], а после неудачи посольства Амра III к Юстину II (см. выше) Кабус получил приказ вторгнуться во владения аль-Мунзира, которому противостоял [42, с. 295]. Стало быть, аль-Мунзир к описываемому времени уже несколько лет стоял у власти, хотя нельзя однозначно сказать, правил он всеми гассанидскими арабами или только отдельными племенами.

Согласно рассказу Иоанна Эфесского, аль-Мунзир объединил вокруг себя братьев, сыновей, полководцев и быстро собрал войско. Вслед за этим он внезапным ударом разбил лахмидское войско и захватил лагерь Кабуса. В плен к аль-Мунзиру попали несколько родственников Кабуса и лахмидских военачальников. Сам Кабус бежал с небольшим эскортом. Вслед за этим аль-Мунзир вторгся во владения Кабуса и встал там лагерем. Его воины угоняли скот и перехватывали воинов Кабуса, которые возвращались из набегов и подчас принимали неприятельский лагерь за свой. Вслед за этим войско аль-Мунзира беспрепятственно вернулось назад.

Через некоторое время Кабус собрал новое войско и выступил против аль-Мунзира. Если верить Иоанну Эфесскому, Кабус направил к аль-Мунзиру посла с объявлением

²⁰² Ноябрь двенадцатого года индикта, 6056 г. от сотворения мира по хронологии Феофана Исповедника.

войны. В ответ аль-Мунзир послал сказать Кабусу, чтобы тот не утруждал себя походом: он сам идёт на него. Вслед за этим аль-Мунзир с войском быстрым маршем прошёл по пустыне и, улучив момент, внезапно напал на лагерь Кабуса. Дело снова закончилось победой аль-Мунзира [33, т. 2, с. 308; 162, с. 344–346].

Хотя из этого рассказа может сложиться впечатление, что эти события следовали друг за другом, на деле они разделены некоторым временным интервалом. Как показано во Введении, первое сражение между аль-Мунзиром и Кабусом состоялось 15 мая 570 г. Дата второго поражения Кабуса менее ясна; определить её можно лишь приблизительно, на основе исторического контекста, который в основном восстанавливается по известиям, восходящим к Иоанну Эфесскому. По его словам, аль-Мунзир после победы над Кабусом попросил у Юстина II золота для раздачи войску. Однако император, который, как мы видели, отвергал любые подношения «варварам», не только не удовлетворил просьбу аль-Мунзира, но и попытался погубить его. Он написал аль-Мунзиру, велел ему прибыть к Маркиану. Одновременно император написал и Маркиану, приказав ему схватить и казнить аль-Мунзира. Получилось так, что канцелярия перепутала адресатов, и письмо, предназначенное для Маркиана, было отправлено аль-Мунзиру. Поняв, что император стал его врагом, аль-Мунзир начал готовиться к войне против ромеев. Узнав об этом, персы вторглись в византийские владения и дошли до Антиохии. Аль-Мунзир ушёл в пустыню и не препятствовал их продвижению [20, с. 205–206; 33, т. 2, с. 308–309; 162, с. 344–349]. Вероятно, речь идёт о походе сасанидского полководца Адур-Махана, войско которого весной-летом 573 г. прошло вверх по течению Евфрата, вторглось в византийские владения и приблизилось к Антиохии. Судя по сообщениям источников, в войске Адур-Махана были и лахмидские арабы [50, с. 153; 162, с. 348].

Поэтому второе сражение между аль-Мунзиром и Кабусом относится самое позднее к 572 г. Вероятно, впрочем, что речь идёт о более раннем времени: как показано выше, столкновения между лахмидскими и гассанидскими арабами нередко предвляли противоборство Византии и Сасанидской державы.

Как ни странно, эти события, несмотря на всю свою важность, не нашли отражения в «Памятных днях арабов». Однако кое-что из того, о чём повествует Иоанн Эфесский, находит параллели в арабских сказаниях о других сражениях. Внезапные удары аль-Мунзира были, скорее всего, неожиданными нападениями в предрассветное время. То был излюбленный боевой приём арабов доисламского времени. В арабском языке есть глаголы, которые, судя по источникам, специально означают такие нападения: *bayyata* и *ṣabbaḥa*. Рассказ об обмене посольствами между Кабусом и аль-Мунзиром выглядит странным, но известно, что иногда враждовавшие между собой племена договаривались о времени и месте сражения. Возможно, Кабус имел в виду что-то подобное, но аль-Мунзир вновь предпочёл напасть внезапно.

Вскоре (примерно в ноябре-декабре 573 г.) Кабус был убит каким-то человеком из племени Бану Яшкур [67, с. 110; 236, с. 280; 240, с. 324]. Единственная сохранившаяся в источниках подробность состоит в том, что яшкурит не только убил, но и обобрал Кабуса – т.е., видимо, разграбил его шатёр или обоз²⁰³. Насколько это было связано

²⁰³ Здесь следует исправить одну неточную трактовку в «Хосрове». В сообщении об убийстве Кабуса Хамза аль-Исфахани пишет:

فقتله رجل من يسكر وسلبه في شهر ثم ملك في شهر الفارسي في زمان أنوشروان [67, с. 110; 256, с. 96]

В обычном литературном чтении *salaba-hu* должно относиться к *шахраб*-у (об интерпретации *في شهر* как *шахраб* см. след. прим.), и в этом случае получается перевод: «Его (Кабуса. – Д. М.) убил один из яшкуритов; его же (этого человека. – Д. М.) самого обобрал *шахраб*; затем персидский *шахраб* правил при [Хосрове] Ануширване». Но

с политикой – неизвестно. Упоминание о Бану Яшкур не даёт оснований для далеко идущих выводов. Известны два племени, носившие название Бану Яшкур: одно принадлежало к бакритам, другое – к племенному объединению Бану Лахм, как и правители Хиры [260, с. 21, 79–83].

События 573–578 гг.

Как показано в Части II, на тот момент ещё не было кандидатуры преемника Кабуса; поэтому Хосров I на время вверил власть над Хирой сасанидскому наместнику с титулом *шахраб*-а²⁰⁴. О годичном правлении *шахраб*-а (ноябрь–декабрь 573 – ноябрь–декабрь 574) известий почти не сохранилось; даже имя его нам неизвестно. Лишь

у Хамзы аль-Исфахани в сообщении о каждом правителе его имя при первом упоминании выделяется тем, что над ним помещается горизонтальная черта. В калькуттском издании 1866 г. эта черта в процитированном выше фрагменте стоит над вторым *فی شهر*, что диктует перевод, указанный выше. Но в более раннем Санкт-Петербургском издании 1844 г. эта черта помещена над первым *فی شهر*. В этом случае *salaba-hu* может относиться только к *رجل*. Тогда следует переводить:

«Его (Кабуса. – Д. М.) убил один человек из Бану Яшкур и обобрал».

Шахраб. Затем правил персидский *шахраб* в течение года при Ануширване».

Эта последняя интерпретация представляется более верной, так как лучше соответствует значению глагола *salaba* – обобрать, ограбить.

²⁰⁴ Вопрос о трактовке формы *فی شهر* разобран автором этих строк в «Хосрове». На основе сопоставления форм, приведённых у аль-Хорезми, Хамзы аль-Исфахани, Бируни и Ибн Саида, предложена гипотеза, согласно которой эта форма представляет собой слитное написание (ср.-перс. *rad* в значении «господин, предводитель») и *شهر* (*šahrab*, *шахраб*) [3, с. 570, прим. 811]. Между тем в более раннем источнике, трактате Ибн Хабиба, в списке правителей Хиры фигурирует *السهر* [832, с. 359]. Напрашивается вопрос: чем изначально были первые две графемы в приведённых формах – определённым артиклем *ال* или зубцами, над или под которыми ставились точки?

у Ибн Халдуна мы читаем, что Хосров Ануширван назначил в Хиру одного из своих *марзбан*-ов, однако арабы не подчинялись ему [240, с. 325].

Альтернатива между *шахраб*-ом и *марзбан*-ом должна решаться в пользу первого: именно он упоминается в перечнях правителей Хиры, составленных, как мы видели, на основании хирских записей. Далее вследствие скудости данных любая их интерпретация будет носить характер гипотезы. Наиболее вероятной кажется следующая цепь предположений. Два старших сына аль-Мунзира III, Амр III и Кабус, погибли. Хосров I Ануширван, вероятно, знал оставшихся сыновей аль-Мунзира не так хорошо и поэтому какое-то время присматривался к кандидатам на престол. Эти поиски в конечном счёте завершились назначением аль-Мунзира IV, о котором речь пойдёт далее. Соответственно, назначение сасанидского чиновника должно было носить временный характер. Едва ли для *шахраб*-а была создана новая административная единица; скорее Хирой управлял чиновник из одной из уже имевшихся. Если так, наиболее вероятной кандидатурой кажется *шахраб* Вех-Кавада – провинции, в состав которой, если верить Ибн аль-Факиху, входила Хира²⁰⁵. Видимо,

²⁰⁵ Должность *шахраб*-а Вех-Кавада известна по одному оттиску печати [63, с. 11, 15, 28, 144]. По словам Ибн аль-Факиха, сасанидский царь Кавад I создал округа под названиями Верхний, Средний и Нижний Вех-Кавад; Хира вошла в состав последнего из них [227, с. 407; ср. 264, т. 1, с. 516]. Помимо этого рассказа мы располагаем также двумя списками округов междуречья Евфрата и Тигра, восходящими к Ибн Хордадбеку и Кудаме Ибн Джафару. В них существенны две подробности: округа называются *астан*-ами (ар. *astân*, от ср.-перс. *ōstân*), и Хира уже не упоминается [91, с. 8, 236]. Очевидно, эти списки отражают положение дел, существовавшее во времена их авторов, т.е. в IX–X вв. Между тем, вероятно, что административный термин *остан*/*астан* остался с сасанидских времён. Эти наблюдения следует сравнить со сделанным Р. Гизелен (R. Gyselen) на основе изучения печатей сасанидских чиновников выводом о том, что в состав провинции (*šahr*) Вех-Кавад входили

в отсутствие лахмидского царя считалось, что *шахраб* управляет Хирой напрямую. *Шахраб*, судя по всему, пребывал на прежнем месте и не переехал в Хиру; возможно, именно поэтому его имя осталось неизвестным даже для составителей хирских списков царей. Можно представить себе, что вместо *шахраб*-а в Хиру прибыл какой-то чиновник, которого Ибн Халдун называет *марзбан*-ом.

Назначенный затем аль-Мунзир IV был одним из младших, если не младшим сыном аль-Мунзира III от Хинд²⁰⁶. Мы видели, что, согласно одному из рассмотренных выше известий, Амр III в бытность свою царём назначил братьев, рождённых от Хинд, правителями арабских племён (возможно – под верховенством Кабуса как правителя всей периферии). Тем не менее аль-Мунзир не считался наследником престола, и только гибель Амра и Кабуса привели к тому, что он сделался правителем Хиры.

Тем временем в середине 575 г. был заключён новый мирный договор между Византией и Сасанидской державой. Его наиболее существенные положения состояли в том, что Византия обязалась платить персам контрибуцию, получив взамен мир в Месопотамии, т.е., выражаясь географическими понятиями наших дней, в регионе, охватывавшем северо-восток Сирии, северо-запад Ирака и юго-восток Турции. При этом допускалось вести войну на других направлениях [3, с. 567–568, 571].

Вавилон и Фрохт-и-фродар (Нижняя Фаллуджа) [63, с. 62]. Оба места фигурируют и в сообщении Ибн аль-Факиха, однако входят в состав Верхнего Вех-Кавада [227, с. 407; ср. 264, т. 1, с. 516]. Получается, что Кавад разделил *šahr* Вех-Кавад на три *ōstān*-а. Логично предполагать, что должность *шахраб*-а Вех-Кавада при этом не была ликвидирована, и в иерархии он находился выше тех, кто управлял *ōstān*-ами.

²⁰⁶ Это следует из рассмотренного выше рассказа Якута о том, как киндитский царевич Кайс напал на аль-Мунзира III. Согласно источнику аль-Мунзир вместе с сыновьями Кабусом и Амром укрылся во дворце Хаварнак; будущий аль-Мунзир IV к тому времени ещё не родился [264, т. 2, с. 501].

Судя по дальнейшим событиям, арабы не подпали под действие договора. Предположительно в октябре 575 г. аль-Мунзир Гассанидский замирился с Византией²⁰⁷, после чего выступил на её стороне. По рассказу Иоанна Эфесского, вскоре после заключения договора с Юстинианом²⁰⁸ аль-Мунзир исполнился гневом на «персидских», т.е. лахмидских арабов, которые вторглись в землю ромеев и захватили полон. Возможно, аль-Мунзир вспомнил об участии лахмидских арабов в походе Адур-Махана 573 г. Объединив вокруг себя братьев, сыновей и полководцев, аль-Мунзир собрал войско и, совершив стремительный марш-бросок, внезапно ворвался в Хиру. Жители Хиры были застигнуты врасплох. Аль-Мунзир перебил найденных им в Хире воинов и занял город. Он пробыл в Хире пять дней и за это время совершенно разорил и сжёг столицу противника, не разрушая лишь церкви. Вслед за этим войска аль-Мунзира двинулись назад, угоняя с собой коней и верблюдов [162, с. 352].

Иоанн Эфесский и следующий за ним Михаил Сирийский упоминают далее ещё об одном столкновении между лахмидским и гассанидским аль-Мунзирами. Согласно этому сообщению, лахмидские арабы выступили

²⁰⁷ Относительно датировки этого события целесообразно повторить соображения, высказанные в «Хосрове». Аль-Мунзир вновь сделался союзником Византии после того, как встретился в Сергиополе (ар-Русафа) с новым византийским стратигом Востока Юстинианом, сыном Германа, и заключил с ним договор [162, с. 351]. Из византийских источников мы знаем, что стратигом Востока Юстиниана назначил Тиверий, который 7 декабря 574 г. стал соправителем Юстина II. Вероятнее всего, Юстиниан встретился с аль-Мунзиром в начале октября 575 г. К тому времени стратиг Востока уже должен был прибыть в Сирию, а в следующем году мы видим его уже в Армении, откуда он вряд ли поехал бы в Сергиополь. Если выбор Сергиополя как места встречи был обусловлен почтением, которое Юстиниан и аль-Мунзир питали к Сергию, дата встречи должна быть близка ко дню поминовения последнего – седьмому октября.

²⁰⁸ Имеются в виду стратиг Востока Юстиниан и договор, который заключил с ним аль-Мунзир (см. предыдущее примечание).

против аль-Мунзира Гассанидского; с ними был персидский отряд. Но аль-Мунзир был загодя предупреждён об опасности и немедленно принял меры. Собрав войско, он выступил в пустынные земли (видимо – в области среднего течения Евфрата) и, получив от лазутчиков известия о местонахождении врага, двинулся к нему и внезапно атаковал. Лахмидское войско было разбито и понесло большие потери. Одержав победу, аль-Мунзир захватил ставку неприятеля²⁰⁹, разорил её и сжёг. Затем он с большой добычей и полоном вернулся в свои владения. Датировка этого события определяется тем, что Михаил Сирийский относит его к 889 г. селевкидской эры (сентябрь 577 – август 578 гг.), а у Иоанна Эфесского оно помещается среди событий 578 г. [3, с. 579; 33, т. 2, с. 323; 162, с. 385].

В «Памятных днях арабов» нет рассказов о поражениях аль-Мунзира IV от аль-Мунзира Гассанидского. Между тем, как показано выше, в некоторых случаях арабские сказатели утверждали, что аль-Мунзир IV двинулся на Гассанидов, чтобы отомстить за отца, но потерпел поражение в битве при Айн Убаге или в «памятный день Халимы». Видимо, в этих рассказах отразились воспоминания о неудачах аль-Мунзира IV, которого из-за одинаковых имён путали с отцом. Это не более чем предположение, но, кажется, считать так правильнее, чем утверждать, что арабские сказания о гибели аль-Мунзира IV – плоды путаницы, не имеющие под собой реальной основы.

Не лучше, по-видимому, обстояли у аль-Мунзира дела и в Хире. Об этом мы тоже осведомлены довольно слабо. Единственный фрагмент, по которому мы можем судить о правлении аль-Мунзира IV в Хире, обнаруживается в «Книге песен» Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, откуда его позже заимствует аль-Хилли. Важность его такова, что его следует привести целиком.

²⁰⁹ Так для данного случая следует переводить *hīrāt-hōn*.

«...жители Хиры, когда над ними стоял аль-Мунзир (аль-Мунзир IV. – Д. М.), хотели убить его, ибо он обращался с ними несправедливо и забирал себе из их имущества то, что ему было по душе. Он же, едва убедившись, что хирцы решили убить его, послал к Зайду Ибн Хаммазу Ибн Зайду Ибн Аййубу (*Zayd Ibn Hammāz*²¹⁰ *Ibn Zayd Ibn Ayyūb*), который был до него на Хире, передав ему: “О Зайд! Ты – наместник отца моего. Дошло до меня, что решили хирцы. Не нужна мне царская власть над вами; запишите её за собой и ставьте на царство кого угодно”. Он (Зайд. – Д. М.) сказал: “Решаю не я, но я постараюсь [уладить] это дело для тебя и не оставляю тебя благодеянием”. Наутро хирцы явились к нему (Зайду. – Д. М.), приветствовали его как приветствуют царей, и сказали: “Разве не пошлешь ты к своему слуге, который вершит беззаконие” – они имели в виду аль-Мунзира – “и не избавишь от него подданных?” Он же сказал им: “Что, нет ничего лучше этого?” Они сказали: “Скажи нам [, что лучше]”. Он сказал: “Вы оставляете его так (т.е. царём. – Д. М.), ведь он – из царского рода, а я пойду и сообщу ему, что-де хирцы избрали человека, который будет управлять делами Хиры [во всём] кроме набегов или боёв; у тебя же будет царский титул, но никакой иной власти”. Они сказали: “Так, как ты считаешь – лучше”. И вот, он явился к аль-Мунзиру и сообщил ему о том, что они сказали. Тот же (аль-Мунзир. – Д. М.) принял это и обрадовался» [172, ч. 2, с. 20; 213, с. 431–432].

²¹⁰ В источниках, где приводится родословная Зайда или Ади, это имя пишется по-разному – *Хаммаз* (حَمَّاز), как в цитируемом фрагменте, *Хаммар* (حَمَار), как у аль-Марзубани и аль-Хилли [200, с. 249; 213, с. 387], *Химаз* (حِمَاز) или *Хаммад* (حَمَّاد), как у Ибн Кутайбы и Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани [81, с. 111, 113; 172, ч. 2, с. 17, 29]. Наиболее правдоподобным кажется написание *Хаммад*, которое, судя по тексту Абу-ль-Фараджа, использовал Хишам аль-Кальби.

Этот фрагмент представляет собой часть повествования об Ади Ибн Зайде, которую Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани приводит со ссылкой на Хишама аль-Кальби. Аль-Мунзир IV в ней – побочный персонаж, который после этого эпизода исчезает из повествования. По этому отрывочному сообщению трудно определить, к какому времени оно относится. Если подходить с позиций логики, вернее всего считать, что описываемые у Абу-ль-Фараджа события произошли в конце правления аль-Мунзира. Сасаниды, державшие на службе многочисленных соглядатаев и лазутчиков, были, несомненно, хорошо осведомлены о положении дел в Хире. Едва ли Хосров Ануширван потерпел бы, чтобы наместник, поставленный для того, чтобы охранять его верховенство над арабами, уступил власть над Хирой местной знати. Если это предположение верно, мы можем по-другому посмотреть и на сообщения о злоупотреблениях аль-Мунзира IV. Мы видели, что за своё короткое правление он несколько раз терпел поражения от аль-Мунзира Гассанидского; была сожжена Хира. Сама обстановка вынуждала аль-Мунзира раз за разом идти на чрезвычайные меры, чтобы вновь подготовить боеспособное войско. Нетрудно представить себе, что такие меры вызывали резкое неприятие у хирской и племенной знати.

Ан-Нуман III (579–601)

Сведения о назначении ан-Нумана правителем Хиры мы черпаем в основном из пересказов повествования об Ади Ибн Зайде. Согласно этому рассказу аль-Мунзир оставил более десятка сыновей, но преемник его не был определён. Власть над Хирой была вверена таййитскому вождю Ийасу Ибн Кабисе (*Iyās Ibn Qabiṣa*). Сасанидский царь – им, как показано во введении, был Хосров I Ануширван – не находил подходящего кандидата и даже

намеревался направить в Хиру персидского наместника с двенадцатитысячным войском. Но Ади Ибн Зайд, служивший при дворе Хосрова в качестве переводчика, напомнил ему о сыновьях аль-Мунзира, и царь велел привезти их в Ктесифон. Из этих сыновей по имени называются лишь двое – ан-Нуман и аль-Асуад (*al-Aswad*). Они воспитывались в знатных родах: аль-Асуад – у Бану Марина, а ан-Нуман – у Бану Аййуб, рода, к которому принадлежал Ади Ибн Зайд. Последний, естественно, был на стороне ан-Нумана и научил его, как держать себя в разговоре с царём и отвечать на его вопросы. Бану Марина, в свою очередь, поддерживали аль-Асуада. На собеседовании²¹¹ ан-Нуман держался лучше других. Выбор Хосрова пал на него, и он был назначен правителем Хиры [19, сер. 1, с. 1016–1018; 82, с. 241–243; 172, ч. 2, с. 21–22; 185, с. 381–382; 213, с. 386–388; 240, с. 319].

Хотя вопрос о преемнике аль-Мунзира IV был решён волей сасанидского царя, положение дел в Хире оставалось неоднозначным. Ан-Нуман, казалось, имел всё для того, чтобы не быть правителем. Старшим и самым умным из сыновей аль-Мунзира IV аль-Хилли считает не ан-Нумана, а аль-Асуада [213, с. 387]. Низкорослый, рябой и смуглый²¹² ан-Нуман не лучшим образом смотрелся на фоне братьев, которых за красивый белый цвет лиц называли *ašāhib* [57, с. 212; ср. 213, с. 146]. Мать ан-Нумана Сальма́ (*Salmā*) была иудейкой-невольницей, дочерью ювелира из Фадака, которую аль-Мунзир IV получил в подарок от захватившего её аль-Хариса Ибн Хисна (*al-Hārīṭ Ibn Ḥiṣn*)

²¹¹ Об этом см. Часть II.

²¹² Такое описание даётся ан-Нуману в рассмотренных выше рассказах источников о его назначении правителе Хиры. Они точно соответствуют тому, что, согласно Абу-ль-Фараджу аль-Исфাহани, рассказывал об ан-Нумане таййитский поэт Абу Зайд (Хармала Ибн аль-Мунзир – *Abū Zayd, Ḥarmala Ibn al-Munẓir*), который, по его собственным словам, лично встречался с царём [172, ч. 11, с. 25].

из кудайтского племени Бану Кальб Ибн Уабара (*Banū Kalb Ibn Wabara*). Когда аль-Мунзир повёз Сальму к себе, один вождь из аднанитского племени Бану Дабба (*Banū Ḍabba*) напал на кортеж и отбил её. Вернуть Сальму аль-Мунзиру удалось только благодаря вмешательству аль-Хариса [207, с. 6; 213, с. 287, 453–454; 260, с. 564]. У ат-Табари Сальма называется служанкой аль-Хариса [19, сер. 1, с. 1017]. Зная важность, которую арабы придавали тому, кем была мать царя (см. выше), мы без труда можем заключить, что такая биография Сальмы была не в пользу ан-Нумана. Так, известен случай, когда недруги поэта Набиги аз-Зубьяни, в то время товарища ан-Нумана по пирам, написали подложное стихотворение с порицанием царя. Ан-Нуман именовался в нём «наследником ювелира»; имелся в виду отец Сальмы [172, ч. 9, с. 158].

Сходным образом страдал престиж ан-Нумана и из-за его жены Мауии (*Māwiya*), которой, видимо, в насмешку было дано прозвище аль-Мутаджаррида (*al-Mutaḡarrida*, букв. – «Всецело преданная»). Ан-Нуман был её четвёртым мужем; прежде она являлась женой его отца, аль-Мунзира IV [238, с. 437]. Ходили слухи, что она состояла в незаконной связи с Набигой аз-Зубьяни или с бакритским поэтом аль-Мунаххалем (*al-Munaḥḥal*) и родила от последнего двух мальчиков, которые официально считались сыновьями аль-Нумана [81, с. 76–77; 172, ч. 9, с. 158–159, ч. 18, с. 153–154; 213, с. 147–148, 150, 155].

Но ан-Нуман твёрдо взял в руки бразды правления. Неудачные стихи или слова могли дорого обойтись тому, кому их приписывали. Ан-Нуман казнил нескольких из своих приближённых, в частности, того же аль-Мунаххала [172, ч. 18, с. 154; 213, с. 155; 236, с. 632]. Как показано в Части II, в ряде источников именно ан-Нуману приписывается обычай в особый день в году казнить всех, кто попадался на глаза, и велеть обмазывать его кровью два столпа (*al-ḡariyyān*).

Ади Ибн Зайд

После соперничества между ан-Нуманом и аль-Асуа-дом, о котором говорилось выше, политическая жизнь в Хире во многом определялась тем, кто окажется ближе к новому царю и сможет влиять на его решения. На первых порах влияние Ади Ибн Зайда было неоспоримо. Оно основывалось не только на прежних заслугах его самого и его рода. Ещё в правление аль-Мунзира IV Ади женился на сестре²¹³ ан-Нумана – Хинд (*Hind*) [172, ч. 2, с. 30], что, несомненно, ещё более приблизило его к царю. Известно также, что Ади поддерживал дружбу с ярбуитами [172, ч. 2, с. 20], которым, как показано в Части II, принадлежал высокий титул *ридф*-а. Это было нечто большее, чем политический союз: и Ади, и ярбуиты принадлежали к тамимитам, т.е. были соплеменниками. Наконец, не следует забывать, что Ади служил при дворе сасанидского царя и был вхож к нему; при необходимости он мог использовать и те возможности, которые открывались для него вследствие этого.

После воцарения ан-Нумана Ади Ибн Зайд замирился с предводителем сторонников аль-Асуада – Ади Ибн Аусом (*ʿAdī Ibn Aws*) из рода Бану Марина. Но последний, судя по его дальнейшим действиям, пошёл на примирение лишь для видимости. По сообщениям источников, он призывал аль-Асуада отомстить «мааддиту», т.е. тамимиту Ади Ибн Зайду, и одновременно путём щедрых подношений добивался расположения ан-Нумана. По одному сообщению на эти подношения шли средства не только самого Ади Ибн Ауаса, но и аль-Асуада. Таким образом Ади Ибн Аус вскоре снискал немалое влияние при дворе; к нему присоединялись всё новые сторонники. Ади Ибн Зайд, находясь на службе в Ктесифоне, не мог воспрепятствовать этому,

²¹³ В источнике, на который сделана ссылка, Хинд фигурирует как дочь ан-Нумана. О том, кем – сестрой или дочерью – она ему приходилась, см. прим. 326.

а скорее всего – и не имел такого намерения, так как полагался на достигнутые договорённости.

Через некоторое время Ади Ибн Аус перешёл к активным действиям. По его наущению придворные стали очернять Ади Ибн Зайда в глазах царя. Они говорили, будто Ади Ибн Зайд считает ан-Нумана своим наместником, которого он (Ади) поставил у власти. Для вящей убедительности было сфабриковано письмо, якобы написанное Ади Ибн Зайдом. Поверив своим придворным, ан-Нуман вызвал Ади Ибн Зайда к себе. Отпросившись у сасанидского царя, Ади Ибн Зайд приехал в Хиру, но был схвачен и помещён в темницу ас-Синнин, о которой мы говорили ранее применительно к Имру-ль-Кайсу III.

Этот рассказ, который мы приводим по нескольким источникам [19, сер. 1, с. 1018–1020; 172, ч. 2, с. 22–23; 213, с. 389–390], восходит к Хишаму аль-Кальби, на которого прямо ссылается Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Здесь мы должны прерваться, чтобы отметить ещё одну версию, которую Абу-ль-Фарадж приводит со ссылкой на аль-Муфаддаля. Согласно ей, Ади Ибн Зайд пригласил ан-Нумана на пир. Ан-Нуман поехал, но в пути его встретил Ибн Марина (видимо – Ади Ибн Аус), который пригласил царя к себе. Побывав у Ибн Марины, ан-Нуман поехал к Ади Ибн Зайду и, общаясь с ним, увидел на его лице выражение враждебности. На следующий день ан-Нуман вызвал к себе Ади Ибн Зайда, но тот не явился. Тогда ан-Нуман велел схватить его [172, ч. 2, с. 24].

На первых порах Ади, видимо, ещё надеялся вернуть расположение царя и начать всё сначала²¹⁴. Но ан-Нуман не давал распоряжения выпустить его. На каком-то этапе ан-Нуман уехал в область Бахрейна, и в это время гасса-

²¹⁴ Об этом можно судить по отрывку из одного стиха Ади:

«Не лисы ли эти стали непрестанно нападать на меня и вступили в союз с хромыми гиенами,
Чтобы сожрали меня враги, и плоть моя вышла [из них] в кале или блевотине?

нидские войска вновь совершили успешное нападение на Хиру (об этом см. ниже). Этот набег, видимо, не коснулся Ади, который пребывал в стоявшем отдельно ас-Синнине. Впоследствии Ади смог направить восточку своему брату Аммару (*ʿAmmār*), который носил также имя Убай (*Ubayy*) и служил при сасанидском дворе. Аммар рассказал о случившемся сасанидскому царю, и тот отправил в Хиру посланца. Источники по-разному описывают детали этих событий, но общий смысл одинаков. Противники Ади Ибн Зайда понимали, что, если он выйдет из темницы, то употребит ради отмщения все свои ресурсы, в том числе и возможность пожаловаться напрямую Хосрову, и тогда им несдобровать. Поэтому Ади Ибн Зайда убили в темнице. Посланник Хосрова получил большую взятку и согласился доложить царю, что Ади Ибн Зайд умер ещё до его приезда [19, сер. 1, с. 1022–1024; 172, ч. 2, с. 25–27; 213, с. 390–391; 233, с. 649]²¹⁵.

Если они не одумаются – я расстанусь с жизнью, оставляю то, что заставляло не спать по ночам, перестану слушать (в развитие трактовки, данной издателями текста, считаю, что имеются в виду ночные пиры, в ходе которых слушали пение и музыку. – Д. М.).

[Пропущены две строки, где Ади говорит о последствиях своей смерти.]

А если они не доведут дело до конца – поведу я себя как человек славный и великодушный» [176, с. 35–36].

Лейтмотив стиха очевиден: Ади изображает происшедшее как происки врагов, которых уподобляет лисам и хромым гиенам, но считает, что ещё можно «начать с чистого листа», вернуться к прежним хорошим отношениям.

²¹⁵ Даты заключения и смерти Ади Ибн Зайда нам неизвестны. Какие-либо предположения на этот счёт можно строить, только если отождествлять нападение гассанидских арабов на Хиру в отсутствие ан-Нумана с походом Джафны, который, вероятно, пришёлся на 583–591 гг. (см. ниже). Упоминания в мусульманских переложениях истории Ади Ибн Зайда о сасанидском царе, называемом *Kisrā*, не помогают решить проблему, потому что, как показано во Введении, в этих источниках все события, начиная с назначения ан-Нумана III правителем Хиры, относятся к царствованию Хосрова II Парвиза.

Внешние дела. Приевфратские области

Противостояние с Гассанидами продолжилось и при ан-Нумане III. В рассказах мусульманских авторов о Лахмидах мы находим некоторые, хотя очень скудные, упоминания об этой борьбе. Ибн Халдун рассказывает, что ан-Нуман воевал с «сынами Джафны» (т.е. с Гассанидами), чтобы отомстить за смерть отца, и взял в плен многих их вельмож [240, с. 325]. У Хамзы аль-Исфахани обнаруживается краткое, состоящее всего из двух слов упоминание о том, что ан-Нуман ходил походом на Киркесий [67, с. 111; ср. 236, с. 280]. Абу-ль-Фидá упоминает о том, что стоявшая в его времена в развалинах крепость Калат Джáбар (*Qal'at Ġa'bar*) первоначально называлась ад-Даусариййя (*al-Dawsariyya*); её построил слуга ан-Нумана Ибн аль-Мунзира по имени Даусар (*Dawsar*), которого царь назначил в окраинные области Сирии [58, с. 277]. Эту крепость Ибн Хордадбех и Якут знают под названиями Даусар (*Dawsar*) и Калат Джáбар; она находилась поблизости от Евфрата и была первой остановкой на пути из ар-Ракки (Каллиник) в Киннасрин [91, с. 74, 98; 264, т. 4, с. 390]. Разумеется, слово *dawsar*, одно из значений которого – «лев», может быть и именем человека, однако в сочетании с упоминанием об ан-Нумане оно ассоциируется скорее с отрядом лахмидского войска под названием *dōsar* (о нём см. Часть II). Если рассказ Абу-ль-Фидá имеет под собой реальную основу, можно представить себе, что отряд *dōsar* какое-то время стоял в этой крепости во время одного из походов ан-Нумана вверх по течению Евфрата.

Единственное параллельное известие обнаруживается у Иоанна Эфесского. Согласно его рассказу, в начале 580 г. аль-Мунзир Гассанидский отправился в Византию. В ходе этой поездки монофизит аль-Мунзир занимался не только политическими, но и духовными делами. Аль-Мунзир прибыл в Константинополь 8 февраля 580 г. и ещё оставался в византийских владениях 2 марта. Во время

его пребывания в Византии «персидские», т.е. лахмидские арабы вторглись во владения аль-Мунзира. Однако он вернулся, атаковал нападавших и перебил большинство из них; лишь немногие спаслись бегством. Аль-Мунзир захватил трофеи и добычу [162, с. 265–266, 272].

Эти известия названы параллельными главным образом потому, что в 580 г. у власти в Хире стоял ан-Нуман III, и о походах последнего вверх по Евфрату в источниках более не упоминается. Поэтому вероятно, что рассмотренные выше известия относятся к одним и тем же событиям. Разумеется, нельзя не отметить, что сообщения источников сильно различаются между собой. Но они, скорее всего, основаны на рассказах участников событий, а каждая из сторон вполне могла приписать победу себе.

Другое известие, которое требует разбора, – отмеченное выше сообщение о том, что некий Джафна, сын ан-Нумана, напал на Хиру и разорил её, воспользовавшись отъездом лахмидского царя. Речь, по-видимому, идёт о внуке аль-Мунзира Гассанидского по имени Джафна. Мы знаем о нём благодаря тому, что в «Хронике 1234 г.» сын аль-Мунзира Гассанидского ан-Нуман именуется Абу Джафна, т.е. «отец Джафны» [20, с. 215]. Как и аль-Мунзир, ан-Нуман и Джафна отсутствуют в списке гассанидских правителей у Хамзы аль-Исфахани и Бируни. Но по другим источникам можно проследить их историю. Мы видели, что в 575 г. аль-Мунзир замирился с Византией и заключил договор со стратигем Востока Юстинианом. После смерти Юстина II (4 октября 578 г.) отношения между аль-Мунзиром и византийскими властями стали ещё лучше. Во время поездки аль-Мунзира в Константинополь (см. выше) преемник Юстина II Тиверий оказал ему прекрасный приём, одарил его и, что ещё более важно, пожаловал царской короной [162, с. 265, 271–272]. Это, несомненно, подняло статус аль-Мунзира как правителя: прежде Гассаниды носили не корону, а венец. Новый

стратиг Востока Маврикий тоже состоял с аль-Мунзиром в хороших отношениях и, судя по одному замечанию Феофилакта Симокатты, поддерживал его верность Византии щедрыми дарами [164, с. 152].

Впоследствии положение дел резко изменилось. Маврикий принял решение совершить поход вниз по течению Евфрата. Перед началом похода он встретился с аль-Мунзиром и, очевидно, обсудил с ним детали предстоящей кампании. Но поход сложился для них неудачно. Византийская армия двинулась вниз по течению Евфрата и осадила крепость Ану (Анату). Однако взять крепость не удалось. Тем временем сасанидский полководец Адур-Махан, стоявший в Нисибине, выступил с войском вперёд, опустошил Эдессу и подошёл к Каллинику. Армия Маврикия фактически оказалась в окружении: впереди были главные силы Сасанидов, позади – войско Адур-Махана. Возможностей для манёвра практически не было: отступи Маврикий от Евфрата, его войско погибло бы в пустошах. Маврикий немедленно повернул назад, двинулся к Каллинику, победил в сражении войско Адур-Махана и прорвался в Сирию. Для Маврикия это значило, что армию удалось сохранить, однако стратегическая цель похода не была достигнута. В донесениях Тиверию Маврикий и аль-Мунзир обвиняли друг друга. Однако Маврикий, прибыв к Тиверию, смог убедить его в том, что в неудаче похода виноват аль-Мунзир. Каковы были обвинения против аль-Мунзира – можно понять по рассказам источников, согласно которым он известил персов о готовившемся походе. Разгневавшись на аль-Мунзира, Тиверий стал помышлять о том, как избавиться от него. Некий сириец Магн, который служил в византийской администрации в должности куратора и прежде покровительствовал аль-Мунзиру, вызвался сделать это дело. Он пригласил аль-Мунзира на освящение вновь построенной церкви. Аль-Мунзир явился к нему в селение

Хавварин²¹⁶ или в Эдессу и был схвачен. При этом Иоанн Эфесский приписывает Магну и аль-Мунзиру интересный диалог. Магн, пытаясь сделать так, чтобы аль-Мунзир отдалился от своего эскорта, сказал ему, что император вызывает его в Константинополь для дачи объяснений о походе. Аль-Мунзир ответил, что повинуется императору, но не может приехать, так как в его отсутствие лахмидские арабы вновь пойдут войной. Аль-Мунзир был увезён в Константинополь. Тиверий велел Магну поставить царём над арабами брата аль-Мунзира, имя которого в источниках не называется. Но этот правитель не был, судя по всему, принят гассанидскими арабами, которые во главе со старшим сыном аль-Мунзира ан-Нуманом стали разорять византийские владения. По велению Тиверия Магн попытался обманом захватить и ан-Нумана, но тот, наученный опытом отца, не приехал к куратору, прислав вместо себя другого человека.

Все эти события произошли между летом 581 г. (вероятная дата похода Маврикия и аль-Мунзира²¹⁷) и 14 августа 582 г., когда из жизни ушёл Тиверий. Ан-Нуман поехал в Константинополь добиваться освобождения отца, которого Маврикий, ставший теперь императором, отправил в ссылку на Сицилию. Маврикий заявил, что отпустит аль-Мунзира, если ан-Нуман будет воевать с персами.

²¹⁶ Эвария, посередине пути из Дамаска в Пальмиру [166, с. 118–119].

²¹⁷ Эта дата прямо нигде не называется и восстанавливается на основе исторического контекста. Согласно рассказам Феофилакта Симокатты поход состоялся летом, в то время, когда у власти в Византии стоял Тиверий (т.е. до 13 августа 582 г. – Д. М.). В следующем году произошло крупное сражение при Константине (Теллаз-Маузелат или Телла), в котором армия Маврикия нанесла поражение войску сасанидского полководца Тамхосро (Тахм-Хосрова. – Д. М.); последний погиб в бою [164, с. 152]. Евагрий Схоластик приписывает победу над Тахм-Хосровом Маврикию, который действовал как полководец [50, с. 161–162]. Менандр Протектор пишет, что войска полководца Маврикия и Тахм-Хосрова должны были

Судя по контексту, Маврикий имел в виду совместные походы византийцев и гассанидских арабов. Видимо, на это ан-Нуман ответил, что арабы-монофизиты (к которым принадлежали и он сам, и его подданные) не станут выступать заодно с православными. Получив такой ответ, Маврикий велел схватить ан-Нумана и отправить его в ссылку вслед за аль-Мунзиром²¹⁸.

сойтись при Константине [42, с. 423]. Вместе с тем, в начале своего труда Феофилакт Симокатта указывает, что после известной победы над войском Тахм-Хосрова подошёл к концу первый год правления Маврикия, преемника Тиверия [164, с. 49]. Если сопоставлять эти данные, получается, что сражение с Тахм-Хосровом следует отнести на время, непосредственно предшествовавшее вступлению Маврикия на престол. Вероятнее всего, поход Тахм-Хосрова состоялся весной или летом 582 г. Соответственно, поход Маврикия вниз по течению Евфрата следует относить к лету 581 г. Правда, против этой датировки можно возразить на основании сведений Иоанна Эфесского, который, повествуя о том, как после вступления на престол сасанидского царя Хормузда IV (579–591) начались и были прерваны мирные переговоры с Византией, сообщает дату последовавшей за этим войны или сражения (*qraḇā*) – июнь 580 г. [162, с. 403]. Поскольку далее речь идёт только о походе Тахм-Хосрова, можно заключить, что дата в источнике относится именно к нему (так поступил, например, Михаил Сирийский [33, т. 2, с. 347]). Однако в этом месте рассказ Иоанна Эфесского краток и сосредоточен только на походе Тахм-Хосрова. Между тем Феофилакт Симокатта в развёрнутом виде представляет последовательность событий: Тиверий узнаёт, что Хормузд (т.е. Хормузд IV) выдвигает неприемлемые для Византии требования, с начала лета византийские войска разоряют сасанидские владения, затем проходит зима, и следующим летом Маврикий идёт в поход вниз по течению Евфрата [164, с. 151]. Если совместить это с изложенными выше хронологическими построениями, получается, что начало войны по Феофилакту Симокатте пришлось примерно на июнь 580 г.; т.е. на ту дату, которую называет Иоанн Эфесский. Можно предположить, что Иоанн Эфесский на деле сообщает дату начала войны, а не сражения при Константине.

²¹⁸ Эти события восстанавливаются на основе сравнительного изучения данных источников [20, с. 209, 213; 33, т. 2, с. 349–350; 50, с. 167; 162, с. 213–219; 164, с. 151–152].

Итог этих событий называет только Михаил Сирийский. По его словам, царство арабов, т.е. Гассанидов, было разделено между пятнадцатью правителями, большинство которых впоследствии примкнули к персам, и фактически перестало существовать [33, т. 2, с. 350–351]. Видимо, речь идёт о том, что племена, прежде подчинённые Гассанидам, стали независимыми. Какими-то из них, видимо, по-прежнему правили люди, фигурирующие в перечнях гассанидских царей у Хамзы аль-Исфахани и Бируни. Между тем в 591 г. Хосров II Парвиз, бежав в Византию (об этих событиях см. ниже), встретился в Сергиополе с Абу Джафной ан-Нуманом [20, с. 215], который, следовательно, к тому времени был возвращён из ссылки.

В свете изложенного мы можем вернуться к известию о походе Джафны на Хиру. Ан-Нуман, скорее всего, ездил к Маврикию вскоре после его вступления на престол, т.е. в конце 582 – начале 583 гг.²¹⁹ Джафна, бывший, вероятно, старшим сыном ан-Нумана²²⁰, сменил отца в качестве правителя. Поскольку поход на столицу врага, скорее всего, возглавил бы правитель, действия Джафны следует относить к периоду 583–591 гг. Более точная датировка тем вероятнее, чем ближе она к 583 г., т.к. Маврикий мог вернуть ан-Нумана из ссылки и до 591 г.

Из-за недостатка сведений мы не знаем, попытался ли ан-Нуман III отомстить Гассанидам за разорение своей столицы. Средневековые авторы не называют никаких значимых боевых действий или сражений в приевфратских областях. Более или менее уверенно можно утверждать, что с середины правления ан-Нумана III лахмидско-гассанидское противоборство на Евфрате

²¹⁹ Представляется естественной аналогия с действиями аль-Мунзира, который, как показано выше, отправился в Византию вскоре после воцарения Тиверия.

²²⁰ На это указывает отмеченное выше прозвище ан-Нумана – Абу Джафна, т.е. отец Джафны (именно Джафны, а не другого сына).

сошло на нет. Сасанидский царь Хосров II Парвиз, пришедший к власти с помощью Маврикия в 592 г., поддерживал с ним хорошие отношения. Ни Византия, ни Сасанидская держава не нуждались, следовательно, в том, чтобы бороться друг с другом с помощью арабов. Это положение изменилось после убийства Маврикия в связи с последовавшей за этим войной Хосрова против Византии, но к тому времени Лахмиды уже не правили в Хире.

Аравия

В правление ан-Нумана III дела в Аравии развивались во многом так же, как при его предшественниках. Судя по дошедшим до нас сведениям, ан-Нуман держал в подчинении тамимитов или, по крайней мере, значительную их часть. Однако при этом ему не раз приходилось бороться с восстаниями тамимитов или просто с неподчинением с их стороны. Согласно одному рассказу, восходящему к Абу Убайде, однажды тамимиты отказались платить ан-Нуману дань. В ответ ан-Нуман послал против них карательную экспедицию во главе со своим братом ар-Раййаном (*al-Rayyān*), о котором больше ничего не известно. Ар-Раййан выступил со значительными силами и одержал победу, захватив полон и угнав скот. В некоторых источниках приводится стих поэта аль-Мушамраджа (или Абу-ль-Мушамраджа) об этих событиях:

«Увидев приближающийся стяг ан-Нумана, они (тамимиты. – Д. М.) сказали: “О, если бы жилища наши были поблизости от Адена!

Если бы прародительница тамимитов не познала [такой] горечи (т.е. предстоящего поражения. – Д. М.) и была подобна тем, кого унесло время!”» [199, ч. 1, с. 425; 200, с. 211; 204, т. 2, с. 113; 257, с. 279].

Согласно другому повествованию, ан-Нуман однажды захватил в плен тамимитов (сколько именно – арабские сказители не сообщают), и их соплеменники направили к нему посольство. Царь очень долго не принимал его, но затем посланцам всё-таки удалось получить аудиенцию. Поэт Аксам Ибн Сайфи (*Akṣam Ibn Ṣayfī*) удачно ответил на вопрос ан-Нумана, и тот согласился отпустить пленных [216, с. 16–17]²²¹.

По соседству с тамимитами жило племя Бану Ханифа, одна из ветвей бакритов. Повествуя о доисламском времени, Ибн аль-Асир сообщает, что ханифиты проживали в Йемаме [226, т. 1, с. 461]. Ибн Хазм тоже называет ханифитов населением Йемамы, хотя это его сообщение лишено привязки к какому-то определённом времени [239, с. 291]. Более точное представление о местах рассе-

²²¹ Воспоминания о каком-то конфликте ан-Нумана с тамимитами отражены, кажется, и в рассмотренном выше стихе Раби Ибн Рабии, где за упоминанием о «дне Яксума» следует такая строка:

«Когда ан-Нуман внезапно напал, совершив вероломное, несправедное дело, оказалось, у него в цепях полно [людей] из [потомков] Кааба Ибн Ауфа (*Ka'b Ibn 'Awf*).

Мы же разбили железо их ошейников, и все они были освобождены. Тот, кто совершил это, – благодетель среди людей» [184, с. 698; 205, с. 118].

Содержание этого стиха ясно не полностью. Мы не знаем, кто потомки Кааба Ибн Ауфа, о которых говорит поэт. Хишам аль-Кальби называет двух человек по имени Кааб Ибн Ауф, к которым могли возводить свою родословную их потомки; один принадлежал к мазхиджитам (Саад аль-Ашира), другой – к кудаитам [260, с. 315, 605]. Более того, можно утверждать, что ан-Нуман этого стиха – не лахмидский царь, а хотя бы гассанидский правитель, о котором говорилось выше. Между тем, судя по контексту, автор стиха говорит о каком-то очень известном для арабов правителе, который не нуждался в дополнительном представлении и вёл активную деятельность в Аравии, где только и мог столкнуться с тамимитами. Представляется, что ан-Нуман лучше других известных нам деятелей того времени соответствует этим признакам. Тогда автор стиха говорит о случае, когда тамимиты выступили против ан-Нумана и, если здесь нет преувеличения, добились успеха.

ления ханифитов можно составить по словам Ибн Саида о том, что тамимиты воевали с ними на юге и на западе [236, с. 417]. Сведения об отношениях между ханифитами и ан-Нуманом, к сожалению, скудны и сводятся к одному восходящему к Абу Убайде сообщению, которое известно нам в пересказе аль-Мубаррада. Согласно этому известию, в священные месяцы арабов, когда было принято не воевать, в Йемаму приезжали за финиками люди, которые назывались *sawāqit* (буквально – «пришельцы [в Йемаму]») ²²². Ан-Нуман хотел изгнать их из Йемамы, но этому воспротивился ханифитский вождь Мурара Ибн Сульми (*Murāra Ibn Sulmī*). Столкнувшись с противодействием с его стороны, ан-Нуман отступил, но один поэт сказал, побуждая его к войне с ханифитами:

«Утверждает сын Сульми Мурара, что он – господин *sawāqit*, а не род аль-Мунзира,

[И что] он оградил Йемаму, её пересечённые местности и равнины, от всякого человека в короне, достойного» [204, т. 1, с. 313].

К сожалению, на этом приводимый в источнике рассказ заканчивается. Неизвестно, предпринял ли ан-Нуман какие-либо действия против ханифитов или нет. Поэтому отношения ан-Нумана с этим племенем представляют собой загадку. Но сам факт того, что интересы ан-Нумана и вождей ханифитов пересеклись, примечателен. Для того, чтобы достичь земель ханифитов, ан-Нуман должен был предварительно укрепиться среди тамимитов. Так, видимо, и произошло.

²²² *Sawāqit* – форма множественного числа от *sāqita*. По сообщению историка мусульманских завоеваний Мухаммада аль-Уакиди (*Muḥammad al-Wāqidi*, 747/48 – 822), словом *sāqita* арабы называли «набатейских», т.е. сирязычных (см. прим. 36), купцов, которые в доисламское время приезжали с товарами в Медину [156, с. 989–990]. Возможно, и в рассматриваемом случае имеются в виду такие купцы, хотя краткость рассказа и отсутствие параллельных сообщений не дают возможность утверждать что-либо определённо.

Отношения ан-Нумана с амиритами развивались так же, как и с тамимитами. Как видно из рассмотренного выше поэтического поединка между Язидом Ибн Абди-ль-Маданом и Амиром Ибн ат-Туфайлем, амириты платили дань ан-Нуману III, как прежде Амру III. Однако власть ан-Нумана над амиритами, по-видимому, не была прочной. Арабские предания донесли до нас воспоминания о многочисленных конфликтах между ними. Уже в начале правления ан-Нумана торговцы, действовавшие в его интересах, купили на указской ярмарке нескольких попавших в плен амиритов; последние были доставлены в Хиру и содержались под стражей [213, с. 449]. К ан-Нуману прибыло посольство амиритов просить о выкупе пленных [172, ч. 16, с. 21–23; 247, с. 108–109]²²³. Абу Убайда повествует, что однажды некий амирит по имени Хубайра Ибн Амир (*Hubayra Ibn Āmir*) напал на ан-Нумана у колодца Сафуан (*Safwān*), расположенного в четырёх *фарсах*-ах от места, где впоследствии была построена Басра, захватил в плен аль-Мутаджарриду и несколько женщин из числа жён аль-Мунзира IV и взял богатую добычу. Ан-Нуман бежал в Хиру [213, с. 454; 251, с. 571]. По сообщению Ибн аль-Асира, амириты однажды перехватили караван, который ан-Нуман по своему обыкновению послал на указскую ярмарку. В ответ ан-Нуман направил против них войско под командованием своего единоутробного брата Уабары Ибн Румануса аль-Кальби (*Wabara Ibn Rūmānus al-Kalbī*)²²⁴, усиленное тамимитами и даббитами. Против-

²²³ Сообщение об этом посольстве обнаруживается также у аль-Хилли, который, однако, путает амиритов с абситами (*Banū 'Abs*) [213, с. 371–373].

²²⁴ По словам аль-Хилли, жена аль-Мунзира IV и мать ан-Нумана Сальма после смерти мужа вернулась к кальбитам, вышла замуж за одного из них, Румануса Ибн Мукиля (*Rūmānus Ibn Mu'qil*), и родила от него Уабару [213, с. 287]. Это подтверждается другими источниками и кажется правдоподобным – за исключением того, что Сальма должна была вернуться к кальбитам не после смерти аль-Мунзира IV,

ники встретились у ас-Суллана. Битва завершилась победой амиритов; их вождь, упомянутый выше Амир Ибн Малик (*Āmir Ibn Mālik*), с тех пор назывался «Играющий с остриями копий» (*mulā'ib al-asinna*). Уабара попал в плен и был отпущен за «царский» выкуп – тысячу верблюдов, к которому добавили коня²²⁵.

По-иному рассказывается об этом сражении в другой передаче «[Памятных] дней арабов» – у Ибн Абд Раббихи. Он, со ссылкой на Абу Убайду, повествует, что амириты напали на тамимитов и даббитов. Те приняли бой, но потерпели поражение. Предводитель даббитов Хассан Ибн Уабара (*Hassān Ibn Wabara*) попал в плен и был выпущен за «царский» выкуп – тысячу верблюдов [224, ч. 5, с. 177–178].

Сравнение этого рассказа с параллельным текстом ан-Нувайри [215, с. 287] показывает, что в издании труда Ибн Абд Раббихи, на котором мы основываемся, нет искажений. Но, хотя обычно предпочтение отдаётся более раннему источнику, в данном случае правильное полагаться на версию Ибн аль-Асира. Ибн Абд Раббихи говорит о сыне Уабары, но именно его ошибочно называет братом ан-Нумана по матери. Между тем, как показано в прим. 224, этому описанию отвечает не Хассан, а его отец Уабара.

а значительно раньше: иначе Уабара был бы слишком юн, чтобы в правление ан-Нумана командовать войсками и иметь относительно взрослого сына (о нём см. ниже). Ан-Нуман относился к Уабаре как к родственнику и, согласно Хишаму аль-Кальби, дал ему в удел два селения [260, с. 564, ср. 623]. Впрочем, есть и другая версия, по которой имя Руманус (*Rūmānūs*) носила мать ан-Нумана и его брата аль-Мунзира; отец последнего принадлежал к кудаитскому племени Бану Кальб Ибн Уабара (*Banū Kalb Ibn Wabara*) [181, с. 186; 200, с. 367].

²²⁵ Так у Ибн аль-Асира [226, т. 1, с. 506]. Аль-Хилли приводит очень похожий рассказ, но значительно увеличивает сумму выкупа, говоря о двух тысячах верблюдов и двух наложницах [213, с. 447–448]. Это кажется менее вероятным по двум причинам. По обычаем тех времён выкуп за члена царского рода составлял тысячу верблюдов; не следует также забывать, что у аль-Хилли этот эпизод приведён в той части книги, где он говорит о слабости Лахмидов и в подтверждение своих слов красочно описывает их поражения.

Разночтения между версиями Ибн аль-Асира и Ибн Абд Раббихи наблюдаются и в описании другой битвы, в которой войска если не самого ан-Нумана, то, во всяком случае, его союзников противостояли амиритам. Ибн Абд Раббихи, которому принадлежит более подробный рассказ, повествует о вражде между амиритами и тамимитами. В сражении при Рахрахане²²⁶ амириты победили тамимитов; вождь последних Мабад Ибн Зурара (*Ma'bad Ibn Zurāra*) попал в плен и, отказавшись платить выкуп, был заморен жаждой²²⁷. Согласно дальнейшему рассказу, приводимому со ссылкой на Абу Убайду, брат Маблада Лакыт, стремясь отомстить за погибшего, собрал внушительную коалицию, куда вошли почти все тамимиты, а также племена Бану Зубьян, Бану Асад и Бану Гатафан. Лакыт обратился и к ан-Нуману; тот прислал всё того же Хассана Ибн Уабару, который здесь вновь именуется единоутробным братом царя. В битве в Ущелье Джабалы (*Ši'b Ġabala*)²²⁸ амириты вместе со своими союзниками абситами одержали победу. Лакыт погиб в бою, а его брат Хаджиб попал в плен [188, с. 365–366; 213, с. 227; 224, ч. 5, с. 141–143; 242, т. 1, с. 257; 261, с. 445]. У Ибн аль-Асира итог сражения тот же, но об участии ан-Нумана не сообщается [226, т. 1, с. 463–464].

Столь значительное расхождение в сведениях источников не даёт возможности опираться в изучении истории Лахмидов на рассказы о сражениях при Рахрахане и в Ущелье Джабалы. Можно возразить, что так или иначе борьбу с амиритами вёл род Зурары, всегда ориентировавшийся на Сасанидов и Лахмидов. Но, согласно пересказу сообщений Абу Убайды у Ибн Абд Раббихи, конфликт был

²²⁶ *Raḥraḥān*, гора поблизости от Указа [264, т. 3, с. 36], или вади, местонахождение которого не уточняется [251, с. 1080].

²²⁷ О сражении при Рахрахане повествуют и другие авторы [251, с. 400–402; 261, с. 469; 264, т. 3, с. 36].

²²⁸ Это место Якут помещает в Неджде, хотя, судя по описанию сражения, ошибочно интерпретирует *šī'b* как «низина» [264, т. 2, с. 104].

вызван не долгосрочными экспансионистскими устремлениями ан-Нумана, а причинами скорее сиюминутными: Мабад укрывал у себя человека, которого из мести искали амириты [224, ч. 5, с. 139]. К тому же через некоторое время произошёл конфликт между тамимитами и их союзниками даббитами, и первые из них обратились за помощью к недавним противникам – амиритам [251, с. 414–416].

При разборе аравийской политики ан-Нумана III нельзя, разумеется, обойти стороной один из её наиболее ярких эпизодов, связанный с Мединой. Согласно рассказам мусульманских авторов племени аль-Аус (*al-Aws*) и аль-Хазрадж (*al-Hazrağ*) возобладали над иудейскими племенами города, прежде всего – Бану Курайза (*Banū Qurayza*) и Бану ан-Надир (*Banū al-Nađīr*), но затем начали бороться между собой [172, ч. 19, с. 95–97; 226, т. 1, с. 517–518; 240, с. 344–346]. О дальнейших событиях мы узнаём от Ибн Саида, который в одном месте ссылается на аль-Байхаки. По словам этих авторов, никто не мог установить свою единоличную власть над Мединой до тех пор, пока хазраджит Амр Ибн аль-Итнаба (*ʿAmr Ibn al-Itñāba*) не уехал к ан-Нуману Ибн аль-Мунзиру. Тот сделал его царём Медины [236, с. 189–190, 196]²²⁹.

²²⁹ Это сообщение было подробно разобрано М. Дж. Кистером, который предложил сблизить его с известием Ибн Хордадбега о том, что «[Медину] называют также Ясриб. В дни *джахилийи* над ней и над Тихамой был наместник от *марзбан*-а пустыни, взиравший её *харадж*. Курайза и ан-Надир были царями и правили над Мединой, аль-Аус и аль-Хазрадж. Об этом говорит поэт из *ансар*-ов:

“Платишь ты (*tu’addī*) повинность (*harğ*) – после повинности Хосрову и повинности по отношению к [племенам] Курайза и ан-Надир”» [91, с. 128; ср. 90, с. 177].

На основании этих материалов М. Дж. Кистер предложил следующую реконструкцию событий: *марзбан*-ом пустыни следует считать лахмидского царя Хиры, а наместником последнего над Мединой – Амра Ибн аль-Итнабу. Данные источников показывают непрерывность сасанидского контроля над Мединой во второй половине VI в. [86, с. 145–149].

Сведения об Амре Ибн аль-Итнабе разобраны в тексте. Здесь уместно рассмотреть те аспекты, которые непосредственно не связаны с Хирой. Процитированный фрагмент труда Ибн Хордадбеха ясен далеко не полностью. В частности, приводимый в нём стих в ряде источников цитируется как сказанный Абду-ль-Масихом (*'Abd al-Masih*) из хирского рода Бану Букайла (*Banū Buqayla*) после подчинения Хиры мусульманскому халифату:

«Разделяют нас племена мааддитов – открыто, как приготовленную тушу.

А ведь прежде не знали мы ни в чём недостатка, были как полные сосцы верблюдицы с большим выменем.

Платим мы (*nu'addī*) повинность (*ḥarg*) – после повинности Хосрову и повинности [по отношению к племенам Бану] Курайза и [Бану] ан-Надир (или: от [племён Бану] Курайза и [Бану] ан-Надир).

Таково переменчивое время – день может быть плохим, а затем счастливым» [19, сер. 1, с. 2042; 107, т. 1, с. 221; 264, т. 2, с. 402, т. 3, с. 202].

Сходство этих стихов очевидно, если привести их не в переводе, а так, как они стоят в оригинале, арабской графикой.

Стих у Ибн Хордадбега:

تؤذي الخرج بعد خراج كسرى وخرج من قريظة والنضير

Третья строка стиха, приписываемого Абду-ль-Масиху:

تؤذي الخرج بعد خراج كسرى وخرج من قريظة والنضير.

Не имея исходного текста стиха, мы не можем восстановить его изначальный смысл. Нельзя даже исключать, что оба процитированных стиха так или иначе отклоняются от первоначального текста или того смысла, который вложил в него автор. Возможно, какое-то удачное высказывание повторялось на разные лады и вошло в несколько стихов.

Но дело не только в стихе. Как мы видели, Ибн Хордадбех и Ибн Ростэ сообщают, что во время *джахилийи* Медина платила Сасанидам дань, которую взимал «марзбан пустыни». С этим, вероятно, связан встречающийся в некоторых источниках рассказ о том, что в какой-то момент персы установили свою власть над доисламской Мединой [90, с. 63–64; 187, с. 417]. Этот рассказ, восходящий к Ибн Забале (ум. ок. 814–816 гг.), дошёл до нас в двух разных передачах, из которых более верной и лучше соответствующей историческому контексту кажется та, где последовательность событий такова: племена Аус и Хазрадж отняли Медину у иудеев, затем явились персы (*al-a'āğim*), а впоследствии свою власть над городом установили *мухаджир*-ы [215а, ч. 1, с. 79–80]. Прямых указаний на то, кем был

Сведений в источниках об Амре Ибн аль-Итнабе немного. Средневековые авторы знают его в основном как поэта, и о его положении в обществе можно судить лишь по двум эпизодам. В одном из рассказов о «[памятных] днях арабов» у Ибн аль-Асира Амир (Āmir)²³⁰ Ибн аль-Итнаба именуется одним из вельмож хазраджитов [226, т. 1, с. 528–529]. Абу Убайда, сообщение которого приводят Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани и Ибн Саид, называет Амра Ибн аль-Итнабу царём Хиджаза [172, ч. 10, с. 28–29; 236, с. 557–559]. Стало быть, Ибн аль-Итнаба участвовал в политической жизни и на каком-то этапе даже был правителем, что косвенно свидетельствует в пользу сообщения Ибн Саида.

Между тем сведения о правлении Амра Ибн аль-Итнабы в Медине неоднозначны. Сабит Ибн аль-Мунзир

«марзбан пустыни», в источниках нет, однако мы можем судить об этом по следующим указаниям. По словам Ибн Хордадбега «марзбан-у пустыни» подчинялась Тихама, хотя если бы речь шла о правителе Хиры, вместо неё должны были бы фигурировать Йе-мама или Неджд. Когда Хосров II Парвиз незадолго до конца своего царствования велел собрать сведения о Мухаммаде (под властью которого находилась Медина) или, по другим указаниям, привезти его самого, заниматься этим было поручено наместнику Йемена Бадану [19, сер. 1, с. 1572–1573; 235, ч. 1, с. 223–224]. Значит, Медина и Тихама входили в зону ответственности наместника Йемена, которого, кажется, и следует отождествить с «марзбан-ом пустыни» Ибн Хордадбега. По источникам власть Сасанидов над доисламской Мединой практически не прослеживается. Судя по рассмотренным сведениям, она сводилась к тому, что городская верхушка или отдельные племена формально признавали сюзеренитет Сасанидов и выплачивали им дань. Сколько времени так продолжалось, и взимал ли «марзбан пустыни» дань с других городов – неизвестно; в любом случае это – тема отдельного исследования. В рамках настоящей работы можно – на основе доступных на данный момент сведений – исходить из того, что ни Лахмиды, ни наместники Хиры более поздних времён не тождественны марзбан-у, о котором пишет Ибн Хордадбех.

²³⁰ Здесь нет ошибки: Ибн аль-Асир действительно говорит об Амуре, а не об Амре, однако из одного замечания аль-Бакри можно заключить, что Амир и Амр – одно и то же лицо [186, ч. 1, с. 575].

(*Tābit Ibn al-Mundir*), отец знаменитого поэта Хассана Ибн Сабита (*Ḥassān Ibn Tābit*, род. ок. 562 г., ум. ок. 660 г.), высказался о нём так:

«Передай ан-Нуману слова, которые я говорю искренне, – а совет однажды может указать душам путь.

Ты послал к нам одного из нас, но он – глуп. О, если бы он был не из нас, но умён!» [236, с. 196].

После таких слов трудно утверждать, что Амр Ибн аль-Итнаба пользовался полной поддержкой даже в своём племени, т.е. среди хазраджитов. Что касается ауситов, заслуживает внимания рассказ Ибн Халдуна. Он пересказывает сообщение Ибн Саида, а затем продолжает: за хазраджитами по-прежнему оставалось предводительство (*ri'āsa*), а их война с ауситами шла далее [240, с. 436]. Более ранний автор аль-Марзубани (910–994) пишет, что хазраджиты ходили на войну с Амром Ибн аль-Итнабой, а ауситы – с Муазом Ибн ан-Нуманом (*Mu'āḍ Ibn al-Nu'mān*); то была война между этими племенами [200, с. 203–204]. В тексте Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, на который дана ссылка выше, Амр называет себя стариком (*ṣayḥ kabīr*); его преемники (правители хазраджитов) по источникам неизвестны.

Если принять во внимание эти наблюдения, рассмотрение эпизода выглядит примерно так. Очевидно, Амр Ибн аль-Итнаба действительно обратился к лахмидскому царю за помощью – видимо, против ауситов. Ан-Нуман объявил Амра царём Медины, а возможно – и царём Хиджаза. Однако власть Амра не признали ни ауситы, ни, вероятно, другие племена; она не была очень прочной даже среди хазраджитов, для которых он являлся лишь одним из представителей знати. Судя по сведениям о возрасте Амра, он едва ли правил долго. По источникам не видно, чтобы затем власть над хазраджитами отошла к его потомкам.

Из приведённого в Части II отрывка из воспоминаний халифа Умара Ибн аль-Хаттаба (634–644) видно, что

ан-Нуман по крайней мере однажды принял посольство из Мекки. К сожалению, у нас нет других известий об отношениях ан-Нумана с мекканской верхушкой. Если судить по этому рассказу, Мекка не подчинялась лахмидскому царю; в противном случае, например, юные курейшиты наверняка остались бы при лахмидском дворе как заложники. По дружественному приёму, который ан-Нуман оказал мекканцам, можно судить, что он намеревался сделать их своими союзниками. В свою очередь мекканцы, вероятно, были заинтересованы в покровительстве лахмидского царя, которое могло обеспечить им безопасность торговых путей, а возможно – и содействие в налаживании торговых связей с сасанидскими владениями. В Части II рассмотрен эпизод, когда один из Омейядов, направляясь в Хиру, просил известного поэта Хатима ат-Таи (*Ḥātim al-Ṭā'ī*) покровительствовать ему, пока он проезжает по землям таййитов. Вероятно, того же добились мекканцы и от лахмидского царя.

Опала и гибель ан-Нумана

Длительное правление ан-Нумана было прервано его опалой и гибелью. Об этих событиях мы знаем главным образом из двух источников – арабского сказания об Ади Ибн Зайде и «анонима Гвиди». В целом они представляют развитие событий сходным образом, хотя заметно различаются в деталях. В «анониме Гвиди» рассказ об этих событиях начинается с того времени, когда сасанидский царь Хормузд IV (579–591) был свергнут заговорщиками, которые затем возвели на престол его сына Хосрова. Последний, однако, должен был бороться с полководцем Варахраном Чубином, который ранее поднял мятеж против Хормузда. Проиграв Варахрану Чубину решающее сражение, Хосров бежал в Византию (591 г.). Согласно источнику, ходили рассказы, что Хосров, направляясь в страну

ромеев, призвал ан-Нумана последовать за ним, но тот не только не сделал этого, но даже отказал ему в просьбе дать ему скакуна [32, ч. 1, с. 19].

Подобные сообщения обнаруживаются и в мусульманской литературе. Согласно одной легенде ан-Нуман вместе с Хосровом участвовал в сражении против Варахрана Чубина, но в решающий момент не дал ему коня, чтобы покинуть поле битвы. Хосров спасся на коне, которого дал ему некий таййит Хасан (*Hasan*) или Хассан (*Ḥassān*) Ибн Ханзала (*Ibn Ḥanzala*). Аль-Хилли, у которого этот рассказ приводится в наиболее полной форме, прибавляет, что Хосров, придя к власти, одарил Хассана, пожаловав ему имение около Хутарнии, а против ан-Нумана затаил в душе гнев. По другому рассказу, приводимому только у аль-Хилли, Хосров, потерпев поражение от войск Варахрана Чубина, бежал в Ктесифон, оттуда – вверх по Евфрату и какое-то время пребывал в Пероз-Шапуре (аль-Анбар). Он написал ан-Нуману, приказав ему сопровождать его и дать ему своего знаменитого коня аль-Яхмума (*al-Yaḥmūm*). Однако ан-Нуман счёл, что Хосров, потерпев поражение и бежав из столицы, утратил права на престол, и отказал ему [107, т. 2, с. 215–216; 149, с. 169–170; 187, с. 291; 213, с. 395–395].

У географа X в. Абу Дулафа (*Abū Dulaf*) мы находим интересное сказание об ан-Нумановом мосте, расположенном на пути из Хамадана в Каср-и-Ширин (Сар-и-Пуль-и-Захаб). Согласно ему, ан-Нуман в одной из поездок к Хосрову должен был пересечь реку. Случилось так, что при переправе погиб ребёнок. Потрясённый увиденным ан-Нуман хотел воздвигнуть на том месте мост, но Хосров не разрешил этого делать, чтобы в Иране не было построек, оставленных арабами. Затем против Хосрова выступил Варахран Чубин. Он призвал на помощь ан-Нумана, и тот выступил на его стороне, выговорив себе право взимать поземельную подать с некоторых населённых пунктов и построить мост [9, ар. текст, с. 15].

Отдельные детали этой истории могут показаться странными, но на основе того, что мы знаем о Сасанидской державе, им можно найти объяснение. Сасанидские цари проводили жаркое время года в Мидии, и вельможи и сановники ездили туда вместе с ними. Видимо, ан-Нуман тоже находился в свите царя, которым, правда, должен был быть не Хосров, а его отец Хормузд IV. Впрочем, Хосров, который во время правления Хормузда управлял северными областями Сасанидской державы, тоже мог оказаться вместе с отцом и воспротивиться предложениям ан-Нумана. Во время пребывания Варахрана Чубина у власти (591–592 гг.) ан-Нуман должен был так или иначе строить с ним отношения. Возможно, это отразилось в легенде о том, как ан-Нуман договорился с Варахраном Чубином о постройке моста.

Некоторые сообщения источников заставляют усомниться в том, что ан-Нуман не помог Хосрову именно во время битвы. Армянский историк VII в. Себеос, труд которого – один из наших главных источников по этим событиям, повествует, что Хосров и его спутники, бежав из Ктесифона от Варахрана Чубина, обсуждали, к кому стоит обратиться за помощью – к царю «таджиков» (т.е. арабов²³¹) или царю греков и предпочли последнего. Между прочим, согласно тому же источнику немногим ранее Хормузд IV помышлял о том, чтобы «прибегнуть к защите многочисленного войска таджикского царя», но был свергнут [1, с. 34–35]. В одной из версий персидского перевода истории ат-Табари, созданного в середине X в. Балами (*Bal'ami*), мы читаем, что Хосров после поражения от Варахрана Чубина бежал в Ктесифон, встретился с Хормуздом IV (к тому времени уже лишившимся власти) и спросил, не стоит ли отправиться к ан-Нуману и искать помощи у него. Хормузд сказал, что делать этого не

²³¹ От среднеперсидского *tāčīk* (в более позднем произношении *tāzīg*) – араб.

следует, так как ан-Нуман ничего не сможет дать Хосрову, а кроме того, арабы лукавы и не считаются с царской властью [155, с. 200–201]. Этот сюжет, но в стихотворной форме, мы находим и в *Шахнаме*, где Хосров, прибыв в Ктесифон, говорит отцу:

«Теперь я посмотрел, что полезно, а что – вредоносно. Сподвижниками моими станут разве что арабы.

И, если правитель (т.е. Хормузд IV. – Д. М.) даст теперь повеление, я введу в дело арабских всадников».

Хормузд отвечает, и в его уста Фирдоуси владывает, в частности, такие слова:

«Отъезд туда (т.е. к арабам. – Д. М.) не принесёт тебе ничего, кроме страданий. Там нет ни воинов, ни казны. Не станут арабы твоими сподвижниками, ибо не получают от тебя ни хорошего, ни худого.

И с родом, к которому ты принадлежишь, не связана душа их. Они всех предадут врагу ради чего-нибудь» [51, с. 2712–2713].

Сходство этих фрагментов, особенно заметное по вкладываемым в уста Хормузда словам о неспособности арабов помочь Хосрову и их лукавстве и склонности к предательству, говорит о том, что они представляют собой не поздний вымысел, а различные передачи одного, более древнего, сюжета. Согласно автору этого сюжета и Себеосу, Хосров стал помышлять о том, чтобы обратиться к лахмидскому царю, лишь после того, как проиграл решающее сражение Варахрану Чубину и бежал от него. Следовательно, ан-Нуман не участвовал в этой битве.

Из сказанного видно, что наиболее достоверными среди рассказов мусульманских авторов об описываемых событиях должны быть те, которые в наибольшей степени соответствуют «анониму Гвиди». В них ан-Нуман не помогает Хосрову во время бегства последнего в Византию, а не решающего сражения. В этом отношении особого

внимания заслуживают слова аль-Хилли о том, что Хосров написал ан-Нуману из аль-Анбара²³². В то время Хормузда уже не было в живых. Когда Хосров покидал Ктесифон, его дядя Виндой и Вистам со своими людьми убили Хормузда, чтобы Варахран Чубин, вступив в столицу, не смог использовать его как марионеточного царя. Сопоставляя это с рассказом аль-Хилли, мы можем представить себе смысл послания Хосрова к ан-Нуману. Вероятно, Хосров сообщал, что теперь он – единственный законный правитель Сасанидской державы и в этом качестве велит ан-Нуману следовать за ним в византийские владения или предоставить ему если не войско, то хотя бы охрану. Но легитимность Хосрова, прежде ставленника заговорщиков, а ныне – потерявшего всякую власть беглеца – не могла быть для ан-Нумана убедительной. Кроме того, тогда ещё не было известно, как Хосров будет принят в Византии; при неблагоприятном развитии событий его могли схватить и выдать Варахрану Чубину. К тому же поездка вверх по Евфрату представляла собой опасное предприятие. Хосров и его спутники двигались вверх по течению Евфрата на северо-запад; их преследовала посланная Варахраном Чубином погоня. Но гонцу Хосрова, выехавшему из Пероз-Шапура, ещё предстояло найти ан-Нумана, который мог оказаться и не в Хире, а, например, где-нибудь в Йемене. В этой ситуации даже если бы ан-Нуман стал выполнять повеление Хосрова, догонять кортеж последнего было уже поздно. К тому же ан-Нумана и его людей могли перехватить сторонники Варахрана Чубина или гассанидские арабы, встреча с которыми при таких обстоятельствах не сулила лахмидскому царю ничего хорошего.

²³² Эта деталь кажется вполне реалистичной. Хосров и его спутники двигались вверх по Евфрату, и их путь, естественно, пролегал через Пероз-Шапур (аль-Анбар). О том, что Хосров проехал через Пероз-Шапур, мы читаем и в «анониме Гвиди» [32, ч. 1, с. 15].

Всё это позволяет объяснить не только действия ан-Нумана, но и последующие события. Судя по всему, ан-Нуман занял выжидательную позицию и некоторое время не примыкал ни к одной из враждовавших партий. Косвенным доказательством этого можно считать отсутствие упоминаний об ан-Нумане в сообщениях источников о борьбе Хосрова с Варахраном Чубином. Но в 592 г. Хосров с войском, которое ему предоставил император Маврикий, отправился отвоёвывать престол. Этот поход закончился изгнанием Варахрана Чубина и установлением власти Хосрова, который стал единоличным повелителем Сасанидской державы. На каком-то этапе ан-Нуман присоединился к Хосрову, который не подверг ан-Нумана репрессиям, а вскоре благосклонно разрешил ему креститься.

Источники называют и другую причину опалы ан-Нумана, причём и здесь рассказ «анонима Гвиди» во многом схож с арабскими сказаниями. Согласно «анониму Гвиди», Хосров хотел взять в жёны дочь ан-Нумана. Тот, однако, отказался отправлять её к сасанидскому царю и велел послу сказать ему, что не отдаст дочь тому, кто совокупляется с женщинами звериным образом (*bâ ĩrtanâit*) [32, ч. 1, с. 19]. В мусульманских источниках этому соответствует пространная история о том, что сын Ади Ибн Зайда по имени Зайд со временем занял при сасанидском дворе место отца и стал искать случая отомстить его мучителю – ан-Нуману. Однажды Зайд рассказал Хосрову о красоте женщин из рода Насридов. Согласно одной версии, Зайд особенно расхваливал дочь ан-Нумана Хураку (*Huraqa*)²³³,

²³³ В сообщениях, восходящих к «Книге о монастырях» Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани и, вероятно, далее к труду Хишама аль-Кальби (см. Введение), Хурака отождествляется с Хинд Младшей [188, с. 604; 208, ч. 1, с. 361; 264, т. 2, с. 541]. Ибн Абд Раббихи в одном фрагменте упоминает о дочери ан-Нумана Хинд, которую называли Хурафа (حرة, *Hurafa* вместо حرة, *Huraqa*) [224, ч. 3, с. 261]. Однако в другом дошедшем известии Хинд и Хурака фигурирует как разные люди [213, с. 400–401]. О Хинд Младшей см. ниже.

его сестру Суду (*Su'dā*) и племянницу Лубаб (*Lubāb*). Хосров написал ан-Нуману, приказывая отправить их в Ктесифон. Не желая отсылать их к сасанидскому двору, ан-Нуман попытался отговорить Хосрова. В его ответе послу – или, по другой версии, письме к Хосрову – были слова, которые в источниках передаются по-разному, но везде имеют один и тот же смысл: антилопы Савада и Фарса смогут угодить царю куда лучше, чем арабские женщины. Говоря об «антилопах», ан-Нуман имел в виду женщин-красавиц, которых за выразительные глаза или грациозность движений уподобляли этим животным. Но арабское слово *taḥā*, встречающееся в большинстве версий, может означать и антилоп, и коров. Переводя Хосрову слова ан-Нумана, Зайд выбрал именно это второе значение, чем сделал ответ лахмидского правителя оскорбительным. Хосров был в гневе, но не отреагировал немедленно, а на время затаил ярость.

Если в описании причин опалы ан-Нумана «аноним Гвиди» и мусульманские источники во многом сходятся, дальнейшие события изображаются в них по-разному. Согласно «анониму Гвиди», Хосров пригласил ан-Нумана на пир, но велел подать ему хлеб из соломы. Почувствовав себя оскорблённым, ан-Нуман послал к мааддитам, вероятно, дав понять, что можно напасть на сасанидские владения. Сам он, видимо, покинул двор Хосрова. Арабы стали совершать набеги на Сасанидскую державу, причём доходили до местности, которая в сирийском тексте называется *ح.ب.* ('*r.b.*)²³⁴. Хосров стал приглашать ан-Нумана к себе, но тот не соглашался приехать. Некий переводчик по имени Мана (*Ma'nā*), происходивший с острова Дарин, вызвался

²³⁴ Идентификация этой местности затруднительна. Звуковое сходство говорит в пользу её отождествления с Арвастаном – местностью, расположенной между Нисибинном и Тигром [3, с. 217], однако трудно поверить, чтобы арабы заходили в своих набегах так далеко. Поэтому на данном этапе вопрос о трактовке этой формы остаётся открытым.

послужить Хосрову и стал уговаривать ан-Нумана явиться ко двору. Наконец Мауия (*Маууā*), жена ан-Нумана, сказала ему, что лучше умереть, чем жить лишённым власти изгнанником. Ан-Нуман явился к сасанидскому царю, но тот не казнил его, а велел стоять у ворот. Затем, однако, Хосров велел отравить его [32, ч. 1, с. 19–20]. Это в принципе согласуется с сообщением «Сииртской хроники» о том, что Хосров хитростью захватил ан-Нумана и убил его с помощью яда [74, ч. 3, с. 539].

Арабские сказания различаются между собой в деталях, но в целом имеют общую сюжетную линию. Получив неверно переданный ответ ан-Нумана, Хосров, согласно ряду версий, некоторое время ничего не предпринимал, но затем вызвал лахмидского правителя к себе. Ан-Нуман догадался, с какой целью его вызывает царь, и бежал. В некоторых источниках бегство ан-Нумана объясняется по-другому: Хосров, чтобы покарать ан-Нумана, послал против него наместника Айн ат-Тамра с войском. Это вынудило ан-Нумана ехать на поклон к Хосрову. Но согласно большинству версий ан-Нуман бежал. Некоторое время (по одному рассказу – приблизительно год) ан-Нуман провёл в скитаниях; многие племена отказались принимать его у себя, опасаясь навлечь на себя гнев Хосрова. За это время казна ан-Нумана истощилась (видимо, приходилось дорого платить тем, кто принимал его у себя). Аль-Мутаджаррида стала уговаривать ан-Нумана поехать к Хосрову и попытаться снискать его милость и расположение. Ан-Нуман послал Хосрову дары и просил разрешения приехать. Хосров велел ему приезжать. Ан-Нуман явился ко двору царя и был схвачен.

Рассказы о дальнейшей судьбе ан-Нумана сильно разнятся. Маймун Ибн Кайс Подслеповатый, описав роскошную жизнь и щедрость ан-Нумана²³⁵, далее прибавляет:

²³⁵ Этот фрагмент частично процитирован ниже.

«Но это (богатство и роскошь. – Д. М.) не спасло обладателя его (ан-Нумана. – Д. М.): он умер в Сабате²³⁶, пребывая в заточении».

Судя по указаниям в источниках, версии о том, что ан-Нуман умер в Сабате, придерживались известный собиратель средневековых преданий Хаммад Сказитель (род. в 694/95 г., ум. в 772 или 773 г.) и некоторые учёные Куфы. По другой версии, ан-Нуман тоже умер в заточении, но не в Сабате, а в Ханикине, причём довольно поздно, незадолго до появления ислама или даже во время эпидемии 529 г. Эту версию считал наиболее правильной ат-Табари. Наконец, третья версия сводится к тому, что Хосров вскоре казнил ан-Нумана, велел бросить его под ноги слонам²³⁷. Так считал Хишам аль-Кальби. В пользу этой версии можно привести также свидетельство современника ан-Нумана – тамимитского поэта Саламы Ибн Джандалья (*Salama Ibn Ġandal*), который в одном из своих стихов сказал:

«Он (Хосров II Парвиз. – Д. М.) сделал так, что ан-Нуман прибыл в страну персов, и они стали говорить о нём в Ктесифоне²³⁸,

А затем велел бросить его под [ноги] слонам, и у чистокровных арабов осталась ненависть»²³⁹.

²³⁶ У арабоязычных авторов так называется Валашабад – город парфянской постройки на правом берегу Тигра, западнее Вех-Ардашира.

²³⁷ Эта казнь известна по крайней мере для времён Хосрова II. В 592 г. он подверг ей пленных воинов Варахрана Чубина [164, с. 225].

²³⁸ Стих, похожий на эту строку, обнаруживается у Ибн Кутайбы, который утверждает, что его автор – Маймун Ибн Кайс Подслеповатый [233, с. 650]. Однако в *диван*-е поэта такого стиха не обнаруживается; издатель приводит его отдельно [57, с. 251]. Поэтому сказать, кому принадлежит приводимый Ибн Кутайбой стих, пока невозможно, что снижает его надёжность как исторического источника.

²³⁹ Представленная в тексте реконструкция событий основана на сравнительном анализе источников [19, сер. 1, с. 1024–1029; 57,

В настоящее время трудно с уверенностью сказать, какая из рассмотренных версий правильна. События во дворце нередко окутаны завесой тайны и, что называется, обрастают легендами²⁴⁰. Нам не известны первоисточники сообщений, которые мы находим в средневековых книгах. В первом приближении более близкими к истине можно считать сведения «анонима Гвиди» и «Сииртской хроники»: они, вероятно, восходят к христианам, которых при Хосрове II Парвизе было немало при сасанидском дворе. Но и арабские сказания вряд ли являются выдумкой; не исключено, что какая-то часть их почерпнута из рассказов арабов, служивших Сасанидам, а то и потомков ан-Нумана. Кроме того, не все изложенные версии можно считать взаимоисключающими. В повествовании аль-Масуди ан-Нуман сначала был заточён в темницу в Сабате, а затем – брошен под ноги слонам [107, т. 3, с. 207; ср. 149, с. 206].

Если подходить к сообщениям источников с позиций логики, можно усомниться в правильности изложенных сведений. Все источники сходятся в том, что какие-то слова ан-Нумана были переданы Хосрову II Парвизу так, что он счёл их оскорбительными для себя и разгневался на лахмидского правителя. К сожалению, мы точно не представляем себе, при каких обстоятельствах ан-Нуман высказался таким образом, но от этого зависит многое.

с. 147, 179; 82, с. 245–246; 107, т. 3, с. 205–208; 149, с. 205–206; 172, ч. 2, с. 29; 185, с. 382; 213, с. 393–403; 233, с. 649–650; 263, с. 491; 264, т. 4, с. 293–294].

²⁴⁰ В качестве примера можно привести историю из сообщения о «монастыре Хинд Младшей» в географии Якута. Согласно ей, когда ан-Нуман был заточён в темницу, его дочь Хинд дала обет, что если её отец вернётся к власти, она уйдёт в монастырь. Хосров отступился от ан-Нумана, и Хинд провела остаток жизни в монастыре, названном по её имени [264, т. 2, с. 541]. Как показано ниже, ан-Нуман не был выпущен из темницы, а Хинд, вероятно, приходилась ему сестрой, а не дочерью.

Если бы ан-Нуман открыто отказался выдать дочь за сасанидского царя и отослал последнего к «антилопам Савада и Персии», это было бы очевидным актом неподчинения; тогда Хосров действительно имел бы все основания послать против него карательную экспедицию. Но о такой экспедиции говорят лишь немногие мусульманские историки; остальные, как и автор «анонима Гвиди», считают, что Хосров предпочёл ждать. Это значит, что ответ ан-Нумана не был резким. В пользу данного предположения говорит и то, что, как мы видели, ещё незадолго до этого отношения между Хосровом и ан-Нуманом были в целом хорошими. Скорее всего ан-Нуман клялся в верности Хосрову, восхвалял красавиц Савада и Персии и говорил, что арабские женщины, живущие в более суровых условиях, сильно проигрывают им в утончённости и не годятся для сасанидского двора.

Но несогласие ан-Нумана на брак, пусть и прикрытое изящными словами, было налицо. К тому же недоброжелатели ан-Нумана при сасанидском дворе, среди которых вполне мог быть и Зайд, очерняли его перед Хосровом, в том числе – и посредством искажения смысла ответа. В этом случае Хосров наверняка был недоволен, но не имел оснований посылать против него войска.

Это предположение позволяет объяснить действия Хосрова, как они описаны у «анонима Гвиди». Известие о дурном, перемешанном с соломой хлебе следует рассматривать в контексте того, что мы знаем о Сасанидской державе. По принятым в ней установлениям каждый должен был вести такой образ жизни, который соответствовал его положению в обществе. Поэтому описанный в «анониме Гвиди» инцидент на пиру следует, видимо, понимать в том духе, что ан-Нуману подали пищу, явно не соответствовавшую его рангу. Это, несомненно, был символический жест, однако краткость сообщения не позволяет точно сказать, каково было его значение. Хосров

мог и властно напомнить ан-Нуману, что тот остаётся его слугой, не имеющим права противиться воле господина, и вообще сместить, низвергнув в разряд людей низкого звания.

В арабских сказаниях для ан-Нумана наступают ещё более печальные последствия: он схвачен в Ктесифоне и впоследствии казнён. Но нельзя не учитывать, что итогом рассматриваемых событий стало отстранение от власти не одного ан-Нумана, а всей лахмидской династии. Маловероятно, чтобы единственным основанием для прекращения власти династии стал ответ ан-Нумана, который, как мы видели, был скорее уклончивым, нежели категоричным. Будь всё дело только в ан-Нумане, Хосров мог бы без труда заменить его любым из многочисленных сыновей аль-Мунзира IV, и новый ставленник – например, тот же аль-Асуад – поспешил бы отблагодарить царя ревностным служением.

Но Хосров, сместив ан-Нумана, не поставил на его место никого из Лахмидов. При этом лахмидские царевики, как показывает пример сына ан-Нумана аль-Мунзира, оставались на службе у Сасанидов. Стало быть, Хосров раз-уверился не столько в Лахмидах, сколько в их способности управлять Хирой. Но для этого была нужна очень серьёзная причина – более весомая, чем поражения от Гассанидов, которые не раз терпели предшественники ан-Нумана. Автор «анонима Гвиди», как показано выше, считал, что ан-Нуман, потерпев унижение на пиру, разрешил мааддитам (или даже призвал их) нападать на сасанидские владения. Такие действия ан-Нумана, несомненно, вызвали бы жёсткую реакцию Хосрова, в том числе – и карательную экспедицию. Но маловероятно, чтобы ан-Нуман действительно начал войну против Сасанидской державы. Лазутчики, которых в больших количествах держали на службе Сасаниды, несомненно, были и в окружении ан-Нумана. Рискнул бы ан-Нуман начать такую войну, зная, что о его

намерениях с большой долей вероятности узнает и командир стоявшего в Хире персидского отряда? И почему, если ан-Нуман действительно начал войну против Хосрова, последний ограничился тем, что вызвал его к себе, а затем действовал с помощью переводчика Маны? Поскольку ответить на эти вопросы трудно, остаётся предполагать, что события развивались иначе. Известия о том, что арабы в то время нападали на сасанидские владения, встречаются и у мусульманских авторов. Абуль-Фарадж аль-Исфахани приводит, со ссылкой на Абу Убайду и Хишама аль-Кальби, рассказ, согласно которому после смерти ан-Нумана бакриты стали вторгаться в Савад [172, ч. 20, с. 132]. По сообщению Якута, во время скитаний ан-Нумана абситы, шайбаниты и другие арабы хотели сообща выступить против Хосрова. В это время, однако, к ан-Нуману явился посольный от Хосрова с гарантией безопасности для поездки в Ктесифон [264, т. 3, с. 293]. Со своей стороны, и автор «Сииртской хроники» повествует, что после того, как ан-Нуман был отравлен, арабы подняли мятеж, устроили вольницу и стали распространяться по разным областям, т.е. вторгаться в них [74, ч. 3, с. 539–540]. Этим набегам немало способствовало то, что после ухода ан-Нумана противодействие вторгавшимся отрядам арабов было ослаблено. Но в «анониме Гвиди» набег арабов начинаются ещё при жизни ан-Нумана, о чём другие источники не упоминают. В связи с этим можно, кажется, высказать следующее предположение: настоящей причиной казни ан-Нумана явилось то, что какие-то арабские племена совершили одно или несколько удачных нападений на владения Сасанидов в Ираке. Если события действительно развивались так, мы легко можем понять дальнейший рассказ «анонима Гвиди». Хосров вызвал к себе ан-Нумана, вероятно, считая его ответственным за случившееся: ведь для Сасанидов смысл существования Лахмидов состоял в том, что они

предохраняли Иранскую страну от нападений арабов с юго-запада. Примечательно, что в «анониме Гвиди» мааддиты нападают после того, как ан-Нуман направляет к ним послов. Вероятно, источник передаёт здесь обвинения, которые выдвигались против ан-Нумана при сасанидском дворе. Эти обвинения нельзя назвать полностью беспочвенными. В рассмотренном выше известии Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани на сасанидские владения нападают бакриты – а ведь именно они составляли основу лахмидского войска. Вероятно, из чьих-то уст звучали утверждения о том, что ан-Нуман таким образом мстит Хосрову за унижение на пиру.

Дальнейшие события, видимо, довольно точно описаны в мусульманских источниках. Ан-Нуман, вероятно, знал о возводившихся на него обвинениях и по опыту службы Сасанидам понимал, что признание его виновным хотя бы в непротивлении вторжениям в Савад не сулит ему ничего хорошего. Поэтому он повёл хитрую игру, всячески уклоняясь от поездки к Хосрову. Но сасанидский царь настаивал. Возможно, он даже послал против ан-Нумана войско, как об этом повествуют некоторые мусульманские историки. Ан-Нуман и теперь не стал открыто выступать против Хосрова; вместо этого он – скорее всего, под каким-то благовидным предлогом – уехал к арабским племенам.

В том, что на определённом этапе ан-Нуман по совету жены принял решение ехать к Хосрову, «аноним Гвиди» и мусульманские источники соглашаются между собой. При этом заслуживают внимания слова «анонима Гвиди» о том, что Хосров велел ан-Нуману стоять у ворот. Эта унижительная процедура, в соответствии с которой тому, кого считали виновным, приходилось долго и в томлении дожидаться своей участи (вспоминается стояние Юранда перед замком в «Крестоносцах» Сенкевича), была известна и в Сасанидской державе. Прокопий Кесарийский пишет:

«Перед царским [дворцом] испокон века стоит железный треножник. Если кто-то из персов узнаёт, что царь гневается на него, он не имеет права ни бежать в храм, ни уйти в другое место, но садится рядом с этим треножником, чтобы принять суждение царя, и никто не смеет защищать его» [125, с. 216, 218].

В этом фрагменте Прокопий говорит об одном из наиболее знатных вельмож Сасанидской державы. Можно предполагать, что к людям менее высокого ранга применялась та же процедура, но ко дворцу их могли при этом и не пускать. Может быть, именно поэтому ан-Нуману пришлось стоять у ворот дворца.

О дальнейшей судьбе ан-Нумана трудно говорить с уверенностью. Согласно «анониму Гвиди» он был отравлен, но это могло произойти и в темнице. К тому же рацион узников сасанидских тюрем был далеко не самым лучшим. В одном источнике мы читаем, что при Хормузде IV их кормили хлебом, смешанным с известью [74, ч. 3, с. 465]. Не следует забывать и то, что, по сообщениям некоторых мусульманских авторов, ан-Нуман умер во время эпидемии, т.е. от инфекции. Поэтому не исключено, что ан-Нуман отравился, но не был отравлен; граница в данном случае очень размыта. Что касается рассказов о том, что ан-Нуман был брошен под ноги слонам, их очевидное расхождение со сведениями «анонима Гвиди» не даёт возможности поручиться за их достоверность. Примирить эти версии можно, если предположить, что под ноги слонам бросили уже бездыханное тело, однако это – не более чем догадка.

С гибелью ан-Нумана заканчивается политическая история Лахмидского государства, и само оно перестаёт существовать. Хира ещё стояла и была обитаема; роды, жившие в ней при Лахмидах, оставались на месте. Но с данного момента история их становится предметом отдельного исследования и выходит за рамки настоящей работы.

Царь

Мы не имеем, к сожалению, никаких материалов, восходящих непосредственно к Лахмидам, – надписей, грамот, монет. Но по ряду других свидетельств можно заключить, что Лахмиды именовали себя царями и носили титул *malik* (царь). В описаниях «монастыря Хинд Старшей» у мусульманских географов обнаруживается пересказ надписи, начало которой таково:

«Сию церковь²⁴¹ воздвигла Хинд (*Hind*), дочь аль-Хариса (*al-Ḥārīt*), сына Амра (*ʿAmr*), сына Худжра (*Ḥuǧr*), царица и дочь царей, мать царя Амра (*ʿAmr*), сына аль-Мунзира (*al-Munḍir*), раба²⁴² Христа, мать раба Его и дочь рабов Его, в царствование царя царей Хосрова Ануширвана, во времена епископа Мар Ефрема (*Mār Ifrīm*)» [264, т. 2, с. 542]²⁴³.

²⁴¹ То, что монастырь в надписи именуется церковью – не ошибка в переводе. Слово *dayr* (монастырь) в источниках на арабском языке имеет довольно широкое значение и подчас употребляется для обозначения любой постройки, связанной со священниками, монахами и т.п. Например, как показано ниже, мусульманские географы упоминают о «монастыре Хинд Младшей» – дочери аль-Мунзира IV, которую не следует путать с Хинд Старшей, т.е. дочерью аль-Хариса Киндитского. В свою очередь, автор «Сииртской хроники» пишет о «церкви (*bīʿa*), которая была построена ей (Хинд Младшей. – Д. М.) в Хире и ныне называется “монастырь Хинд”» [74, ч. 3, с. 442].

²⁴² Во избежание путаницы следует уточнить, что это слово – «раба» (единственного числа женского рода).

²⁴³ Текст надписи приводится также у аль-Бакри, но в его передаче вместо *bint ʿabidi-hi* стоит *amat ʿabdi-hi*, то есть «служанка раба Его» [188, с. 606]. Разницу между *ابنة* аль-Бакри и *امته* Якута можно объяснить ошибкой переписчика; вернее, кажется, первый из этих вариантов. Но формы *ama* (служанка) и *bint* (дочь) слишком различны, чтобы и в этом случае объяснять всё сходством написания. Поскольку надпись, скорее всего, была выполнена по-сирийски, кажется вероятным, что мы имеем дело с различными переводами

В сасанидском официозе лахмидский царь, как показано в Части I, с начала IV в. фигурировал как *tāzīgān-šāh*, т.е. царь арабов. Прокопий Кесарийский, повествуя в рассмотренном в Части I фрагменте об аль-Мунзире III, сообщает, что он обладал положением царя (*βασιλέως ἁζιώμα*) [125, с. 158]. В сознание и историческую память арабов Лахмиды вошли именно как цари (*mulūk*), а не как племенные вожди (*sāda* или *ru'asā'*)²⁴⁴.

Выше не раз указывалось, что лахмидский правитель был подчинён сасанидскому царю. Такая система отношений Сасанидов с подчинёнными им местными правителями сложилась исторически. Она разобрана автором этих строк в «Хосрове», но здесь целесообразно отметить её основные черты. В парфянский период земли, вошедшие позже в состав Сасанидской державы, находились под верховной властью Аршакидов. В исторической памяти иранцев это время осталось как эпоха удельных правителей – *кадагхвадай-ев* – *kadaghwadāyīh*. С некоторыми из таких правителей, как мы видели, столкнулись танухиты, лахмиты и другие арабы, переселявшиеся в приевфратские области. Ардашир I, борясь за объединение Ирана под

сирийского *bārīā*, которое в принципе означает дочь, но в сочетании *bārīṭ-bāyīa* может означать также и служанку.

²⁴⁴ Показателен в этом отношении один стих доисламского таглитского поэта аль-Ахнаса Ибн Шихаба (*al-Aḥnas Ibn Šihāb*), где он говорит об арабских племенах, включая своё собственное. В одной из передач этого стиха мы читаем:

«[Бану Лахм] – цари над людьми; для них собирают [подати];
Если какой-нибудь правитель из них скажет что-либо, это –
обязательно [для остальных]» [184, с. 143].

Приводимый отрывок отсутствует в версии стиха аль-Ахнаса в издании Л. Шейхо [263, с. 184–187], однако это – не основание усомниться в его правдоподобности. В этом месте поэт говорит о наиболее влиятельных племенах и родах, упоминая, в частности, Гассанидов. Было бы более странно, если бы аль-Ахнас обошёл Лахмидов молчанием. Стало быть, можно считать вероятным, что эти строки – часть стиха аль-Ахнаса.

властью Сасанидской державы, тоже не раз сталкивался с удельными правителями, но войну начинал далеко не сразу. Обычно военным действиям предшествовало направление послания, в котором тому или иному удельному правителю предлагалось перейти на сторону Ардашира и подчиниться ему. Многие правители, в том числе и земель современного Ирака, признали верховную власть Ардашира и сохранили свои престолы. В сасанидском официозе они продолжали именоваться *кадагхвадай*-ями; их титулы во многих случаях звучали как «царь такой-то области» или «царь такого-то народа». В сасанидской иерархии *кадагхвадай*-и занимали примерно то же место, что и *азад*-ы, составлявшие основную массу знати. Выше их стояли семь высших аристократических родов – *вузург*-и, затем Сасаниды и царь, именовавшийся *шахан-шах*-ом, то есть царём царей. Впрочем, некоторые *кадагхвадай*-и по своему положению в обществе и влиянию были сравнимы с *вузург*-ами.

Хотя Лахмиды, как мы видели, стали опорой Сасанидов среди арабов ещё с того времени, как правитель танухитов Джазима ушёл в римскую Сирию, они не сразу снижали доверие. Основатель Лахмидской династии Амр I ещё не носил титула «царь арабов», который, насколько можно судить, был впервые присвоен в начале IV в. Имру-ль-Кайсу I. Впоследствии титул «царя арабов» закрепился за представителями династии и, возможно, поэтому попал в рассмотренный выше список подчинённых Сасанидам правителей у Ибн Хордадбега. Отметим, что сасанидские *марзбан*-ы Хиры появляются в источниках либо в эпоху царствования Ардашира I и Шапура I (т.е. до 271 г. включительно), либо в то время, когда Лахмидское государство уже не существовало. Видимо, с назначением Имру-ль-Кайса I «царём арабов» власть над Хирой перешла от сасанидских *марзбан*-ов к Лахмидам. Более того, с конца IV – начала V в. лахмидский царь командовал стоявшим в Хире отрядом сасанидских войск.

То, что для сасанидского «царя царей» лахмидский правитель был наместником, не вызывает удивления. В сасанидской истории мы находим подобные случаи не только с Лахмидами. В «Хосрове» автор этих строк обращал внимание на случай, когда *марзбан*-ом был «царь набатеев» [3, с. 91–92]. Хотя власть над Хирой по общему правилу считалась достоянием Лахмидов, престол не передавался автоматически по наследству. Всё зависело от воли сасанидского царя, который мог назначить в Хиру и человека, не принадлежавшего к Лахмидам. В 503 г. Кавад I назначил правителем Абу Яфура аз-Зумайли, а в 578 г. Хосров I Ануширван отправил в Хиру таййита Ийаса Ибн Кабису, причём, если верить повествованию об Ади Ибн Зайде, некоторое время не хотел назначать наместником никого из Лахмидов.

При назначении правителя Хиры большое значение имели два фактора. Один из них заключался в том, насколько хорошо кандидата на престол знал сасанидский царь. Показательна история сыновей аль-Мунзира III, рассмотренная в Части I. После гибели аль-Мунзира III в 554 г. сасанидский царь Хосров I Ануширван назначил наместником его сына Амра III, а когда был убит и он, – другого сына, Кабуса. Но вот и Кабус погиб. Оставался ещё один сын аль-Мунзира III от той же матери – аль-Мунзир (будущий аль-Мунзир IV). Но Хосров назначил его лишь после годичного перерыва, в течение которого Хирой управлял *шахраб*. Такие действия Хосрова лучше всего объясняются тем, что аль-Мунзир долгое время пребывал как бы в тени своих более заметных братьев и потому был мало известен – в том числе и при сасанидском дворе. Видимо, осторожный Хосров, не раз сталкивавшийся с противодействием знати, заговорами и мятежами, предпочёл не рисковать и получше присмотреться к новому лахмидскому кандидату на престол.

Второй фактор, ещё более важный, состоял в том, что правитель Хиры получал назначение после встречи с сасанидским царём, которая фактически носила характер

собеседования. Кандидату на хирский престол было поистине жизненно важно произвести на царя благоприятное впечатление. Судя по некоторым данным, так назначались ключевые чиновники и наместники Сасанидской державы. В приписываемой аль-Джахизу (*al-ġāhiz*, 788 – 868/869) «Книге короны» (*Kitāb al-tāġ*) мы находим рассказ о том, что в правление Шапура II (307/08 – 379/80) умер верховный мобед. Царю рассказали об одном человеке из области Истахра, который мог занять освободившееся место. За ним послали, и он явился ко двору. Но во время трапезы Шапур обратил внимание на то, что он слишком быстро ел. Заподозрив в нём алчность, царь не стал назначать его и отослал назад [193, текст источника, с. 13–14].

На эту историю очень похож тот фрагмент повествования об Ади Ибн Зайде, где говорится о собеседовании, которое сасанидский царь устроил для прибывших к нему сыновей аль-Мунзира IV, чтобы избрать из них правителя Хиры. Согласно двум наиболее полным пересказам, которые даны у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани и аль-Хилли, Ади Ибн Зайд до аудиенции встретился с царевичами, сказал им, что следует одеться изысканно, есть не торопясь, а также научил, как отвечать на вопросы, которые царь, скорее всего, должен был задать. Эти наставления, верные с точки зрения сасанидского придворного этикета, были, однако, проигрышными. Ади, который, как показано в Части I, из всех царевичей поддерживал ан-Нумана, только ему дал верный совет: явиться в дорожной одежде, есть много и жадно. Именно так в представлении сасанидского царя должен был выглядеть настоящий араб, чуждый утончённому дворцовому ритуалу, но здоровый, крепкий и расторопный. Весь облик ан-Нумана должен был говорить, что он близок к пустынным арабам и, следовательно, справится с управлением ими намного лучше, чем его братья. Ан-Нуман последовал советам Ади и, судя по всему, произвёл на царя надлежащее впечатление.

Можно представить себе, что на трапезе царевици присутствовали вместе. Но на этом испытания кандидатов не закончились. Согласно версии Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани царь стал производить собеседование с каждым из Лахмидов в отдельности, вызывая его к себе. Последним был вызван ан-Нуман. Он лучше других ответил на вопросы царя (сказались советы Ади Ибн Зайда) и в конце концов был назначен наместником Хиры [19, сер. 1, с. 1017–1018; 172, ч. 2, с. 21–22; 213, с. 387–388].

Вновь назначенный правитель Хиры получал от Сасанидов внешние атрибуты своей власти. Если говорить о сасанидских наместниках вообще, по источникам видно, что такими атрибутами были тиара, трон и одеяние, на котором в ряде случаев были изображения животных. В источниках, посвящённых Лахмидам, мы находим упоминания о двух из них. В одном рассказе, восходящем к Абу Убайде, мы читаем, как аль-Мунзир IV принимал посольства арабских племён, восседая на троне (*sarīr*) [251, с. 838]²⁴⁵. В рассмотренном в прим. 331 рассказе из труда аль-Умари упоминается трон (*sarīr*) ан-Нумана III [208, ч. 1, с. 361]. В то время понятие *sarīr* означало трон наместника – в отличие от царского трона, который назывался *taht*.

Известно, что лахмидские цари получали от Сасанидов тиару, хотя дошедшие до нас сведения неоднозначны. Аль-Хилли в одном месте пишет, не называя источников, что Сасаниды, назначая кого-либо из Лахмидов правителем Хиры, жаловали ему тиару, цена которой составляла десять тысяч дирхемов, то есть сасанидских драхм [213, с. 62]. Но в пересказах повествования об Ади Ибн Зайде мы читаем, что сасанидский царь, остановив после собеседования свой выбор на ан-Нумане, велел дать ему корону, которая стоила намного больше – шестьдесят тысяч

²⁴⁵ В другой передаче этого рассказа речь идёт об аль-Мунзире III [213, с. 285].

дирхемов [19, сер. 1, с. 1018; 172, ч. 2, с. 22]. Разница между этими суммами велика сама по себе, но в данном случае она ещё более существенна в связи со следующим. Едва ли Хосров Ануширван возвысил ан-Нумана и пожаловал ему тиару более высокого достоинства, чем были у его предков. Как мы видели, на тот момент ан-Нуман ещё не успел отметиться никакими свершениями и был для Хосрова лишь одним из сыновей аль-Мунзира IV, к которым сасанидский царь ещё недавно испытывал недоверие. Трудно представить себе, чтобы ан-Нуман III получил тиару в шесть раз дороже тех, что носили его предшественники, имевшие куда больше заслуг перед Сасанидской державой: например, ан-Нуман I, аль-Мунзир I или аль-Мунзир III. Поэтому хотя бы одно из указаний цены тиары неверно. С другой стороны, проблема осложняется ещё и следующим обстоятельством. В Сасанидской державе внешний облик сановника должен был соответствовать его месту в иерархии. Рассматривая это установление в «Хосрове», автор этих строк привёл, со ссылкой на ат-Табари, два примера, относящиеся ко временам арабского завоевания Ирана: наместник Хиры достиг середины иерархической лестницы и имел тиару ценой в пятьдесят тысяч драхм, тогда как наместник Убуллы, принадлежавший к высшей знати, т.е. к *вузург*-ам, носил тиару за сто тысяч драхм [3, с. 378]. Если сравнить это со сведениями о тиарах Лахмидов, получается, что последние могли стоять и в середине иерархической лестницы, и в самом низу. При нынешнем уровне наших знаний едва ли можно сделать однозначный выбор в пользу одной из этих альтернатив. За сумму в шестьдесят тысяч драхм говорит описание похода 531 г. у Прокопия Кесарийского, рассмотренное в Части I. Трудно представить себе, чтобы правивший тогда Кавад поставил над *хазарбад*-ом, исторически одним из высших сановников Сасанидской державы, человека, носившего тиару за десять тысяч драхм. Кроме того, если

тиара ан-Нумана была пусть и ненамного, но ценнее тиары сасанидского наместника Хиры более позднего времени, можно объяснить, почему лахмидскому царю подчинялся персидский отряд, входивший в его войско (об этом см. ниже).

Лахмидские правители должны были ежегодно являться к сасанидскому двору. Это видно по арабским сказаниям о том, как вельможа из находившегося под властью эфиопов Йемена (у Ибн Хишама – Сайф Ибн Зи Язан (*Sayf Ibn dī Yazan*), у ат-Табари – аль-Файйад Зу Язан (*al-Fayyād dī Yazan*)) ездил по разным странам, ища союзников против наследников Абрахи. Прибыв в Хиру, он был принят местным правителем²⁴⁶, которого просил доложить о нём сасанидскому царю. Правитель Хиры ответил, что ему положено каждый год являться к сасанидскому царю, и он может взять йеменца с собой. Через какое-то время они отправились к царю, который, по словам Ибн Хишама, принял их в Иуане (*Īwān*) [19, сер. 1, с. 950; 236, с. 160; 242, т. 1, с. 105]. Так арабы называли сасанидский дворец в Ктесифоне (ср.-перс. *Ēwān*). Это кажется вполне логичным: поездка из Хиры в Ктесифон занимала намного меньше времени, чем в Мидию, где сасанидский царь пребывал во время жары; следовательно, лахмидский наместник не так отрывался от службы. Из сказанного следует, что такие поездки приходились на то время, когда сасанидский царь пребывал в Ктесифоне, то есть на холодное время года (осень – весну). Вероятно, такие визиты были нужны Сасанидам для того, чтобы получать сведения «из первых рук» и при необходимости давать указания.

²⁴⁶ В тексте Ибн Хишама этот правитель – ан-Нуман, однако в данном случае мы имеем дело с очевидным анахронизмом. В 572 г., когда Хосров I Ануширван захватил Йемен, ан-Нуман ещё не стоял у власти в Хире. Ат-Табари полагал, что йеменский вельможа прибыл к Амру III, что несколько ближе к истине. Правда, как видно из хронологических расчётов во Введении, в 571–572 гг. у власти в Хире стоял брат Амра III Кабус, но изгнанник мог прибыть туда и ранее.

Сходное, хотя и очень краткое известие обнаруживается в сирийском житии Мар Авы, католикоса несторианской церкви Сасанидской державы (537–552). В нём мы читаем, что незадолго до смерти Мар Авы правитель арабов (видимо, аль-Мунзир III) прибыл поклониться сасанидскому царю [72, с. 270].

О внешних признаках подчинения Лахмидов Сасанидам показательно говорит аль-Хилли:

«Что касается их (Лахмидов. – Д. М.) [положения] по отношению к царям персов, то никого из них (Лахмидов. – Д. М.) не называли при Сасанидах (*akāsira*) иначе чем рабом²⁴⁷. Точно так же говорили сасанидскому царю о ком-либо из них, если упоминали его по какому-нибудь делу, “твой раб такой-то”. Если он (лахмидский правитель. – Д. М.) входил к нему (сасанидскому царю. – Д. М.), то целовал землю. Если же он (лахмидский правитель. – Д. М.) выходил от него (сасанидского царя. – Д. М.), то пятился, пока не скрывался из виду» [213, с. 385].

Как наместники Лахмиды были частью управленческой машины Сасанидской державы. В Части I высказано предположение о том, что Хира входила в состав

²⁴⁷ Может показаться, что лахмидский царь был низведён до унижительного положения раба, но такое понимание данного текста было бы неверным. Слово «раб» в приведённом выше отрывке – буквальный перевод арабского *‘abd*, однако это последнее, в свою очередь, передаёт значение среднеперсидского *bandag*, т.е. «раб» или «слуга». В соответствии с сасанидскими политическими установлениями все люди, на которых распространялась власть царя, считались его слугами. На примерах, разобранных в Части I, мы видели, что сасанидский царь мог считать своим слугой даже византийского императора, если тот обязывался платить ему контрибуцию, так как она считалась данью – признаком подчинения. Поэтому в данном контексте слово «раб» указывает лишь на подчинённое положение лахмидского правителя по отношению к сасанидскому царю. Как будет показано далее, по той же причине жители Хиры именовались *‘ibād*, т.е. «рабы» или «слуги».

сасанидской провинции (*šahr*) Вех-Кавад, и лахмидский царь в административном отношении подчинялся её правителю – *шахраб*-у. К сожалению, у нас почти нет сведений об отношениях Лахмидов с сасанидскими чиновниками. Можно сослаться разве что на рассмотренный выше фрагмент повествования об Ади Ибн Зайде, где говорится о том, что его предки Зайд Ибн Хаммад и Ади Ибн Зайд воспитывались при дворе сасанидского *марзбан*-а. После гибели ан-Нумана²⁴⁸ *марзбан* советовал сасанидскому царю (им должен был быть Кавад I) назначить Зайда управлять Хирой [172, ч. 2, с. 19]. Естественно считать, что *марзбан* данного отрывка – сасанидский наместник, ведавший, в частности, делами Хиры. В рассматриваемом рассказе он именуется также одним из «великих *дехган*» (*al-dahāqīn al-‘uḏamā’*). Автор этих строк отметил в «Хосрове», что слово *дехган* могло означать правителя большой области [3, с. 17–18, прим. 21]. Им вполне мог быть *шахраб* Вех-Кавада или наместник административной единицы, существовавшей на его месте ранее.

Столица

Столицей Лахмидов и в источниках, и в историографии называется Хира. Она была древним поселением; об этом говорит её название²⁴⁹. О том, что такие названия были в ходу ещё в досасанидскую эпоху, свидетель-

²⁴⁸ Имеется в виду ан-Нуман II (см. ниже).

²⁴⁹ Название Хира (ар. *al-Ḥira*) в одном из сообщений, приводимых у ат-Табари, объясняется как производное от арабского глагола *taḥayyaga* (в значении «пребывать, оставаться») [19, сер. 1, с. 686]. Однако в средневековых толковых словарях арабского языка мы не находим слова *Ḥira* в значении «место пребывания» или «селение»; для авторов этих произведений *al-Ḥira* – название селения возле Куфы (т.е. лахмидская Хира) [192, с. 641; 209, ч. 3, с. 289; 234, с. 1068]. С другой стороны, очевидна параллель с сирийским языком, в котором *ḥīrā* означает лагерь, стоянку или поселение. Иоанн Эфесский применяет слово *ḥīrā* и к лахмидской, и к гассанидской столице,

ствуует пальмирская надпись, рассмотренная в Части I. На первых порах Хира, по-видимому, представляла собой скорее большой лагерь, подобный тому, который описывает Страбон, чем столицу государства. Но это положение дел изменилось в начале V в., когда в Хиру был отправлен на воспитание юный Варахран V. Мы видели, что ан-Нуман I, бывший тогда правителем Хиры, получил от сасанидского царя Ездигерда I приказ построить для Варахрана дворец и выполнил его. Этот дворец получил название Хаварнак (*al-Hawarnaq*). Мусульманские авторы истолковывают это название как переделанное на арабский лад персидское слово *hurankāh* (место возлияний или застолий) [188, с. 516; 191, с. 273; 264, т. 2, с. 401]. Это утверждение представляется сомнительным. На среднеперсидском языке место возлияний или застолий именовалось бы *hwardan-gāh*, а не *hurankāh*. Среднее *d* осталось и в современном персидском языке. К тому же непонятно, почему дворец, где

называя первую «Хирой арабов дома Нуманова» [27, ч. 1, с. 140] или «Хирой Нумановой» [162, с. 352], а вторую – «Хирой дома Хариса, сына Джабалы» [162, с. 252] или «Хирой арабов» [27, ч. 3, с. 154]. На основании этих наблюдений можно задаться вопросами, не было ли слово *хира* именем не собственным, а нарицательным, и не следует ли переводить «лагерь арабов дома Нуманова» и т.п. Между тем в некоторых других источниках слово *Хира* предстаёт как имя собственное. В актах соборов несторианской церкви Сасанидской державы Хира называется *Ĥirtā* [144, с. 36, 53, 54, 59, 62, 66, 164], и лишь в одном случае мы сталкиваемся с названием *Ĥirtā d-tayayē* (Хира арабов) [144, с. 43]. Судя по разобранным в Части I фрагментам трактата «Города Иранской страны», слово *Хира* как географическое название было заимствовано и персами, хотя они, как явствует из того же источника, употребляли также понятие *war-i-tāzīgān* т.е. «город арабов» (см. Прил. 1). Между тем в сирийском языке корень *h.y.r* не имеет значения «пребывать». По-видимому мы имеем дело с древним словом, которое было в ходу у кочевников, в том числе арабов, вышло у последних из употребления, но сохранилось в сирийском языке и, судя по надписи Убайда, сына Анима, в арамейском, на котором говорили в Пальмире.

жили сасанидский царевич и правители Хиры, получил столь малопочётное и едва ли не шутовское название. Представляется, что арабскому *al-Ḥawarnaq* куда больше соответствовала бы гипотетическая среднеперсидская форма *ḥwarrahnāk*, т.е. «исполненный света», «сияющий». В пользу данной гипотезы говорит то, что это слово очень близко по значению к арабским названиям лахмидских дворцов.

Если верить легендам, после отъезда Варахрана из Хиры Хаварнак остался Лахмидам. Ан-Нуман якобы принял решение уйти от власти после того, как был поражён видом божественного творения, осматривая окрестности из Хаварнака (об этом см. Часть I).

Некоторые авторы утверждают, что ан-Нуман воздвиг не только Хаварнак, но и другой дворец – Садир [67, с. 101; 73, с. 540; 149, с. 199]. Согласно мусульманским авторам, *al-Sadīr* – искажённое персидское *seh dēl*, т.е. «три купола» или «три главных терема». Это название дворец получил за то, что три его купола (или терема) сходились в один, как рукава у одежды [188, с. 516; 191, с. 377; 206, с. 239; 264, т. 3, с. 201]. Аль-Муталаммис обращается к Амру III, который, как мы видели, хотел погубить его, со словами:

«Не твои ли Садир, Барик (*Bāriq*), Мубайид (*Mubāyiḍ*)²⁵⁰, Хаварнак,

Дворец с террасами близ [реки] Синдад и высокая пальма?» [206, с. 236, 241; 263, с. 346].

Позднее поэт аль-Асуад Ибн Яфур ан-Нахшали (*al-Aswad Ibn Ya'fur al-Nahšalī*) высказался так:

²⁵⁰ В издании Л. Шейхо, на которое сделана ссылка в тексте, стоит не *Mubāyiḍ*, а *Murābiḍ*, но первая форма кажется более правильной. Объяснение этому дано в тексте.

«Чего ожидать мне после рода Сжигателя²⁵¹, [члены] которого оставили свои жилища, и ийадитов,

Обладателей аль-Хаварнака, Садира и Барика, а также дворца с террасами около Синдада?» [157, с. 448–449; 184, с. 561].

Если воспринимать эти тексты буквально, можно заключить, что у Лахмидов было несколько дворцов или усадеб с похожими названиями. Мы видели, что *ḥwarrahnāk* означает «исполненный света», «сияющий»; это почти то же самое, что *Bāriq* (сверкающий, сияющий) и *Mubāyid* (сияющий белизной). Помимо них мы знаем также ас-Синнин – усадьбу Имру-ль-Кайса III, о которой речь шла в Части I. Эти постройки были, судя по их названиям, белого цвета и ослепительно сверкали в лучах солнца. Такими же были и укрепленные усадьбы знатных родов, например, «Белый дворец» (*al-Qaṣr al-abyaḍ*). Видимо, именно поэтому среди арабов бытовало выражение «Белая Хира», которое обнаруживается в стихе кудаитского поэта начала VII в. Абу-т-Тымхана (*Abū al-Ṭimḥān*) [254, ч. 1, с. 311].

Лахмидские дворцы – по крайней мере по меркам того времени – были внушительными постройками. Даже через много столетий после исчезновения Лахмидского государства путешественник Ибн Баттута (*Ibn Baṭṭūṭa*, род. в 1304 г., ум. в 1368/69 или 1377 г.) был впечатлен развалинами Хаварнака и впоследствии записал, что видел остатки огромных зданий с куполами [230, с. 7]. Для арабов-пустынников такие дворцы были «элитным жильём», о котором они могли только мечтать. Поэт аль-Мунаххаль, о котором мы упомянули в связи с женой ан-Нумана III аль-Мутаджарридой, однажды сказал:

²⁵¹ В тексте источника (ссылка дана выше) приведён комментарий Ибн Хабиба, согласно которому речь идёт не о лахмидском, а о гассанидском правителе.

«Когда я напиваюсь, я – хозяин Хаварнака и Садира,
А когда трезвею – овечки да верблюда» [183, с. 60–61;
188, с. 571].

Наличие ряда дворцов само по себе располагало к тому, чтобы не пребывать всё время в одном, а, наоборот, перемещаться между ними. Вообще говоря, Лахмидам была свойственна мобильность. В рассмотренном выше рассказе о том, как благодаря словам Аксама Ибн Сайфи были освобождены пленные тамимиты, мы читаем, что ан-Нуман III на полгода уехал в аль-Куткутану, а послы ожидали его в Хире²⁵². Об аль-Куткутане мы знаем, что ан-Нуман держал там тюрьму [264, т. 4, с. 374]. Весной ан-Нуман уезжал в аль-Уфаку (*al-Ufāqa*), тоже расположенную поблизости от столицы [188, с. 174–175; 264, т. 1, с. 226]. Аль-Бакри, один из авторов, на которых мы здесь ссылаемся, употребляет в своём тексте выражение: *kānat tatabaddā fi-hi Banū Naṣr mulūk al-Ḥīra*, т.е. «Насриды, цари Хиры, жили в ней жизнью бедуинов». Почти в тех же выражениях Якут рассказывает о поездках Лахмидов в Мауию (*Māwiya*), расположенную в начальной части пути, известного мусульманским географам как путь из Басры в Мекку [41, с. 109, 251; 91, с. 146, 190–191; 231, с. 316; 264, т. 5, с. 48]. Видимо, в одном из таких мест застало аль-Мунзира III в начале 524 г. византийское посольство, о котором говорилось выше. Не исключено, что ан-Нуман III наезжал также во владения, пожалованные ему Хосровом II Парвизом²⁵³. Если прибавить сюда походы и поездки к сасанидским царям, можно заключить,

²⁵² Заметим, впрочем, что источник, в котором сохранилось это предание, книга Абу Хатима ас-Сиджистани (ум. в 869 г.) о долгожителях, изобилует преувеличениями, особенно в том, что касается времени. Вполне возможно, что это происходит и в данном случае, и в действительности ан-Нуман пребывал в аль-Куткутане не полгода, а меньше.

²⁵³ Об этих пожалованиях см. ниже.

что лахмидские цари проводили в Хире только часть времени, причём не обязательно большую. Становятся понятны слова Хамзы аль-Исфахани, который в конце своего рассказа о Лакмидах пишет:

«Говорят, что из царей²⁵⁴ (Лакмидов. – Д. М.) в Хире не умер никто, кроме Кабуса, сына аль-Мунзира. Они (Лакмиды. – Д. М.) умирали на войне, на охоте или в отъезде» [67, с. 113; 256, с. 98].

Двор

Несмотря на разъезды и подчас довольно скромный походный быт, на который, критикуя Лакмидов, указывает аль-Хилли [213, с. 507–508], правители Хиры держали двор. О его порядках известно очень мало, но можно с уверенностью констатировать, что он существовал и имел свои установления. Люди, составлявшие свиту Лакмидов, должны были являться ко двору и пребывать там, ожидая повелений. В рассматриваемом в прим. 331 рассказе аль-Умари мы читаем, что ан-Нуман III в знак расположения к Хакаму Ибн Амру аль-Лакми (*Ḥakam Ibn 'Amr al-Laḥmī*) разрешил ему войти первым, когда ко двору собрались люди [208, ч. 1, с. 361]. Следовательно, существовал известный, выражавшийся хотя бы в очерёдности допуска в царские покои, дворцовый уклад, который в данном случае был нарушен.

Этот уклад очень не нравился поэту Тарафе, привыкшему к вольной жизни араба-пустынника, и он сочинил стих с порицанием Кабуса, сказав:

²⁵⁴ В этом месте в обоих использованных изданиях истории Хамзы аль-Исфахани стоит الملك. Контекст, однако, требует чтения الملوك (*al-mulūk*, цари).

«Клянусь жизнью твоей²⁵⁵! Воистину, к царскому положению²⁵⁶ Кабуса, сына Хинд, примешивается немало глупости.

Ты разделил время досуга. Вот такое властное решение: оно к чему-то устремлено, но отклоняется от него.

Один день – для нас, другой – для куропаток. Эти несчастные летают, а мы – нет.

День куропаток – день гона; их гоняют с возвышенностей соколы.

А в наш день мы – на конях, которые стоят; мы не можем ни спешиться, ни двинуться с места» [44, с. 97–98].

Некоторые подробности можно почерпнуть и из рассказов о другом поэте, Набиге аз-Зубьяни, который, как показано в Части I, некоторое время пребывал при дворе ан-Нумана III. Мы видели, что на каком-то этапе недруги Набиги составили от его имени стих с порицанием царя, в котором последний именовался наследником ювелира. Ан-Нуман разгневался, о чём Набигу предупредил друг – Исам Ибн Шахбар аль-Джарми (*ʿIṣām Ibn Ṣaḥbar al-Ġarmī*), которого Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани называет *хаджиб*-ом царя [172, ч. 9, с. 158]. Во времена Абу-ль-Фараджа *хаджиб* был камергером и привратником; подчас от него зависело, кто будет пропущен к повелителю. Вероятно, Абу-ль-Фарадж выражается языком своего времени, вследствие чего нельзя однозначно утверждать, что Исам действительно именовался *хаджиб*-ом и имел соответствующие обязанности. Но в том, что такая или подобная должность существовала, не приходится сомневаться.

Некоторые другие известия, касающиеся лахмидского дворцового ритуала, рассмотрены выше. Особое значение имеет упоминание Хамзы аль-Исфахани о том, что

²⁵⁵ Тарафа обращается к Амру III.

²⁵⁶ Т.е. к его положению как члена царского рода.

в начале каждого года лахмидский царь принимал съезжавшихся к нему племенных вождей. Похожий обычай существовал в Сасанидской державе, где в начале каждого года царь принимал вельмож, родственников и придворных²⁵⁷. У нас нет прямых указаний в источниках, но вполне возможно, что Лахмиды переняли этот обычай у Сасанидов, приспособив его к своему календарю. Кажется вполне естественным, что Лахмиды как наместники в чём-то подражали Сасанидам, обладавшим верховной властью над ними. Некоторые элементы дворцовых установлений, например, использование трона, прямо диктовались статусом Лахмидов как наместников.

Существовал определённый порядок пропуска на приём к лахмидскому царю. Наиболее показателен в этом отношении фрагмент воспоминаний халифа Умара Ибн аль-Хаттаба (634–644), сохранившийся у аль-Хамдани:

«Я (Умар. – Д. М.) прибыл к ан-Нуману, будучи юношей, вместе с юными курейшитами из Мекки; мы видели от него благодеяния. Мы явились в Медину и пребывали в ней несколько дней, а затем отправились в Хиру. Когда мы прибыли в аль-Узайб²⁵⁸, нас задержали и написали ан-Нуману известия о нас и наши родословные. Он прислал [указание]: пропустите их. И он послал всадников сопровождать нас, и так мы прибыли в Хиру и жили в ней некоторое время. Он (ан-Нуман. – Д. М.) пребывал [там], [но] не встречался с нами. У него были

²⁵⁷ Этот обычай описан у Бируни [34, с. 218].

²⁵⁸ Упоминание об аль-Узайбе (*al-'Udayb*) заслуживает отдельного рассмотрения. Согласно мусульманским географам, аль-Узайб находился в шести милях от аль-Кадисийи и двадцати одной миле от Куфы. При Сасанидах он был крепостью, которая отделяла их владения от земель арабов. Все, кто направлялся к сасанидскому царю из Аравии, должны были проезжать через аль-Узайб [91, с. 173, 185; 264, т. 4, с. 92]. Из приведённого фрагмента следует, что этот порядок применялся и у Лахмидов.

посланцы арабов, и он не давал нам разрешения [явиться на приём], так что мы думали, [что всё кончится] плохо. Затем в один из дней он уехал в свои шатры и стал заседать [там]. Первыми, кому он дал разрешение [явиться к нему], были люди святилища²⁵⁹. И мы встретились с ним. Он вёл себя как друг курейшитов, спросил нас о нашем святилище, о том, чем мы живём и с чем явились к нему. Мы рассказали ему об этом. Затем мы ушли – а прежде он [велел] записать наши имена. Потом он вызвал послов и не оставлял их, пока ему это не наскучило, и он не поднялся с места. Мы пробыли [там] ещё несколько дней; нам и другим присылали подарки. Нам было оказано предпочтение перед другими» [210, с. 28].

О том, что приёма у лахмидского царя приходилось ждать – в иных случаях довольно долго, – можно судить по одному рассказу, который со ссылкой на Хишама аль-Кальби приводит Ибн Кутайба. Согласно этому рассказу, когда Набига аз-Зубьяни впервые прибыл ко двору ан-Нумана, ему сказали, что он должен ждать месяц, и только тогда царь спросит о нём. Но и после этого царь ещё месяц не будет принимать его. Только затем его наконец пропустят к царю [81, с. 75].

В приведённом выше рассказе халифа Умара обращает на себя внимание то, что ан-Нуману из аль-Узайба привозят письменное известие о прибытии мекканцев, а затем он, встретившись с юными курейшитами, велит записать их имена. Эти сведения следует сопоставить с рассматриваемым ниже сообщением о том, что Хаммад, принадлежавший к роду Бану Аййуб, стал писцом у ан-Нумана Старшего, т.е. ан-Нумана II. Очевидно, при лахмидском дворе существовала канцелярия, которая занималась по крайней мере протокольными и податными вопросами.

²⁵⁹ Т.е. мекканцы.

Царь и его родичи

В государственных делах лахмидские цари полагались главным образом на ближайших родственников. Это видно по некоторым примерам, рассмотренным в Части I. Ближайшим помощником аль-Мунзира III был его сын Амр, который управлял бакритами и таглибитами и вершил дела на важнейшем направлении – в Аравии. Когда сам Амр стал царём, аналогичную роль при нём стал выполнять его брат Кабус. Даже аль-Асуад, который, как мы видели, соперничал с ан-Нуманом III за престол, был назначен правителем ар-Рабаб [221, с. 142; 251, с. 416]. Подчас такие назначения давались и более дальним родственникам. Мы видели, что при Амре III наместником над арабами Бахрейна был его родственник по материнской линии из племени Бану-н-Намир Ибн Касит. Ан-Нуман III, как показано в Части I, посылал в походы во главе своих войск брата по матери и его сына.

Этих людей аль-Хилли именует *ahl al-ridāfa*, т.е. сподвижниками [царя], следующими за ним²⁶⁰. Ссылаясь на неназванных рассказчиков, он пишет, что они были *ahl al-mulk wa al-urš wa al-irāfa*²⁶¹, т.е. обладатели царской власти, трона и предводительства [213, с. 105].

Выбор в пользу членов царского рода нуждается в комментарии. В Лакмидском государстве мы практически не видим государственного аппарата с чётким распределением обязанностей и системой подбора кадров. Но для важных дел, например, походов или управления племенами, требовались способные и преданные люди. Родственники царя подходили для этого в наибольшей степени. В сказаниях арабов об их далёком прошлом мы

²⁶⁰ Этих людей не следует путать с сановниками-*ридф*-ами (о них см. ниже).

²⁶¹ Последняя форма – конъектура (العرافة) от العرافي текста источника.

не находим воспоминаний о конфликтах внутри родов; если имело место противостояние, друг с другом боролись различные роды, племена или объединения племён. Внутри рода господствовала солидарность его членов. История Лахмидов почти не знает междоусобиц внутри правящего рода – за исключением свержения Имру-ль-Кайса I, которое, впрочем, мы представляем себе очень слабо, и соперничества за престол между ан-Нуманом и аль-Асуадом. Но и в этом последнем случае ан-Нуман, сделавшись царём, поставил аль-Асуада управлять раба-битами. Назначения родственников позволяли решать и материальные проблемы последних: они получали часть дани от подчинённых им племён, военную добычу и т.д.

Общество

Ко времени создания Лахмидского государства в Хире, насколько можно судить, жили различные роды и племена. Об их укладе жизни известно очень мало, и можно лишь предполагать, что у арабов Хиры он был таким же, как и у их соплеменников в Аравии: с властью в руках вождя – *саййид*-а или шейха, постепенным выделением знатных родов, внутренней солидарностью членов рода и племени, кровной мезтью за убитых родичей и т.п. Это положение дел изменилось после того, как за Евфратом утвердились Сасаниды. Мы видели, что одним из результатов этого стало разделение арабов на три группы: танухитов, живших в палатках и шатрах на пространстве от Хиры до современного аль-Анбара, *ʿibād*, которые жили в Хире и подчинились Ардаширу I, и примкнувших к ним *aḥlāf* (букв. – союзников).

Для настоящего исследования важна прежде всего трактовка понятия *ʿibād*. Автор этих строк подробно рассмотрел её в «Хосрове» [3, с. 274–275]. Целесообразно

привести основные выводы, сделанные там. Слово *'ibād* (букв. – рабы) представляет собой кальку со среднеперсидского *bandagān* (рабы, слуги). В Сасанидской державе слугами царя считались все его подданные независимо от знатности или общественного положения. Поэтому в данном контексте слово *'ibād* должно иметь смысл «подчинённые сасанидскому царю» или «царские слуги». То же самое, как показано в прим. 247, означало слово *'abd* применительно к лахмидскому царю. Альтернативное объяснение, согласно которому *'ibād* обозначало христиан (*'ibād Allāh*, т.е. «рабы Божьи»), неудовлетворительно в том отношении, что в середине III в., когда, судя по источникам, появилось это название, христианское вероучение ещё не утвердилось в Хире. Кроме того, неясно, каким образом *'ibād Allāh* превратились в просто *'ibād*. Трудно представить себе, чтобы хирские христиане вместо «рабов Божьих» стали именовать себя «рабами». По той же причине слабой представляется и другая трактовка, приводимая у аль-Хилли; согласно ей, речь идёт не о *'ibād Allāh*, а о *'ibād Sibd*, т.е. о «рабах Сибда», как назывался идол, которому поклонялись хирцы [213, с. 108]²⁶².

В источниках сохранились два перечня племён *'ibād*. Один из них обнаруживается в «Сокращённом изложении церковной истории» [253, с. 140] и, вероятно, восходит к хирским записям. Названия племён кажутся сильно искажёнными, что не вызывает удивления: «Сокращённое изложение» – поздний источник, который составляли, а затем не раз переписывали люди, далёкие от жизни арабских племён. Не все названия можно однозначно истолковать, но важность перечня такова, что целесообразно привести его полностью.

²⁶² Об этом идоле см. ниже.

Исходная форма	Конъектура	Отождествление
بنو عدي		Род Ади Ибн аз-Зумайля (<i>ʿAdī Ibn al-Dumayl</i>) из нумаритского (лахмитского) племени Бану Рубайй (<i>Banū Rubayy</i>), владевший в Хире «церковью Ади» [260, с. 209], или род Ади Ибн Амра (<i>ʿAdī Ibn ʿAmr</i>) из кудаитского племени Бану Асад (<i>Banū Asad</i>), известный как Бану-с-Саты (<i>Banū al-Sāṭiʿ</i>) [260, с. 644].
دومه	جذمة	Джузма (<i>Ǧudma</i>), нумаритское племя, родственное Лахмидам и Бану Рубайй; согласно Хишаму аль-Кальби, его члены входили в число «царских слуг» [260, с. 206].
بنو جرهم	بنو جرم	Кудаитское племя Бану Джарм (<i>Banū Ġarm</i>), к которому принадлежал Амр Ибн Абди-ль-Джинн, полководец царя Джазимы (о нём см. Часть I).
بنو مروق	مزعوق	Предложенная в качестве конъектуры форма ближе других к тому, что мы видим в «Сокращённом изложении», однако встречается только в названии хирского монастыря, который у аш-Шабушти называется <i>Dayr Ibn Mazʿūq</i> , а у Якута – <i>Dayr al-Mazʿūq</i> [219, с. 230; 264, т. 2, с. 537]. Якут называет этот монастырь древним (<i>qadīm</i>), что позволяет предполагать его существование уже во времена Лахмидов. Мазук (<i>Mazʿūq</i>) – имя собственное, однако на сегодняшний день мы не можем отождествить его с каким-либо родом или племенем.
الحز	حرقوص	Хуркус, тамимитское племя, которое, как показано ниже, Хишам аль-Кальби (в пересказе ас-Суккари) относит к <i>ʿibād</i> [231, с. 203–204; 244, с. 578]. В пользу этого отождествления говорит то, что в перечне племя <i>الحز</i> причисляется к тамимитам.

Исходная форма	Конъектура	Отождествление
الهجن		Аль-Худжн (<i>al-Huġn</i>), нумаритское племя, родственное Лахмидам, Бану Рубайй и Бану Джумза [260, с. 206]. Согласно тексту перечня из этого племени никого не осталось.
بنو قلاح	بنو قلام	Предположительно – Бану Каллам, род, к которому принадлежал Аус Ибн Каллам.
بنو ضمير	بنو سبين	Род Бану Субайн Ибн Зайд ²⁶³ (<i>Banū Subayn Ibn Zayd</i>) из племени Бану Мазин (см. выше); ему принадлежал Каср Бани Букайла в Хире (о нём см. ниже) [231, с. 485; 260, с. 475].
العدسيون	العدسيون	Сыны Адасы (<i>'adasiyūn</i>) – представители рода Бану Аммар Ибн Абди-ль-Масих (<i>Banū 'Ammār Ibn 'Abd al-Masīḥ</i>) из кудайтского племени Бану Кальб Ибн Уабара (<i>Banū Kalb Ibn Wabara</i>), называвшие себя в честь прародительницы – женщины по имени Адаса (<i>'Adasa</i>) [189, с. 340; 227, с. 218; 260, с. 609, 613; 264, т. 4, с. 360].
بنو أيوب		Тамимитский род, к которому принадлежал Ади Ибн Зайд. По-видимому, в списке он назван Бану Аййуб (<i>Banū Ayūb</i>) по имени Аййуба – своего первого представителя, обосновавшегося в Хире. Хотя члены рода не жили в Хире во время её подчинения Сасанидам, Ади Ибн Зайд в источниках неизменно именуется <i>'ibādī</i> [19, сер. 1, с. 1016; 81, с. 111; 82, с. 241; 90, с. 309; 172, ч. 2, с. 16–17; 200, с. 249; 213, с. 109; 233, с. 649].
بنو نصر بن ربيعة		Царский род Лахмидов (Бану Наср Ибн Рабиа).

²⁶³ Зайд был отцом Субайна и Мурры.

Исходная форма	Конъектура	Отождествление
بنو سلم	بنو سليم	Бану Сулайм, племя, которое принадлежало к <i>ʿibād</i> согласно списку Хишама аль-Кальби, как его приводит ас-Суккари (см. ниже). По свидетельству Ибн Абди-ль-Барра некоторые из христиан Хиры считали себя принадлежавшими к племени Бану Сулайм из объединения кайситов [225, с. 27]. Это заставляет отвергнуть отождествление Бану Сулайм с аздитами, потомками Сулайма Ибн Фахма – брата Малика Ибн Фахма, отца Джазимы [260, с. 488, 492], которое, не будь утверждения Ибн Абди-ль-Барра, казалось бы куда более вероятным. О кайситских Бану Сулайм подробно рассказывает аль-Калкашанди [195, с. 294–295].
بنو العسل		Не поддаётся идентификации. Возможно, форма العسل – искажённое написание عتيك, имени отца Джахджабы, который сверг Ауса Ибн Каллама. Как показано в прим. 70, ошибка переписчика в одном случае превратила عتيك в عييل, что совсем близко к العسل.
بنو قارا	بنو فاران	Община Бану Фаран (см. Часть I), за исключением рода, к которому принадлежал Аус Ибн Каллам.
بنو ربان بن ثعلبة		Не поддаётся идентификации.

Другой список мы находим в составленном аль-Хасаном ас-Суккари (*al-Ḥasan al-Sukkari*, 827/28 – 888) комментарии к стихам Имру-ль-Кайса. Ссылаясь на Хишама аль-Кальби, ас-Суккари пишет, что *ʿibād* были жителями Хиры из племён Лахм, Кальб, Бану-ль-Харис Ибн Кааб (*Banū al-Ḥārīṭ Ibn Kaʿb*), Кинда, Бану Сулайм (*Banū Sulaym*), Тамим, Бану Кинана (*Banū Kināna*), принадлежавших к тамимитам Бану Хуркус (*Banū Hurqūṣ*), а также из амалекитов (*al-ʿAmāliq*) и джурхумитов (*Ḡurhum*) [244, с. 578–579]. Этот список во

многом повторяет тот, что приведён выше, но отличается от него по нескольким позициям. О Бану-ль-Харис Ибн Кааб речь пойдёт далее; вероятно, они вместе с амалекитами входили в состав общины Бану Фаран. Упоминание о киндитах весьма неясно. Об их поселении в Хире источники не сообщают, они не фигурируют среди *'ibād* в списке из «Сокращённого изложения». Можно лишь догадываться, что аль-Мунзир III поселил в Хире взятых им в плен киндитов и приравнял их к *'ibād*. Название Бану Кинана обычно ассоциируется с одним из ответвлений аднанитского племенного объединения Бану Хузайма, однако в данном случае речь идёт скорее о кудаитском племени Бану Кинана Ибн Бакр (*Banū Kināna Ibn Bakr*, о нём см. 260, с. 559–603). Заметим, что адаситы, о которых говорилось выше, принадлежали к родственному ему племени Бану Ауф Ибн Бакр (*Banū 'Awf Ibn Bakr*). Оба племени относились к объединению Бану Кальб Ибн Уабара. Вероятно, в рассматриваемом списке адаситы фигурируют в числе кальбитов (Кальб), тогда как Бану Кинана по какой-то причине упоминаются отдельно.

Джурхумиты фигурируют в средневековых мусульманских источниках как один из исчезнувших древних народов, родственник арабским племенам более поздних времён [19, сер. 1, с. 219; 107, т. 3, с. 223; 190, с. 3–4; 210, с. 167; 238, с. 395]. Ат-Табари повествует, что Тубба в одном из походов достиг Хиры и ушёл дальше, оставив в ней часть воинов, которые затем поселились там. Среди этих воинов первыми называются Лихьян (*Liḥyān*), которые согласно тексту источника были последними джурхумитами и жили только в Хире. Далее ат-Табари повторяет, что Лихьян – остатки джурхумитов, но при этом ссылается на Хишама аль-Кальби [19, сер. 1, с. 749]. Очевидно, речь идёт о хирских Бану Лихьян, сведения о которых будут рассмотрены ниже²⁶⁴.

²⁶⁴ Эти лихьяниты не тождественны Бану Лихьян, жившим в начале VII в. между Меккой и Мединой, так как последние принадле-

Если предложенные идентификации верны, объединение *ʿibād* включало в себя несколько элементов, среди которых можно выделить Лахмидов и родственников им нумаритов, кудаитов и некоторых мааддитов (тамимитов). Это соответствует представленной в Части I картине арабских переселений. Примечательно, что среди «царских слуг» были представители всех крупных ветвей арабского народа: аднанитов (мааддитов), кахтанитов и кудаитов. Значит, не происхождение стало тем признаком, по которому «царские слуги» выделились из остальных арабов. Нельзя не задаться вопросом, зачем вообще потребовалось отличать их от других арабов, в том числе от тех, кто переселился в Хиру позднее и примкнул к ним? На сегодняшний день есть лишь одно возможное объяснение этому. На «царских слуг» распространялся договор с сасанидским царём, по которому они подчинились ему и получили какие-то неизвестные нам, но благоприятные условия. Понятие «царские слуги», таким образом, указывало на определённый правовой статус и в этом отношении было значимо. На первых порах такого статуса не имели «союзники», хотя в остальном они выступали заодно с «царскими слугами». Впоследствии, однако, в Хиру стали приходить новые люди, которые точно так же признавали над собой власть сасанидского царя. Разряд «царских слуг» стал расширяться. Как мы видели, Амр II ввёл в число «царских слуг» некоторые новые роды. В конечном счёте, как пишет аль-Хилли, название *ʿibād* стало применяться ко всем жителям Хиры [213, с. 107]. Обратим внимание, что и в списке, и в других источниках, на которые сделана ссылка выше, к «царским слугам» относится род Аййуба и Ади Ибн Зайда, который обосновался в Хире более чем через два столетия после её подчинения Сасанидам. Важным рубежом в этом отношении к племенному объединению Бану Хузайль (*Banū Ḥudayl*) [156, с. 535; 175, с. 356; 231, с. 176; 242, т. 3, с. 274].

шении стало, кажется, время конца VI – первой половины VII в. Тогда меньше чем за пятьдесят лет произошли два качественных изменения: после крещения ан-Нумана III (о нём см. ниже) среди лахмидских арабов стало быстро распространяться христианское вероучение, а затем Хира была подчинена мусульманскому государству, в связи с чем понятие «царские слуги» потеряло смысл. Слово *‘ibād* стало означать христиан Хиры²⁶⁵, а его буквальное значение интерпретировалось теперь как «рабы Божьи».

Возвращаясь в лахмидские времена, отметим, что выравнивание правового статуса жителей Хиры видно и по рассказу аль-Хилли о «союзниках» (*aḥlāf*). Из него мы узнаём, что понятие «союзники» объединяло четырнадцать племён (*ḥayy*), но впоследствии все жители Хиры были зачислены в отряды войска – *dōsar*, *al-šahbā’* и *al-malhā’* [213, с. 109]. Вопрос об отрядах лахмидского войска будет рассмотрен ниже; сейчас же важно, что прежнее разделение на «царских слуг» и «союзников» постепенно теряло значение. «Союзники» растворялись среди «царских слуг». Род Бану Марина, как будет показано ниже, изначально принадлежал к «союзникам», но в правление ан-Нумана III сделался самым влиятельным в Хире.

Столичная знать

Сближаясь между собой, «царские слуги» и «союзники» не составляли, тем не менее, однородной массы равных. Среди населения Хиры выделяются знатные роды. Близко к лахмидским царям стояли, вероятно, их соплеменники – нумариты. Согласно арабским сказаниям один из них, Касыр Ибн Саад, сыграл важную роль в том, что после ухода Джазимы власть отошла к основателю лахмидской

²⁶⁵ Это отражается, например, в следующем высказывании Ибн ан-Надима (ум. в 995 или 998 г.): «*‘ibād* – христиане Хиры» [228, т. 2, с. 289].

династии – Амру Ибн Ади. Ат-Табари приводит родословную Касыра, из которой следует, что он происходил из племени Бану Рубайй, одного из ответвлений Бану Нумара [19, сер. 1, с. 758; 240, с. 313]²⁶⁶. К рубаййитам, согласно аль-Хилли, принадлежал и Абу Яфур Ибн Алькама Ибн Малик [213, с. 120], который, как мы видели, был правителем Хиры в 503 – 505/6 гг. В мусульманских источниках он нередко именуется аз-Зумайли – за принадлежность к одному из родов рубаййитов – Бану Ади Ибн аз-Зумайль. Об этом роде упоминают Хишам аль-Кальби и Ибн Дурайд. Первый из них сообщает, что членам рода принадлежала в Хире церковь, называвшаяся *Bī'at 'Adī* [260, с. 209]; второй прибавляет, что они были вельможами [231, с. 377].

К сожалению, наши сведения о роде Бану Ади Ибн аз-Зумайль на этом заканчиваются. Если опираться на них, можно предположить, что рубаййиты были опорой Лахмидов ещё со времён основания их государства. К началу VI в. ведущие позиции среди рубаййитов занимал род Бану Ади Ибн аз-Зумайль. Он обладал достаточно высоким положением, чтобы в 503 г. его представитель был поставлен управлять Хирой. Кроме того, род, видимо, был богат, коль скоро смог построить церковь.

За неимением более точных данных этот подход можно применять и в других случаях. Представляется вероятным, что род, которому принадлежала большая и

²⁶⁶ Согласно Хишаму аль-Кальби Рубайй был пятым сыном пра-родителя нумаритов – Нумары. Лахмиды же являлись потомками Ади (*'Adī*) или Амама (*'Amam*), первого сына Нумары [260, с. 206, 209]. Ибн Хазм считал Касыра потомком Разина Ибн Нумары [239, с. 397]. Аль-Кальби не упоминает Разина среди сыновей Нумары. Противоречие в источниках снимается, по-видимому, тем, что формы رُبَيْي (Рубайй) и رَزِين (Разин) довольно близки друг к другу. Отдавая предпочтение более ранним источникам (труды аль-Кальби, ат-Табари), мы должны заключить, что форма رُبَيْي представляет собой ошибку переписчика.

известная усадьба или церковь, был состоятелен и располагал определённым влиянием в обществе. В этом отношении некоторые сведения можно почерпнуть из рассказов о походе мусульманского полководца Халида Ибн аль-Уалида на Хиру (634 г.). Хира не обладала крепостными стенами, что и прежде облегчало нападения на неё. Однако войскам Халида пришлось некоторое время осаждать *каср*-ы – укреплённые дворцы или усадьбы (ар. *qaṣr*, мн. ч. *quṣūr*). Ат-Табари называет несколько таких *каср*-ов – «Белый дворец» (*al-Qaṣr al-abyaḍ*), где находился Ийас Ибн Кабиса ат-Таи, *Каср* адаситов (*Qaṣr al-ʿAdasiyyīn*), где пребывал Ади Ибн Ади (*ʿAdī Ibn ʿAdī*), *Каср* Бани Мазин (*Qaṣr Banī Māzin*) и *Каср* Ибн Букайла (*Qaṣr Ibn Buqayla*) [19, сер. 1, с. 2039]. Параллельный рассказ аль-Балазури (ум. ок. 892 г.) более краток; в нём говорится только о трёх *каср*-ах (не упоминается *Каср* Бани Мазин) и не сообщается, кто именно находился в каждом из них. Однако правление Ийаса уже должно было подойти к концу; поэтому аль-Балазури, кажется, более близок к истине, чем ат-Табари, когда в числе противников (впоследствии – контрагентов на переговорах) Халида называет не Ийаса, а его сына по имени Фáруа (*Farwa*) [189, с. 339–340].

Использовать эти данные следует с большой осторожностью. За примерно треть столетия, которая к тому времени прошла после прекращения существования Лахмидского государства, многое должно было измениться. Например, в рассказе о том, как ан-Нуман поехал на собеседование с Хосровом I Ануширваном (начало 579 г.), тогдашний епископ Хиры Джабир Ибн Шимун (*Ġābir Ibn Šimʿūn*) назван «хозяином Белого дворца» (*ṣāhib al-Qaṣr al-abyaḍ*) [172, ч. 2, с. 24–25]. Вероятно, «Белый дворец» отошёл к Ийасу после его назначения наместником Хиры.

Перемены начала VII в. могли затронуть и *Каср* адаситов. Как показано выше, мусульманские авторы считали, что он принадлежал кудаитскому роду Бану Адаса. Но если

вернуться к рассказу о походе Халида Ибн аль-Уалида, через какое-то время после начала осады начались переговоры, которые со стороны защитников *каср*-а вели Ади (*ʿAdī*) и Зайд (*Zayd*), сыновья Ади. Ат-Табари далее пишет, что отцом обоих был Ади Средний (*ʿAdī al-Awsaf*), убитый в сражении при Зу Каре [19, сер. 1, с. 2039]. Такие имена говорят в пользу того, что речь идёт о роде, к которому принадлежал погибший в темнице Ади; он, по-видимому, считался «Ади Старшим» (гипотетически – *ʿAdī al-Akbar*).

Если история адаситов по источникам совершенно не просматривается, то о роде Ади Ибн Зайда мы осведомлены достаточно хорошо – главным образом благодаря рассказу о нём, о котором говорилось во Введении. Из этого источника мы узнаём, что род принадлежал к тамимитам. Аййуб, прапрадед Ади Ибн Зайда, первоначально жил в Йемаме, но затем кого-то убил и, опасаясь кровной мести, бежал в Хиру к Аусу Ибн Калламу, с которым состоял в родстве по материнской линии. Сын Аййуба Зайд женился на девушке из рода Ауса Ибн Каллама. От этого брака родился Хаммад²⁶⁷, который впоследствии стал писцом у ан-Нумана Старшего [81, с. 114; 172, ч. 2, с. 17–19]. Здесь есть все основания усомниться в правильности этой фамильной истории, так как согласно ей Хаммад был дедом Ади Ибн Зайда; тогда получается, что на период с 428/29 г. (дата окончания правления ан-Нумана I) и до конца VI в., когда в темнице погиб Ади Ибн Зайд, приходится всего три поколения. Кажется, арабские сказители путают ан-Нумана I с ан-Нуманом II, который, как мы видели, умер в 503 г. Это делает сообщение источника более правдоподобным, так как можно представить себе, чтобы на VI в. пришлась жизнедеятельность трёх поколений, к которым относились Хаммад, Зайд и Ади. В пользу этого предположения говорит и то, что с точки зрения общей

²⁶⁷ О написании этого имени см. прим. 210.

логики ошибка, скорее всего, относится к раннему, менее известному периоду истории рода. Возможно, Аййуб прибыл не к самому Аусу Ибн Калламу, а к кому-то из его потомков. Можно предполагать, что тесные связи между этими родами сохранялись и далее. Согласно одному сообщению, Ади Ибн Зайд и ан-Нуман (будущий ан-Нуман III) прежде, чем направиться на собеседование к сасанидскому царю, заняли восемьдесят тысяч драхм на проживание при дворе у хирского епископа Джабира Ибн Шимуна, который принадлежал к потомкам Ауса Ибн Каллама, или, что менее вероятно, у сына Джабира – Шимуна [172, ч. 2, с. 24–25; 213, с. 505–506]²⁶⁸.

Если предложенные хронологические расчёты верны, мы, памятуя о том, что Хаммад приходился Аййубу внуком, вправе отнести переселение последнего в Хиру к середине V в. Как показано в Части I, то было время наступления царей объединённой державы Химьяра и Сабы и киндитов в Центральной Аравии. Отношение тамимитов к этому было неоднозначным. Аййуб, как пишет Абуль-Фарадж аль-Исфахани, был христианином [172, ч. 2, с. 17]. Не исключено, что он выступал против наступления царей-иудеев объединённой державы Химьяра и Сабы и в одном из столкновений с их арабскими сторонниками убил кого-то из противников, после чего ушёл в Хиру, рассчитывая найти помощь у единоверцев.

Если Хаммад был писцом у ан-Нумана II, его сын Зайд поднялся ещё выше. Как видно по процитированному в Части I рассказу о выступлении хирской знати против аль-Мунзира IV, Зайд был наместником его отца, т.е. аль-

²⁶⁸ Как показано ниже, Шимун Ибн Джабир был епископом в 593–594 гг., когда крестился ан-Нуман III. Его предшественником (возможно, не непосредственным) был Иосиф, который в 585 г. подписал постановление очередного несторианского собора [144, с. 164]. Следовательно, в начале 579 г., когда происходили рассматриваемые события, епископом должен был быть Джабир.

Мунзира III, над столицей. О том, что представляло собой это наместничество, можно судить по следующим обстоятельствам. Аль-Мунзир III был мощным самовластным царём; его нельзя назвать ни ставленником знати, ни марионеткой. С другой стороны, Зайд начинал свою карьеру как писец [172, ч. 2, с. 19], и сын его Ади также был писцом и переводчиком. Поэтому логичнее считать, что Зайд не столько был наместником в полном смысле этого слова, сколько занимался административными, прежде всего, податными делами.

Потомки Аййуба, сравнительно поздно переселившегося в Хиру, были, таким образом, своего рода аристократией пера. Они выдвинулись не в последнюю очередь благодаря личным способностям и активности. Их возвышению способствовала близость к властям. Из пересказа повествования об Ади Ибн Зайде у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани видно, что уже Аййуб пользовался расположением сасанидского *марзбан-а*²⁶⁹ Фаррох-Махана. Зайд воспитывался вместе с детьми *марзбан-а*. Впоследствии, после гибели ан-Нумана, *марзбан* посоветовал сасанидскому царю поставить Зайда управлять Хирой. Зайд был наместником Хиры вплоть до назначения аль-Мунзира III [172, ч. 2, с. 19]. Правда, в том, что касается этого назначения, мы вновь не можем полагаться на достоверность фамильного предания. Как показано в Части I, Зайд принимал деятельное участие в событиях, происходивших в правление аль-Мунзира IV (575–579). Можно ли утверждать, что уже в 503 г. сасанидский наместник считал его достойным власти над Хирой? Если пытаться привести рассматриваемое сообщение в соответствие с историческим контекстом, правильнее всего считать, что оно относится не к Зайду, а к его отцу Хаммаду. В остальном ситуация выглядит в целом правдоподобно. Мы видим, что

²⁶⁹ Т.е. *шахраб-а* Вех-Кавада или наместника существовавшей на его месте ранее административной единицы.

ан-Нуман II погиб в 503 г., когда Кавад с войском, в которое входили и лахмидские арабы, был в походе. Назначенный вместо ан-Нумана Абу Яфур аз-Зумайли, скорее всего, остался с Кавадом продолжать военные действия. Кто-то должен был управлять Хирой в его отсутствие, и на эту роль как нельзя лучше годился человек, пользовавшийся расположением *марзбан*-а.

Гибель Ади Ибн Зайда, несомненно, стала ударом по позициям рода. Однако к его уничтожению она не привела. Сам ан-Нуман III, насколько можно судить по рассказам источников, не собирался ссориться с родом Ади: ведь некоторые его представители служили при сасанидском дворе. Поэтому род Ади сохранил свои позиции вплоть до подчинения Хиры мусульманскому государству.

При изучении сведений об остальных *каср*-ах целесообразно отвлечься от той последовательности, в которой они перечислены у ат-Табари, и сначала обратиться к «Дворцу Ибн Букайлы». Здесь большое значение имеют сведения Хишама аль-Кальби, который сообщает, что *каср* был построен человеком по имени аль-Харис (*al-Hārīṭ*), которого называли также Букайла²⁷⁰. Он принадлежал к аздитскому племени Бану Мазин. К числу потомков Букайлы относился Абду-ль-Масих, который в 634 г. вёл переговоры с Халидом Ибн аль-Уалидом. Хишам аль-Кальби приводит родословную полностью: Букайла – Хаййан (*Ḥayyān*) – Амр (*ʿAmr*) – Абду-ль-Масих [231, с. 485; 260, с. 475].

В определении родословной Абду-ль-Масиха источники расходятся. С Хишамом аль-Кальби полностью согласен

²⁷⁰ Слово *biqaṭla* буквально означает «зеленца» (уменьшительное от «зелень», т.е. совокупность овощей и трав). В источниках это прозвище объясняется тем, что аль-Харис однажды отправился куда-то в двух зелёных накидках, и какой-то остролов назвал его «зеленкой» [19, сер. 1, с. 2040–2041; 216, с. 38; 219, с. 239; 231, с. 485, прим. 3; 253, с. 141; 264, т. 2, с. 521]. Аль-Хамдани считал этого аль-Хариса строителем «Белого дворца» [210, с. 153–154], но, кажется, в действительности говорит о «Дворце Ибн Букайлы».

только аль-Куфи [198, с. 77]. По словам аль-Балазури, переговоры с Халидом вёл Абду-ль-Масих Ибн Амр Ибн Кайс Ибн Хаййан Ибн Букайла²⁷¹, а согласно ат-Табари – Амр Ибн Абди-ль-Масих Ибн Кайс Ибн Хаййан Ибн аль-Харис [19, сер. 1, с. 2040; 189, с. 349]. Предложенная ниже трактовка приведённого у Ибн аль-Факиха пересказа надписи в одной из хирских церквей говорит в пользу того, что в роду был человек по имени Амр Ибн Хаййан (*ʿAmr Ibn Ḥayyān*). Это согласуется с тем, что говорит Хишам аль-Кальби, однако ставит другую проблему. Амр Ибн Хаййан надписи построил церковь в правление Амра III (554–569), тогда как Абду-ль-Масих вёл переговоры с мусульманскими полководцами намного позже, в 634 г. Правда, во всех описаниях этих переговоров Абду-ль-Масих изображается глубоким старцем, дожившим до двухсот [198, с. 77] или даже до трёхсот пятидесяти лет [216, с. 37; 264, т. 2, с. 521], однако уже сама нереальность этих цифр указывает на возможность преувеличения. Возможно, мусульманские авторы где-то ошибаются, и на деле Абду-ль-Масих был не сыном, а внуком Амра Ибн Хаййана. С другой стороны, авторы источников неизменно называют Амра Ибн Хаййана внуком аль-Хариса «Зеленцы». Если так, аль-Харис должен был появиться на свет во второй половине V или в первой трети VI в. На основании этого можно строить предположения о дате постройки *касп-а*.

Если не считать упомянутой выше надписи, в лахмидское время Бану Букайла появляются в источниках дважды. В 593–594 гг., когда ан-Нуман III стал просить Хосрова II Парвиза разрешить ему креститься, с письмом к сасанидскому царю отправился один из букайлитов, имя которого приводится у аль-Хилли в следующем виде: Амр Ибн Амр Ибн Кайс Ибн аль-Харис (*ʿAmr Ibn ʿAmr Ibn Qays Ibn al-Ḥārīt*) [213, с. 267]. Другой эпизод рассмотрен

²⁷¹ Так же – у аль-Хамдани [210, с. 153].

в Части I: к пребывавшему в заточении Ади Ибн Зайду приехал посланник Хосрова. После их встречи, когда Ади ещё был жив, Бану Букайла уговаривали ан-Нумана немедленно казнить его [19, сер. 1, с. 1023; 172, ч. 2, с. 26]. Отрывочность этого упоминания не даёт возможности понять, по какой причине букайлиты сделались недругами Ади. Единственный вывод, который можно сделать, состоит в том, что на тот момент они обладали известным влиянием, так как были вхожи к царю. Это влияние, судя по всему, букайлиты сохранили до времени подчинения Хиры мусульманскому государству.

Шишам аль-Кальби упоминает в одном месте о «церкви мазинитов» (*bī'at Banī Māzin*), которая, по его словам, принадлежала роду Таймуллаха Ибн Хикаля (*Taym Allāh Ibn Ḥiqāl*) и его сына Заммата (*Zammāt*). Этот род был из числа хирских *'ibād* [260, с. 472]. К сожалению, других сведений об этом роде не сохранилось. Можно лишь предполагать, что его члены были союзниками своих соплеменников-букайлитов.

Странно, что в рассказе о походе Халида Ибн аль-Уалида на Хиру не появляются Бану Марина. В истории этого рода ещё многое неясно для нас. В пересказах повествования об Ади Ибн Зайде неизменно утверждается, что Бану Марина были людьми знатными (*ašrāf*) и причисляли себя к лахмитам [19, сер. 1, с. 1016–1017; 172, ч. 2, с. 21; ср. 82, с. 242]. Но аль-Хилли причисляет Бану Марина к «союзникам» и возводит их родословную к некоему Джуфе (*Ġu'fā*) [213, с. 109, 387], а это имя не встречается среди лахмитов. В графическом отношении *Ġu'fā* (جعفی) аль-Хилли ближе всего к Джуфи (*Ġu'fī*, جعفی). Бану Джуфи составляли одно из объединений племён внутри Мазхидж [82, с. 230; 231, с. 406–411; 260, с. 303–317]. При этом в арабских сборниках родословных Бану Марина не упоминаются совершенно, да и само это имя, с долгим конечным алиф-ом, не похоже на арабские имена.

Согласно сказаниям, которые пересказывает ат-Табари, Бану Джуфи, равно как и иные арабские племена, были в составе войска Туббы, т.е. Абкариба Асада, и во время его походов поселились в Хире [19, сер. 1, с. 686, 749]. Как показано выше, мусульманские авторы приписывают Туббе походы, размах которых сильно преувеличен; на деле нет оснований считать, что Абкариб Асад или Хассан когда-либо захватили Хиру. Поэтому эти сказания можно толковать по-разному. Если их сюжет в общих чертах верен, можно представить себе, что аль-Харис Киндитский явился в Хиру с войском, в котором были отряды из различных племён, и часть его воинов осела в области Хиры. Но упоминание о джурхумитах в одной из передач этих легенд наводит на мысль о том, что речь может идти и о более ранних переселениях, восстановить историю которых на данном этапе затруднительно.

Первое упоминание о Бану Марина, достоверность которого не вызывает сомнений, рассмотрено выше: аль-Мунзир III казнил в их владениях пленных киндитских царевичей. Оно относится к концу первой трети VI в. В конце столетия Бану Марина предстают перед нами как влиятельный род. Именно к ним был направлен на воспитание старший сын аль-Мунзира IV и наиболее вероятный наследник престола – аль-Асуад. Дальнейшие события рассмотрены в Части I: предводитель Бану Марина Ади Ибн Аус, снискав щедрыми дарами и подношениями расположение ан-Нумана III, снискал большое влияние при дворе и устранил со своего пути самого Ади Ибн Зайда. Тем непонятнее последующее исчезновение Бану Марина из источников. Теоретически можно предполагать, что Хосров II Парвиз, расправившись с ан-Нуманом III, провёл в Хире своего рода зачистку, репрессировав всех, кто составлял его опору.

Одной из самых заметных групп хирской знати были Бану Фаран. Они впервые встречаются в рассказах ис-

точников о правлении Ауса Ибн Каллама. В версиях, восходящих к Хишаму аль-Кальби, а через него – к «Книге о хирцах», обычно сообщается, что Аус был амалекитом²⁷² и происходил из племени Бану Фаран Ибн Амр Ибн Амлик (*Banū Fārān Ibn ‘Amr Ibn ‘Amlīq*) [19, сер. 1, с. 850; 67, с. 100; 173, с. 116; 213, с. 111, 271; 238, с. 358; 240, с. 315, 322]. Однако Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, пересказывая сведения, которые аль-Кальби почерпнул в другом хирском источнике, истории Ади Ибн Зайда, пишет, что Аус происходил из племени Бану-ль-Харис Ибн Кааб (*Banū al-Ḥārīt Ibn Ka‘b*) [172, ч. 2, с. 18], которое входило в состав южно-арабского (кахтанитского) племени Мазхидж (*Madhīj*), жило в Наджране и на определённом этапе приняло крещение.

В другом фрагменте, где Абу-ль-Фарадж ссылается на аль-Муфаддала, Аус тоже причисляется к племени Бану-ль-Харис Ибн Кааб. При этом приведена его родословная, в которой имя самого дальнего предка – Лихьян (*Lihyān*) [172, ч. 2, с. 24]. Возможно, что Лихьян фигурировал в числе предков Ауса и у Хишама аль-Кальби. В «Сокращённом изложении церковной истории» Аус именуется лихьянитом, а Бану Лихьян причисляются к Бану-ль-Харис Ибн Кааб [253, с. 132, 141]. Однако Хамза аль-Исфахани, приводя ту же, что и Абу-ль-Фарадж, родословную Ауса, называет последнего амалекитом [67, с. 100].

²⁷² В устах арабских сказителей это означает, что Аус являлся семитом, которого нельзя было причислить ни к одному из живших в их времена арабских племён. Мусульманские авторы, в том числе такие авторитетные источники, как Ибн Исхак и Хишам аль-Кальби, считали амалекитов (*al-‘amālīq*, *al-‘amālīqa*) одним из исчезнувших народов древних арабов с очень отдалёнными генеалогическими связями с арабскими племенами более поздних времён [19, сер. 1, с. 219; 190, ч. 1, с. 3–4; 195, с. 12; 225, с. 57; 238, с. 395; 242, т. 1, с. 44]. В то же время к амалекитам причисляют, например, Узайну и его потомков [19, сер. 1, с. 756; 67, с. 96; 107, т. 3, с. 189]. Видимо, для арабских сказителей амалекиты были древним семитским народом, родственным современным им арабам, но не единым с ними.

О Бану Лихьян шла речь во Введении; было отмечено, что они составляли часть христианского духовенства Хиры и участвовали в создании исторических записей. Другое важное упоминание о них обнаруживается в истории Ади Ибн Зайда: один из его предков, Хаммад Ибн Зайд, в детстве играл с мальчиками из Бану Лихьян [172, ч. 2, с. 18]. Поскольку Хаммад впоследствии стал писцом у лахмидского царя ан-Нумана, которого следует отождествлять с ан-Нуманом II (см. выше), его детство должно было прийтись на последнюю четверть V в. Род Аййуба, к которому впоследствии принадлежал Ади Ибн Зайд, тоже был христианским. Можно предположить, что два христианских рода были близки друг другу, что отражалось и на детских играх.

Несколько ранее в том же рассказе мы читаем, как на охоте был убит отец Хаммада – Зайд. Друзья Зайда погнались за убийцей, но тот смог уйти, причём смертельно ранил стрелой одного из Бану-ль-Харис Ибн Кааб [172, ч. 2, с. 18]. Ибн Абди-ль-Барр, повествуя о христианах Хиры, называет первыми тех, кто считал себя потомками мазхиджитов Бану-ль-Харис Ибн Кааб, которые ушли из Наджрана в Йемен, а затем в Хиру. Только после них упоминаются лахмиты, в том числе царский род, и тамимиты, включая род Ади Ибн Зайда [225, с. 26].

В рассмотренном выше сообщении ат-Табари хирские Бану Лихьян предстают как последние из джурхумитов, что ещё более увеличивает масштаб разночтений в источниках. У нас нет сведений, которые позволили бы однозначно отнести Ауса к амалекитам, джурхумитам или Бану-ль-Харис Ибн Кааб. Обращает на себя внимание то, что имя деда Ауса – Батына (*Baṭīnā*) нехарактерно для арабского языка, но хорошо объясняется сирийским словом *bṭīnā*, которое означает «зачатый». Это свидетельствует в пользу «амалекитской» родословной, которую следует понимать в том смысле, что Аус был для мусульманских

авторов и их источников потомком какого-то древнего семитского народа. В то же время нельзя игнорировать и упоминания в источниках о мазхиджитах. Скорее всего, Бану Фаран представляли собой сирязычную общину, которая с течением времени вбирала в себя арабские, по всей вероятности, христианские элементы. Если верна приведённая выше конъектура, Бану Фаран принадлежали к «царским слугам». Между тем аль-Хилли называет хирских Бану Лихьян из Бану-ль-Харис Ибн Кааб в числе *ahlāf*, т.е. присоединившихся к *‘ibād* [213, с. 109]. Из средневековых авторов одни не знали родословной Бану Фаран и потому причисляли их к древним народам (амалекитам, джурхумитам); другие замечали Бану-ль-Харис Ибн Кааб. Кажется, мазхиджитский элемент стал особенно заметен в исламское время, когда халиф Умар Ибн аль-Хаттаб (634–644) выселил жителей Наджрана, и некоторые из них осели в области Куфы [235, ч. 1, с. 308, ч. 3, с. 263]. Может быть, тогда состав христианской общины Хиры изменился настолько, что предания и родословные были переосмыслены, и амалекитов заменили в них мазхиджиты.

Выходцами из Бану Фаран были самое меньшее один правитель Хиры и три епископа (см. ниже). Такая община не могла быть малочисленной или слабой. Между тем, если в конце IV в. Аус Ибн Каллам был назначен правителем Хиры, в дальнейшем члены рода появляются в источниках только как церковные иерархи. Шимун Ибн Ханзала был епископом Хиры в 20-х гг. V в., Джабир Ибн Шимун – в 579 г., Шимун Ибн Джабир – в 593/94 г. Если сопоставить эти данные, можно предположить, что с усилением Лахмидов (начиная с ан-Нумана I) и умножением живших в Хире арабов политическое влияние рода пошло на убыль. Однако он сохранил свои богатства, а церковь, где применялся сирийский язык несторианского богослужения, давала возможность выдвинуться. Возможно,

именно таким образом молодой²⁷³ образованный аристократ Шимун сделался епископом.

Рассмотренные выше сведения о знатных родах Хиры показывают, что они были не похожи друг на друга. Разным было их происхождение, в разное время они обосновались в Хире. Скорее всего, разными были и их интересы и устремления. Пример тому даёт нам повествование об Ади Ибн Зайде. Как отмечено в Части I, предводитель Бану Марина, причислявших себя к южным арабам, призывал ан-Нумана III ниспровергнуть «мааддита» Ади. Интересно, что и другие южные арабы, Бану Букайла, также выступали против Ади и требовали его немедленной казни. Видимо, лахмидская знать была очень разобщённой и объединялась только в крайних случаях. Насколько можно судить, такой случай произошёл в правление аль-Мунзира IV, когда действия царя вызвали недовольство всей знати. Если верить истории Ади Ибн Зайда, тогда знати удалось заставить царя пойти на уступки, хотя он сохранил титул и командование войском. Но и тогда знать не решилась на свержение царя с помощью силы, и его власть, основанная на полученном от Сасанидов назначении, оставалась неизменной. Знать не принимала и Имру-ль-Кайса III, но он правил из своей резиденции в ас-Синнине. Исключение составляет разве что правление Имру-ль-Кайса I, однако тогда Лахмидское государство находилось ещё в стадии становления, и мятеж имел шансы на успех – тем более, что против царя выступили, как показано в Части I, и представители лахмидской династии.

²⁷³ Согласно «Краткому изложению церковной истории» Шимун Ибн Джабир стал епископом в двадцать два года [253, с. 136].

Племенная знать

По-иному обстояло дело с племенной знатью. Как показано в Части I, по крайней мере на протяжении всего VI в. Лахмиды вели наступление на арабские племена, стремясь подчинить их себе. Результат не всегда был одинаковым. Аль-Хилли пишет, что по отношению к Лахмидам арабские племена делились на три разряда. Одни, как Бану Асад Ибн Хузайма и Гатафан, были полностью независимы от царей Хиры (*liqāḥ* или *laqāḥ*). Другие (*ahl al-hudna*) тоже не подчинялись Лахмидам, но имели с ними соглашения о мире или хотя бы перемирии. Наконец, третьи подчинялись Лахмидам и были, судя по используемому аль-Хилли в одном месте глаголу *ṣāna'a*, на положении клиентов, т.е. лично зависимых людей, находившихся под покровительством [213, с. 369, 432].

Из сведений, рассмотренных выше, видно, что вожди подчинённых Лахмидам племён несли самое меньшее следующие обязанности: являться в начале каждого года к царю, участвовать в его походах, платить дань и предоставлять заложников. Но это не означало, что арабы из этих племён и их вожди становились таким образом подданными лахмидского царя. Арабское племя подчинялось царю в силу договора, устанавливавшего пределы взаимных прав и обязанностей сторон. У нас нет ни одного из таких договоров, однако можно с уверенностью предполагать их существование: ведь в условиях, когда Лахмиды и племена не могли уничтожить друг друга, дело так или иначе должно было закончиться каким-то консенсусом, возможно – и на неравных условиях. Если одна из сторон нарушала договор – в том числе, притязая на слишком многое, – другая была вольна действовать по собственному усмотрению. Когда бакриты перешли на сторону киндитов, Имру-ль-Кайс III начал войну против них. Когда тамимиты отказались платить дань ан-Нуману III,

он выступил в поход на них. С другой стороны, когда Амр III пожелал, чтобы мать Амра Ибн Кульсума прислуживала его матери за трапезой, это тоже было воспринято как явный выход за пределы договора. В *муаллаке* Амра Ибн Кульсума отчётливо звучит тот мотив, что Амр поступает несправедливо, когда пытается обращаться с таглибитами как с подчинёнными:

«Что за желание, Амр Ибн Хинд, [чтобы были] мы слугами [назначенного] вами правителя?»²⁷⁴

Что за желание, Амр Ибн Хинд, [отчего] ты действуешь по отношению к нам по слову клеветников и ни во что нас не ставишь?

Угрожай ты нам или обещай нам покой – когда мы были слугами матери твоей?

До тебя, о Амр, [никогда ещё] не было копья наше нетвёрдым для врагов²⁷⁵» [43, с. 23; 179, с. 121; 218, с. 235–237; 223, с. 113–114].

Для племени такой договор был соглашением скорее лично с царём, чем с государством или правящим родом. Это можно видеть по рассмотренному выше случаю, когда Амр III призвал таглибитов помочь ему отомстить Гассанидам за гибель аль-Мунзира III. Те отказались и, по словам Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, заявили Амру:

²⁷⁴ В изданиях, на основе которых сделан настоящий перевод, вторая часть данного стиха приведена по-разному: نكون لقيلكم فينا فطينا у Л. Абеля (*L. Abel*), نكون لقيلكم فيها فطينا у А. А. аш-Шинкити (*A. A. al-Šinqīṭī*). Правильной кажется версия, которую можно охарактеризовать как среднюю между ними: نكون لقيلكم فينا فطينا. В интерпретации слова قيل (*qayl*) следуем трактовке аз-Заузани: «царь, но не великий царь», т.е. правитель, которого назначил Амр.

²⁷⁵ Слово *qaṇā(t)*, стоящее в оригинале, аз-Заузани интерпретировал как фигуральное обозначение мощи (*al-‘izz*). Другой комментатор, на которого мы ссылаемся выше, ат-Тибризи, полагал, что оно употребляется здесь в значении *al-aṣl* (по-видимому, «племя»; ср. значения *race* и *stock* у Э. У. Лэйна [99, с. 64]). В рамках этой трактовки Амр Ибн Кульсум говорит, что его племя (таглибиты) никогда не было нетвёрдым перед врагами.

«Мы никогда не будем повиноваться никому из преемников аль-Мунзира. Неужели сын Хинд думает, будто мы ему пастухи?» [172, ч. 9, с. 173]²⁷⁶.

Смысл этого ответа заключался, кажется, в том, что таглибиты считали себя не рабами аль-Мунзира, а людьми, подчинявшимися царю в силу договора. Поэтому власть над ними нельзя было унаследовать; чтобы ей обладал преемник умершего царя, требовалось заключить новый договор. Видимо, Амр, стремясь скорее отомстить за отца, не сделал этого, но при этом повёл себя по отношению к таглибитам как царь. Это вызвало возмущение таглибитов, а впоследствии – и войну.

Если смотреть на племенную знать под тем же углом зрения, что и на хирскую, мы увидим ещё бóльшую разобщённость. Племенные вожди были далеки и от царя, и друг от друга и вследствие этого чувствовали себя независимо. Насколько независимо – определялось в каждом

²⁷⁶ Последнюю фразу повторяет в своём стихе, сказанном на суде бакритов и таглибитов перед Амром III, аль-Харис Ибн Хилизза, хотя его слова *كتاليف قومنا إذ غزا المنذر هل نحن لابن هند رعاء* можно интерпретировать по-разному. Если в общих чертах следовать трактовке ат-Тибризи, перевод получается примерно таким: «Невзгоды, подобные [тем, что перенёс] наш народ, когда напал аль-Мунзир, [вызвало] “Разве мы пастухи сына Хинд?”». Видимо, бакрит аль-Харис защищает перед царём соплеменников от упреков в том, что они выступали против аль-Мунзира III, и это закончилось кровопролитной битвой и казнью при Уваре: отказ таглибитов пойти за Амром III привёл к тем же последствиям. Аз-Заузани понимает эту строку по-иному. Если основываться на его толковании, слова поэта можно перевести так: «А что-либо подобное невзгодам [которые перенёс] наш народ, когда напал аль-Мунзир, [было ли у таглибитов]? Мы ли [были] пастухами сына Хинд?» [43, с. 33; 179, с. 152; 218, с. 276; 223, с. 140]. Получается, что аль-Харис напоминает таглибитам о времени после изгнания ими Саламы, когда их правителем был Амр (будущий Амр III), тогда как бакриты ещё не подчинялись Лахмидам, вследствие чего понесли большие потери в сражении при Уваре (см. Часть I). Так он по сути лишает смысла гордый ответ таглибитов, намекая на то, что они были подчинены власти Амра.

случае тем, могло ли племя сопротивляться или уйти на новые места. Примеров можно найти очень много; наиболее показательный даёт нам история тамимитов. Предводитель Бану Дарим Зурара Ибн Удус, узнав, что на него гневается Амр III, предпочёл спастись бегством, однако вожди Бану Ярбу, как будет показано далее, боролись против Лахмидов с оружием в руках.

Ридф

Бану Ярбу защищали важную привилегию – должность *ридф*-а (*ridf*). Это слово означало ближайшего сподвижника царя, находившегося рядом с ним²⁷⁷. О том, кем был *ридф* в Лахмидском государстве, свидетельствует Абу Убайда:

«...ридафа²⁷⁸ (институт *ридф*-а. – Д. М.) состояла в том, что, если царь восседал, *ридф* сидел по правую руку от него, если царь пил, *ридф* пил прежде [остальных] людей, если царь отправлялся в поход, *ридф* садился в палату, где он заседал; царь оставлял его править людьми, пока он сам не возвращался из похода... Если же войско (зд. – *katība*) царя совершало набег, *ридф* брал себе четверть добычи (*mirbāʿ*)... Была подать в пользу *ридф*-а, которую он брал со всего царства ал-Мунзира²⁷⁹» [251, с. 471–472; ср. с. 230].

²⁷⁷ Это видно на примере объяснения слова *ridf* в средневековых толковых словарях арабского языка. В наиболее раннем из них, принадлежащем перу аль-Халиля аль-Фарахиди (*al-Ḥalīl al-Farāhīdī*, род. в 718 г., ум. в 786 или 791 г.), мы читаем: «то, что следует за чем-либо – его *ридф*» [209, с. 22]. Ибн Дурайд пишет: «тот, кто едет верхом следом за тобой, – твой *ридф* или *ради́ф*»; затем прибавлено: «в доисламское время *ридф*-ами были те, кто сопровождал царей, как в наш век это делает начальник полиции (*ṣāhib al-šuraṭ*)» [232, с. 634].

²⁷⁸ В тексте цитируемого издания – *الرادية* (*al-rādifa*), однако правилам арабского словообразования более соответствует *الرداة* (*al-ridāfa*), как у Ибн Кутайбы. В самом цитируемом издании строчкой выше стоит *الرداة*.

²⁷⁹ Имеется в виду ал-Мунзир III.

Почти теми же словами описывает должность *ридф*-а Ибн Кутайба [233, с. 651]. Ибн ал-Асир уподобляет *ридф*-а визирю своего времени [226, т. 1, с. 512].

Вопрос о появлении должности *ридф*-а неясен. Возможны два пути рассуждений. Для одного из них отправная точка состоит в том, что, по словам аль-Хилли, «люди, которым принадлежит *ридафа*» (*ahl al-ridāfa*) появились в результате реформ Имру-ль-Кайса I, который попытался внедрить среди арабов сасанидскую систему сословий и разделил общество на разряды [213, с. 105]. С другой стороны, известно, что *ридф*-ы были у киндитских правителей. Ибн Дурайд сообщает, что члены рода Бану Садус (*Banū Sadūs*) из бакритского племени Бану Шайбан были *ридф*-ами у киндитов [231, с. 352]²⁸⁰. Можно предполагать, что институт *ридф*-а был заимствован Лахмидами у киндитов. Однако обе эти гипотезы наталкиваются на то возражение, что мы не знаем, какое значение вкладывается в понятие *ридф* во фрагментах, на которые сделана ссылка. Не исключено, что речь идёт просто о членах свиты царей (см. прим. 277).

Относительно точные сведения о лахмидских *ридф*-ах мы имеем только для VI в. По одному рассказу, вероятно, восходящему к Абу Убайде, тамимитское племенное объединение Бану Ярбу (*Banū Yarbūʿ*) часто нападало на владения Лахмидов и даже вторгалось в подвластные Сасанидам земли Савада. Будучи не в силах противостоять им, Лахмиды предпочли договориться и пожаловали ярбуитам статус *ридф*-ов. Это было вечное пожалование; лахмидский царь не мог отменить его. Сложилась своего рода династия *ридф*-ов: ими были Аттаб Ибн Харми Ибн Рабиа (*ʿAttāb Ibn Harmī Ibn Rabīʿa*), а также его сын Ауф (*ʿAwf*) и внук Язид (*Yazīd*) из племени Бану Риях (*Banū Riyāḥ*). В одной из передач рассказа говорится, что сан *ридф*-а принадлежал им по воле Мунзира III [213, с. 433; 231, с. 221;

²⁸⁰ Заметим, что, согласно одному источнику, сами киндиты были *ридф*-ами правителей Йемена [60, с. 125].

233, с. 651; 251, с. 471]. Именно это последнее замечание позволяет относить данные события к первой половине – середине VI в.

Как показано выше, в изображении мусульманских авторов *ридф* предстаёт как могущественный вице-король, который подчас заменял правителя и получал часть доходов казны. Аль-Хилли идёт ещё дальше и утверждает, что ярбуитский *ридф* даже оттеснял на второй план царя:

«И с Бану Ярбу на должности *ридф*-ов царь был как сокрытый (*maḥḡūr ‘alay-hī*)» [213, с. 433].

Можно ли доверять словам мусульманских авторов о возвышении *ридф*-ов? Есть аргументы и за, и против этого. С одной стороны, высокое положение *ридф*-ов было предметом гордости рода. Поэт Зайд Ибн Амр (*Zayd Ibn ‘Amr*), внук *ридф*-а Аттаба, в одном стихе высказался так:

«Если стану я стучаться в ворота царя – постучусь с предками, которые в большой чести

– с Бану Ярбу. А их отец (т.е. родоначальник. – Д. М.) увеличил славу своих предков.

Они владели владениями (*malakū amlāk*) рода Сжигателя²⁸¹ и раз за разом унижали Абу Кабуса²⁸², заставляя его делать противное ему.

[...]

Их (Бану Ярбу. – Д. М.) величие превосходило величие царей» [205, с. 254–255].

²⁸¹ Амр III.

²⁸² Так могли назвать аль-Мунзира III, старшим сыном которого был рождённый от Хинд Кабус, и ан-Нумана III. Кабус был старшим сыном ан-Нумана; об этом можно судить по тому, что последний в списках лахмидских правителей неизменно именуется «отцом Кабуса» (*Abū Qābūs*) [19, сер. 1, с. 1038; 54, с. 54; 67, с. 111; 149, с. 204; 173, с. 118; 213, с. 145; 233, с. 649; 240, с. 318]. Судя по тому, что Абу Кабус упомянут после Амра III, речь идёт об ан-Нумане III.

Приведённый стих – обычное для арабской поэзии похвальное слово своему племени. Такие стихи нередко содержат изрядную долю преувеличения. Но это – не единственное основание сомневаться в сообщениях о могуществе ярбуитского *ридф*-а. В истории Лахмидов VI в. был наполнен бурными событиями, которые рассмотрены в Части I. Как ближайший сподвижник царя *ридф* должен был бы принять в них деятельное участие. Но ни в известиях о политической борьбе в Хире, ни в сообщениях о внешней политике Лахмидов *ридф*-ы не фигурируют как могущественные деятели и не оказывают влияния на ход событий, хотя в восточных сказаниях правитель – например, сасанидский царь или мусульманский халиф – нередко появляется вместе со своим высшим сановником. Да и трудно себе представить, чтобы такие сильные и деятельные правители, как аль-Мунзир III и Амр III, были в тени временщиков.

Но и отрицать возвышение ярбуитов было бы неверно. Ниже разбираются сведения об аль-Галлаке Ибн Амре (*al-Ġallāq Ibn 'Amr*), которого ан-Нуман III назначил управляющим своих верблюжьих стад. Строго говоря, в немногочисленных дошедших до нас известиях об аль-Галлаке он нигде не именуется *ридф*-ом, а по его имени не видно родства между ним с одной стороны и Аттабом и его потомками – с другой. Но примечательно, что высокое назначение, которое в иных условиях несомненно было бы оставлено за Лахмидами, получил один из Бану Риях.

Высказанные наблюдения позволяют понять суть договора между аль-Мунзиром III и ярбуитами, о котором повествует Абу Убайда. Члены рода Аттаба навечно получили звание *ридф*-ов, и этот статус, несомненно, обеспечивал им прочные позиции; вероятно, были возвышены и другие их соплеменники. Однако в масштабах государства Лахмиды сохранили за собой решающее слово и вели дела, не доверяя их *ридф*-ам.

Следующее известие о *ридф*-ах обнаруживается в рассказах о сражении при Тыхфе (*Tihfa*). Согласно им, Аттаб умер, когда Ауф, ставший, как показано выше, его преемником, был ещё мал. Хаджиб Ибн Зурара, один из предводителей даримитов, просил лахмидского царя отобрать звание *ридф*-а у ярбуитов и отдать его одному из его соплеменников. Царя предупреждали, что ярбуиты просто так не отдадут полученное ими высокое звание, но он тем не менее потребовал этого. Ярбуиты ответили отказом. Царь направил против них войско. Однако в сражении при Тыхфе²⁸³ ярбуиты разбили силы Лахмидов. Два Лахмида²⁸⁴ были взяты в плен и впоследствии возвращены за выкуп в две тысячи верблюдов²⁸⁵. После этого царь никогда не пытался отобрать у ярбуитов звание *ридф*-а.

Таковыми представляются эти события, если соединить то, в чём данные источников сходятся между собой. Между тем, в рассказах средневековых авторов есть и различия, прежде всего – относительно того, когда произошло это сражение. В пересказах текста Абу Убайды у аль-Язиди и

²⁸³ У мусульманских географов Тыхфа помещается на упомянутом выше пути из Басры в Мекку, несколько дальше от последней, чем Зат Ирк [41, с. 109; 90, с. 181; 91, с. 146; 264, т. 4, с. 23] или на пути из Басры в Йемаму, между Казимой и западной частью области Бахрейна [12, с. 392]. Из этого можно заключить, что Тыхфа находилась в северо-восточной части Йемамы.

²⁸⁴ У Ибн Кутайбы и ал-Хилли речь идёт о двух сыновьях царя, Кабусе и Хассане. Ибн Абд Раббихи, аль-Бакри, Ибн ал-Асир, ан-Нувайри и аль-Умари называют сына ан-Нумана III Кабуса и брата царя – Хассана. Якут говорит, что в битве принимали участие два сына ал-Мунзира III и его брат Хассан. Ибн Дурайд пишет, что в битве при Тахне (здесь, очевидно, ошибка, и следует читать не طخنة, *Ṭaḥna*, а طخفة, *Tihfa*) некий Бишр Ибн Амр (*Bišr Ibn 'Amr*) из племени Бану Хуммара (*Banū Hummara*), принадлежавшего к рияхитам, взял в плен Хассана, брата ан-Нумана (т.е. ан-Нумана III. – Д. М.) и сына аль-Мунзира (т.е. аль-Мунзира IV. – Д. М.). Ссылки на источники см. в тексте.

²⁸⁵ Т.е. по тысяче верблюдов за члена царского рода. Это так называемый царский выкуп, обычный для тех времён.

аль-Хилли, а также в трактатах Ибн Кутайбы и Якута битва при Тыхфе относится ко временам аль-Мунзира III [213, с. 433–434; 233, с. 651; 251, с. 230, 471, 1095; 264, т. 4, с. 23], а у Ибн Дурайда, Ибн Абд Раббихи, аль-Бакри, Ибн ал-Асира, ан-Нувайри и аль-Умари – к правлению ан-Нумана III [188, с. 888; 208, ч. 25, с. 117–118; 215, с. 315; 224, т. 5, с. 234; 226, т. 1, с. 512]²⁸⁶. Разрешить это противоречие крайне трудно. Указания в источниках имён лахмидских цариц, командовавших войсками, не дают ключ к разгадке: у аль-Мунзира III были сыновья Кабус и Хассан (см. Часть I), у ан-Нумана III – сыновья Кабус (о нём см. прим. 282, 315) и аль-Хасан, а также племянник Хассан Ибн Уабара, которого арабские сказители ошибочно называли братом царя. Разбор исторического контекста тоже не приводит к однозначному решению. С одной стороны, предложение передать даримитам звание *ридф*-а должно было, в силу своей важности, а также того, что его принял царь, исходить от вождя племени. Из известий, разобранных в Части I, следует, что и во времена Амра III предводителем даримитов был не Хаджиб, а его отец Зурара, который однажды предложил царю напасть на таййитов. Известия о Хаджибе относятся ко временам ан-Нумана III²⁸⁷. С другой стороны, если считать, что Аттаб умер

²⁸⁶ В одном фрагменте, приписываемом Хишаму аль-Кальби, Аттаб называется *ридф*-ом ан-Нумана, сына аш-Шакики, и аль-Мунзира [261, с. 215], т.е. ан-Нумана I и аль-Мунзира I, но это так сильно расходится со сведениями других источников, что возникают сомнения в правильности передачи.

²⁸⁷ В рассказе о сражении в Ущелье Джабалы (о нём см. выше) у Ибн Абд Раббихи мы обнаруживаем, что брат Хаджиба Лақыт, стремясь создать союз против племени Бану Абс, обратился за помощью к ан-Нуману III [224, т. 5, с. 141]. По сообщениям, восходящим к Абу Убайде, Хаджиб был тогда ещё подростком [157, с. 363; 251, с. 414]. Лишь после гибели Лақыта в этом сражении Хаджиб стал вождём даримитов. Согласно одному рассказу, который мы находим у Ибн Абд Раббихи, ан-Нуман III однажды ездил к Хосрову II Парвизу (592–628); вернувшись в Хиру, он собрал приближённых, среди

во время правления ан-Нумана, которое, как показано во Введении, заняло двадцать два года, непонятно, каким образом в течение этого отрезка *ридф*-ами были сначала Ауф, которому ещё предстояло повзрослеть, а затем – его сын Язид. Это противоречие можно, кажется, решить только одним способом: предположив, что в данном случае, как и в ряде других, в одном повествовании соединились воспоминания о нескольких событиях, имевших место в разные времена. Восстановить эти события мы не можем, однако можно предполагать, что между даримитами и ярбуитами шла борьба за то, кто из них станет главной опорой Сасанидов и Лахмидов среди Бану Тамим и получит соответствующие привилегии. В этой борьбе ярбуитам удалось выстоять. По одному сообщению, которое, вероятно, восходит к Абу Убайде, они сохраняли за собой звание *ридф*-а до тех пор, пока Хосров II Парвиз не казнил ан-Нумана III [251, с. 471].

Войско

Во взаимоотношениях лахмидского царя со знатью, да и вообще со всеми, кто так или иначе подчинялся ему, большую роль играло то, что он имел в своём распоряжении войско. О лахмидском войске в источниках сохранилось несколько относительно подробных и дополняющих друг друга сообщений. Хишам аль-Кальби, сообщение которого пересказывают некоторые более поздние авторы, повествует, что сасанидский царь дал ан-Нуману I два отряда, из которых один, *al-šahbā'*, состоял из персов, а другой, *dawsar*, из танухитов; их знали как «два племени» (*al-qabīlatān*) [19, сеп. 1, с. 853; 67, с. 102; 172,

которых был и Хаджиб Ибн Зурара [224, т. 2, с. 9]. Если Хаджиб Ибн Зурара говорил о передаче титула *ридф*-а именно с ал-Мунзиром III, он должен был состоять в числе приближённых лахмидского царя самое меньшее 38 лет: от гибели ал-Мунзира (554 г.) до фактического прихода к власти Хосрова (592 г.).

ч. 2, с. 36–37; 184, с. 417]. Это сообщение очевидно близко к рассмотренному в Приложении 1 фрагменту трактата «Города Иранской страны», где говорится, что Ардашир I назначил в Хиру *марзбан*-а, поставив его над *dōsar* и *bōrgal*. Относительно *bōrgal* непрёвзойдённой остаётся трактовка Х. С. Ньюберга, который объясняет эту форму как «серое войско» – персидский эквивалент арабского *al-šahbā'* с тем же значением [118, т. 2, с. 48]. Под «серым» имеется в виду серо-стальной цвет доспехов и оружия. Что касается *dōsar*, Ньюберг объясняет его как производное от среднеперсидского *dō-sar*, что вообще означает «двуглавый», а применительно к данному случаю – «имеющий двух начальников (пехоты и конницы)» [118, т. 2, с. 65].

Другое описание лахмидского войска обнаруживается в рассмотренном выше сообщении о том, как ан-Нуман III предпринял поход против тамимитов, отказавшихся платить ему дань²⁸⁸. Оно восходит к Абу Убайде, на которого прямо ссылается аль-Мубаррад. В его изначальном варианте, насколько можно понять, упоминались оба названных выше отряда. *Dōsar* изображается как мощный отряд, в котором было четыре тысячи отборных бойцов из различных племён. Согласно одним переложениям большинство воинов *dōsar*-а составляли арабы Бану Раба, по другим – бакриты.

Al-šahbā' также упоминается в этом сообщении, но мы сталкиваемся с проблемой, трудно поддающейся решению. Из всех переложений рассказа Абу Убайды *al-šahbā'* упоминается только у аль-Мубаррада и аль-Хилли. В более ранней версии аль-Мубаррада говорится, что отряд *al-šahbā'* состоял из родственников и близких царя, которых за белизну лиц называли *al-ašāhib*. В других

²⁸⁸ Пересказы этого сообщения встречаются во многих источниках, главным образом – комментариях к арабским пословицам, поговоркам и крылатым изречениям [182, ч. 1, с. 206; 199, ч. 1, с. 118; 204, т. 2, с. 112–113; 213, с. 105–110; 257, ч. 1, с. 94–95, 279].

переложениях, в том числе у Хамзы аль-Исфахани название *al-šahbā'* не фигурирует вовсе, а отряд именуется *al-ašāhib*. Мы видели, что эпитет *al-ašāhib* применялся к братьям ан-Нумана III, которых было десять или двенадцать. Зная обычай Лахмидов полагаться в важных делах на близких родственников, мы можем допустить, что по крайней мере в войске ан-Нумана III было подразделение, состоявшее из них. При этом Абу Убайда отнюдь не отрицал существование персидского отряда. В его версии этот отряд называется *waḍā'i'* (в буквальном переводе – «воины гарнизона»); сообщается, что он составлял тысячу человек, которые ежегодно сменялись: отслужившие свой срок уезжали обратно за Евфрат, а вместо них царь присылал других.

Расхождение между версиями аль-Кальби и Абу Убайды состоит, таким образом, в том, какой отряд назывался *al-šahbā'* – персидский или лахмидский. Безусловно, рассмотренная выше трактовка Х. С. Ньюберга выглядит убедительно, но в арабском языке эквивалентом персидского *bōr* («серо-стального цвета») было не только *al-šahbā'*. Аль-Хилли приводит нигде более не встречающееся известие о том, что в состав лахмидского войска входил отряд, который оттого, что его воины носили железные доспехи, назывался *al-malḥā'* [213, с. 110]. Слово *malḥā'*, однокоренное с *milḥ* (соль), хорошо подходит для обозначения серо-стального цвета, который арабы считали цветом соли. Один из величайших поэтов доисламской Аравии Антара в одном из своих стихов сказал:

«Мы бьём отряд цвета соли (*al-malḥā'*), пока он не обратится в бегство, и мечи наши – на месте».

Ахмад аль-Марзуки (*Aḥmad al-Marzūqī*, ум. в 1030 г.), автор комментария к этому стиху, истолковывает слово *al-malḥā'* как «белый от большого количества оружия», т.е. опять-таки цвета соли [202, с. 210].

Стало быть, нельзя исключить, что персидский отряд *bōrgal* именовался среди арабов *al-malḥā'*; в этом случае название *al-šahbā'* «высвобождается» для родственников ан-Нумана III. Правда, и в этом случае версия Хишама аль-Кальби кажется предпочтительной. Не последнюю роль в этом играет авторитет аль-Кальби, на известиях которого во многом основано и настоящее исследование. Кроме того, если название *al-šahbā'* было связано с *al-ašāhib*, как называли братьев ан-Нумана III, почему оно появляется в рассказе о событиях начала V в.? Однако из академической корректности правильнее сказать, что вопрос ещё не решён до конца.

Здесь имеет смысл временно прервать анализ сообщения Абу Убайды, чтобы обобщить сведения о двух названных отрядах. Если то, что донесли до нас источники, верно, мы получаем примерно следующую картину. Ардашир I, утвердившись за Евфратом, поставил в Хире два отряда – персидский и набранный из подчинённых Сасанидам арабов-танухитов. Название, данное арабами персидскому отряду за серо-стальной цвет доспехов его бойцов, очень напоминает описание сасанидского войска у Аммиана Марцеллина:

«Все отряды были закованы в железо; отдельные части тела были у них (персов. – Д. М.) покрыты толстыми пластинами, [сделанными] так, что твёрдые стыки [между ними] находились там, где суставы, а на головах их (персов. – Д. М.) [были покрытия] в виде человеческих лиц, столь умело укрепленные, что, поскольку их тела были полностью покрыты железными панцирями, летевшие в них метательные снаряды могли поразить их только там, где были маленькие, расположенные на месте глаз, отверстия, через которые можно было что-то видеть, или там, где через кончик носа можно было сделать сдавленный выдох» [17, т. 2, с. 480].

Нетрудно представить себе, что выглядевшие так персидские воины представляли собой для арабов красочный образ, каким для нас были бы «закованные в латы рыцари».

В «Городах Иранской страны» оба отряда подчинены сасанидскому *марзбан*-у. Так, несомненно, было во времена Ардашира, когда ещё стоял вопрос о том, кто будет опорой Сасанидов в Хире. Но по мере того, как Лахмиды утверждались в качестве такой опоры, им доверяли и предводительство над этими отрядами. Если верна предложенная выше трактовка формы *Podosaces/Podosacis* у Аммиана Марцеллина, уже в 363 г. Амр II выступил против римлян с отрядом *dōsar*. В начале V в. Ездигерд I поставил оба отряда под начало ан-Нумана I. Можно предполагать, что именно наличие этого войска помогло сыну ан-Нумана аль-Мунзиру совершить в 421 г. поход на Ктесифон, а в следующем году – вверх по Евфрату. О роли отрядов *dōsar* и *al-šahbā'* в бурных событиях конца первой трети VI в. источники не сообщают; мы знаем лишь, что аль-Мунзир III преследовал киндитов с арабским войском и персидским отрядом, который прислал ему на подмогу Кавад или Хосров I Ануширван. Но позднее мы видим оба отряда на службе у аль-Мунзира III. В источниках сохранился пересказ сообщения Хишама аль-Кальби об ийадитском поэте Абу Дуаде (*Abū Duwād*), который какое-то время жил у аль-Мунзира под его покровительством. В Хире он поссорился с одним человеком из племени Бану Бахрā, которое, как мы видели, поддержало аль-Мунзира III против киндитов. Дошло до того, что бахраиты убили трёх сыновей Абу Дуада, уехавших торговать в Сирию. Аль-Мунзир как покровитель не мог оставить это без последствий и послал против бахраитов отряды *al-šahbā'* и *dōsar*. Бахраиты, однако, были предупреждены о царском гневе и спешно ушли в Сирию, причём так быстро, что их не удалось догнать [172, ч. 15, с. 95; 199, т. 1, с. 48].

Возвращаясь во времена ан-Нумана III, мы вновь видим отряды *al-šahbā'* и *dōsar* на службе у лахмидского царя. Но состав отряда *dōsar* изменился. Если во времена Ардашира I, т.е. в первой половине III в., он состоял из танухитов, то затем в него были определены все хирцы, как «царские слуги», так и «союзники» (это видно из рассказа аль-Хилли об *aḥlāf*), а в конце VI в., при ан-Нумане III, мы видим в нём бакритов. По всей вероятности, перемена произошла в первой половине VI в., когда бакриты были подчинены власти аль-Мунзира III. Вбирая в себя отборных бойцов из многих племён, отряд *dōsar* слыл очень сильным подразделением. Показательно, что во многих источниках пересказ рассматриваемого сообщения Абу Убайды встречается в комментарии к крылатому выражению «сильнее в бою, чем *dōsar*» (т.е. очень сильное войско). Впоследствии слово *dawsar* (переделанное на арабский лад *dōsar*) обозначало двенадцатитысячное войско [211, с. 80].

В рассматриваемом сообщении Абу Убайды упомянуты ещё два отряда. Один из них называется *al-šanā'ī'*. О его воинах сообщается, что они были особо приближены к царю (*ḥawāṣṣ al-malik*) и постоянно находились при его дворе. Относительно племенного состава отряда особенно ценны сообщения аль-Хилли и аль-Майдани о том, что он состоял из потомков Кайса (*Qays*) и Таймуллаха (*Taym Allāh*, или Таймуллата, *Taym Allāt*), сыновей Салабы (*Ta'labā*). В свою очередь аль-Мубаррад пишет, что большинство воинов отряда составляли бакриты. Эти известия дают возможность утверждать, что речь идёт о бакритских племенах, которые Хишам аль-Кальби в своём сборнике родословных именует Бану Таймиллах Ибн Салаба и Бану Кайс Ибн Салаба [260, с. 44, 60].

Пересказывая другое сообщение Абу Убайды – о борьбе ан-Нумана III с амиритами, захватившими его караван, – Ибн аль-Асир пишет, что *al-šanā'ī'* были арабами,

которых лахмидский царь сделал своими клиентами [226, т. 1, с. 506]. В средневековой арабоязычной литературе слово *ṣanī'a* означает клиента, т.е. человека, который подчинялся патрону и служил ему в обмен на покровительство. Это покровительство было особенно нужно тем, кто покидал своё племя или народ и не мог, следовательно, рассчитывать на то, что помощь или месть соплеменников будет удерживать от нападения на него. В свете изложенного интересно ещё раз обратиться к истории поэта Тарафы. Он принадлежал к Бану Кайс Ибн Салаба (*Banū Qays Ibn Ta'labā*) [239, с. 300; 260, с. 62]. Мы помним, что Тарафа в стихах возмущался необходимостью неотлучно находиться при дворе и не боялся царского гнева потому, что его соплеменники составляли значительную часть войска. Видимо, Тарафа, прибыв ко двору, стал клиентом Амра III или его брата Кабуса и был зачислен в *al-ṣanā'i'*, вследствие чего должен постоянно находиться подле своего покровителя. Но рядом с ним были соплеменники – Бану Кайс Ибн Салаба, и он не без основания рассчитывал на их поддержку. *Al-ṣanā'i'*, находившиеся при дворе, ближе всех к царю, скорее всего были его личной охраной. Если учесть это, легко понять нежелание Амра III портить отношения с соплеменниками Тарафы: если бы *al-ṣanā'i'* ответили на казнь поэта заговором, царь мог бы даже не успеть позвать на помощь²⁸⁹.

²⁸⁹ Нетрудно представить себе, в какое затруднительное положение поставила Амра III казнь Тарафы. Вряд ли приходится сомневаться, что стараниями аль-Муталаммиса распространился вошедший потом в источники рассказ о том, что в гибели Тарафы виноват царь. О дальнейших событиях мы узнаём из «Книги песен» Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани. Согласно одному приводимому в ней рассказу, Амр встретился с казнившим Тарафу наместником и в разговоре с ним сделал вид, что не давал приказа вершить расправу над поэтом. Наместник заплатил виру за убитого (*diya*), которую Амр III отдал брату Тарафы Мабадугу (*Ma'bad*). Согласно другому известию, приводимому там же, Амр демонстративно заплатил выкуп скотом, полученным от наместника, чтобы предотвратить

Кроме бакритов, в отряде *al-ṣanā'i'* были выходцы и из других арабских племён. Об этом можно судить по рассказу об аль-Мунаххале, которого, как говорилось в Части I, обвиняли в незаконной связи с женой ан-Нумана III – аль-Мутаджарридой. Ан-Нуман приказал казнить аль-Мунаххала; веление царя исполнил воин его личной стражи (которую, как мы говорили, составляли *al-ṣanā'i'*) из числа таглибитов [172, ч. 18, с. 154].

Эти сообщения следует сопоставить с известием аль-Балазури о том, что в *джунд* (*ḡund*) лахмидских царей входили ийадиты [190, ч. 1, с. 26]. Слово *ḡund* означало постоянное (говоря категориями наших дней – профессиональное) войско, поэтому речь должна идти об отрядах *dōsar* или *al-ṣanā'i'*. Естественно считать, что в состав этих отрядов вошли те ийадиты, которые были ближе всего к лахмидскому царю – представители родов, которые привёл в Хиру Амр II. Но возможно, что к VI в. к ним присоединились те их соплеменники, которые после поражения от сасанидских войск и изгнания из Ирака ушли в Хиру или Савад.

Последний из отрядов, о которых мы знаем из переписок сообщений Абу Убайды, – «заложники» (*al-rahā'in*). Он насчитывал пятьсот бойцов и состоял из заложников, которых Лакмиды брали у арабских племён. В рассказе о ежегодных поездках вождей племён к лахмидскому царю говорится, что к нему являлись также *aṣḥāb al-rahā'in* (буквально – те, от кого заложники) [199, ч. 1, с. 118; 257,

отмщение ему со стороны родственников Тарафы [172, ч. 21, с. 132]. Факт уплаты виры очень важен. Её должен был платить убийца, но не царь, казнивший за преступление. В данной ситуации это означало, что наместник лишил жизни Тарафу по собственному почину, и царь непричастен к казни. Это желание Амра отмежеваться от казни Тарафы вполне созвучно его нежеланию портить отношения с клиентами-бакритами, которое отмечено выше. Согласно параллельному сообщению аль-Хилли выкуп за убитого (*'aql*) заплатил наместник [213, с. 134].

с. 96]. Очевидно, то были предводители племён, от которых лахмидский царь брал заложников. Возвращаясь к сообщению Абу Убайды, мы читаем, что заложники вместе с лахмидским царём участвовали в походах и войнах и менялись через год²⁹⁰.

Сведения, рассмотренные в Части I, позволяют констатировать, что отряд *al-rahā'in* существовал уже в первой трети VI в. Мы видели, что аль-Мунзир III, установив свою власть над бакритами и таглибитами, взял от них по восемьдесят или сто заложников. Они сопровождали царя в походах, в одном из которых погибли заложники-таглибиты. Последствия этого – межплеменной конфликт, улаженный лишь благодаря участию Амра III, показывают одну важную особенность этого отряда. Он состоял из племён, отношения между которыми были неоднозначными, а могли сделаться и враждебными. Внутри отряда всегда мог произойти конфликт. Кроме того, каждое племя следило за делами своих заложников и, если их ставили в худшее по сравнению с другими положение, возмущалось. Это могло привести к нарушению и без того зыбкого равновесия среди арабских племён, а в худшем случае – и к войне. Поэтому использовать такой отряд следовало с большой осторожностью, не отдавая явного предпочтения ни одному из племён.

В наше время может показаться странным, что заложники участвовали в походах на стороне того, кто их взял. Однако в те годы на это смотрели иначе. Нельзя сказать, чтобы предоставление заложников было неотъемлемой частью отношений между государствами и племенами, но оно в принципе считалось приемлемым; достаточно вспомнить, что Амр III, заключив в 552 г. договор с Абрахой, обязался дать ему в заложники сына. Кроме того,

²⁹⁰ Это указание – только в пересказах Хамзы аль-Исфахани и аль-Аскари. Ссылки на источники – в прим. 288.

заложники являлись представителями подчинённых племён, которые и так должны были выступать на стороне лахмидского царя. Аль-Язиди приводит не принадлежащий Абу Убайде рассказ о том, что лахмидский царь обязал каждый род или племёя (*qawm*) предоставить ему около сотни (возможно – больше или меньше, в зависимости от численности соответствующего рода или племени) бойцов, чтобы они ходили на войну вместе с ним. Эти бойцы называются *al-waḏā'i'* [251, с. 992].

Насколько сильно было войско Лахмидов? Если просто сложить известную нам численность отрядов, получается: 4000 (*dōsar*) + 1000 (персы) + 500 (*al-rahā'in*) = 5500 человек. Клиентов могло быть от сотни до нескольких сотен. Значит, войско, которое лахмидский царь мог выставить в любое время, насчитывало самое большее около шести тысяч человек. К ним присоединялись отряды из союзных Лахмидам арабских племён. В Аравии Лахмиды не раз заключали союзы с одними племенами против других. Лучше всего это видно на примере тамимитов, из которых одни ориентировались на Лахмидов, другие – на правителей Йемена. Показательны слова аль-Хилли:

«Если царь замышлял напасть на какое-либо племя из арабов, он привлекал к себе, против них, их врагов и упомянутых воинов из Хиры²⁹¹, пребывавших с ним, призывал одних на помощь против других и бил одних с помощью других. Поэтому арабы сходились к ним, собираясь ради походов и грабежа, а также из-за зависти и ненависти, которые одни держали в сердце против других. И вот, если [Лахмиды] призывали их в поход, они собирались к ним в больших количествах, стремясь пограбить и удовлетворить свою алчность, и их набиралось множество. Когда же [Лахмиды]

²⁹¹ По всей вероятности, аль-Хилли имеет в виду отряды лахмидского войска (*al-šahbā'*, *dōsar* и т.п.), о которых он повествует ранее.

двигались обратно, арабы расходились по своим поселениям, и с [Лахмидами] оставались только те, кто жил в Хире» [213, с. 368].

Отряды союзников, судя по всему, участвовали и в походах по течению Евфрата. По словам аль-Муфаддала, на битву при Айн Убаге аль-Мунзир III явился с воинами из различных племён Рабиа, Мудар и т.п. (*aḥlāf*) [207, с. 51].

Численность этих племенных ополчений, разумеется, невозможно подсчитать. Но вряд ли Лахмиды допустили бы, чтобы союзники превосходили их числом: в этом случае могли возникнуть конфликты, например, при дележе добычи или трофеев. Если на основании этого считать, что союзников было около четырёх тысяч, общая численность войска, которое могло выступить на стороне Лахмидов, составляла примерно десять тысяч человек.

По меркам Аравии того времени это было большое войско. Насколько можно судить, численность племенных ополчений обычно составляла несколько сотен или в лучшем случае несколько тысяч человек. Известный арабский воитель, современник последних Лахмидов Дурайд Ибн ас-Симма (*Durayd Ibn al-Ṣimma*) пытался в одном стихе впечатлить слушателей упоминанием о двухтысячном отряде:

«Я сказал им: “Подумайте о двух тысячах латников, тела которых в кожаных персидских доспехах”» [263, с. 756].

В 627 г. курейшиты, отправляясь осаждать Медину, где находился Мухаммад, собрали вместе с ближайшими союзниками четырёхтысячное войско; конных в нём было триста человек. На Медину выступила коалиция племён, общая численность войск которой составила десять тысяч человек [156, с. 443–444; 242, т. 3, с. 203]. Можно заключить, что по общему правилу лахмидское войско было сильнее ополчения любого отдельного племени и имело примерно равные шансы на успех в бою с противником,

объединившим несколько племён, например, с Гассанидами. Но необходимо учесть, что, если бы такое войско действительно предприняло поход в Аравию, оно вскоре столкнулось бы с недостатком провианта и фуража. Так, заметим, получилось с войском, осаждавшим Медину [156, с. 444]. Персы, как показывает рассмотренная в прим. 175 история киндитского царевича Абу-ль-Джабара, неохотно воевали в Аравии, так как плохо переносили её природные условия. Поэтому в походах обычно участвовали более мелкие отряды. Аль-Уакиди приводит приписываемое Мухаммаду изречение, согласно которому наилучшая численность отряда, идущего в набег – четыреста человек, а войска – четыре тысячи [156, с. 890]. Тем самым, в Аравии Лахмиды фактически не могли воевать в полную силу. Возможно, это было одной из причин того, что экспансия Лахмидов в Аравии была длительным процессом, в ходе которого они не всегда одерживали победу.

Основным преимуществом лахмидского войска была его мобильность. Подвижные отряды, передвигавшиеся на конях или верблюдах, могли стремительно уйти далеко вперёд, нанести удар или разорить какую-либо область, а затем так же быстро отступить назад. Лахмиды не избегали и фронтальных сражений, в которых, судя по рассмотренному в Части I эпизоду с пленением Тимострата, применяли классический боевой приём – притворное бегство с последующим резким ударом по потерявшему строй противнику (*al-karr wa al-farr*). Однако в таком сражении перевес мог склониться на любую сторону. Аль-Мунзир III и его сын ан-Нуман погибли в битвах, а ан-Нуман II скончался от полученных в бою ранений.

Войско Лахмидов имело и ряд слабых мест. Племенные ополчения шли не столько воевать, сколько грабить, и недостаток дисциплины отрицательно сказывался на боеспособности войска. В 422 г. слухи о приближении римского войска вызвали панику; охваченные страхом воины

бросались в Евфрат, чтобы спастись на другом берегу, и гибли в водах реки. В 570 г. часть воинов Кабуса разошлась грабить, и аль-Харис Гассанидский разгромил оставшихся внезапным ночным ударом. Заметим, что аль-Харис не раз использовал этот приём, вообще весьма распространённый среди арабов того времени. Но эти удары ни разу не были предотвращены. Видимо, оборона лахмидского лагеря была организована не лучшим образом. К тому же, лахмидские войска не умели брать штурмом укреплённые города, о чём прямо говорит Прокопий Кесарийский [124, с. 234–235].

Из сказанного следует, что лахмидское войско было куда лучше приспособлено к набегам, в которых соединялись элементы войны и грабежа, чем к длительным, требовавшим значительных ресурсов боевым действиям.

Хозяйство

О хозяйственной жизни при Лахмидах мы осведомлены очень слабо. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что её основой, как и почти у всех арабов того времени, было разведение верблюдов. Мы помним, что ещё придворные врачи Ездигерда I советовали царю отправить малолетнего царевича Варахрана в Хиру, чтобы он омывался мочой верблюдов и пил их молоко. Ибн аль-Факих (жил прим. в 844/45 – 930/31 гг.) сообщает, не ссылаясь, к сожалению, на источник информации, что персы изображали Варахрана V на сосудах, коврах и покрывалах восседающим на верблюде [227, с. 212]. Другой пример рассмотрен выше: аль-Харис Гассанидский, овладев Хиroy, угнал оттуда верблюдов и коней. Вполне возможно, что жители Хиры занимались и овцеводством, хотя кроме легенды о баране с привязанным к горлу ножом, которого Амр III выпустил, чтобы проверить лояльность к нему арабов, у нас нет об этом никаких сведений.

Другим явлением, без которого нельзя представить себе жизнь средневековых арабов, были рынки (*aswāq*). Наиболее известны и посещаемы были ярмарки, проводившиеся в определённое время и служившие торговыми площадками, на которых купцы из разных племён и стран (в частности, Ирана и Индии) обменивались товарами. До нас дошло подробное описание ярмарок доисламской Аравии²⁹². О ярмарке в Хире в нём не упоминается. Однако Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани в одном месте приводит рассказ о том, как аль-Хакам Ибн Аби-ль-Аси (*al-Ḥakam Ibn Abī al-Āṣī*) из рода Омейядов отправился с благовониями в Хиру на проводившуюся там ежегодно ярмарку. В пути аль-Хакам заехал к Хатиму ат-Таи (*Ḥatim al-Ṭāʾi*), поэту, известному своей щедростью, и просил его покровительствовать ему, пока он не проедет по землям таййитов, направляясь в Хиру. Судя по тексту источника, аль-Хакама побудило к этому то, что ан-Нуман Ибн аль-Мунзир, т.е. ан-Нуман III, предоставил таййитскому роду Бану Лам Ибн Амр (*Banū Lām Ibn ʿAmr*) привилегию, которая в арабском тексте называется ربع الطريق [271, ч. 16, с. 95–96]²⁹³. Её суть остаётся неясной; даже перевести это поня-

²⁹² Оно сохранилось у Ибн Хабиба и аль-Марзуки [201, с. 382–388; 238, с. 263–267]. Последний приводит его со ссылкой на Абу-ль-Мунзира (*Abū al-Mundir*), который в некоторых фрагментах повествует со слов отца. Это даёт основание считать, что описание принадлежит Хишаму аль-Кальби и позаимствовано из его «Книги о рынках арабов» (*Kitāb aswāq al-ʿarab*), о которой мы знаем от других авторов [228, т. 1, с. 305; 265, с. 2780].

²⁹³ Согласно тексту Абу-ль-Фараджа, ан-Нуман поступил так потому, что хотел облагодетельствовать род Бану Лам, на представительнице которого, дочери Саада Ибн Харисы (*Saʿd Ibn Ḥārīṭa*), внука Лама, был женат [172, ч. 16, с. 95]. Имеется в виду женщина по имени فرعة (наиболее правдоподобное чтение – Фара, *Farʿa*), которая была женой ан-Нумана, родила ему сына и дочь, а во время опалы сопровождала его в скитаниях по Аравии [19, сер. 1, с. 1027–1028; 172, ч. 20, с. 132]. Что касается Саада, о нём известно, что он какое-то время был *раис*-ом (*raʿīs*), то есть предводителем или военным вождём рода [260, с. 224].

тие невозможно, потому что мы не знаем, как читать ر. Речь может идти о четверти пути, отданной в управление, праве взимать четверть от какого-то имущества за право проехать (*rubʿ*) или водопое, до которого доходили на четвёртый день пути (*ribaʿ*). Думается, что в конечном счёте эта привилегия так или иначе сводилась к праву получать с купцов известную плату в обмен на что-то, например, обеспечение безопасности проезда или пользование водопоем. Аль-Хакам избежал обязанности платить Бану Лам, обратившись к Хатиму. Обойтись без его помощи не мог: в пути на него могли напасть разбойники или племена, по землям которых он передвигался.

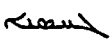
В свою очередь, торговцы из Хиры совершали поездки в Аравию и посещали её ярмарки. В источниках широко распространены переложения сообщения Абу Убайды²⁹⁴ о том, как ан-Нуман III однажды послал караван²⁹⁵ на ярмарку в Указ. Судя по рассказам источников, ан-Нуман активно занимался торговлей на указской ярмарке. Мы помним, что ещё в начале своего правления он через торговцев, возивших его товары на указскую ярмарку, купил некоторых пленных амиритов. Согласно рассматриваемому сообщению Абу Убайды, ан-Нуман каждый год посылал караван на указскую ярмарку. В пересказе сообщения у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани мы читаем, что купцы, отправленные ан-Нуманом, покупали на ярмарке кожи, шёлк и изделия из него, верёвки для затягивания бурдюков, обувь, плащи и прочие одежды; о том, что они продавали, не упоминается. Некоторое время посланные царём купцы ездили на ярмарку в безопасности, но затем, согласно одному из пересказов, ан-Нуман выступил

²⁹⁴ В источниках, указанных в конце абзаца, ссылка на Абу Убайду дана у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани.

²⁹⁵ Кажется, именно так в данном случае следует переводить арабское слово *laṭīma*.

против брата Балá Ибн Кайса (*Bal'ā' Ibn Qays*) и убил его²⁹⁶. В ответ Балá стал нападать на караваны, посланные ан-Нуманом. Но проблема, видимо, не исчерпывалась этим. Когда ан-Нуман стал подбирать человека, который мог бы довести караван до аль-Указа и охранять его в пути, сделать это вызвался один изгнанный из своего рода кинанит по имени аль-Баррад Ибн Кайс (*al-Barrād Ibn Qays*). Однако он мог обещать провести караван в безопасности только по землям кинанитов. Для ан-Нумана этого было мало: в тексте источника он говорит, что ему нужен тот, кто проведёт караван по землям Неджда и Тихамы. В итоге выбор ан-Нумана пал на другого человека, принадлежавшего к аднанитскому племени Хауазин (*Hawāzin*). Но в пути аль-Баррад убил его и захватил караван [172, ч. 19, с. 75–78; 199, ч. 2, с. 87–88; 224, ч. 5, с. 253–255; 226, т. 1, с. 468–469; 235, т. 1, с. 104–105; 237, с. 191–194; 257, с. 335–336].

Очень похожий эпизод произошёл в самом конце правления ан-Нумана III. Тогда он в очередной раз отправил в Указ караван, поставив его охранителем и проводником некоего Курру Ибн Хубайру аль-Кушайри (*Qurra Ibn Hubayra al-Quṣayrī*). Но получилось так, что немного спустя ан-Нуман был вызван к Хосрову II Парвизу и покинул Хиру. Курра захватил караван и присвоил его [213, с. 172].

В истории наджранских мучеников, опубликованной И. Шахидом, упоминается купец из Хиры по имени (*Ghšnā*). О нём сообщается, что он находился в Йемене во время первого похода эфиопов²⁹⁷ и спас Иосифа Асар Ясара,

²⁹⁶ Балá Ибн Кайс был вождём одного из родов аднанитского племени Бану Кинана (*Banū Kināna*), ветви Бану Хузайма. Ибн Хазм называет двух его братьев – Джассаму (*Ġaṭṭāma*) и аль-Мухджила (*al-Muḥġil*) [231, с. 171; 238, с. 246; 239, с. 171]. Однако ни Ибн Хазм, ни Ибн Хабиб, которому принадлежит рассматриваемый пересказ, не уточняют, кого из них погубил ан-Нуман.

²⁹⁷ Этот поход нельзя путать с походом Калеба Эллы-Асбахи в 525 г. Его дату можно определить на основании следующих данных. Козьма Индикоплов сообщает, что в начале правления Юстина I

пребывавшего тогда у них в плену, поклявшись на Евангелии в том, что Иосиф – христианин. Впоследствии Иосиф отблагодарил его, отправив ему в Хиру дары с благодарственным письмом [139, с. хxi]. Доверие, с которым эфиопы отнеслись к этой клятве, свидетельствует о том, что купец был христианином. Имя *Ghsna* не поддаётся объяснению, но, если читать его на арабский лад, как *Джахсана* или *Джахшана*, оно очень похоже на *Джаджбаба*, как звали представителя общины Бану Фаран, выступившего против Ауса Ибн Каллама. Как показано ниже, христианское вероучение было распространено в этой общине. Видимо, этот купец принадлежал к Бану Фаран. К сожалению, мы не знаем, каким образом он попал в Йемен – по морю или по суше.

Из приведённых примеров видно, что торговля между Хирой и Аравией шла, но затруднялась нападениями разбойников или племенных вождей, которые отваживались грабить и царские караваны. Лахмиды пытались противодействовать этому. В одном источнике сообщается, что разбойников, грабивших на путях, они карали распятием [220, ч. 3, с. 94]. Известно, что ан-Нуман III захватил и покарал распятием одного даримита, промышлявшего

царь Аксума Элла-Асбаха намеревался выступить в поход в землю химьяритов, расположенную напротив его владений [152, с. 72]. Юстин I царствовал с 10 июля 518 г. Согласно пересказу письма Иосифа Асар Ясара в истории, приписываемой Захарии Митилинскому, кушиты, т.е. эфиопы поставили не названного по имени царя; он правил перед Иосифом и умер [75, с. 65]. Этим царём, вероятно, был Мадикариб Яфур (*M'dkrb Y'fr*). По источникам о нём, между прочим, известно следующее: св. Рума предоставила ему большой заём, а затем простила долг [139, с. хxvii], в Хиру он отправил посла-христианина [75, с. 70]. Из этих сообщений видно, что Мадикариб Яфур поддерживал хорошие отношения с христианами и полагался на них в важных делах. Так вполне мог вести себя ставленник царя Аксума. Из разобранных выше надписи *Ry 510* можно заключить, что Мадикариб Яфур царствовал и воевал в центральной Аравии с аль-Мунзиром III в июне 521 г. Стало быть, первый поход Калеба Элла-Асбахи в Йемен, по всей вероятности, произошёл в 519 или 520 г.

разбоем [238, с. 327–328]. Однако даже в лучшем случае эти меры ограничивались землями, находившимися под властью Лахмидов. Но напасть на купцов могли и в других местах, например, в Йемене. Вероятность нападения была тем выше, что на протяжении длительного времени, по крайней мере, большей части VI в., земли Йемены являлись ареной борьбы Лахмидов против правителей Йемена и арабских племён. Для того, чтобы быть в безопасности, купцам, несомненно, приходилось договариваться с племенами, через земли которых они проезжали; именно так поступил аль-Хакам Ибн Аби-ль-Аси. За покровительство следовало платить, что делало поездки более дорогостоящими. Поэтому логично считать, что на хирскую ярмарку съезжались в основном арабы из приевфратских местностей, области Бахрейна и Йемены. Возможно, именно поэтому хирская ярмарка была мало известна в Аравии. Как мы видели, в описании арабских ярмарок она не фигурирует вовсе, и мы узнаём о ней только благодаря рассказу об аль-Хакаме Ибн Аби-ль-Аси, который сохранился только у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани – и лишь потому, что в нём упоминается такая известная личность, как Хатим ат-Таи.

Читая описания арабских ярмарок, мы замечаем, что многие правители, подчинённые Сасанидам, взимали с купцов пошлины. Так поступали тамимиты, которым в позднесасанидское время было вверено управление ярмаркой в аль-Мушаккаре (область Бахрейна), аздитские правители Омана на ярмарках в Сухаре и Даба, персидские наместники Йемена на ярмарке в Адене [82, с. 313–314; 201, с. 382–384; 238, с. 265–266]. Обычно такие пошлины называются в источниках *‘uṣr* (десятина). Кажется, имеется в виду, что размер пошлины составлял одну десятую от стоимости привозимых товаров. У нас, к сожалению, нет определённых свидетельств, но было бы логично считать, что так поступали и Лахмиды. Если так, проведение ярмарок должно было пополнять царскую казну.

Помимо ярмарки у Хиры было ещё два пути торговли с дальними странами. Аль-Масуди повествует, что во времена Лахмидов русло Евфрата подходило ближе к Хире, чем в его эпоху. До Хиры Евфрат был судоходен, и к Лахмидам на кораблях прибывали купцы [107, т. 1, с. 215–216; ср. 67, с. 102]. Правда, это только частично удовлетворяло спрос: шёлк и изделия из него привозили для Лахмидов и с указской ярмарки.

Сохранились некоторые сведения и о торговых связях Хиры с византийской Сирией. Мы видели, что ийадитский поэт Абу Дуад, живший под покровительством аль-Мунзира III, отправил трёх сыновей торговать в Сирию. Кроме того, в источниках упоминается ромейский купец по имени Сарджун Ибн Тауфиль, который приезжал к ан-Нуману III и был его товарищем по пирам [172, ч. 16, с. 21; 213, с. 370; 247, с. 9]²⁹⁸. Эти сведения, пусть и отрывочные, показывают, что купцы ездили между Хирой и Сирией в обоих направлениях. Правда, мы, строго говоря, не знаем точно маршрутов, по которым они двигались. Кратчайшим из них был путь по Евфрату, который, как мы видели, описывал ещё Страбон. Но теоретически возможно, что купцы ездили и по-другому, через Палестину и север Аравийского полуострова.

Мы не очень хорошо представляем себе, как проходил товарообмен. Лахмиды не чеканили собственной монеты. Вероятно, при расчётах использовались сасанидские серебряные драхмы. На это указывает рассказ о том, как Ади Ибн Зайд и ан-Нуман (будущий ан-Нуман III), собираясь к сасанидскому царю, просили у епископа Хиры Джабира Ибн Шимуна сорок тысяч дирхемов на

²⁹⁸ В источниках это имя пишется по-разному. Наиболее правильной формой кажется *S.r.ġūn Ibn Tūfil*, как у аль-Хилли (см. ссылку в тексте). Её, очевидно, следует интерпретировать как «Сергий, сын Феофила».

расходы. Епископ, встретивший их весьма гостеприимно, сказал, что у него есть восемьдесят тысяч дирхемов, и дал им всю эту сумму [172, ч. 2, с. 24; 213, с. 506]. Большие числа, сообщаемые восточными авторами, нередко вызывают недоверие, но нельзя забывать, что епископ, как показано выше, происходил из знатного рода, а фамильное состояние могло быть значительным. При подчинении Хиры мусульманскому государству жители города обязались платить *джизью*, т.е. подушную подать с немусульман, дирхемами, то есть сасанидскими драхмами. Правда, в определении размера *джизьи* мусульманские рассказчики расходятся, называя величины от шестидесяти до ста девяноста тысяч дирхемов. Кроме того, монеты, которыми должна была выплачиваться *джизья*, различались по весу, что тоже приводило к различиям в подсчёте суммы [19, сер. 1, с. 2019, 2041; 189, с. 340; 198, с. 78]. Из данных сообщений следует, что у жителей Хиры были сасанидские драхмы, и это наблюдение в какой-то степени восполняет отсутствие сведений о монетных находках. Однако в обоих случаях драхмы выступают скорее как средство накопления, чем как средство платежа. Между тем в истории Ади Ибн Зайда мы читаем, что его предок Аййуб, обосновавшись в Хире, купил земельный участок и отдал за него двести унций золота, двести верблюдов с пастухами, коня и рабыню-певицу [172, ч. 2, с. 18].

Обратим внимание, что на втором месте после весового золота стоят верблюды. Они тоже были важным элементом расчётов. Не каждый араб имел золото или рабов, но верблюды были практически у всех и могли пригодиться в любом хозяйстве. В верблюдах измерялись вира за убитого, выкуп за пленных, а также подати племён. Поэтому можно предполагать, что натуральный обмен был весьма важен и, вероятно, превосходил по значению денежные расчёты.

О податях, которые платили Лахмидам подчинённые им племена, упоминается в приведённом в прим. 244 отрывке из стиха аль-Ахнаса Ибн Шихаба. Согласно одному рассказу, приводимому у аль-Бакри, ан-Нуман III назначил аль-Галлака Ибн Амра (*al-Ġallāq Ibn 'Amr*), принадлежавшего к Бану Риях (*Banū Riyāḥ*), т.е. к тому же тамимитскому племени, что и ярбуиты, на верблюдов арабов, живших по соседству с его владениями (*'alā haġā'in tan yalī arḍa-hu min al-'arab*). Какое значение вложено в эти слова – видно из дальнейшего изложения аль-Бакри. Другой ярбуит по имени аль-Укфан Ибн Кайс (*al-'Uqfān Ibn Qays*) укрыл своих верблюдов, и аль-Галлак стал искать их. Тогда Укфан собрал верблюдов и отправился к ан-Нуману. Тот пожаловал ему своё покровительство (видимо – в обмен на личную преданность) и ничего не взял из верблюдов [186, ч. 2, с. 746]. Аль-Галлак упоминается также у Абуль-Фараджа аль-Исфахани, по словам которого ан-Нуман III назначил его заведовать своими верблюдами [172, ч. 9, с. 173]. Видимо, верблюды, поступавшие в качестве дани с племён, присоединялись к стадам ан-Нумана. Пополнением и содержанием стад заведовал аль-Галлак.

Мы подошли к тому этапу исследования, когда можно перечислить доходы лахмидской казны, которые в основном уже указывались, но поодиночке и в разных контекстах. Если суммировать эти сведения, к доходам можно отнести подати (*itāwa*) с подчинённых племён и, возможно, Хиры (об этом см. ниже), пошлины с заезжих купцов, прибыль от торговли на ярмарках (прежде всего – на хирской, где лахмидский правитель мог обеспечить себе любые преференции), военную добычу²⁹⁹ и выкуп за пленных, а для последних лет – также поступления от владений,

²⁹⁹ Из рассмотренных выше сообщений о *ридф*-е следует, что лахмидский царь, подобно арабским племенным вождям доисламского времени, присваивал себе *mirbā'*, т.е. четвёртую часть добычи, захваченной в походе.

пожалованных Сасанидами³⁰⁰. Можно представить себе и расходы. Как представляется, средства уходили в основном на содержание членов правящего рода, двора и пожалования приближённым, клиентам и войску, а возможно – и вождям подчинённых племён. Тех, кто подчинялся царю, это должно было побуждать к верной службе. Поэтому в таких случаях лахмидские цари проявляли щедрость. В стихе, фрагмент которого – о смерти ан-Нумана в заточении в Валашабаде – приведён выше, Маймун Ибн Кайс Подслеповатый говорит:

«Не растратил ан-Нуман всё в тот день, когда я встретил его – а он милостиво наделял каждого и проявлял щедрость» [57, с. 146].

Ещё более показателен фрагмент стиха Зухайра Ибн Аби Сульмы аль-Музни (*Zuhayr Ibn Abī Sulmā al-Muznī*), где он повествует о том, что приближённые ан-Нумана покинули его во время опалы:

«Разве не видел ты, что ан-Нуман был ограждён от бед – если человек может быть ограждён от них,

Но двадцатилетнее его правление изменил один злополучный день?

³⁰⁰ О них мы знаем со слов аль-Хилли, согласно которому Хосров II Парвиз пожаловал ан-Нуману земельные владения, подати с населения которых (в арабском тексте – *ḥarāğ*) составляли сто тысяч дирхемов в год [213, с. 500–501]. Правовой статус этих владений до конца не ясен. В данном фрагменте аль-Хилли утверждает, что Лахмиды не владели ничем, что не было бы пожаловано им Сасанидами. Из этого можно было бы заключить, что, поскольку верховная власть над землёй признавалась только за Сасанидами, ан-Нуман не имел в отношении пожалованного ему владения неограниченных прав, т.е. права собственности и был стеснён в распоряжении им. Однако далее аль-Хилли сообщает, что ан-Нуман пожаловал часть полученного им владения человеку по имени Сауад Ибн Ади (*Sawād Ibn Adī*). Поэтому предположение об условном характере пожалования наталкивается на сложность определения связанных с ним ограничений, которые, собственно говоря, и составляют условность.

Я не видел, чтобы тот, кто обладал такой царской властью, какая была у него, лишился её и оказался с меньшим количеством друзей, пытающихся помочь делом или сочувствующих.

Где те, кому он давал скакунов с уздечками и дорогих красавиц?

А где те, кому он давал поселения с их урожаем, сотни верблюдов, готовых с утра встать и отправиться в путь?

А где те, кто присутствовал, когда он угощал? Когда подавали угощение, они впивались в него.

Я видел, что они остались безучастны к его участи, увидев, какова она» [263, с. 583–584].

Особо стоит вопрос о том, платили ли Лахмиды какие-либо подати Сасанидам. Как ни странно, источники почти ничего не сообщают об этом, и лишь аль-Якуби в одном месте пишет, что Лахмиды правили от имени Сасанидов (т.е. как их наместники) и платили им *харадж*, что в данном контексте следует понимать как «дань» [82, ч. 1, с. 240]. Вообще говоря, это кажется естественным: ведь Сасаниды взимали подати с населения земель, находившихся под их властью. Однако неизвестно, ни с чего, ни в каком размере и форме уплачивалась эта дань.

Не имея достаточного объёма сведений, мы вынуждены восполнять пробелы тем, что нам известно о Сасанидской державе вообще, и логическими построениями. Изначально обязанность по уплате податей должна была лечь на «царских слуг», что стало частью их правового статуса. Впоследствии эта обязанность была распространена на всех, кто переселялся в Хиру; возможно, в том числе и поэтому пополнение рядов «царских слуг» происходило без видимого противодействия со стороны Сасанидов. Можно представить себе, что со временем Лахмиды стали отдавать Сасанидам часть дани, которую получали от арабских племён. Думается, речь может идти именно

о части, так как в Сасанидской державе существовали подати и в пользу наместника [3, с. 123]. Вероятнее всего, лахмидский правитель отсылал часть податей от хирцев и племён сасанидскому царю (а возможно – и отвозил сам во время ежегодных поездок к нему), а остальное разделял с командующим персидского гарнизона.

Религия и религиозные общины.

Традиционные племенные верования

В древние времена и в эпоху Средневековья мы видим на Ближнем Востоке множество всевозможных религиозных течений. Лакмидское государство в этом отношении не было исключением, но имело некоторое своеобразие, вызванное особенностями его политического развития. Его правители были язычниками или, если выражаться более политкорректно, приверженцами традиционных племенных верований. Об этом культе сохранились некоторые упоминания в источниках, однако в целом наши представления о нём ещё неясны. Наиболее полное описание верований, которых придерживались Лакмиды, обнаруживается в приведённых в Приложении 3 известиях о крещении ан-Нумана III. По тексту «Сииртской хроники» мы видим, что ан-Нуман приносил жертвы идолам, поклонялся Венере и считал своей госпожой аль-Уззу – богиню, которая управляла (видимо – миром) и жила на небесах. Упоминание о богине аль-Уззе (ар. *al-'Uzzā*) обнаруживается в рассказах об одном из походов аль-Мунзира III на Византию³⁰¹. Монах по имени Дада, побывавший в лакмидском плену, сообщает, что аль-Мунзир принёс чetyреста женщин из полона в жертву аль-Уззе [33, т. 2, с. 178–179; 75, с. 77–78].

³⁰¹ Первоисточником является в данном случае текст, вошедший в состав церковной истории, приписываемой Захарии Митилинскому. Судя по тексту источника, речь идёт о походе 527 или 529 г.

В других фрагментах упоминается Афродита, которая в греческом пантеоне соответствовала Венере. По словам Прокопия Кесарийского, тот же аль-Мунзир III, захватив в плен сына аль-Хариса Гассанидского, велел принести его в жертву Афродите [125, т. 1, с. 518]³⁰². Евагрий Схоластик повествует, что ан-Нуман III, решив креститься, расплавил на огне золотую статую Афродиты и полученные таким образом слитки раздал нищим. Похожее сообщение встречается в житии Сэбришó, где мы читаем, что ан-Нуман III, крестившись, велел разбить идол ,𐤆, посвящённый Афродите. Форма ,𐤆 (в транслитерации – ‘zy) очевидно близка к [al-]‘Uzzā³⁰³ (с конъектурой 𐤆𐤌, ‘z.ā). Всё говорит в пользу того, что применительно к истории Лахмидов упоминаемую в источниках Афродиту-Венеру следует отождествить с аль-Уззой.

Этой богине поклонялись не только лахмидские цари, но и их подданные. В «Сииртской хронике» мы читаем, что Авраам Великий, проповедовавший в Хире примерно в первой половине VI в., отвратил народ от почитания аз-Зухры, т.е. Венеры [74, ч. 2, с. 133].

Культ Уззы был в древности у набатеев, о чём свидетельствуют некоторые надписи [64, с. 81–82, 120, 269]. В доисламской Аравии почитали аль-Уззу. По словам Хишама аль-Кальби, курейшиты совершали хождений к аль-Уззе больше, чем к какому-либо иному божеству; так же было и с дарениями. Далее аль-Кальби продолжает, что племена Сакиф (*Taqīf*) поклонялись Аллат (*al-Lāt*), а Аус и Хазрадж – Манат (*Manāt*), но заканчивает тем, что все почитали аль-Уззу [102, с. 21]. У аль-Уззы было святилище, находившееся, согласно тому же автору, в местности Нахла аш-Шамиййя (*Naḥla al-Šāmiyya*), в девяти милях от Зат Ирка, по правой стороне пути из Мекки в Ирак [102, с. 13].

³⁰² Как показано в Части I, это произошло между 546 и 549 г.

³⁰³ Фрагменты истории Евагрия Схоластика и жития Сэбришó приведены в Приложении 2.

Хотя о поклонении аль-Уззе упоминают многие источники, наши знания об этом всё ещё неполны. В частности, неясно, чему древние арабы приписывали сверхъестественную природу – самому идолу как вещи или некоему сверхъестественному существу, обитавшему в нём. В описании Евагрия Схоластика Афродита – идол, который можно расплавить. Но в «Сииртской хронике» аль-Узза – богиня, живущая на небесах. Между прочим, аналогичные соображения можно высказать и в отношении аравийской аль-Уззы. Согласно одному сообщению, Амр Ибн Лухайй (*ʿAmr Ibn Luḥayy*), утвердивший поклонение аль-Уззе, заявлял, что божество проводит лето в Аллат из-за холода в Таифе, а зиму – в аль-Уззе из-за жары в Тихаме [60, с. 79; 217, ч. 2, с. 364]. У Хишама аль-Кальби мы читаем, что аль-Узза была бесовкой (*šayṭāna*), которая время от времени прибывала к трём акациям (*samūrāt*)³⁰⁴ в Нахле [102, с. 19]. Весьма показательны рассказы о разрушении аль-Уззы Халидом Ибн аль-Уалидом (январь 630 г.). По словам Хишама аль-Кальби, Халид срубил две из трёх акаций, после чего столкнулся с отвратительной темнокожей женщиной с распущенными волосами. Халид ударил её, и она обратилась в пепел. Затем Халид срубил и третью акацию [102, с. 19, 21]. Очень похожий рассказ обнаруживается также у аль-Уакиди, Ибн Саада и в истории Мекки, восходящей к аль-Азраки. У первых двух из этих авторов мы находим ещё одну важную подробность: этой женщиной была сама аль-Узза, потерявшая надежду, что ей станут поклоняться [60, с. 81; 156, с. 873–874; 235, ч. 2, с. 135, ч. 5, с. 32].

Изложенные сведения оставляют, кажется, только одну возможную трактовку: как в Аравии, так и в Хире аль-

³⁰⁴ Эти деревья считались своего рода обителью аль-Уззы. Аль-Азраки прямо пишет, что аль-Узза – это три акации [60, с. 79]. У Ибн Хабиба и Ибн Хазма аль-Узза – дерево, рядом с которым находился идол [238, с. 314; 239, с. 458].

Узза считалась не столько идолом, сколько сверхъестественным существом, которое могло и вселяться в него, и существовать в отдельности. Видимо, культ аль-Уззы был продолжением древних верований в какое-то женское божество, которые с течением времени обрели в разных областях собственные формы (поклонение золотой статуе в Хире, идолу и акациям в Нахле).

Другая проблема исследования традиционных верований в Хире состоит в том, что помимо поклонения аль-Уззе в источниках упоминаются и иные культы. В пересказе повествования об Ади Ибн Зайде у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани аль-Мунзир IV, обращаясь к хирцам, клянётся богинями Аллат и аль-Уззой [172, ч. 2, с. 20]. В «Сокращённом изложении церковной истории» можно прочесть, что ан-Нуман I поклонялся идолам, Аллат и аль-Уззе; всем им он приносил жертвы [253, с. 134]. Обратим внимание на упоминание о богине Аллат. Её культ был распространён и в некоторых подчинённых Лахмидам племенах. Аль-Муталаммис в одном из своих стихов так обращается к Амру III:

«Ты изгнал меня, чтобы уберечь себя от высмеивания –
клянусь Аллат и идолами, ты не убережёшься!» [206,
с. 42]

Из идолов Хиры арабоязычные авторы помнят только одного; его название пишется как سبد , т.е. *s.b.d*. Сказать, как именно читается это слово, трудно. Аль-Хилли приводит фрагмент одного стиха, из разбора которого по правилам арабской метрики видно, что после *б* не было гласной [213, с. 108], т.е. читать можно Сабд, Субд или Сибд. Из этих слов только Сибд имеет в арабском языке определённое значение. Оно означает волка или – возможно, по аналогии с ним – хитрое, коварное существо, в том числе и человека. В рассматриваемом случае речь, конечно, может идти только о первом значении. Если

избрать его, можно представить себе идола в форме волка, с волчьей головой и т.п. Насколько это правдоподобно – можно спорить, однако все остальные варианты чтения наталкиваются на полное отсутствие каких-либо возможных объяснений или аналогий. Поэтому в настоящем исследовании принято чтение Сибд.

Фрагмент, о котором идёт речь, аль-Хилли приводит как довод в пользу того, что *al-‘ibād* следует интерпретировать как *‘ibād Sibd*, т.е. «поклоняющиеся Сибду». Помимо этого в источниках есть ещё один фрагмент, где речь идёт об этом идоле. Это – продолжение процитированного в Части I сообщения о том, как хирская знать хотела свергнуть аль-Мунзира IV, но Зайду Ибн Ади удалось отговорить её. Мы помним, что аль-Мунзир обрадовался найденному Зайдом выходу из положения. Далее рассказ продолжается так:

«Он (аль-Мунзир IV. – Д. М.) сказал: “Я тебе, о Зайд, должен услугу и никогда не стану отрицать этого, пока признаю, какое положение должен занимать Сибд³⁰⁵”. А Сибд – идол, который был у хирцев» [172, ч. 2, с. 20; 213, с. 432].

Волкоподобного идола трудно отождествлять со статуей Афродиты. Следовательно, идолов было самое меньшее два, и Лахмиды почитали обоих. То же самое видно и из рассмороженных выше фрагментов, в которых говорится, что ан-Нуман почитал Венеру (или аль-Уззу и Аллат) и приносил жертвы идолам.

Эти упоминания о жертвах – часть того небольшого, что мы знаем о внешней, обрядовой стороне хирского культа. Кроме того, известно, что у хирцев были священные дни, предназначенные для выполнения обрядов. Мы помним, что в 541 г. некоторые подчинённые Велисария заявили

³⁰⁵ В тексте – *mā ‘arāftu ḥaqq Sibd*. Аль-Мунзир, очевидно, имеет в виду, что будет помнить о своём нравственном долге перед Зайдом всю жизнь, т.е. всё время, пока он признает Сибда божеством.

ему, что лахмидские арабы могут напасть, воспользовавшись уходом византийских войск. Тогда

«Велисарий сказал им, что это ничуть не верно: ведь тогда было летнее равноденствие, а в это время сарацины всегда до двух месяцев приносят жертвы своему богу и никогда не совершают набегов на чужие земли. Поэтому он согласился отправить их, вместе с их подчинёнными, на шестьдесят дней и приказал им выступить с остальным войском» [125, с. 402].

Кажется, о том же говорится в «Сокращённом изложении церковной истории», где мы читаем, что каждый год у лахмидских арабов устраивалось празднество [253, с. 134].

О том, какими могли быть эти жертвоприношения, мы можем приблизительно судить по сведениям об аравийской аль-Уззе. Мусульманские авторы приводят рассказ Халида Ибн аль-Уалида о его отце, который до конца жизни совершал такие жертвоприношения. Отправляясь в Нахлу, он оставался там три ночи, т.е. четыре дня, и приносил в жертву сотню овец и верблюдов [60, с. 81; 156, с. 874]. Хишам аль-Кальби сообщает, что в святилище аль-Уззы был жертвенник (*manḥar*), называвшийся *al-ḡabḡab* [102, с. 15]. Вместе с тем, в источниках нет упоминаний о человеческих жертвоприношениях в честь аравийской аль-Уззы. Это, конечно, не значит, что их не было и у Лахмидов. Но известия Дады и Прокопия Кесарийского сильно отличаются от того, что мы знаем об арабах того времени и Лахмидах в частности. Напрашивается догадка, что речь идёт просто о жестоких казнях, которых, вообще говоря, в истории Лахмидов было немало. Аль-Мунзир, у которого пленники, как показано в Части I, подвергались дурному обращению, мог перебить взятых в полон женщин просто потому, что они мешали его войску быстро уходить от погони, или из-за невозможности получить за них желаемый выкуп. Дада, кажется, видел в казни

пленниц прежде всего расправу язычников над христианами, и объяснение этого как жертвоприношения было вполне логичным. Что касается Прокопия, он пересказывает сообщение какого-то неизвестного нам источника, за достоверность которого трудно поручиться. Поэтому, не оспаривая в принципе сведения источников, автор этих строк считает верным пока считать вопрос о человеческих жертвоприношениях в Лахмидском государстве открытым.

Этот вопрос имеет и ещё одну сторону, которая тесно связана с трактовкой известий о «двух столпах» (*al-ğariyyān*, ед. ч. *ğarī*). Рассказы о них можно разделить на две группы. Одни авторы пересказывают сообщения Хишама аль-Кальби, который, в свою очередь, ссылается на аш-Шарки Ибн аль-Кутами (*al-Šarqī Ibn al-Quṭāmī*, сер. VIII в.). Согласно им, два товарища аль-Мунзира III на ночном пиру стали перечить ему. Царь, будучи пьян, велел закопать их живыми в землю. Проснувшись на следующее утро, аль-Мунзир пожалел о содеянном и велел воздвигнуть над их могилами два столпа. По одной из версий, над могилами закололи нескольких верблюдов, кровью которых намазали столпы. Вслед за этим аль-Мунзир установил для себя в году два дня, в один из которых он казнил, а в другой – осыпал благодеяниями всех, на кого падал его взор. Это касалось не только людей: за птицами охотились при помощи соколов, за зверьми – на конях. Кровью убитых, будь то люди или нет, намазывали столпы. Через какое-то время в неурочный день к аль-Мунзиру попал один таййит по имени Ханзала (*Ḥanẓala*). Аль-Мунзир решил казнить и его, но позволил на год отлучиться к родичам: один из приближённых царя поручился за него. Когда через год Ханзала, верный клятве, явился на казнь, аль-Мунзир, впечатлённый таким поведением, отпустил и его, и его поручителя и отменил свой обычай [172, ч. 19, с. 86–88; 227, с. 214–215; 264, т. 4, с. 198]. В других известиях,

значительно более кратких, речь идёт об ан-Нумане III, который имел обычай в один день казнить, а в другой миловать, и велел намазывать столпы кровью казнённых [67, с. 111; 188, с. 995–996; 192, с. 2445; 213, с. 146–147, 465–466; 233, с. 649; 236, с. 280].

Даже если оставить в стороне трудно решаемую альтернативу между аль-Мунзиром III и ан-Нуманом III, трактовка этих сведений неоднозначна. Г. Ротштайн сближал сообщения о том, что колонны мазали кровью убитых, с рассмотренными выше рассказами о человеческих жертвоприношениях. Сделанный им вывод состоял в том, что колонны были священными монументами, на которые изливали кровь жертв [131, с. 141]. Однако фрагменты, на которых он основывался для того, чтобы показать сакральный характер колонн, прямо не относятся к постройкам Лахмидов. В дошедших до нас источниках *ḡarī* обычно объясняется как *ḡirbāl* (большая, массивная постройка) или как *ḡarī* (хороший)³⁰⁶, без какой-либо связи с идолами, сакральными сооружениями и т.п.

Существуют и другие доводы как в пользу сакрального характера колонн, так и против него. Обмазывание столпов кровью, о котором говорят средневековые авторы, должно было иметь какой-то смысл, и первое, что приходит на ум – действительно считать это религиозным обрядом. Будь на месте столпов идол Сибд, можно было бы представить себе, что это символический, вынесенный из первобытных времён акт кормления волка, т.е. задабривания божества. Кроме того, если столпы действительно считались идолами, они должны были считаться какими-то божествами или ассоциироваться с ними, в том числе –

³⁰⁶ Это последнее значение давал для *ḡarī* аш-Шарки Ибн аль-Кутами (см. ссылки выше). В толковом словаре арабского языка Ибн Манзура (1233 – 1311/12) мы читаем: «Всякая хорошая постройка – *ḡarī*. [Название] двух знаменитых столпов в Куфе – отсюда» [234, с. 3250].

и во внешних признаках – изображениях и т.п. Описаний колонн у нас, к сожалению, нет, но сохранился стих раннеисламского поэта аль-Кумайта (776/77 – 840/41):

«Знаешь ли ты одинокое изображение газели на двух колоннах (*al-ġariyyān*)? Или ты не хочешь узнавать его? Или оно стало неузнаваемым?» [188, с. 996; 196, с. 189].

Этот стих, однако, неясен и не находит параллелей в других источниках, что не даёт возможности привлекать его как аргумент в пользу одной из гипотез.

С другой стороны, если обмазывание колонн кровью являлось религиозным обрядом, оно должно было совершаться регулярно и следовать определённым правилам. В источниках мы читаем, что кровь на столпах принадлежала тем, кто не успевал вовремя укрыться от глаз правителя в день казней. Но таких людей вряд ли было много: трудно представить себе, чтобы лахмидские правители систематически истребляли собственных придворных или арабов-пустынников, рискуя вызвать ответ со стороны родов или племён, к которым принадлежали казнённые, мятеж *al-ṣanā'i'* и т.п. Более того, если следовать рассказу, восходящему к Хишаму аль-Кальби, уже сам аль-Мунзир III отменил свой обычай, который, следовательно, не распространился на других правителей династии. При таких обстоятельствах трудно говорить о традиции жертвоприношений. Далее, источники нигде не сообщают о разрушении двух столпов мусульманами – при том, что об уничтожении идолов, например, аль-Уззы, есть подробные сообщения. Будь столпы действительно идолами, это было бы очень странно. Наконец, не каждый символический жест обязательно носил сакральный характер (можно вспомнить хотя бы щит Олега на воротах Царьграда). Действия лахмидских царей можно объяснять и по-другому: оставляя кровь казнённых на месте, открытом

для всеобщего обозрения, они подчёркивали факт их смерти (в ином случае это могли быть, например, чучело на воротах, голова на пике и т.п.). В рассказе Хишам аль-Кальби обнаруживается показательная деталь: аль-Мунзир III, пусть и сожалея о казни, говорит, что никто не вправе перечить воле царя. Затем он велит, чтобы прибывавшие к нему посольства арабских племён проезжали между двумя столпами. Стало быть, два столпа со следами крови должны были стать для арабских племён видимым доказательством того, что Лахмиды твёрдо удерживают власть, не потерпят даже малейшего противодействия ей и готовы жестоко подавить любую оппозицию.

Другая проблема состоит в том, что мы практически ничего не знаем о языческих священнослужителях или хотя бы о смотрителях идолов. Можно лишь констатировать, что они были. Известно, что ан-Нуман III, заболев, первоначально обратился за помощью к священнослужителям при идолах (*kahanat al-aṣnām*), но это не возымело действия, и он принял решение креститься [74, ч. 3, с. 468]³⁰⁷.

Не имея ясного представления об этих священнослужителях, мы не можем ответить и на другой вопрос – почему хирское язычество так быстро и почти без борьбы отступило, когда крестился ан-Нуман III. Как мы увидим далее, арабская среда на первых порах отнеслась к этому крещению с глухой неприязнью, но дальше дело не пошло. В дальнейшем традиционные верования и обряды совершенно исчезают из хирской жизни. Примечательно, что в рассказах источников о подчинении Хиры мусульманскому халифату мы нигде не встречаем упоминаний о разрушении идолов в городе или его окрестностях, что для того времени было обычным делом. Ничего не знает о традиционных верованиях хирцев Хишам аль-Кальби,

³⁰⁷ Этот эпизод более подробно рассматривается ниже.

составивший свод описаний аравийских идолов. При нынешнем уровне наших знаний объяснять уход хирского язычества можно лишь на основе исторического контекста. Как будет показано далее, вместе с ан-Нуманом крестились предводители войска и, насколько можно предполагать, немалая часть знати. Крестились, конечно, не все, но мы, зная решительность и непреклонность ан-Нумана, можем предполагать, что он расправился бы с теми, кто попытался бы выступить против него под предлогом возврата к традиционным верованиям. Наконец, можно представить себе, что после крещения ан-Нумана ещё больший размах приобрела деятельность христианских проповедников, вследствие чего традиционные верования всё более теряли поддержку знати и племян. В итоге получилось так, что некому было ни выступать за прежние верования с оружием в руках, ни даже бежать к племенам Аравии, чтобы продолжать борьбу с их помощью.

Зороастризм

О распространении зороастризма в Хире известно крайне мало. Мы знаем только одного жившего в области Хиры человека, о котором можно сказать, что он был зороастрийцем. В составленном митрополитом Басры Мар Ишоднэхом (жил в конце VIII в.) перечне основателей монастырей упоминается Мар Эвда, о котором сообщается, что он происходил из «страны арамейцев», из области, расположенной по соседству с Акулой (будущей Куфой), рядом с Хирой. Он был зороастрийцем, но впоследствии крестился [103, с. 486]. Похожие сведения сообщает и автор «Сииртской хроники», у которого, однако, Мар Эвда был родом из-под Хиры. Судя по тексту источника, Мар Эвда жил в конце VI – начале VII в. [74, ч. 3, с. 549].

Тем не менее влияние зороастризма в Хире чувствуется. Там было, несомненно, хотя бы одно святилище огня: воины персидского отряда нуждались в отправлении культа. Значит, были и священнослужители (мобеды), и смотрители священных огней (хирбеды). Вместе с воинами они образовывали прослойку носителей зороастрийской культуры, к которой приобщалось и арабское население. Ибн Хишам упоминает о курейшите по имени ан-Надир Ибн аль-Харис (*al-Nadīr Ibn al-Ḥārīṣ*), жившем в первой трети VII в. Он бывал в Хире, слышал и запомнил много легенд о владыках персов, полководце Рустаме и царевиче Спандияде, а вернувшись в Мекку, пересказывал их соплеменникам [242, т. 1, с. 377, 449]. У нас нет сведений, что кто-нибудь в Хире обратился в зороастризм, однако такие случаи не кажутся невозможными. Во всяком случае, в условиях политического подчинения Лахмидов Сасанидам и присутствия в Хире персидского отряда тот, кто перешёл в зороастризм, скорее улучшил бы своё положение, чем подвергся преследованиям.

Одна из самых больших загадок истории Лахмидов состоит в том, что за всё время Сасаниды не сделали ни одной видимой попытки обратить их в зороастризм. Это кажется очень странным, если учесть, что Сасаниды были ревностными приверженцами зороастрийского вероучения, которое крайне неприязненно относилось к любому идолопоклонству. Объяснять эту веротерпимость Сасанидов следует, видимо, политическим расчётом. Как мы видели, Хосров I Ануширван, принимая решение о назначении правителем Хиры ан-Нумана, счёл, что лучше всех управлять арабами сможет тот, кого они считают своим. В этом плане, несомненно, на роль правителя Хиры лучше всего подходил приверженец традиционных арабских верований – хотя пример рода Зуары Ибн Удуса свидетельствует в пользу того, что племенная среда могла принять и вождей-зороастрийцев. Вместе с тем, у нас нет оснований

считать, что Сасаниды навязали предводителям даримитов зороастризм. Кроме того, Сасаниды обычно (впрочем, за некоторыми исключениями) не преследовали религиозные общины и не пытались обратить их членов в зороастризм только по причинам доктринального характера. Преследования начинались тогда, когда считалось, что те или иные не-зороастрийцы близки по вероучению к врагам – римлянам, а позднее византийцам (христиане) или враждебны к державе и господствующей религии (иудеи). Видимо, приверженцы традиционных арабских верований не давали Сасанидам оснований обвинять их в чём-либо подобном.

Христианство

Согласно «Сокращённому изложению церковной истории» христианское вероучение проникло в Хиру уже при Амре I; первыми крестились Бану Лихьян, затем члены царского рода (начиная с Имру-ль-Кайса I) и, наконец, остальные [253, с. 132–133, 141]. Эти сведения восходят к хирским записям; в другой их передаче, у ат-Табари, мы читаем, что первым из лахмидских царей крестился Имру-ль-Кайс I [19, сер. 1, с. 833]. Однако они нуждаются в критическом осмыслении, так как не подтверждаются другими источниками; кроме того, непонятно, как получилось, что Лахмиды, крестившись в III в., до самого конца VI в. были приверженцами традиционных арабских верований.

В других источниках первые упоминания о христианах в Хире относятся к довольно позднему времени. В церковной истории Мари Ибн Сулаймана упоминается подвижник по имени Мар Эвидишб. Удостоившись епископского сана, он предпочёл жизнь проповедника, оставил кафедру и отправился странствовать. На некоторое время он поселился на каком-то острове в Персидском

заливе³⁰⁸, а оттуда ушёл в окрестности Хиры, где построил церковь. Сообщение об этом помещено в рассказ о времени, когда епископом Ктесифона был Тумарса [111, ч. 2, с. 28–29], т.е. о периоде 388–396 гг.³⁰⁹

Один подвижник вряд ли смог бы воздвигнуть церковь, да и для кого он строил бы её? Очевидно, в Хире уже была христианская община, о которой мы, к сожалению, для этого времени не имеем никаких достоверных сведений. Если исходить из исторического контекста, можно предполагать, что в Хиру уходили христиане из Ирака, укрывавшиеся от преследований, развязанных при Шапуре II (307/308 – 379/380). В пользу этого предположения говорят аналогия с последующими временами, когда в лахмидских владениях искали убежища преследуемые в Византии монофизиты, а также тот факт, что впоследствии хирская церковь являлась частью церкви Сасанидской державы и подчинялась главенству её католикоса.

После смерти Шапура II преследования христиан утихли. В 388 г. Шапур III позволил избрать епископа Ктесифона, а в 410 г. Ездигерд I разрешил провести в столице собор, на котором был избран католикос. Можно представить себе, что и христианская община Хиры, избавившись от преследований, быстро росла. Уже в 410 г. в Хире был епископ по имени Хоша (Осия), который тогда подписал постановление упомянутого выше собора [144, с. 36]. В 20-е гг. V в. епископом был Шимун Ибн Ханзала (*Šim'un Ibn Ḥanzāla*), который фигурирует в рассмотренных в Части I рассказах о крещении ан-Нумана I. Он принадлежал

³⁰⁸ В арабском тексте источника – *ġazīra fī-l-yamāma*, однако упоминание об острове, разумеется, исключает прочтение «Йемама». Вероятно, исходный текст сообщения был составлен по-сирийски, и в этом месте стояло *ġzīrā b-yāmā* (остров в море), что впоследствии было неверно истолковано арабскими переводчиками.

³⁰⁹ Расчёт времени служения Тумарсы епископом Ктесифона приведён автором этих строк в «Хосрове» [3, с. 135].

к общине Бану Фаран. Возможно, к ней через несколько десятилетий бежал из Йемамы Аййуб, предок Ади Ибн Зайда.

Далее в наших сведениях о христианах Хиры – большой пробел, который растягивается на несколько десятилетий. Но в любом случае, если судить по сведениям, относящимся к более поздним временам, христианская община продолжала существовать. Епископы Хиры подписали постановления церковных соборов 485 (Симеон)³¹⁰ и 499 (Илия) гг. [144, с. 53, 54, 59, 62, 66].

Ещё один важный эпизод произошёл несколькими годами ранее. Летом 482 или 483 г. по приказу царя Пероза был казнён католикос Сасанидской державы Бабой [3, с. 208]. Согласно «Сииртской хронике» жители Хиры забрали тело католикоса к себе [74, ч. 2, с. 102]. В том же источнике мы находим рассказы и о других подобных случаях. После смерти католикоса Акакия (497 или 498 г.) епископ Хиры увёз его тело в свой город [74, ч. 2, с. 128]. Католикос Мар Ава (537–552) завещал похоронить его в Хире [74, ч. 2, с. 170]. После прощания верующих с Мар Авой в Селевкии, о котором повествуется в житии католикоса [72, с. 270–272], его ученик Каюра (о нём см. ниже) увёз его тело в Хиру, где и похоронил. Над могилой Мар Авы был воздвигнут монастырь, который, согласно автору «Сииртской хроники», стоял и во время написания книги [74, ч. 2, с. 170; 111, ч. 1, с. 41]. Впоследствии, когда умер католикос Сэбришó (604 г.), возник спор между христианскими общинами Нисибина и Хиры за право похоронить его у себя. Хирцы выдвигали тот довод, что обычно именно у них

³¹⁰ Относительно этой даты необходимо исправить явную неточность, допущенную, к сожалению, в тексте «Хосрова». Как показано во введении к книге, правление Валаша началось в сентябре 484 г. [3, с. 59–60, 63, 154]. Поэтому месяц *илуль* (сентябрь) второго года правления Валаша соответствует сентябрю 485 г., а не 484 г., как указано в примечании 283 на с. 210.

хоронили католиков [74, ч. 3, с. 503]. Естественно, предстоятеля церкви не стали бы хоронить там, где его могила могла бы подвергнуться поруганию или просто прийти в запустение. Стало быть, Хира уже с конца V в. считалась местом, где опасность этого не считалась значительной. Это, в свою очередь, указывает на отсутствие широких преследований и существование мощной христианской общины. Кроме того, само наличие почитаемых захоронений поднимало роль Хиры среди христианских общин Сасанидской державы.

Пятый век, о котором из-за недостатка сведений мы вынуждены говорить очень кратко, для истории христианской религии в целом был очень важным временем, когда сложились основные догматические направления. Для настоящего исследования особую важность имеет выделение православного, несторианского и монофизитского направлений. Среди христиан Сасанидской державы возобладало несторианство, принятое как официальное учение на соборе в 485 г. Епископ Хиры, как мы видели, подписал постановление собора, санкционировавшего принятие учения о двух природах Иисуса Христа. Инициатор собора католикос Акакий был похоронен в Хире. Но и монофизиты деятельно распространяли своё учение. Наиболее заметным проповедником его на Востоке был Симеон Бет-Аршамский, прозванный «Спорщиком» (сир. *darōšā*) за частые богословские дискуссии с несторианами. По словам Иоанна Эфесского, Симеон не раз бывал в Хире, где убедил некоторых вельмож построить церковь [27, ч. 1, с. 140]. Далее Иоанн рассказывает характерный, видимо, случай, когда Симеон собирался навестить своих единомышленников в Хире, и лишь представившаяся возможность устроить большой диспут с несторианами заставила его изменить свои планы [27, ч. 1, с. 145].

Активность монофизитов в Сасанидской державе возрастала тем более, что их ряды пополнялись новыми

людьми, уходившими от преследований византийских властей. Согласно «Сииртской хронике» некоторые из этих людей оседали в Хире [74, ч. 2, с. 142–143]. Но деятельность монофизитов вызвала ответ со стороны несториан. В той же «Сииртской хронике» мы читаем, что католикос Сила (503–521) разыскивал монофизитов и предлагал им выбор между принятием учения о двух природах Иисуса Христа, отъездом или диспутом. Судя по дальнейшему изложению, это не в последнюю очередь касалось Хиры. Согласно источнику, монофизиты, на стороне которых выступал аль-Хаджджадж Ибн Кайс (*al-Ḥaġġāġ Ibn Qays*), один из приближённых аль-Мунзира III, отказались принять несторианское вероучение. В присутствии аль-Мунзира был устроен диспут, на котором Сила одержал победу над монофизитами. Через некоторое время император Юстин I написал аль-Мунзиру, призывая его изгнать «инакомыслящих» (*muhālifūn*), которые, уйдя из Византии, нашли убежище во владениях лахмидского царя. Аль-Мунзир так и поступил. Из «инакомыслящих» одни эмигрировали (некоторые – в Наджран), другие – ушли в подполье [74, ч. 2, с. 143–144].

О диспуте монофизитов с Силой в присутствии аль-Мунзира упоминается также в «Деяниях св. Арефы и Румы». Судя по тональности рассказа, в котором несториане предстают как люди, вышедшие из лона церкви, а их оппоненты – как православные, он представляет точку зрения монофизитов. Здесь монофизиты дают отпор несторианам, со стороны которых выступает тот же Сила, называемый, правда, епископом. С монофизитской же стороны в диспуте участвуют Симеон, который назван предводителем (пресвитером) всех христиан Персии, иподьякон Иоанн Мандин³¹¹ и Аггай, сын Зита [11, с. 82]. Из них мы

³¹¹ Об этом человеке у нас нет других сведений, но, судя по тому, что в тексте он помещён между двумя сторонниками монофизитской партии, его тоже следует относить к ней.

легко узнаём по крайней мере двоих. Симеон – несомненно, Симеон Бет-Аршамский, который не упустил бы случая сойтись в богословском диспуте с самим предстоятелем несторианской церкви. Агтай, кажется, тождествен аль-Хаджджаджу «Сииртской хроники»; вероятнее всего, его имя звучало как аль-Хаджджадж Ибн Зайд³¹².

³¹² Греческое *Ἀγγαῖος* кажется передачей арабского *Hağğāğ*. Арабское *h* произносится скорее как придыхание, а *ğ* в греческом и сирийском языках передаётся через *g*. Куда большие затруднения представляет имя отца этого человека. Арабское *Qays* очень не похоже на *Ζήτ* греческого текста. Между тем, хотя речь идёт об арабе, кажется, что следует отталкиваться от греческого текста, который воспроизводит запись, сделанную со слуха. *Ζήτ*, очевидно, соответствует арабскому *Zayd*. Можно представить себе, что при неясном почерке переписчика изначальное *زيد* (*Zayd*) было принято за *قيس* (*Qays*). Хотя по правилам арабского письма буква *зай* не соединяется с последующей, на практике многие средневековые писцы делали именно так, не отрывая пера от бумаги. Если это произошло, в начале написания отчества возник фрагмент, который можно принять за *каф*. Что касается конечной буквы *син*, следует отметить, что буквы *даль* или *ра*, если писец делал их достаточно большими, выглядели как изогнутые дуги и сильно напоминали её.

При анализе данного фрагмента возникает и ещё одна проблема, связанная с расхождениями между различными списками греческого текста. В тексте используемого издания стоит *παρόντος κόμητος Ἀγγαίου υἱοῦ Ζήτ ἐθνάρχου ὄντος χριστιανοῦ τῆς πάσης παρεμβολῆς* («в присутствии комита Агтая, сына Зита, который был христианским этнархом (вождём народа. – Д. М.) всего поселения (Хиры. – Д. М.)»), однако в одной из рукописей – *παρόντος καὶ Ἀγγείου κόμητος υἱοῦ Ζήδ καὶ υἱοῦ Ἰωβ ἐθνάρχου χριστιανοῦ πάσης τῆς παρεμβολῆς*, что меняет смысл на: «в присутствии комита Агтая, сына Зиды, и сына Иова, христианского этнарха всего поселения» [11, с. 82, 84 (прим. к)]. И. Шахид, посвятивший рассматриваемому диспуту отдельную статью, счёл верным второй текст и заключил, что автор источника или переписчик перепутал арабские имена, и в действительности имеются в виду аль-Хаджджадж и Зайд Ибн Аййуб (сын Иова), один из предков Ади Ибн Зайда [135, с. 118–119]. Данная гипотеза, однако, противоречит истории Ади Ибн Зайда, где мы читаем, что Зайд Ибн Аййуб был убит на охоте, а его сын Хаммад первоначально воспитывался у дядёв, впоследствии вырос и стал писцом у ан-Нумана Старшего [172, ч. 2, с. 18–19]. Эти известия частично рассмотрены выше; мы видели, что под ан-Нуманом Старшим фактически имеется в виду ан-Нуман II

Если рассматривать изложенные сведения с учётом исторического контекста, более близким к действительности кажется рассказ «Сииртской хроники». В «Деяниях св. Арефы и Румы» диспут с участием Силы произошёл после того, как Иосиф Асар Ясар захватил Наджран и в письме призвал аль-Мунзира III начать гонения на христиан. Но Иосиф, как показано в примечании 98, овладел Наджраном в 523 г., когда католикоса Силы уже не было в живых. Очевидно, автор «Мученичества» соединяет в своём повествовании два события, происшедшие в разное время: диспут между Силой и монофизитами Хиры (до 521 г.) и прибытие к аль-Мунзиру посольства Иосифа, о котором повествуется в упомянутом выше послании Симеона Бет-Аршамского (524 г.).

(499/500 – 503). Стало быть, Зайд Ибн Аййуб погиб в V в., т.е. задолго до диспута 524 г. Однако, если на этом основании отвергать построения И. Шахида, заново встаёт вопрос о том, кем были люди, упомянутые в процитированных выше фрагментах. Едва ли упоминание о «сыне Иова» – выдумка; вернее считать, что оно было в изначальном тексте, но потом потерялось вследствие ошибки переписчика. Тогда христианским этнархом Хиры должен быть человек, часть имени которого было *Ибн Аййуб*. Вполне вероятно, что он принадлежал к роду Аййуба и Ади Ибн Зайда; в этом (но только в этом) можно принять гипотезу И. Шахида. Тогда получается, что на диспуте присутствовали аль-Хаджджадж Ибн Кайс и Ибн Аййуб, которого называли так по имени основателя рода. Так могло быть, но странно, что автор источника не называет имя Ибн Аййуба. В этом отношении напрашивается другая догадка: речь идёт об одном человеке по имени аль-Хаджджадж Ибн Зайд Ибн Аййуб, который мог быть сыном Зайда Ибн Аййуба и братом Хаммада. Возможно, в тексте должно было стоять *Ἀγγέλιος κόμης υἱὸς Ζῆδ υἱὸς Ἰωβ*, однако переписчик не разобрался в этом длинном арабском имени, счёл, что речь идёт о двух людях (по числу сыновей), и сообразно с этим после *Ζῆδ* добавил *καὶ*. Как показано выше, род Аййуба был христианским и достаточно влиятельным; в нём вполне можно представить себе христианского этнарха аль-Хаджджаджа. Обратим внимание, что Хаммад Ибн Зайд Ибн Аййуб, судя по приведённым выше сведениям, родился незадолго до смерти отца. Вероятно, у Зайда были и другие сыновья, старший из которых должен был быть его преемником. Этого преемника мы не знаем; возможно, им был аль-Хаджджадж.

Поскольку в послании Симеона речь идёт о тех же событиях, мы не можем не коснуться и его тоже. По словам Симеона, посол Иосифа передал аль-Мунзиру III его письмо, в котором он предлагал лахмидскому царю репрессировать христиан, живших в его владениях³¹³. Аль-Мунзир велел зачитать послание Иосифа перед войском, а затем призвал христиан (кажется, имеются в виду прежде всего монофизиты) отречься от веры. Один из военачальников, человек знатный и влиятельный, от имени всех отказался. На этом данная ветвь повествования заканчивается [75, с. 69; 83, с. 62–63].

Из приведённых рассказов следует, что ни усилия Силы, ни предложения Иосифа, который, согласно источникам, не скупился на обещания, не привели к репрессиям или казням. Гонения, причём только в отношении монофизитов, начались по настоянию Юстина. Это очень не похоже на рассказы источников о пленницах, которых тот же аль-Мунзир III, согласно источникам, всего через несколько лет перебил, якобы принеся в жертву аль-Уззе. Наиболее вероятное объяснение поступков аль-Мунзира состоит, кажется, в том, что он действовал прагматично и, во всяком случае, явно не желал конфликта с той частью знати, которая покровительствовала монофизитам. То, что лахмидский царь пошёл навстречу императору Юстину I, было, скорее всего, частью какой-то политической договорённости, о которой мы ничего не знаем. Поэтому монофизитская община Хиры продолжала существовать; её история будет рассмотрена ниже.

Говоря об отношении аль-Мунзира III к христианам, мы не можем, разумеется, обойти вниманием известие о его крещении, которое обнаруживается в географическом своде Абу-ль-Фидá и, судя по цитате, позаимствовано из трактата *al-'Azizī*. Автор этого трактата не назван,

³¹³ Об этом письме говорится также в «Деяниях св. Арефы и Румы» [11, с. 82–83] и «Книге о химьяритах» [150, с. 5].

однако можно предполагать, что речь идёт об аль-Мухаллаби (*al-Muhallabī*) и его дошедшем до нас лишь в отрывках географическом своде, созданном для фатимидского халифа аль-Азиза (975–996). Сообщение посвящено Хире, но аль-Мухаллаби, вполне в духе мусульманских географов, сообщает и исторические подробности. По его словам, в Хире были жилища рода ан-Нумана Ибн аль-Мунзира³¹⁴, и в ней же крестился аль-Мунзир, сын Имру-ль-Кайса, построивший там великолепные церкви [58, с. 299]. Это известие, которое из-за отсутствия текста источника, откуда его позаимствовал Абу-ль-Фидá, плохо поддаётся анализу, ставит перед исследователем трудную загадку, потому что аль-Мунзир, безжалостный воитель и почитатель аль-Уззы, ничем не напоминает христианина и строителя церквей, каким его изображает аль-Мухаллаби. Из приведённого выше переложения надписи Хинд Старшей явствует, что она построила церковь не при аль-Мунзире, а при его сыне Амре III. Думается, что аль-Мухаллаби на деле говорит об аль-Мунзире, сыне ан-Нумана III, которому, как показано в прим. 335, приписывается строительство монастыря св. Марии. Не исключено, что автора, которого от Лахмидов отделяло около четырёх столетий, ввели в заблуждение одинаковые имена, и он отождествил аль-Мунзира, о котором повествовал его источник, с самым известным правителем династии.

Шестой век в целом прошёл для христиан Сасанидской державы относительно спокойно. Масштабных преследований, за некоторыми исключениями, не было. При Хосрове I Ануширване были отдельные случаи гонений, но в значительной их части инициатива принадлежала не царю, а отдельным зороастрийским священнослужителям или чиновникам. Для Хиры такие случаи неизвестны, да и почва для них была в целом уже из-за меньшего, чем

³¹⁴ Т.е. ан-Нумана III.

в Иране или Ираке, влияния зороастризма на умы людей. Хотя сведений немного, можно считать, что по крайней мере несторианская община жила и развивалась спокойно. Мы знаем по именам пять несторианских епископов Хиры VI в. В 521 г. некоторые епископы, считавшие, что Сила незадолго до смерти назначил свои преемником недостойного человека, провозгласили католикосом его бывшего писца по имени Нарсай. Согласно церковной истории Амра Ибн Маттая, одним из них был епископ Хиры, который тоже носил имя Нарсай [111, ч. 1, с. 38]. В приведённой выше надписи в церкви, которую построила Хинд (жена аль-Мунзира III) упоминается епископ Мар Ефрем. Датировка этой надписи должна определяться на основе следующего. Амр III фигурирует в ней уже как царь, но ни Кабус, ни аль-Мунзир даже не упоминаются. Значит, надпись следует относить ко времени правления Амра III, т.е. к 554–569 гг. В 579 г. епископом Хиры был Джабир Ибн Шимун, одолживший, как показано выше, ан-Нуману III, тогда ещё не вступившему на престол, и Ади Ибн Зайду крупную сумму денег. В 585 г. епископ Иосиф подписал постановление очередного несторианского собора [144, с. 164]³¹⁵. Последним в этом списке стоит Шимун Ибн Джабир (*Šim'un Ibn Ġābir*), который должен был стать

³¹⁵ В *Synodicon orientale* этот собор датируется восьмым годом правления Хормузда IV (3 июля 585 – 2 июля 586) и четвёртым годом служения Ишойэба в звании католикоса; вторую из этих дат подтверждает также церковная история Амра Ибн Маттая [111, ч. 1, с. 49; 144, с. 131]. Для определения границ четвёртого года служения Ишойэба мы располагаем следующими данными. Как показано в «Хосрове», предшественник Ишойэба Иезекииль был католикосом с начала 570 по начало 581 г. [3, с. 456, прим. 237]. В хронологическом труде Илии Нисибисского мы читаем, что Ишойэб стал католикосом на четвёртом году правления Хормузда IV (4 июля 581 – 4 июля 582), служил в этом звании четырнадцать лет и умер на пятом году правления Хосрова II Парвиза [48, с. 52]. В свою очередь, церковный историк XIV в. Амр Ибн Маттай утверждает, что Ишойэб был провозглашён католикосом в 892 г. греков [111, ч. 1, с. 45], т.е., скорее

епископом до 593–594 гг., когда крестился ан-Нуман III (см. ниже). Безусловно, этих сведений недостаточно, чтобы восстановить последовательность служения епископов Хиры. Но важно отметить, что ни на одном значительном отрезке времени церковь Хиры не оставалась без епископа.

Судя по некоторым сведениям, несторианские католикосы не оставляли Хиру без внимания. Мы видели, что католикос Сила ездил к аль-Мунзиру III на диспут с монофизитами. Для более поздних времён обращает на себя внимание то, что по источникам прослеживается связь между Хирой и католикосом Мар Авой. Согласно церковной истории Мари Ибн Сулеймана, он крестился в Хире [111, ч. 2, с. 50]. Это утверждение не соответствует сведениям «Сииртской хроники», согласно которой Мар Ава крестился в селении Ахад. Но в том же фрагменте сообщается, что Мар Аву крестил священник Бэр Сахде, осно-

всего, в промежуток времени с 1 сентября 580 по 31 августа 581 г. Из сопоставления этих известий следует, что Ишойэб стал католикосом примерно в июле-августе 581 г. Эти данные можно проверить расчётами относительно смерти Ишойэба. В «Сииртской хронике» датой смерти Ишойэба в одном месте называется пятый (как у Илии Нисибисского), а в другом – шестой год правления Хосрова II Парвиза [74, ч. 3, с. 442, 482]. Амр Ибн Маттай относит смерть Ишойэба к 907 г. греков (1 сентября 595 – 31 августа 596) [111, ч. 1, с. 49]. Эта путаница лучше всего объясняется тем, что Ишойэб умер на переломе пятого и шестого годов царствования Хосрова, т.е. в июне-июле 595 г., приблизительно через четырнадцать лет после провозглашения католикосом. Разумеется, необходимо допускать погрешность в один-два месяца, так как известие о смерти католикоса могло не сразу дойти до того, кто записал его. Если теперь вернуться к определению даты собора, важнейшие данные для её определения таковы: в июле 585 г. истекли четыре года служения Ишойэба в звании католикоса, а 3 июля 585 г. начался год, который у Сасанидов должен был считаться восьмым годом правления Хормузда IV. Значит, практически единственно возможной датой собора является начало (исключая первые два дня) июля 585 г.

вавший в Хире монастырь *dayr al-luġġa* [74, ч. 2, с. 155]³¹⁶. Далее мы читаем, что Мар Ава был провозглашён католикосом в Хире [74, ч. 2, с. 170]. Этому противоречит утверждение Амра Ибн Маттая о том, что Мар Ава был провозглашён католикосом в церкви Селевкии [111, ч. 1, с. 40]. Однако из жития Мар Авы видно, что его избрали католикосом без его ведома [72, с. 224]. Стало быть, Мар Ава в тот момент не находился в церкви Селевкии, и возможность того, что он пребывал в Хире, сохраняется. Далее, как мы видели, Мар Ава велел похоронить его в Хире, и впоследствии его останки были перенесены туда.

Важным событием в истории несторианской церкви Хиры стало открытие религиозного училища. Об этом мы узнаём из «Сииртской хроники», где в числе учеников католикоса Мар Авы называется Каюра (*Qayūrā*), который основал училище (*askūl*)³¹⁷ в Хире³¹⁸. Там же упоминается

³¹⁶ Такое название монастыря автор источника объясняет тем, что *al-Luġġa* – имя дочери ан-Нумана Ибн аль-Мунзира. Это явно неверно, так как под ан-Нуманом, очевидно, понимается ан-Нуман III, а во время крещения Мар Авы еще не родился ни он сам, ни, возможно, его отец аль-Мунзир IV. Как будет показано далее, в Хире был монастырь (*dayr*), названный по имени Хинд, сестры (но согласно ряду рассказов – дочери, см. ниже) ан-Нумана III, и, вероятно, тождественный с монастырём *dayr al-luġġ*, о котором упоминают мусульманские авторы. Именно это, видимо, сбилось с толку человека, рассказ которого послужил источником для автора «Сииртской хроники», и он счёл, что *al-luġġa* – имя дочери ан-Нумана. Но, отбрасывая эту трактовку, мы должны признать, что значение слова *al-luġġa* / *al-luġġ* до конца не ясно. Единственное объяснение этого названия встречается только в историческом комментарии к собранию стихов Маймуна Ибн Кайса Подслеповатого, где мы читаем, что *al-luġġ* – название речушки или небольшого водоёма около монастыря Хинд (о нём см. ниже) [57, с. 95].

³¹⁷ В арабском тексте – الأسكول. Возможно, здание, где размещалось училище, известно мусульманским географам как монастырь под названием الأسكون (*al-Askūn*) [208, ч. 1, с. 353; 264, т. 2, с. 498].

³¹⁸ Видимо, именно он впоследствии перевёз останки Мар Авы в Хиру.

«хирский учитель»³¹⁹ Сарджис (Сергий) Ибн Сахик (*Sargīs Ibn Sāḥiq*) [74, ч. 2, с. 171]. Эти сведения в целом подтверждаются церковной историей Амра Ибн Маттая, который, перечисляя учеников Маф Авы, упоминает Кыуая³²⁰, именуемого «учителем Хиры» (*mu'allim al-Ḥīra*) и Сарджиса³²¹ [111, ч. 2, с. 40]. В «Сокращённом изложении церковной истории» упоминается Шарих Ибн Сарджун (Сергий) Ибн Лахик (*Šariḥ Ibn Sargūn Ibn Lāḥiq*), который тоже называется учителем [253, с. 135–136]. Вполне возможно, что где-то ошибся переписчик, и два Сергия, т.е. Сарджис Ибн Сахик и Сарджун Ибн Лахик – одно и то же лицо. Тогда Шарих должен быть преемником отца. Это – довод в пользу преемственности и, следовательно, прочности несторианского образования в Хире.

Монофизиты реже упоминаются в источниках, однако их присутствие чувствуется. В принадлежащей перу неизвестного монофизитского автора «Книге о химьяритах» мы читаем, что в «церкви истинных верующих», находившейся в Нумановой Хире, был крещён некий Афу (*Af'ū*)³²², который принадлежал к знати Хиры и ездил послом к царям. Согласно тексту источника, во время захвата Наджрана войсками Иосифа Асар Ясара (523 г.) Афу ещё был язычником; его крещение произошло позднее [150, с. 23]. Следовательно, хотя аль-Мунзир III во исполнение договорённости с Юстином I предпринял какие-то действия,

³¹⁹ *Malfān* от сирийского *mālpanā*.

³²⁰ Кыуай (قوي) Амра, несомненно, тождествен Каюре (قيورى) «Сииртской хроники», но это последнее прочтение кажется более правильным, так как соответствует сирийскому *Qayūgā* – имени, аналогичному греческому «Кир».

³²¹ У Амра Сарджис назван «учителем Хаззы», однако графически формы الحزّة (Хазза) и الحيرة (Хира) весьма близки друг к другу, что могло вызвать путаницу. Рассмотренный выше случай с Каюрой наводит на мысль о том, что правильнее данные «Сииртской хроники».

³²² Это имя, по-видимому, искажено и в силу этого не поддаётся объяснению.

их размах был очень ограничен, и монофизиты сохранили за собой церковь и продолжали проповедовать. Михаил Сирийский рассказывает, что на тридцать первом году правления Юстиниана I (557–558 гг.) Феодосий, т.е. монофизитский патриарх Александрии, рукоположил епископом Нумановой Хиры Феодора [33, т. 2, с. 245–246]. В тексте источника мы далее читаем, что это произошло по настоянию Херета и императрицы Феодоры. Если Херет – аль-Харис Ибн Джабала, что вполне вероятно, нельзя поручиться, что Михаил Сирийский или его источник не ошибается, и речь на деле не идёт о ставке гассанидского царя, которую, как показано в прим. 76, авторы Христианского Востока тоже называли Хирой. Впрочем, именно в это время мы видим в лахмидской Хире монофизитского епископа. Согласно «Сокращённому изложению церковной истории», во времена епископского служения Мар Ефрема, т.е., как мы видели, приблизительно в 554–569 гг., в Хире появились люди, которые в тексте источника именуются еретиками (*harātiqa*). В несторианской литературе этот термин применяется к монофизитам, о которых – если учитывать исторический контекст – и должна идти речь в данном случае. Судя по тексту сообщения, это была значительная и организованная община с собственным епископом, престол которого находился в церкви³²³, вероятно, тождественной «церкви истинных верующих» (см. выше). Согласно источнику, Мар Ефрем повёл полемику против «еретиков» и отвратил их от прежних воззрений. Их епископ, имя которого не называется, покинул Хиру [253, с. 135]. Необходимо, впрочем, заметить, что и в данном случае мы имеем дело с манерой несторианских и монофизитских авторов приписывать победу в диспутах себе.

³²³ В тексте источника церковь именуется *Bī'at Mār*. Буквально это означает «церковь Господня». Однако не исключено, что здесь пропущен какой-то графический фрагмент, и исходное название церкви было иным.

Монофизитская община не исчезла и в дальнейшем сыграла известную роль в истории Лахмидского государства.

Говорить о составе христианских общин Хиры того времени непросто. Имена епископов – по большей части сирийские, а не арабские. Но неизвестно, кто стоит за этими именами. Принимая крещение, человек брал себе иное имя. Видный христианский деятель начала VII в. Хнанишó носил имя Амр Ибн Амр (*'Amr Ibn 'Amr*) [74, ч. 3, с. 534]. Далее, в Хире, как и везде, христиане активно проповедовали. Известным проповедником того времени был Мар Авраам, который в «Сииртской хронике» именуется «Великим». Он происходил из окрестностей Нисибина и впервые прослыл ещё во времена Кавада I. Одним из его свершений стала поездка в Хиру, в ходе которой он, как мы видели, отвратил народ от почитания Венеры (аль-Уззы) и приобрёл многочисленных учеников [74, ч. 2, с. 133; 103, с. 446]. Ими, вероятно, были новообращённые. Мы пока слабо представляем себе, кто крестился в то время, но некоторые факты заслуживают особого внимания. Мы видели, что христианами были хирские тамимиты из рода Бану Аййуб, а также те представители знати, которых обратили монофизитские проповедники. Среди монастырей³²⁴ Хиры аль-Бакри и Якут называют «монастырь Ханзалы», объясняя, что его построил Ханзала Ибн Абди-ль-Масих Ибн Алькама Ибн Малик Ибн Рубайй Ибн Нумара (*Ḥanzala Ibn 'Abd al-Masiḥ Ibn 'Alqama Ibn Mālik Ibn Rubayy Ibn Numāra*) [188, с. 577; 264, т. 2, с. 507]. Следует вспомнить, что Абу Яфур аз-Зумайли, правивший Хирой в 503– 505/506 гг., тоже происходил из Бану Рубайй, ветви племени ан-Нумара, к которому принадлежали и Лахмиды, и был сыном человека по имени Алькама Ибн Малик. Всё говорит за то, что отец Ханзалы Абду-ль-Масих и Абу Яфур самое меньшее

³²⁴ О «монастырях» Хиры в изображении мусульманских географов см. прим. 241.

были братьями³²⁵. Имя *ʿAbd al-Masīḥ* означает «раб Христов» и, следовательно, недвусмысленно указывает на христианское происхождения его носителя. Если считать, что Абу Яфур был братом Абду-ль-Масиха, получается, что Алькама дал одному из своих сыновей языческое имя, а другому – христианское. Это, разумеется, маловероятно; вернее, видимо, считать, что Абду-ль-Масих – имя, принятое при крещении. Когда именно произошло крещение, неизвестно, и остаётся лишь ориентироваться на даты правления Абу Яфура – 503–505/506 гг. По некоторым сообщениям, католикос Мар Ава (537–552) обновил и отстроил церковь Селевкии на средства, предоставленные Абду-ль-Масихом аль-Хири, т.е. «Хирским» [111, ч. 2, с. 5; 253, с. 115]. Вероятно, оба Абду-ль-Масиха – одно и то же лицо. Христианские убеждения Абду-ль-Масиха разделял и его сын Ханзала, построивший, как мы видели, «монастырь Ханзалы». Значит, христианское вероучение укоренилось у рубаййитов которые, как показано выше, были родственным Лахмидам и – не в последнюю очередь благодаря этому – влиятельным племенем.

Похожие сведения мы находим у Ибн аль-Факиха. По его сообщению на стене одной из церквей Хиры была обнаружена надпись, содержание которой он пересказывает так:

«Эта церковь была построена в то время, когда царём был Амр, сын аль-Мунзира, сына аш-Шакики, [стараниями] Амра Ибн Хайяна (*ʿAmr Ibn Hayyān*). Да простит Бог (*al-Ilāh*) прегрешения его, да согласится Он на перемещение его в обитель Божью (*dār al-Ḥaqq*)» [227, с. 453].

³²⁵ Выражение «самое меньшее» употребляется в связи с тем, что с точки зрения арабского языка Абу Яфур может быть не именем, а прозвищем, данным по имени сына (*kunya*). Ан-Нуман III был известен под прозвищем Абу Кабус. Поэтому возможно, что речь идёт об одном и том же человеке по имени Абду-ль-Масих и с куньей Абу Яфур.

Ибн аль-Факих ничего более не сообщает об Амре Ибн Хайяне, что не даёт возможности однозначно отождествить его с каким-либо историческим персонажем. Однако представляется весьма вероятным, что Амр Ибн Хайян надписи тождествен Амру Ибн Хайяну, которого мы видели в родословной Абду-ль-Масиха из рода Бану Букайла, как её приводит Хишам аль-Кальби. Стало быть, уже в правление Амра III среди букайлитов был тот, кто считал постройку церкви важным делом и располагал достаточными средствами для её осуществления. Примечательно и то, что именно потомок Амра Ибн Хайяна впоследствии вёл переговоры с мусульманскими полководцами. Видимо, крещение приняли наиболее богатые и знатные букайлиты, что, несомненно, способствовало распространению христианского вероучения среди их соплеменников. Как показано выше, мы знаем среди Бану Мазин ещё один христианский род – род Таймуллаха Ибн Хикаля, которому принадлежала «церковь мазинитов» – не обязательно тождественная той, о которой говорит Ибн аль-Факих.

Небезынтересно обратиться к упоминаниям источников и о «монастыре Курры» (*Dayr Qurra*), стоявшем, насколько можно судить, поблизости от берега Евфрата. По сообщениям ряда авторов – Хишама аль-Кальби, Ибн Шаббы (*Ibn Šabba*, 789/90 – 875/76) и Ибн аль-Факиха – этот монастырь назывался по имени одного ийадита. Однако Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани сообщал – вероятно, пересказывая другое известие Хишама аль-Кальби, – что Курра был лахмитом и построил названный по его имени монастырь в правление аль-Мунзира III [188, с. 592; 227, с. 217; 261, с. 606; 264, т. 2, с. 526]. Разрешить это противоречие непросто. За «ийадитскую» версию говорит тот факт, что её придерживались ранние авторы, в т.ч. такой авторитет, как Хишам аль-Кальби, за «лахмидскую» – исторический контекст: христианское вероучение и связанная с ним традиция строительства монастырей должны

были распространяться среди арабов главным образом из Хиры. Но нельзя исключать, что христиане появились среди ийадитов и в связи с иными обстоятельствами, например, с проповедническими трудами монахов, пришедших из-за Евфрата.

С течением времени приверженцы христианского вероучения стали появляться и в царском роду. Как видно из рассмотренной выше надписи Хинд Старшей, последняя, жена аль-Мунзира III и мать Амра III, была христианкой. Далее, согласно «Сииртской хронике», прежде ан-Нумана III крестились его сёстры Хинд³²⁶ и

³²⁶ Эту Хинд, разумеется, не следует путать с «Хинд Старшей», женой аль-Мунзира III. Сообщения источников о ней неоднозначны. Хишам аль-Кальби, мнение которого мы знаем со слов Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, считал Хинд дочерью ан-Нумана III [172, ч. 2, с. 29]. В рассказах мусульманских авторов о монастырях Хиры и её окрестностей обнаруживается упоминание о «монастыре Хинд Младшей» (*dayr Hind al-Ṣuġrā*), которая называется дочерью ан-Нумана III [188, с. 604; 219, с. 244; 264, т. 2, с. 541]. Эти утверждения пересказывает и аль-Хилли, который, однако, далее пишет: говорили, что Хинд – не дочь, а сестра ан-Нумана [213, с. 469]. В другом фрагменте аль-Хилли называет Хинд дочерью ан-Нумана [213, с. 400]. У писателей Христианского Востока тоже наблюдаются расхождения. Автор «анонима Гвиди» пишет, что, когда католикос Ишойэб умер в одном селении недалеко от Хиры, сестра ан-Нумана III Хинд вместе со священниками забрала его тело и похоронила в родовом монастыре [32, ч. 1, с. 17]. В «Сииртской хронике» этот эпизод описывается почти так же, однако Хинд названа дочерью ан-Нумана [74, ч. 3, с. 442]. Эти разночтения лучше всего объясняются тем, что уже у составителей исходных рассказов, воспроизводимых в дошедших до нас источниках, не было единого мнения относительно Хинд. Обратим внимание, что в обоих рассказах о крещении ан-Нумана III (у аль-Хилли и в «Сииртской хронике») Хинд и Мария (возможно также чтение Мауия – см. след. прим.) – его сёстры, тогда как в описании монастырей Хинд – дочь царя. Кроме того, версия, согласно которой Хинд – сестра ан-Нумана, встречается в самом раннем источнике – «анониме Гвиди», а также подробных рассказах о крещении царя, созданных близко к его времени и несущих в себе дух яростной полемики против монофизитов. Описания монастырей – судя по тому, что в одном из них аль-Бакри расска-

Мария³²⁷ [74, ч. 3, с. 478]. Правда, в приводимом далее нестор-ианском рассказе из трактата аль-Хилли сёстры принимают крещение вместе с ан-Нуманом, однако в данном случае следует полагаться скорее на данные «Сииртской хроники». В «Книге песен» мы находим описание первой встречи Хинд с её будущим мужем – Ади Ибн Зайдом. Они встретились в церкви; тогда шло правление аль-Мунзира IV, и Хинд было одиннадцать лет [172, ч. 2, с. 30]. Значит, Хинд была христианкой ещё до начала правления ан-Нумана III.

От кого могла одиннадцатилетняя девочка проникнуться основами вероучения, кроме как от матери? В том же тексте сообщается, что матерью Хинд была Мария Киндитская; обратим внимание на её христианское имя. Получается, что в VI в. среди жён лахмидских царей было самое меньшее две киндитки-христианки – Хинд Старшая и Мария – мать Хинд Младшей. Схожесть происхождения и вероисповедания даёт основания видеть между ними какую-то близость, однако дальнейшие рассуждения на эту тему невозможны из-за отсутствия точных данных.

Можно возразить, что женщины пользовались известной свободой мысли, так как их мнение ничего не решало, и они были предоставлены самим себе. Вероятно, это применимо и к сёстрам ан-Нумана, которым, например, не пришлось, как ему самому, испрашивать разрешение на крещение у сасанидского царя (об этом см. ниже).

зывает о том, как в одном из них побывал халиф Харун ар-Рашид [188, с. 208], – были созданы в более позднее время. Поэтому более вероятно, что Хинд – сестра, а не дочь ан-Нумана. Вместе с тем, возможно, что Хинд, которой во время воцарения ан-Нумана III было самое большее пятнадцать лет (т.е. если одиннадцать лет ей было в самом начале правления аль-Мунзира IV), рядом с ним казалась совсем юной, и её принимали за его дочь. Нельзя исключать и того, что у ан-Нумана были и сестра, и дочь по имени Хинд, однако тогда трудно определить, к кому относится тот или иной рассказ.

³²⁷ В арабском тексте – مارية. Однако не исключено, что следует читать مارية (Māwīya, Мауия). Так в тексте аль-Хилли (см. Приложение 3).

Между тем в описываемое время христианами в роду Лахмидов были не только женщины. В перечне основателей монастырей Ишоднэх называет упомянутого выше Мар Хнанишó, который, по его словам, был исмаильтянином (т.е. арабом) и происходил из рода (*īōhtā*) Нумана, т.е. ан-Нумана III. Чуть дальше сообщается, что Хнанишó, избрав монашескую стезю, последовал за отдельными представителями других знатных родов, в числе которых упомянут, в частности, Мар Илия. Последний, по словам Ишоднэха, был из того же рода, что и Хнанишó [103, с. 452]. Сопоставляя сведения, изложенные у Ишоднэха и в «Сииртской хронике», мы можем сказать, что Илия родился и вырос в Хире, а затем уехал в Ирак, где в правление Хормузда IV построил монастырь или церковь в области Мосула [74, ч. 3, с. 445–446; 103, с. 451]. Это временное указание (в правление Хормузда IV, т.е. в 579–591 гг.) позволяет утверждать, что Илия крестился прежде ан-Нумана III. Интересны и слова о том, что он учился в Хире. Если учитывать характер источников, можно с уверенностью утверждать, что речь идёт о богословском учении. Видимо, Илия посещал школу, которую в своё время основал Каюра.

Важнейшим событием в истории христианской общины Хиры стало крещение ан-Нумана III. Его дату мы знаем из «Сииртской хроники» – четвёртый год правления Хосрова II Парвиза [74, ч. 3, с. 469], т.е. период с первого июля 593 по тридцатое июня 594 г. До нас дошло несколько довольно подробных рассказов об этом событии; они приведены в Приложении 3.

Здесь следует уделить некоторое время разбору расхождений в этих рассказах. Нетрудно заметить, что сюжет жития Сэбришó несколько отличается от схожих между собой рассказов арабоязычных источников – аль-Хилли и «Сииртской хроники». В житии история крещения ан-Нумана начинается во времена Хормузда (т.е. Хормузда IV, 579–591), тогда как в арабоязычных источниках

упоминается только Хосров II Парвиз. Это расхождение устраняется тем, что, согласно «Сииртской хронике», испытания, которым подвергался ан-Нуман, продолжались три года [74, ч. 2, с. 478]. Если из 593/594 г. отступить на три года назад, мы действительно можем прийти в самый конец правления Хормузда IV. Далее, в житии мы читаем, что Сэбришó прибыл во второй раз к ан-Нуману до его крещения и своими молитвами и участием в диспуте повлиял на выбор царя в пользу несторианства. У аль-Хилли и в «Сииртской хронике» царя и его родственников крестит епископ Хиры Шимун Ибн Джабир, а Сэбришó прибывает впоследствии и завершает излечение ан-Нумана. Какая из этих версий более соответствует действительности – сказать трудно. Понятно, что в житии Сэбришó на первый план выдвигается он, а в арабоязычных сообщениях, основанных, вероятнее всего, на хирских записях – Шимун Ибн Джабир.

Другое расхождение стоит в том, что монах Пётр повествует в житии Сэбришó о диспуте с еретиками, о котором у аль-Хилли и в «Сииртской хронике» не упоминается. Отрицать возможность проведения диспута нет оснований. Судя по тому, что Пётр приписывает противникам Сэбришó готовность клеймить несториан как приверженцев учения о двух природах Иисуса Христа, он имеет в виду монофизитов. Эти последние появляются и в арабоязычных сообщениях; обратим внимание, что у аль-Хилли «еретики» прямо отождествляются с яковитами, т.е. с монофизитами. Если верить сообщениям источников, монофизиты последовательно пытались привлечь ан-Нумана к своему учению и до, и даже после крещения царя. Вполне может быть, что они, вдохновляясь примером Симеона Бет-Аршамского, настояли на проведении диспута.

Но если диспут и был, представляется, что он не сыграл решающей роли в том, какой выбор сделал ан-Нуман III. Обратим внимание на сообщения арабоязычных источ-

ников о том, что ан-Нуман перед тем, как креститься, позаботился о том, чтобы согласовать этот шаг с сасанидским царём. В житии Сэбришó об этом не упоминается, но сомневаться в достоверности данного эпизода на таком основании нет причины. Сирязычный монах из Месопотамии мог и не знать об этой переписке; кроме того, в его глазах её, несомненно, затмевали победа несториан над монофизитами в диспуте и крещение ан-Нумана. Между тем для правителя Хиры, как и для любого наместника, решающее значение имела позиция сасанидского царя. Трудность положения усугублялась деликатностью вопроса: ан-Нуман собирался стать приверженцем вероучения, которое в основе своей расходилось с зороастрийским и не признавало божественного статуса сасанидского монарха³²⁸. Крещение ан-Нумана не могло не вызвать у Хосрова II Парвиза сомнений в его преданности. Такие сомнения могли возникнуть у Хосрова ещё раньше, когда ан-Нуман не последовал за ним в Византию. Именно поэтому, кажется, ан-Нуман III счёл за благо предварительно согласовать свой шаг с сасанидским царём.

Хосров II Парвиз, как мы видели, не отказал, но не мог забыть и о своих интересах. Есть все основания полагать, что он сделал выбор именно в пользу несториан. В VI в. несторианская церковь значительно сблизилась с Сасанидским государством. Немалую роль в этом играла её доктринальная обособленность от византийской православной церкви. В IV–V вв. Сасаниды нередко считали христианскую религию ромейской, т.е. вражеской. Это было основным мотивом преследований христиан в Сасанидской державе в ту эпоху, да и впоследствии. Но доктринальное размежевание церквей, окончательно оформившееся на упомянутом выше соборе 485 г., а также сотрудничество несторианских католиков, да и иерархов

³²⁸ Об этом см. 3, с. 67–69.

менее высокого ранга³²⁹ с сасанидскими властями изменили это положение дел. В VI в. сасанидские цари в целом покровительствовали несторианской церкви, хотя отдельные преследования время от времени имели место. Так продолжалось и в правление Хосрова II Парвиша. Придя к власти с помощью византийского императора Маврикия (582–602), он на первых порах благоволил к христианам. Правда, об отношении Хосрова к Ишойэбу источники сообщают разные сведения. Согласно «анониму Гвиди», Хосров не простил Ишойэбу то, что тот в 591 г. не отправился с ним в Византию; к тому же о католикосе злословил главный придворный врач Тимофей Нисибисский [32, ч. 1, с. 17]. Напротив, автор «Сииртской хроники» утверждает, что Ишойэб смог оправдаться перед Хосровом, и тот простил его и в дальнейшем относился к нему милостиво [74, ч. 3, с. 440–442, 444]. Но даже если Хосров действительно продолжал гневаться на Ишойэба, он не предпринял по отношению к нему никаких репрессий. Очевидно, несторианский католикос был по-прежнему нужен Хосрову как главная опора среди христиан. К Сэбришó Хосров благоволил; это видно из того, что после смерти Ишойэба царь, по сути, самостоятельно сделал его новым католикосом [32, ч. 1, с. 17; 74, ч. 3, с. 444, 487; 111, ч. 1, с. 50, ч. 2, с. 57].

На несториан Хосров опирался и впоследствии. Показательный случай произошёл во время войны против Византии, которую Хосров начал после свержения и убийства Маврикия (602 г.). В 610 г. сасанидские войска заняли Эдессу. Чтобы управлять местными христианскими

³²⁹ Данный вопрос рассматривается в «Хосрове». Здесь имеет смысл привести один пример, более близкий по хронологии к теме настоящего исследования. В «Сииртской хронике» рассказывается, что в правление Хормузда IV Ишойэб, бывший тогда епископом Арзанены, собирал сведения о перемещениях византийских войск на границе и передавал их царю [74, ч. 3, с. 442].

общинами, Хосров направил туда того из церковных деятелей, кого считал верным себе, – несторианина Ахишму. Однако православные и монофизиты не приняли нового главу церкви, и Хосрову пришлось заменить его монофизитом [33, т. 2, с. 379; 61, кол. 263–266]. Данные известия принадлежат монофизитским авторам, которые, несомненно, рассказывают об этих событиях не беспристрастно. Но и по ним видно, что Хосров опирался главным образом на несториан, хотя, возможно, отрицательный опыт побудил его сделать епископом монофизита.

Здесь следует вспомнить, что для Хосрова ан-Нуман был очень важной фигурой – наместником, проводником его политики среди арабов, наконец, вождем, имевшим в подчинении войско, которое, как и во времена Варахрана V, могло дойти до Ктесифона. Невероятно, чтобы Хосров II Парвиз, известный своей осторожностью и подозрительностью и всегда стремившийся уничтожить в зародыше любую возможную опасность, держал на такой должности монофизита, который с большой долей вероятности мог оказаться противником несторианства и зороастризма, а значит – и Сасанидской державы. Такой человек мог если не поднять мятеж, то, по крайней мере, сделаться излишне независимым. Нет, скорее всего, Хосров разрешил бы ан-Нуману креститься только по несторианскому обряду.

По словам автора жития Сэбришó, ан-Нуман III сразу после диспута велел казнить монофизитов, но их предводителям удалось бежать. Это соответствует сведениям «Сииртской хроники», согласно которой ан-Нуман, крестившись, изгнал яковитов из своих владений³³⁰. Это кажется вполне логичным – ан-Нуман, разумеется, не простил монофизитам их яростные нападки на тех, кто стал его духовными наставниками, а возможно – и на него самого. В то же время у нас нет сведений о том, что

³³⁰ Оба фрагмента приведены в Приложении III.

ан-Нуман выслал или подверг репрессиям какое-либо племя или род. Вероятно, слова о казнях или высылке относятся к монофизитским проповедникам и монахам, которым, скорее всего, действительно пришлось покинуть Хиру.

Из рассказов о крещении ан-Нумана видно, что он решил на этот шаг не из политических, а скорее из духовных соображений³³¹. Несомненно, он опасался гнева Хосрова и потому испрашивал у него разрешения, но едва ли стремился к политической выгоде: тогда следовало обратиться в зороастризм. Как мы видели, несторианские авторы называют главным побудительным мотивом ан-Нумана стремление избавиться от болезни. Нельзя точно сказать, какую болезнь они имеют в виду, физическую или духовную, т.е. приверженность религиозным воззрениям, которые казались им ошибочными. Обратим внимание, что в текстах источников, приведённых в Приложении III, излечение ан-Нумана изображается как изгнание беса. Но в любом случае очевидно, что ан-Нуман сделал важный для себя духовный выбор. Это хорошо объясняет дальнейшее поведение ан-Нумана, который, судя по рассказам источников, вёл себя как верующий человек. Мусульманские авторы приписывают ему постройку Луджджского

³³¹ Против этого вывода можно выдвинуть возражение, основанное на упомянутом выше рассказе об ан-Нумане, приводимом у аль-Умари. Согласно ему, ан-Нуман однажды увидел в «монастыре Хинд» жену упомянутого выше Хакама Ибн Амра аль-Лакми, имя которой не называется. Царь захотел, чтобы она оставила мужа и стала его женой. По совету Ади Ибн Зайда ан-Нуман осыпал Хакама милостями и, в частности, развёлся с одной из своих десяти жён и отдал её ему. Хакам, считая своим долгом отблагодарить царя, отдал ему свою жену [208, ч. 1, с. 361]. Многоженство ан-Нумана трудно совместить с тезисом о том, что он крестился именно из духовных побуждений. Однако из текста аль-Умари не следует, что ан-Нуман уже тогда был христианином. Более вероятно, что на тот момент он был ещё приверженцем традиционных арабских верований, а в «монастырь Хинд» явился не как христианин.

монастыря (*dayr al-luġġ*), который он сделал лучшим из монастырей Хиры [188, с. 595; 208, ч. 1, с. 363; 264, т. 2, с. 530]. Правда, как показано в примечании 316, этот монастырь существовал ещё до начала правления ан-Нумана, в связи с чем правомернее говорить, что последний отстроил, а не построил его.

Сообщение аль-Бакри, на которое мы здесь ссылаемся, продолжается далее так:

«По воскресеньям и праздникам ан-Нуман выезжал туда (в монастырь. – Д. М.) с домохозяевами, особенно из рода аль-Мунзира [а также с единоверцами, вместе с которыми он пировал]³³². Они были облачены в позолоченные парчовые одежды. На головах их были золотые венцы, а на чреслах – пояса с вставленными в них драгоценными камнями. В руках они держали жезлы с крестами на концах. Закончив молитву, они удалялись в его дворец³³³ над ан-Наджафом. Ан-Нуман пировал со своими спутниками остаток дня [до вечера], дарил подарки, награждал из благодарности [и жаловал]. Это было великолепным, прекрасным зрелищем» [188, с. 596]³³⁴.

Как видно из сообщения «Сииртской хроники», приведённого в Приложении 3, через год после ан-Нумана крестились его сыновья аль-Хасан и аль-Мунзир. По словам Хамзы аль-Исфাহани, ан-Нуман крестил также свою мать Сальму [67, с. 111]. Это представляется вполне возможным (хотя тогда она должна была вернуться к сыну из племени, куда, как мы помним, уехала через какое-то

³³² Здесь и далее в данном фрагменте вставки в квадратных скобках – из текста аль-Умари.

³³³ Перевод после запятой основан на графической конъектуре. В этом месте у аль-Бакри – *انصرفوا إلى مستشفة*, у аль-Умари – *انصرف إلى مستشفة*. По смыслу текста правильнее всего читать *انصرفوا إلى مستشفة*.

³³⁴ У Якута аналогичный, хотя и несколько более краткий, текст относится не к Лахмидам, а к мазхиджитскому племени Бану-ль-Харис Ибн Кааб, которому принадлежал монастырь в Наджране [264, т. 2, с. 539]. Однако текст Бакри – вернее. Он почти точно совпа-

время после его рождения) и хорошо дополняет общую картину принятия христианского вероучения близкими ан-Нумана. На это же указывают и некоторые другие сведения, обнаруживающиеся в источниках. Среди монастырей, которые называют аль-Бакри и Якут, самое меньшее четыре были построены членами лахмидского рода. Два из них упомянуты ранее; это «монастырь Хинд Старшей», где помещалась рассмотренная выше надпись царицы, и отстроенный ан-Нуманом Луджджский монастырь. Кроме них существовали монастырь св. Марии³³⁵ и «монастырь Хинд Младшей», т.е. сестры ан-Нумана III, которая ушла от мира после гибели Ади Ибн Зайда [172, ч. 2, с. 31] или ан-Нумана [57, с. 95].

По описаниям монастырей можно сделать и другое наблюдение. Христианское вероучение быстро распространялось среди арабов Хиры и её окрестностей. Мы знаем несколько монастырей, которые различные арабские роды построили в лахмидскую эпоху. Так, известен «монастырь Алькамы» (*dayr 'Alqama*), постройка которого приписывается Алькаме Ибн Ади (*'Alqama Ibn 'Adī*), принадле-

дает с параллельным текстом аль-Умари, который прямо ссылается на Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани [208, ч. 1, с. 363] – очевидно, на трактат последнего о монастырях (см. Введение). В пользу высказанного в тексте толкования говорит и упоминание об ан-Наджафе – месте, которое аль-Якуби описывает так: «Хира – на ан-Наджафе, а ан-Наджаф – берег солёного моря (озера. – Д. М.), которое в древние времена доходило до Хиры» [90, с. 309].

³³⁵ У мусульманских авторов – *dayr māra Maryam* (монастырь Госпожи Марии, т.е. Богоматери) [188, с. 597; 208, ч. 1, с. 357; 264, т. 2, с. 531]. И здесь мы встречаемся с расхождениями в источниках, причём вопрос о выборе правильной версии решается так же, как и в предыдущем примечании. Согласно аль-Бакри, монастырь был воздвигнут аль-Мунзиром, однако Якут приписывает постройку роду аль-Мунзира (*āl al-Munḍir*), т.е. Лахмидам в целом. Аль-Умари называет строителем монастыря аль-Мунзира, причём в этом фрагменте ссылается на Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани. Мы вправе, кажется, отдать предпочтение версии аль-Бакри – аль-Умари и отождествить упоминаемого у них аль-Мунзира с сыном ан-Нумана III.

жавшему к рубаййитам, но, судя по его родословной, не к роду зумайлитов. О дате создания «монастыря Алькамы» можно судить по приводимому у Якута стиху Ади Ибн Зайда о том, что он пировал там с Бану Алькама [208, ч. 1, с. 363; 264, т. 2, с. 524]. Со времён Лахмидов, согласно тому же автору, существовал «монастырь Анны» (*dayr Hanna*), который в источниках именуется «древним» (*qadīm*). Он принадлежал танухитскому роду Бану-с-Сáты [188, с. 578; 264, т. 2, с. 507]; как показано выше, то были потомки кудаитского вождя Малика Ибн Фахма, жившие в Хире [260, с. 644]. Известен также монастырь, постройка которого приписывается Абду-ль-Масиху из Бану Букайла. В этом последнем случае мы сталкиваемся с историческим курьёзом. Якут, очевидно, компилируя разные рассказы, говорит об этой постройке в двух местах, причём в одном она помещается в Хире, а в другом – в месте аль-Джáраа (*al-Gar'a*) вне пределов города [264, т. 2, с. 503, 521].

В описаниях монастырей мы находим и некоторые, хотя и не совсем однозначные, сообщения, по которым можно судить, что в то или близкое к нему время христианское вероучение распространяется и в областях, соседних с Хирой. В частности, Якут пишет, что дядя Ййаса Ибн Кабисы про имени Ханзала уверовал и основал монастырь на берегу Евфрата, названный по его имени *dayr Hanzala* [264, т. 2, с. 503].

Впоследствии христианское вероучение продолжало поступательно, без видимых препятствий распространяться в приевфратских областях. Тогда слыли такие деятели и проповедники, как епископ Сэбришó, Хнанишó, Мар Эвда Младший, упомянутый выше Абду-ль-Масих и др. Однако эта эпоха выходит за хронологические рамки настоящего исследования. Кроме того, в связи с последующим подчинением Хиры мусульманскому государству христианским общинам бывших владений Лахмидов пришлось развиваться в совсем иных условиях.

Иные религии

Наши сведения о других религиях и общинах, к сожалению, весьма скудны. Об иудеях во владениях Лахмидов до нас дошло лишь одно упоминание. В упомянутом выше письме Симеона Бет-Аршамского, посвящённом захвату Наджрана войсками Иосифа Асар Ясара и приводимому в историях, приписываемых Захарии Митилинскому и Дионисию Телль-Махрскому, мы находим пересказ письма царя к аль-Мунзиру III. Иосиф просил аль-Мунзира хорошо относиться к иудеям, которых называл своими братьями [75, с. 69; 83, с. 62]. По этому фрагменту видно, что в 523 г., когда Иосиф Асар Ясар диктовал письмо, в Хире была иудейская община, но сказать что-то определённое о её жизни нельзя. Между тем заслуживает внимания то, что Иосиф не спрашивает, живут ли во владениях аль-Мунзира иудеи, а пребывает в уверенности, что они там есть. Видимо, иудеи Хиры поддерживали отношения со своими единоверцами, от которых известия о них попали к Иосифу. Но для передачи сведений были нужны поездки, которые, как нетрудно представить себе, совершали прежде всего купцы. В одном из стихов Ади Ибн Зайда упомянут купец-иудей [176, с. 77]. Известно, что иудеи участвовали в морской торговле вокруг Аравийского полуострова, о которой пишет Феофилакт Симокатта [164, с. 218]; нельзя исключать, что они добирались до Йемена и караванным путём, по суше. Что касается *манихеев*, то разобранные в Части I сведения на данном этапе позволяют рассматривать существование их общины в лахмидских владениях лишь как потенциальную возможность³³⁶.

³³⁶ Здесь нельзя не уделить внимания построениям У. Сестона. Отождествляя царя Амаро манихейского текста, рассмотренного в Части I, с Амром I, он предложил сблизить это с сообщением Ибн Кутайбы (828–889) о том, что среди курейшитов в доисламское время была «ересь» (*zandaqa*), которую они переняли у жителей Хиры [134, с. 563; 233, с. 621; ср. 90, с. 217]. Однако понятие *zandaqa* было

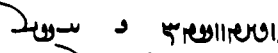

многозначным и применялось далеко не только к манихейству. Во фрагменте, который, по всей вероятности, можно считать параллельным тексту Ибн Кутайбы, Ибн Хабиб перечисляет «еретиков» (*zanādiqa*) среди курейшитов доисламского времени и пишет, что они научились «ереси» у христиан Хиры [238, с. 161]. Это утверждение очень трудно поддаётся объяснению. Понятно, что речь может идти о людях, считавшихся еретиками в христианской среде, – например, о монофизитах, уходивших от преследований несториан (на сходных позициях стоит И. Тораль-Нихофф, согласно которой речь идёт о христианах, попавших под влияние гностицизма или манихейства [165, с. 57]). Но трудно представить себе, чтобы мусульмане, которые составили сообщения, воспроизведённые у Ибн Хабиба и Ибн Кутайбы, настолько хорошо разбирались в христианском богословии, что могли определить воззрения курейшитов как еретические. Если же речь шла о том, что курейшиты позаимствовали у хирцев христианские воззрения, не было никакого смысла употреблять слово *zandaqa*, которое не применяется к христианам. Вообще говоря, если отталкиваться от слова *zandaqa*, наиболее вероятной трактовкой кажется то, что речь идёт о маздакитах. В мусульманских источниках это слово нередко применяется к ним. Ибн Кутайба упоминает о «ереси» во фрагменте, где он называет вероучения, которых арабы придерживались до ислама. Аналогичный фрагмент есть у аль-Якуби, который пишет, что «еретиком» (*zindīq*) стал киндит Худжр [82, с. 298–299]. Хотя здесь названо имя Худжра, более вероятно, что аль-Якуби имеет в виду аль-Хариса Киндитского, который, как показано в Части I, сделался последователем Маздака. Но, если идти в русле этих рассуждений, получается, что христиане Хиры распространяли учение маздакитов. Само по себе такое утверждение, несомненно, лишено смысла. Но в контексте истории Лахмидов ему можно найти объяснение, хотя и гипотетическое. Для мусульманских авторов жители Хиры были христианами (см. выше). Поэтому в тексте Ибн Хабиба под «христианами Хиры» могут пониматься хирцы в целом. Среди хирцев могли оказаться и маздакиты. Мы помним, что аль-Хариса Киндитского в последние годы жизни обвиняли в укрывательстве маздакитов. Последние могли искать убежища и в Хире, как это тогда же делали монофизиты. Интересно, что Ибн аль-Факих, описывая Куфу и Хиру, упоминает о расположенном рядом с ними «монастыре равенства», причём «равенство» (*sawāʾ*) истолковывается как *ʿadl* (равенство, справедливость) [227, с. 217]. Для монастыря это очень странное название, но необходимо учесть, что мусульманские авторы, повествуя о маздакитах, переводят название их учения *drudist-dēn* (верное, здоровое, справедливое учение) через *ʿadl*

[3, с. 185–186, прим. 260]. Эти сведения повторяет позже Якут, который добавляет, что обитатели монастыря давали друг другу обет и жили на условиях равного распределения имущества (*tanāṣuf*) [264, т. 2, с. 517]. Это вполне приложимо к укладу жизни маздакитов, где в условиях общности имущества никто не мог иметь больше, чем остальные. Возможно, в Хире обосновалась какая-то община маздакитов, которые, опасаясь преследований, жили незаметно и замкнуто в похожем на монастырь поселении или даже пытались внешне не отличаться от христиан. Кажется, здесь возможна аналогия с гностической сектой борборитов, ценное сообщение о которых есть у Михаила Сирийского и Бар Эбрея. Согласно этому сообщению, борбориты, изгнанные из Персии в то время, когда в Византии царствовал Юстиниан I, облачались в монашеские одеяния, а придя в Сирию, поселялись в оставленных монахами обителях [33, т. 2, с. 248; 61, кол. 219–222]. Возможно, так было и в обители, которая потом стала «монастырём равенства». Если так, можно представить себе, что её обитатели познакомили с маздакитскими воззрениями кого-то из курейшитов – например, тех, кто приезжал на ярмарку в Хире.

၎င်းတို့သည် နေရာအနှံ့တွင် နေထိုင်ကြသည်။
 နေရာအနှံ့တွင် နေထိုင်ကြသည်။
 နေရာအနှံ့တွင် နေထိုင်ကြသည်။

[118, т. 1, с. 115; 158, с. 21]

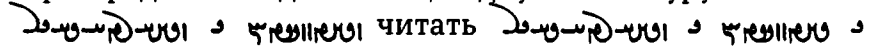
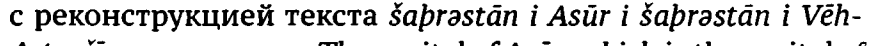
Проблема 1

Следующий за этими словами отрывок довольно легко поддается интерпретации; его следует читать как *ud šahrestān i Wēh-Ardahšīr/Ardāšīr* с переводом «и город Вех-Ардашир». Отрывок тоже начинается со слов *ud šahrestān*, что, поскольку это начало предложения, следует переводить как «А город...». Далее должно следовать название города. Однако последующее не находит параллелей среди городов Ирана и Сасанидской державы в целом. Й. Маркварт (*J. Markwart*) предложил читать не , а (*Asūr*) [112, с. 14, 21]. Это чтение, которое и теперь воспроизводится в литературе, вызывает большие сомнения. С точки зрения графики замена исходного ³³⁹ на предполагает значительное изменение: вместо *ā* (*i*) ставится *ī* (*ū*). Но эти графемы слишком различны, чтобы их можно было спутать при копировании текста. Графема *ī* характеризуется куда большей долготой. Кроме того, *ā* соединяется со следующей графемой, а *ī* – нет, что уже само по себе делает маловероятной именно такую ошибку переписчика. Форма *Asūr* не отождествляется с названием какого-либо города. Практически единственное, с чем её можно идентифицировать, – название области Асорестан³⁴⁰. Тогда следует переводить данный

³³⁹ При этом в рукописях текста источника стоит форма , что отмечает и сам Й. Маркварт. Эту форму он транслитерирует как *Asīr* [112, с. 21, прим. 2].

³⁴⁰ Вопрос о том, что представляла собой сасанидская провинция Асорестан, не раз рассматривался в литературе [63, с. 77–78; 77, с. 41–63; 113, с. 3–4]. В работах, на которые сделана ссылка, представлен довольно полный анализ сведений об Асорестане в источниках. Между тем в рамках настоящей работы особое значение имеет вопрос о границах Асорестана. В литературе эти границы нередко определяются с помощью аналогий с организацией христианской (несторианской) церкви Сасанидской державы с её разделением на митрополии и епископства. Однако такие аналогии носят скорее

характер предположений. Территориальная организация церкви и государства совпадала не во всём. Лучше всего это видно по тому, что церкви не переняла введённое при Хосрове I Ануширване разделение территории державы на четыре больших округа. Сведения мусульманских авторов заслуживают критического осмысления. Ибн Ростэ пишет, что в рамках старого персидского деления на области Суристан (Савад) простирался от границы земли Асур (*Aṭūr*), т.е. Мосула, селения аль-Альс (*al-'Alṣ*) в *тассудже*-е (единица административного деления, от ср.-перс. *tassōg*) Бузурджсабур и находившегося напротив, на другом берегу Тигра, селения Харбá (*Harbā*) до Бахман Ардашира (т.е. Убуллы. – Д. М.) [90, с. 104]. В некоторых других источниках мы находим похожие сообщения, из которых видно, что аль-Альс находился на восточном берегу Тигра [93, с. 38; 187, с. 424; 227, с. 381; 264, т. 3, с. 272]. Относительно аль-Альса наиболее важны следующие известия. В подробном описании Месопотамии у Ибн Серапиона аль-Альс помещается в район течения Тигра, между Самаррой и аль-Кадисийей с одной стороны и Укбарой и Багдадом – с другой [101, с. 9]. По словам Якута, аль-Альс находился на восточном берегу Тигра, между Самаррой и Укбарой [264, т. 4, с. 145]. Аль-Мукаддаси рассказывает, что к аль-Альсу устремляется один из рукавов Тигра [41, с. 123]. Можно предполагать, что *тассудж* Бузурджсабур Ибн Ростэ тождествен одноимённому *тассудж*-у, который Ибн Хордадбех помещает в восточную часть Савада [91, с. 6, 12]. Что касается Харбы, Ибн Ростэ относит её к *тассудж*-у Маскин, который у Ибн Хордадбега помещается к западу от Тигра, причём входит в состав административной единицы более высокого уровня – *остан*-а – наряду с аль-Анбаром [91, с. 7–9]. Сведения мусульманских авторов следует сопоставить с упоминаниями об Асорестане в сасанидских надписях. В накш-и-рустамской надписи Шапура I, где сообщается, что он сражался с императором Гордианом III при Мисихи (Пероз-Шапур, аль-Анбар) на границе Асорестана (*'swrstn* и *'Aσσρία* парфянского и греческого текстов соответственно) [110, с. 306–307; 142, с. 7, 15]. В надписи царя Нарсе в Пайкули обнаруживаются следующие важные сведения. Согласно одному фрагменту, Нарсе прибыл в Асорестан и находился в месте, где была исполнена надпись; впоследствии вельможи собрались к нему в Хайан-и-Никатра, т.е. Бет-Никатор, Бенкудра [69, с. 521–522; 78, с. 22]. В другом месте упоминается пограничный пост (*paṇrag*) на границе Асорестана [78, с. 9]. Из этого следует, что слово *Асорестан* было не только географическим понятием, но и административным названием области, которая имела свои границы. На северо-западе её граница в III в. проходила у Пероз-Шапура; не исключено, что впоследствии она сдвинулась ещё дальше на северо-запад. На севере пределы

фрагмент как «город (т.е. столица) области Асор (Асур)». Так поступает Т. Дарьяи (*T. Daryaei*) [37, с. 20, 53]. Й. Маркварт предлагает сделать ещё одну конъектуру и вместо читать с реконструкцией текста *šāprastān i Asūr i šāprastān i Vēh-Artaxšīr* и переводом *The capital of Asūr, which is the capital of Vēh-Artakhshīr*. В пояснениях к переводу Й. Маркварт утверждает, что город Вех-Ардашир был столицей области Асорестан [112, с. 14, 21, 102]. Здесь опять исходное *(ud)*³⁴¹ заменяется на *ܐ* (*i*), что практически так же маловероятно, как и в случае, рассмотренном выше. Кроме того, чтобы принять точку зрения Й. Маркварта, необходимо объяснить, почему городом (столицей) Асорестана назван именно Вех-Ардашир, а не столица Сасанидской державы – Ктесифон (см. прим. 340).

В принципе, после слов *šahrestān i* может стоять название области, а не города: например, упоминаются *šahrestān i Kermān* и *šahrestān i Adūrbādagān* [118, ч. 1, с. 116, 117; 158, с. 22, 24], т.е. столицы областей Керман и Азербайджан соответственно. Вместе с тем автор источника очевидно тяготеет к тому, чтобы указывать названия городов, а не областей. Поэтому интерпретация как названия города более вероятна, и можно сказать, что она должна применяться «по умолчанию». Кроме того, иден-

Асорестана не оканчивались на Тигре или аль-Альсе, но простирались далее на северо-восток, в направлении Азербайджана. Значит, прав источник Ибн Ростэ, который, видимо, несколько исправил изначальное известие о Саваде и довёл пределы Суристана до границ области Мосула. Интересно, что и ат-Табари, описывая походы Ардашира I, сообщает, что из области Мосула он направился в Суристан (Савад) [19, сер. 1, с. 819]. Если земли Асорестана простирались и к востоку от Тигра, естественно считать, что в состав этой области входил и Ктесифон. Асорестан был «сердцем Иранской страны», царской областью [77, с. 41–63]; причина этого, вероятнее всего, состоит в том, что именно там находилась столица державы.

³⁴¹ Й. Маркварт тоже отмечает, что в текстах рукописей – *ܐ* [112, с. 21, прим. 3].

тификация этого названия с Асорестаном предполагает выпадение не маленького графического фрагмента (stān), в результате чего вместо *Asōrestān* в тексте появляется *Asūr*.

Искать графическую конъектуру для , разумеется, необходимо; в противном случае мы не сможем двинуться дальше. Но для поиска конъектур есть определённые правила. Более вероятной следует считать ту конъектуру, которая предполагает ошибку переписчика в написании сходных по написанию элементов, требует исправления меньшего числа фрагментов или слов и лучше соответствует стилю автора текста и смыслу отрывка. Если подходить к данному фрагменту с этих позиций, правильнее всего ограничиться нахождением конъектуры для формы и исходить из того, что она передаёт, пусть и в искажённом виде, название города, который, как и Вех-Ардашир, построил Ардашир I, основатель сасанидской династии³⁴². Мусульманские авторы сохранили несколько списков городов, основанных Ардаширом I; многие из их названий (опять-таки, как Вех-Ардашир) содержат в качестве составной части имя основателя сасанидской династии [19, сер. 1, с. 820; 67, с. 46; 174, с. 45; 233, с. 654]. В этом отношении кажется вполне естественным, что форма (*asīr*) представляет собой искажённую часть имени Ардашира – составной части названия города.

В различных фрагментах «Городов Иранской страны» имя Ардашир пишется по-разному. Встречаются следующие варианты:

 – Нишапур [118, т. 1, с. 114; 158, с. 19], Хира [118, т. 1, с. 115; 158, с. 21], Кабул [118, т. 1, с. 115; 158, с. 21], Заранг [118, т. 1, с. 116; 158, с. 22], Вех-Ардашир (2 раза – в имени и названии города) [118, т. 1, с. 116; 158, с. 22], Бишапур [118, т. 1, с. 116; 158, с. 22], Ардашир-хоррэ

³⁴² О постройке Ардаширом I города Вех-Ардашир или, вернее, двух городов с таким названием см. ниже, в разборе Проблемы 2.

(в названии города) [118, т. 1, с. 116; 158, с. 22], Гундиша-
пур [118, т. 1, с. 116; 158, с. 23];

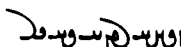

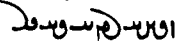
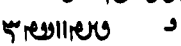
𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥 – Ардашир-хоррэ [118, т. 1, с. 116; 158, с. 22],
Хормузд-Ардашир [118, т. 1, с. 116; 158, с. 22], «Асур» Марк-
варта [118, т. 1, с. 117; 158, с. 23];

𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥 – Пошанг [118, т. 1, с. 114; 158, с. 19], Архист
[118, т. 1, с. 117; 158, с. 23].

Эти формы явно отличаются от более архаичных на-
писаний 𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥 или 𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥 в *Динкард*-е. Можно сде-
лать два наблюдения. С одной стороны, составитель ис-
точника не имел единого устоявшегося написания имени
Ардашир и каждый раз заново решал, каким образом его
передать. С другой стороны, все без исключения формы в
«Городах Иранской страны» заканчиваются на *šīr*. Види-
мо, автор источника при всех своих колебаниях стремил-
ся приспособить написание имени Ардашира к тому, как
оно фактически произносилось в его время. Тем самым,
есть вероятность того, что в исходном тексте стояла фор-
ма, оканчивавшаяся на 𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥. В рассматриваемом фраг-
менте именно так заканчивается имя Ардашира в состав-
ном названии *Wēh-Ardaḥšīr/Ardāšīr*. Форма 𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥 очень
похожа на 𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥 и отличается от неё, по сути, лишь добав-
лением одного зубца, что в пределах допустимой погреш-
ности. Можно предполагать, что в исходном тексте стояла
форма названия города, у которой в результате графиче-
ского искажении было утеряно начало, и которая содер-
жала в себе элемент 𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥. Если сравнить эту гипотезу
с интерпретациями Й. Маркварта и Т. Дарьяи, она имеет
следующие преимущества:

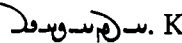
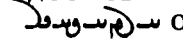
1. Не требуется ни искать «город Асор/Асур», ни дока-
зывать, что имеется в виду область, ни обосновывать то,
что именно Вех-Ардашир, а не Ктесифон, был центром
области Асорестан. Речь может идти о любом из городов,
названия которых содержали в качестве составной части
имя Ардашира I.

2. В графическом отношении конъектура ближе к исходной форме , нежели предложенное Й. Марквартом . В остальной части обе гипотезы предполагают значительные графические изменения (прибавление начальной части названия – для гипотезы автора этих строк, окончания *stān* для *Asōrestān* – для гипотезы Й. Маркварта).

3. Не следует прибегать к дополнительной конъектуре, вместо и читать и и изыскивать дополнительные доводы, обосновывая это.

4. Гипотеза автора этих строк предполагает перевод: «город ???-Ардашир и город Вех-Ардашир построил Ардашир». В источнике можно найти аналогичные фрагменты. Например: «город Мерв и город Герат построил “проклятый Александр”» (т.е. Александр Македонский) [118, т. 1, с. 114; 158, с. 19] или: «город Хормузд-Ардашир и город Рам-Хормузд построил Хормузд, сын Шапура» [118, т. 1, с. 116; 158, с. 22]³⁴³. Однако нет ни одной фразы типа «город такой-то, который есть город такой-то, построил такой-то». Следовательно, предложенная гипотеза лучше соответствует стилю автора источника, чем чтение Й. Маркварта.

Проблема 2

 и . Как показано в прим. 337, слово отсутствует в тексте и включено в издания как конъектура. Если принимать эту конъектуру, приведённая форма буквально интерпретируется как «Ардашир Спандиядан», т.е. «Ардашир, сын Спандияда». Этого Ардашира нельзя отождествлять с основателем сасанидской династии – Ардаширом I Папаканом (сыном Папака). Вполне справедливой представляется мысль Т. Дарьяи

³⁴³ В обоих случаях дан схематичный пересказ, а не перевод фрагментов.

о том, что упомянутый в данном месте Ардашир, сын Спандияда – легендарный царь из династии Кеянидов Ардашир Вахман, сын Спандияда, известный прежде всего по зороастрийским трактатам *Занд и Вахман Ясн* [31, с. 152, 173] и *Бундахишн* [21, с. 65; 37, с. 47; 119, с. 137–138; 151, с. 232; 169, с. 296–299]. Этого царя знают и мусульманские авторы, которые называют его Ардашир Бахман Ибн Исфандияр. В некоторых источниках он называется по-арабски *ʾawīl al-bāʾ*, а по-персидски – *dirāz-dast* или *dirāz-bāz*, что можно переводить как «долгорукий» [19, сер. 1, с. 686; 67, с. 37; 114, с. 26; 153, с. 52; 222, с. 54]. Аль-Масуди полагал, что Ардашир Бахман – древний персидский царь Артахшаст (*Artahšast*) [93, с. 131]. Это сближает Ардашира Бахмана с Артаксерксом I Долгоруким, однако прямое отождествление вряд ли правомерно. Легендарный образ Ардашира Бахмана (Вахмана) вобрал в себя черты разных царей; некоторые узнавали в нём Кира [67, с. 38; 93, с. 200]. Примечательно, что Ардашир Бахман в некоторых сообщениях называется основателем города Бахман-Ардашир, т.е. Убуллы [19, сер. 1, с. 687; 67, с. 37–38; 73, с. 378; 222, с. 55]. Однако в других рассказах, в том числе – и в тех же самых источниках, строительство Бахман-Ардашира приписывается Ардаширу I Папакану [67, с. 46; 73, с. 485; 226, т. 1, с. 296; 227, с. 406; 233, с. 654]. Такая же путаница могла произойти и в рассматриваемом случае. Обращает на себя внимание то, что ни один мусульманский автор не приписывает Ардаширу Вахману постройку Вех-Ардашира. Можно возразить, что о Вех-Ардашире автор «Городов Иранской страны» упоминает дважды: в рассматриваемом фрагменте, а также в другом, где сообщается, что город воздвигали три господина (*hwadāy*), а Ардашир Папакан завершил строительство [118, т. 1, с. 116; 158, с. 22]. Значит, в рассматриваемом фрагменте речь идёт не о том Вех-Ардашире, который построил Ардашир I Папакан, и, следовательно, появляется возмож-

Й. Маркварт интерпретировал как *Nakar marzprān*, т.е. марзбан Хаджара – столицы области Бахрейна. После этого возможность отождествления *war*-а арабов с солёным озером отпала, и был сделан естественный в рамках данного рассуждения вывод о том, что водоём, о котором идёт речь – Персидский залив [112, с. 21, 63].

В рамках данной интерпретации трудно объяснить, какую роль выполняют в предложении слова دوسر и بورگال. Они могут быть только дополнениями к *hakar marzprān*, однако в этом случае их совершенно невозможно объяснить. Сам Й. Маркварт не смог дать однозначную трактовку этих слов, что видно из его текста [112, с. 103].

Возникшее затруднение было решено в работе Х.С. Ньюберга, предложившего удачную, по мнению автора этих строк, трактовку, согласно которой دوسر следует интерпретировать как *bōr-gil*, а دوسر – как *dō-sar*; в обоих случаях речь идёт об отрядах лахмидского войска (см. Часть II) [118, т. 2, с. 48, 65]. Соответственно, возникает фрагмент *marzbān [i] dō-sar ud bōr-gal*³⁴⁴. Ни *dō-sar*, ни *bōr-gal* не является названием территории, которой управлял марзбан. Поэтому связать их с предшествующим *marzbān* можно только так, как это делает в своём переводе Т. Дарьяи, именно: *the margrave (over the) Dō-sar and Bor-gil* [37, с. 20], т.е. «наместник пограничной области, [поставленный над отрядами] досар и боргаль». Поскольку эти отряды, как показано выше, стояли в Хире или поблизости от неё, на весьма значительном удалении от области Бахрейна и не подчинялись её наместнику, предположение о том, что речь идёт о марзбан-е Хаджара, уже не может быть признано верным. Следовательно, вывод о том, что «*war*

³⁴⁴ Автор этих строк предпочитает огласование *gal*, а не *gil*, на основании слова *gāl* в значении «войско» или «дружина» в среднеперсидском тексте «Слово в память о Зарире» (*Ayādgār-i-Zarērān*) [158, с. 3] и новоперсидского *gala* в значении *a crowd* [143, с. 1096].

арабов» – Персидский залив, остаётся без единственного поддерживавшего его построения³⁴⁵.

Гипотеза Й. Маркварта вызывает сомнения и по другим причинам. При разборе Фрагмента 1 отмечено, что в (или к) *war-i-tāzīgān* сасанидский царь направил *марзбан-а* Хиры. Если считать, что «*war* арабов» – Персидский залив, непонятно, почему *марзбан* Хиры был отправлен так далеко от вверенной ему области. Далее, в зороастрийской культуре, судя по *Бундахишн-у*, Персидский залив известен как море *Путик* (8, с. 280, 298; 119, с. 43, 83; 169, с. 100–103, 116–117). Персидский залив был хорошо знаком иранцам, что, вероятно, способствовало и известности его традиционного названия. Трудно объяснить, почему автор текста игнорирует это название, заменяя его другим.

Несогласие с отождествлением «*war-а* арабов» с Персидским заливом само по себе ещё не означает нахождение решения проблемы. Необходимо найти альтернативную и лучшую интерпретацию. При этом круг поиска очерчивается следующим образом. С одной стороны, слово *war* имеет несколько значений [118, т. 2, с. 203; 106, с. 87; 255, с. 450], из которых к рассматриваемой ситуации лучше всего подходят следующие: «море», «озеро», «водоём», «огороженное место», «укрепления», «крепость». С другой стороны, наместник Хиры был поставлен именно у (или в) *war-i-tāzīgān*. Этим требованиям удовлетворяют несколько решений. Одно из них – отвергнутое Й. Марквартом солёное озеро близ Хиры. Но едва ли *марзбан* с войском стоял именно у солёного озера, занимая, таким образом, очень невыгодную в стратегическом отношении позицию. Кроме того, непонятно, почему именно солёное озеро, а не например, Хира, послужило автору геогра-

³⁴⁵ Некоторые иные доводы против отождествления *war-i-tāzīgān* «Городов Иранской страны» с Персидским заливом и озером в последнее время выдвинул Х. Махамеди [108, с. 154].

фическим ориентиром. Не бесспорной представляется и трактовка Т. Дарьяи, который переводит *wall of the Arabs* (букв. – «стена арабов») [37, с. 19, 20], но затем даёт интерпретацию *Wall / Fortress of the Arabs*, объясняя это тем, что *wal* представлял собой часть системы сасанидских пограничных укреплений и здесь может означать «ров Шапура», о котором нам известно от мусульманских авторов [37, с. 43]. Существование искусственно прорытого рва, особенно в районе Хиры, сомнительно. Система пограничных укреплений, о которой идёт речь, представляла собой не единую стену, а сеть расположенных по течению Евфрата крепостей, к числу которых относились и далёкие от Хиры Хит и Пероз-Шапур (аль-Анбар). [3, с. 280–281]. Использование выражения «*wal* арабов» для обозначения всей системы укреплений не давало бы читателю географического ориентира. Ближайшими к Хире укреплениями были две стены между аль-Узайбом и аль-Кадисийей, о которых упоминают мусульманские географы [90, с. 175; 91, с. 185; 264, т. 4, с. 92]. Однако мы не знаем, назывались ли они «стеной арабов» и были ли построены уже при Ардашире I, как это явствует из рассматриваемого фрагмента. Поэтому трактовка Т. Дарьяи предполагает необходимость доказывания целого ряда далеко не очевидных обстоятельств и, таким образом, порождает больше вопросов, чем разрешает. Представляется, что к решению вопроса о «*wal*-е арабов» ближе Х. С. Ньюберг и И. Тораль-Нихофф; первый из них отнёс *war-i-tāzīgān* (в тексте – *var i Tācīkān*) к той статье словаря, где *var* (*war*) интерпретируется как *enclosure, defences, fortress*, вторая переводит «крепость арабов» (*Araberfestung*) [118, т. 2, с. 203; 165, с. 60]. Преимущество этого решения в том, что оно создаёт определённую: речь идёт о конкретном поселении, в которое был назначен *марзбан* Хиры (а прежде – *марзбан*, командовавший войсками *досар* и *боргаль*). Естественно считать, что этой «крепостью арабов» была Хира: никакое

поселение лучше её не соответствует восстанавливаемому таким образом контексту. Вместе с тем, эта трактовка требует определённой доработки. Как показано выше, Хира не имела городских укреплений (хотя в ней были отдельные укрепленные усадьбы) и потому, строго говоря, вряд ли подходила под понятие «крепость». С другой стороны, для автора «Городов Иранской страны» Хира была городом и центром области (*šahrestān*). Вероятно, автор представлял себе Хиру как обособленное, имевшее определённые пределы поселение, бывшее оплотом верных Сасанидам арабов. В этом отношении она была крепостью или, по крайней мере, её аналогом. Поэтому вернее переводить *war-i-tāzīgān* как «город арабов».

Проблема 4

د سوار (سوار) و سوار. После того, как слово د سوار в связи с изложенными выше соображениями утратило значение «Хаджар», необходимо найти ему новое объяснение. Представляется, что речь идёт о слове *agar*, для которого Дж. Д. М. Джамасп-Асана в своём словаре среднеперсидского языка даёт значение *a chief* [86, т. 3, с. 721–722], т.е. «предводитель». Поскольку фрагмент *i agar* означает «который является предводителем», логично предполагать, что первое слово данного фрагмента – имя собственное. К сожалению, у нас нет сведений, чтобы отождествить этого человека с каким-либо известным историческим персонажем и на этой основе истолковать его имя. Трактовка Й. Маркварта, который предлагал читать *Ōšak* и сближал это с именем Ауса Ибн Каллама (о нём см. выше) [112, с. 21, 103–104] представляется маловероятной, т.к. последний не был современником Ардашира I и не мог получить от него назначение, о котором говорится в тексте источника. Поскольку иранские имена нередко имели определённое значение и просто как существительные или прилагательные, представляется возможным

сближать рассматриваемую форму со среднеперсидским *Ĥū-dēh*, что Дж. Д. М. Джамасп-Асана истолковывает как *good, virtuous* [86, т. 4, с. 864]. Возможно, к этому прилагательному имеет какое-то отношение имя Худига, который, согласно накш-и-рустамской надписи Шапура I, при Ардашире I был главным интендантом двора [110, с. 325–326; 142, с. 18].

На основании изложенного можно предложить следующую интерпретацию рассмотренных выше фрагментов.

Фрагмент 1

Текст:

Šahrestān i Ĥērat Šāhpūhr i Ardašīrān kard u-š Mihrzād Ĥērat marzbān pad war-i-tāzīgān be gūmārd .

Перевод:

Город Хиру построил Шапур, сын Ардашира (Шапур I. – Д. М.); он назначил Михрзада марзбан-ом Хиры, в город арабов.

Фрагмент 2

Текст:

Ud šahrestān i ???-Ardahšīr/Ardāšīr ud šahrestān i Wēh Ardaḥšīr/Ardāšīr Ardaḥšīr/Ardāšīr i Pābagān kard u-š Ĥū-dēh i agar marzbān dō-sar ud bōrgal pad war-i-tāzīgān be gūmārd .

Перевод:

Город ???-Ардашир и город Вех-Ардашир построил Ардашир, сын Папака; он назначил предводителя Худи марзбан-ом, [командующим войсками] досар и боргаль, в город арабов.

НАДПИСЬ ЦАРЯ ИМРУ-ЛЬ-КАЙСА В АН-НАМАРЕ

Текст этой надписи был введён в научный оборот более ста лет назад, в 1902 г. С того времени появилось немало прочтений и трактовок, различия между которыми подчас очень велики. Поскольку надпись касается в том числе и предмета настоящей работы, автор этих строк считает целесообразным привести в качестве опорной точки для анализа собственную попытку чтения и перевода, основанную на имеющихся у него прорисовках [46, с. 411; 47, с. 314; 68, с. 54; 94, с. 104], с некоторыми комментариями, главным образом – историческими.

Транслитерация текста надписи	Транскрипция
Строка 1	
<i>ty nfs mr 'lqys br 'mrw mlk 'l'rb klh dw 'sr 'lig</i>	<i>Tī nafs Imri' al Qays Ibn 'Amr malik al- 'arab kulli-hā dū asara al-tāğ</i>
Это – гробница Имру-ль-Кайса, царя всех арабов, который венчал себя короной ³⁴⁶ ,	
Строка 2	
<i>w mlk 'l'sdyn w nzw w mlwkhm w hrb mdhgw 'dky³⁴⁷ wg'a</i>	<i>wa malaka al-As.dayn wa Nizār wa mulūka-hum wa harraba Mađhiğ 'adkay wağa'a</i>
царствовал над двумя [племенами] а.с.δ ³⁴⁸ , Низар, их царями, обратил в бегство мазхиджитов и ударил	

³⁴⁶ См. ниже (Проблема 1).

³⁴⁷ Это слово, отсутствующее в арабском языке, долго оставалось без удовлетворительного объяснения. Э. Ф. Л. Бистон (A. F. L. Beeston) предложил сближать его с 'dky одной изученной им надписи из Карьят аль-Фау в значении *while* или *until*. Правда, слово в ан-намарской надписи он, видимо, из-за формы *k*, которая не соединяется с последующим *y*, читал *kdy* [22, с. 1, 4]. Впоследствии М. Кропп (M. Kropp)

Транслитерация текста надписи	Транскрипция
Строка 3	
<i>b zg-h fy rtg ngrn mdynt šmr w mlk m 'dw w byn bnyh</i>	<i>bi-zuḡḡi-hi fī rataḡ Naḡrān maḏīnat Š.m.r wa malaka Ma'add wa bayyana banī-hi</i>
железным наконечником копья в ворота Наджрана, города Ш.м.р-а ³⁴⁹ , царствовал над мааддитами, распределил сыновей своих	
Строка 4	
<i>'lš'wbw w wklh frsw l-dwm flm ybl' mlk mbl'-h</i>	<i>al-šu'ūb wa wakkala-hā fa rasaw li-l-dawām fa lam yabluḡ malik mablaḡa-hu</i>
по крупным племенам (племенным объединениям) ³⁵⁰ и поставил их наместниками, и они утвердились надолго ³⁵¹ . Свершений его не достиг ни один царь,	
Строка 5	
<i>'dky hlk snt 223 ywm 7 b-kslwl b-l- s 'd dw-wldh</i>	<i>'adkay halaka sanat 223 yawm 7 bi kaslūl bi-l-sa 'd dū walada-hu</i>
пока он не умер ³⁵² в год 223 г., в седьмой день каслул-а ³⁵³ . Да будет в счастье тот, кого он родил!	

на основании своего анализа набатейских надписей пришёл к выводу, что в них *k*, даже не соединяясь с последующей графемой, стоит в той же форме, в какой оно встречается в рассматриваемом слове ан-намарской надписи, из-за того, что находится в центре слова. На основе этого М. Кропп предложил считать, что слово *'dky* надписи в Карьят аль-Фау воспроизводится в ан-намарской надписи без изменений [96, с. 71]. Автор этих строк не проводил анализа графики набатейских надписей и поддерживает трактовку Э. Ф. Л. Бистона и М. Кроппа на том основании, что она прекрасно соответствует смыслу текста в целом.

³⁴⁸ См. ниже (Проблема 2).

³⁴⁹ См. ниже (Проблема 3).

³⁵⁰ См. ниже (Проблема 4).

³⁵¹ См. ниже (Проблема 5).

³⁵² Ср. глагол *hlk* в значении «умереть» в набатейско-арабской надписи Q.047.16 [64, с. 337].

³⁵³ Т.е. 7 декабря 328 г. [46, с. 418; 47, с. 321]. Вопрос о том, чем является эта дата, рассмотрен ниже (Проблема 6).

Проблема 1

'ltg. Данное чтение, предложенное ещё Р. Дюссо (*R. Dus-saud*) [46, с. 412, 414–415; 47, с. 315–317], представляется наиболее оправданным. Употребление ' определённо говорит против чтения *wa* [25, с. 35], соединение *l* с последующим *t* – против чтения *ilā Tāḡ* [23, с. 3]. Графемы 'ltg, кажется, составляют единый сегмент. По формам *mlk l'rb* и *bnyh lš'wb* видно, что автор надписи ставил ' (хамзу) в определённом артикле *alif – lām* и в тех случаях, когда она не должна была произноситься. Долготу *alif*-а автор не передавал, о чём свидетельствует форма *nzrw* (*Nizār*). Поэтому есть основания полагать, что эту форму следует читать как *al-tāḡ* (корона).

Проблема 2

'l'sdyn. Р. Дюссо полагал, что речь идёт о Бану Асад (*Banū Asad*), ветви аднанитского племенного объединения Рабиа (*Rabī'a*) [46, с. 415]. Но уже он отметил, что слово *al-as.d* стоит в двойственном числе, хотя и не дал этому никакого объяснения [47, с. 317]. Вопрос, тем самым, значительно усложняется: нужно найти не одно, а два племени с одинаковыми названиями *al-Asd* или *al-Asad*. Чтение Дж. Э. Беллами (*J. A. Bellamy*) *l-'asadiyīna* с переводом *the Asadīs* (асадиты. – Д.М.) [25, с. 35, 46], которое предполагает, что рассматриваемое слово стоит во множественном числе, вряд ли приемлемо: судя по следующему *nzrw* (*Nizār*), а не *nizāriyyīn*, автор надписи указывает названия племён, а не их членов. В двух вышедших в 1979 г. работах Э. Ф. Л. Бистон и И. Шахид независимо друг от друга предложили чтение *al-Asdayn*. Их доводы сводятся к следующему: 1) в средневековых толковых словарях арабского языка указывается, что форма *Asd* правильнее, чем *Azd*, 2) в южноаравийских надписях название племени *As.d* употребляется с арабским определённым артиклем *alif – lām*, что свойственно названию *Azd / al-Azd*, но не *Asad*,

3) аздиты отличаются родословной от упоминаемых далее низаритов и мааддитов, 4) в большом племени Азд выделялись две ветви: западные (Асд ас-Сарат (*Asd al-Sarā(t)*) и Асд шануа (*Asd šanū'a*)) и восточные (*Asd 'Umān*, т.е. оманские аздиты); они вполне могли быть «двумя Асдами» надписи, 5) в аднанитском племенном объединении Бану Асад Ибн Рабиа таких ответвлений нет, т.е. нет и «кандидатов на отождествление» [22, с. 3–4; 138, с. 35–36].

Эти доводы нуждаются в критическом осмыслении. В средневековых толковых словарях арабского языка действительно можно прочесть, что родоначальника аздитов аль-Азда Ибн аль-Гауса (*al-Azd Ibn al-Ġawī*) звали аль-Асд; последняя форма более правильна, хотя первая чаще встречается [192, с. 440; 234, с. 70]. Ещё более сильным доводом представляется то, что в рассказе Хишама аль-Кальби о расселении арабских племён после крушения Марибской плотины, который обнаруживается в одной из рукописей сборника стихов Хассана Ибн Сабита, аздиты называются именно *Asd*; есть выражения *Асд шануа* и *Асд ас-Сарат* [258а, т. 1, с. 10]. *Асд шануа* упоминаются и у Ибн Хабиба [237, с. 146]. Стало быть, аздитов действительно называли асдитами.

Между тем, против рассматриваемой гипотезы можно выдвинуть ряд доводов.

1. В южноаравийских надписях название племени *As.d* в одних случаях написано с арабским определённым артиклем *alif – lām* (надписи *Ja 635 MaMB 270; ZI 16* и *Sh 31*), в других – без него (*YM 10703* и *'Abadān 1*), что затрудняет выделение каких-либо закономерностей. Поэтому ссылаться на эти надписи как на доказательство в данном случае вряд ли правомерно.

2. В рассказах о расселении племён неизменно сообщается, что в местность ас-Сарат, которая в версии Ибн Саида характеризуется как высоты над Тихамой и Хиджазом, переселились Азд шануа [82, ч. 1, с. 232; 172, ч. 19,

с. 95; 236, с. 143–144; 258а, т. 1, с. 10–11; 264, т. 3, с. 205], которые, следовательно, тождественны с Азд ас-Сарат. Значит, «двумя Асдами» могут являться только аздиты ас-Сарат (они же Азд шануа) и аздиты Омана. Тогда получается, что власть Имру-ль-Кайса распространялась и на Оман, что маловероятно. Видимо, поэтому Э. Ф. Л. Бистон отметил, что переселение аздитов в Оман могло иметь место и позднее, незадолго до начала исламской эпохи [22, с. 4]. История расселения арабских племён в Омани – отдельный объект исследования; для настоящей работы существенно то, что, если переселения в Оман ещё не было, не было и «оманских аздитов». Тогда исчезают и два Асда, и рассматриваемая гипотеза лишается одного из главных своих достоинств – наличия очевидных «кандидатов на отождествление».

3. Не следует забывать и о необходимости соответствия любой выдвигаемой гипотезы историческому контексту, т.е. относительно всякого племени, которое рассматривается как «кандидат» на отождествление с *'l'sdyn*, должна быть реальная возможность того, что в конце III – начале IV в. оно находилось под властью Имру-ль-Кайса надписи. Мы не знаем, на какие области распространялась власть Имру-ль-Кайса, и вынуждены ориентироваться на то, что его гробница находилась в ан-Намаре, на территории Иордании, и – если он тождествен лахмидскому царю Имру-ль-Кайсу I – его столицей на первых порах была Хира. Поход на Наджран носил разовый характер и не привёл к взятию города. Понятно, что под власть Имру-ль-Кайса скорее попали бы племена, жившие близко от его ставки, т.е. на севере Аравийского полуострова. Установить власть над племенем, жившим далеко, было куда труднее; например, Лахмиды не смогли подчинить себе Бану Асад Ибн Хузайма, о которых речь пойдёт ниже. Сказанное, как представляется, говорит не в пользу идентификации *'l'sdyn* с Азд ас-Сарат и Азд шануа, жившими

в южной части Аравийского полуострова, далеко от мест, где должен был править Имру-ль-Кайс.

Альтернативное объяснение состоит в том, что в надписи речь идёт о кудаитском племени Бану Асад Ибн Уабара, которое, как показано в Части I, составило основу переселившихся в Ирак танухитов. В составе танухитов Ибн Хазм выделяет три ветви: Фахм (*Fahm*, потомки Фахма Ибн Таймиллаха³⁵⁴), Низар (*Nizār*, кудаиты из разных племён и родов)³⁵⁵ и *al-ahlāf*. Эту последнюю ветвь составляли представители различных племён [239, с. 423]. Можно представить себе, что «два Асада» – Фахм и *al-ahlāf*. Ибн Хабиб отмечал, что слово в двойственном числе могло означать и разные понятия, которые в этом случае обозначались именем более известного из них. Например, Хира и Куфа какое-то время назывались «двумя Хирами» (*al-Ḥiratān*) [258, с. 37, 39]. Таким образом, Фахм, т.е. Бану Асад, и *al-ahlāf* могли именоваться асадитами по названию знаменитого племени, к которому принадлежали вожди танухитов времён переселения. Ещё одна ветвь – Низар, как и в ан-намарской надписи. Преимущество этой гипотезы состоит в том, что она хорошо вписывается в цепь предположений, в рамках которой Имру-ль-Кайс надписи отождествляется с лахмидским царём Имру-ль-

³⁵⁴ Или Таймиллата (см. след. прим. и прим. 33).

³⁵⁵ У Хишама аль-Кальби в рассказе о Бану Асад Ибн Уабара фигурирует Низар Ибн Фахм (*Nizār Ibn Fahm*), который, судя по видимости, стал родоначальником племени или хотя бы нескольких родов. Родословная Низара Ибн Фахма не излагается, и он не фигурирует в числе сыновей Фахма Ибн Таймиллата, к потомкам которого принадлежали, в частности, Малик, Амр и Малик, внук Амра – вожди танухитов времени переселения в область Бахрейна [260, с. 646]. Обращает на себя внимание то, что во фрагменте, где речь идёт о Низаре и его потомках, Хишам повествует скорее о танухитах, чем о Бану Асад Ибн Уабара. Фрагмент начинается объяснением слова *tanūḥ* и заканчивается словами «Это – Танух». Поэтому при чтении текста Хишама аль-Кальби можно прийти приблизительно к той же интерпретации, какую мы видим у Ибн Хазма.

Кайсом I. Под властью Имру-ль-Кайса надписи мы видим танухитов и «союзников» из разных племён родов (*al-ahlāf*), над которыми должен был властвовать Имру-ль-Кайс I как правитель Хиры. Имру-ль-Кайс надписи носил корону, а Имру-ль-Кайс I получил от Сасанидов тиару. Имру-ль-Кайс надписи называет себя «царём всех арабов», а Имру-ль-Кайс I, по всей вероятности, вместе с тиарой получил от Сасанидов титул «царя арабов» (*tāzīgān-šāh*), который, несомненно, считал принадлежавшим ему по праву даже несмотря на уход из своих владений. Можно возразить, что царю куда проще было назвать своих подданных просто танухитами. Но не стоит забывать, что Имру-ль-Кайс I разделил своих подданных на разряды, из которых в Хире жили два: «царские слуги» (*'ibād*) и «союзники» (*ahlāf*). Поэтому если исходить из отождествления Имру-ль-Кайса ан-намарской надписи с Имру-ль-Кайсом I, *'l'sdyn* следует интерпретировать как «два разряда Бану Асад Ибн Уабара».

В пользу этого объяснения говорит также следующее. В строке 2 автор надписи сообщает, что Имру-ль-Кайс царствовал над низаритами. Однако едва ли правильно отождествлять их с потомками Низара Ибн Маадда (*Nizār Ibn Ma'add*), т.е., по сути, с большинством аднанитов: трудно объяснить, почему в строке 3 автор повторяется и утверждает, что Имру-ль-Кайс царствовал над мааддитами. Видимо, речь идёт не о потомках Низара Ибн Маадда, а о каких-то других низаритах. Для последних очень трудно, практически невозможно подобрать правдоподобную идентификацию, кроме предлагаемого отождествления с танухитскими низаритами.

Нельзя, разумеется, исключать и иные гипотезы, хотя на данном этапе они кажутся менее вероятными. Например, если считать, что в надписи упоминаются Бану Асад Ибн Хузайма или любое другое аднанитское племя, необходимо объяснить, почему они упоминаются отдельно от

низаритов, к которым принадлежали. Заслуживает внимания эпизод, который произошёл после того, как поэт Имру-ль-Кайс обратился к Азд шануа (о них см. выше) за помощью против Бану Асад Ибн Хузайма, убивших его отца Худжра. Азд шануа ответили, что Бану Асад Ибн Хузайма – их братья и союзники, и отказались выступать на стороне Имру-ль-Кайса [172, т. 8, с. 67]. Можно рассматривать возможность идентификации *ʿlʿsdyṇ* надписи с Асд шануа и Бану Асад Ибн Хузайма, однако в этом случае придётся объяснить, идёт речь о двух Асд-ах или двух Асад-ах.

Проблема 3

Речь, очевидно, идёт о Наджране, но интерпретация формы *šmr* затруднительна. В мусульманской географической литературе слово *madīna* (город), занимая позицию обладаемого в притяжательной конструкции, часто означает столицу области. Однако нам неизвестно, чтобы Наджран был столицей области *Ш.м.р.* С другой стороны, *Ш.м.р.* может быть и именем собственным – например, правителя, ставка которого располагалась в Наджране. Предположение М. Кроппа о том, что *Ш.м.р.* – человек, который царствовал над мааддитами (о нём в надписи говорится далее) [96, с. 73], представляется маловероятным. Между *šmr* и *mlk* помещено *w*. В надписи окончное *w* стоит после имён собственных, находящихся в позиции прямого дополнения (*mlk ... nzw, hrb mdhgw, mlk m'dw*), но не обладателя в притяжательной конструкции (*nfs mr'lqys, rtg ngrn*). Поэтому *w* между *šmr* и *mlk* должно соответствовать соединительному союзу *waw*. Тем самым, смысловой ряд приобретает вид: *waḡa'a ... wa malaka m'dw* с приведённым выше переводом.

Согласно другой гипотезе, выдвинутой ещё Р. Дюссо, *Ш.м.р.* – царь Шаммир Юхариш, известный по ряду южноаравийских надписей [46, с. 416–417; 47, с. 319]. Шаммир Юхариш (в южноаравийских надписях – *Šmr Yhr ʿš*)

принадлежал к химьяритскому правящему роду Зу Райдан. Судя по надписи *Ir 14*, его отец Ясир Юханим (в текстах южноаравийских надписей – *Ysrm Yhn 'm*) вместе с ним правил объединённой державой Химьяра и Сабы. Впоследствии Шаммир Юхариш воевал с правителями Хадрамаута; известно, что эта область или какая-то её часть находилась под его властью. В надписи *Ja 662+Ja 663 MaMB 98+MaMB 91+96* упоминается о размещении сабейского гарнизона в городе Шáбуа, который примерно в первой половине III в. был резиденцией самое меньшее одного из правителей Хадрамаута. Хронологические ориентиры правления Шаммира Юхариша приблизительно таковы. Первая датированная надпись, в которой он фигурирует, – *СИН 46*. Она датирована, по нашему летосчислению, ноябрём 275 г.; в ней Шаммир Юхариш предстаёт как соправитель отца. Судя по надписи *Ga 16 Hakir 1; СИН 448*, Шаммир Юхариш был соправителем Ясира Юханима и в июне 286 г. В последующих надписях (*Av. Būsān 4 BynM 4* – июль 297 г., *YMN 13 al-Mi 'sāl 18* – март 300 г., *YM 1695 Pir Baynūn 3* – апрель 310 г. – март 311 г.) Шаммир Юхариш фигурирует один. Значит, Шаммир Юхариш был современником Имру-ль-Кайса, который мог предпринять поход на Наджран и раньше 328 г.

В текстах южноаравийских надписей, доступных автору этих строк, нет указаний на то, какое отношение Шаммир Юхариш имел к Наджрану. Сведения, которые с некоторой долей приближения можно привлечь к исследованию, состоят в следующем. В недатированной надписи *YM 28805* сообщается, что Гаданы направили в город Зырбан (*Ẓrbn*) и его оазис Наджран двух человек с поручением. Согласно надписи *Ja 576+Ja 577* царь Сабы Ильшарах Яхдуб (*'lśrh Yḥḏb*) овладел городом Зырбан и назначил там своего наместника. Единственная известная автору этих строк точная дата пребывания Ильшараха Яхдуба у власти – июль 253 г. (надпись *MAFRAY-al-Mi'sāl 2*).

Возможно, хотя и не обязательно, что райданитские цари объединённой державы Химьяра и Сабы унаследовали власть над Наджраном от своих предшественников – царей Сабы. Далее, в южноаравийских надписях *Ja 665* и *Ja 665 ZI 68; Sh 30* мазхиджиты упоминаются как находящиеся под властью Ясира Юханима; вероятно, они так же подчинялись Шаммиру Юхаришу. В арабских сказаниях, которые приводятся у мусульманских авторов, Шаммир Юхариш фигурирует под именем Шаммир Юриш (*Šammir Yur'īš*); ему приписываются масштабные походы, главным образом, на север, в Иран и Среднюю Азию, и войны с персами [67, с. 126–127; 107, т. 2, с. 119–120, т. 3, с. 154, 224; 149, с. 176; 245, с. 232–245, 248, 442–446; 262, с. 93–95].

Если сопоставить эти данные с текстом ан-намарской надписи, возникает следующая картина. На каком-то этапе Шаммир Юхариш, который, судя по приведённым выше данным, стремился раздвинуть пределы державы на север и восток, вступил в конфликт с Имру-ль-Кайсом, претендовавшим, согласно ан-намарской надписи, на власть над всеми арабами. Возможно, эта война на севере с противником, явившимся из сасанидских владений, послужила основой для арабских сказаний о дальних походах Шаммира Юхариша и его войнах с персами. В случае, о котором говорится в ан-намарской надписи, Имру-ль-Кайс разгромил выступавших на стороне Шаммира Юхариша мазхиджитов и продвинулся до оазиса Наджран и расположенного в нём города Зырбан. Этот город, крепость врага, ассоциировался у Имру-ль-Кайса с его противником, Шаммиром Юхаришем, и потому в ан-намарской надписи назван «городом Шаммира». Судя по отсутствию в надписи упоминаний о взятии города, овладеть им Имру-ль-Кайс не смог. Можно представить себе, что причиной этого – возможно, основной – была слабость арабских племенных ополчений при осаде городов, отмеченная выше применительно к войску Лахмидов.

Поэтому Имру-ль-Кайс ограничился символическим жестом, ударив копьем в ворота города. Такая реконструкция событий представляется логичной и не противоречит другим имеющимся у нас сведениям о той эпохе. Вместе с тем, она основана на относительно небольшом объеме сведений источников, часть которых не имеет прямого отношения к описываемым событиям. Возможно, другие известия, например, южноаравийские надписи, заставят внести в неё изменения или вовсе опровергнуть её.

Проблема 4

ʾlš'wbw. Для современного читателя естествен перевод *šū'ūb* (ед. число – *ša'b*) как «народы», однако в данном случае речь идёт скорее о племенах или их объединениях. Хишам аль-Кальби, слова которого известны в нескольких поздних передачах, считал *ša'b* самой крупной общностью у арабов, большей, чем *qabīla* (мн.ч. *qabā'il*), что обычно переводится как «племя» [192, с. 155; 195, с. 14; 224, т. 3, с. 335]. Ибн Абди-ль-Барр, ссылаясь на знатоков родословных, тоже отводил *ša'b* положение самой большой общности и ставил её впереди *qabīla* [225, с. 45]. В развитие этого аль-Мауарди (*al-Māwardī*, 974–1058) писал, что *šū'ūb* – общности арабов, определяемые по самым далёким предкам, т.е. аднаниты и кахтаниты [203, с. 268]. Но едва ли Имру-ль-Кайс – даже несмотря на его претензии на верховенство над всеми арабами – обладал властью над всеми кахтанитами. Из текста надписи видно, например, что мазхиджиты не подчинялись ему. Поэтому слово *šū'ūb* должно в данном случае обозначать не такие большие общности людей. Ибн Дурайд объяснял *ša'b* как «великое племя» (*al-ḥaṣu al-'aẓīm*) и применял это слово к таким объединениям, как Химьяр, Кудaa и Джурхум [232, с. 343]. Сходным образом определяет слово *ša'b* и аль-Джаухари – *al-qabīla al-'aẓīma* [192, с. 155], что тоже можно перевести как «великое племя». Для настоящего исследования очень

важно одно высказывание аз-Замахшари (*al-Zamahšārī*, 1075–1144), который, тоже определяя *ša'b* как самую крупную этническую общность арабов, затем привёл такой пример: Бану Хузайма составляют *ša'b*, Бану Кинана – *qabīla* [178, с. 1041]. Это значит, что слово *ša'b* могло обозначать крупные племена, включавшие в себя более мелкие или племенные объединения. Вероятно, автор надписи имеет в виду именно такие крупные или «великие» племена (племенные объединения), прежде всего – аднанитские (мааддитские).

Проблема 5

l-dwm. Начиная с Р. Дюссо, исследователи неизменно читали этот фрагмент как *lrwm*, объясняя его как «для (в интересах) Рима (римлян)» (*lrwm, li-l-rūm*) [22, с. 5–6; 25, с. 35, 46; 46, с. 412; 47, с. 315; 138, с. 39–41]. Лишь сравнительно недавно М. Кропп предложил читать *bi-dawām* (с переводом *and that forever*) [96, с. 76–77, 79]. В графическом отношении эта гипотеза кажется правдоподобной. Её можно было бы оспаривать только на основании вида графемы *d*, которая больше похожа на *r*, однако в слове *wld* (*wuld*, 5-я строка) *d* выглядит так же. По смыслу эта трактовка представляется более предпочтительной. В надписи идёт речь о свершениях Имру-ль-Кайса и его потомков. Соответственно, и данный фрагмент должен соответствовать этому главному критерию – в нём должно говориться о свершениях. Как представляется, длительное и прочное правление лучше соответствует этому критерию, нежели служба римлянам и подчинённое положение по отношению к ним. Вместе с тем, первая графема по форме более напоминает *l*, чем *b*.

Проблема 6

snt 223 ywm 7 b-kslwl. Со времён Р. Дюссо считалось, что это – дата смерти Имру-ль-Кайса [22, с. 6; 25, с. 46; 46,

с. 412, 418; 47, с. 315, 321; 122, с. 280; 130, с. 116]. М. Кропп впервые указал на альтернативную трактовку: речь может идти о дате сооружения гробницы [96, с. 78–79]. Однако основной аргумент М. Кроппа – аналогия с набатейскими надписями – не представляется убедительным. В некоторых набатейских надгробных надписях указана дата смерти усопшего, а не постройки гробницы [64, с. 339 (надпись Q.047.17), 353 (надпись Q.055.02)], в одном случае возможны оба варианта [64, с. 337 (надпись Q.047.16)]. В надписях, где указана дата постройки, текст обычно представляет собой сообщение того, чьими стараниями создана гробница, о том, что он построил её тогда-то [64, с. 144 (надпись C.002.01), 211 (надпись K.006.01), 215 (надпись K.051.01), 352 (надпись Q.055.01)]. Это очень непохоже на ан-намарскую надпись, где, как видно из текста, не упоминается ни о строительстве гробницы, ни о людях, которые его осуществили. Ан-намарская надпись представляет собой скорее краткое слово о свершениях Имруль-Кайса, где всё внимание сосредоточено на нём, а не на строителе гробницы, имя которого даже не называется. Видимо, правильнее считать, что в тексте надписи указана дата смерти Имруль-Кайса.

РАССКАЗЫ ИСТОЧНИКОВ О КРЕЩЕНИИ АН-НУМАНА III

Евагрий Схоластик:

Тогда³⁵⁶ и Нааман (т.е. ан-Нуман. – *Д. М.*), филарх враждебных скинитов, проклятый и всенечистый язычник, который собственноручно убивал людей, [принося их в жертву] своим бесам, пришёл к святому крещению, расплавил на огне [статую] Афродиты из настоящего золота, раздал [слитки] нищим и привёл к Богу всё своё окружение [50, с. 180–181].

Житие Сэбришó:

Затем до пределов обиталищ всех народов разнеслись известия о его (Сэбришó. – *Д. М.*) чудесах, и даже те, кто был из варварского народа арабов, дивились. Случилось так, что Нэмана (т.е. ан-Нумана. – *Д. М.*), старшину всех их царей, который происходил от Наваиофа, первенца Измаила, и был язычником, истязал бес. Он (ан-Нуман. – *Д. М.*) поспешил прибегнуть к его (Сэбришó. – *Д. М.*) врачеванию и послал к Хормузду, царю персов, чтобы тот отправил его (Сэбришó. – *Д. М.*) к нему, и он (Сэбришó. – *Д. М.*) излечил его. Царь стал настаивать, чтобы святой отправился к нему (ан-Нуману. – *Д. М.*) – а он пребывал в Хире, своей столице. И вот блаженный отправился к нему и молитвой своей отогнал от него воинство восставшего [против Бога] (т.е. Сатаны. – *Д. М.*). Он сам (ан-Нуман. – *Д. М.*) и воины его удивились этому настолько, что тотчас же он сам и весь народ его (ан-Нумана. – *Д. М.*) стали переходить в веру его (Сэбришó. – *Д. М.*), отвергнув собственных божеств, разбили свои идолы и стали принимать от него крещение.

³⁵⁶ Речь идёт о первых годах правления Хосрова II Парвиза.

Он же приобщил бесчисленные тысячи к поклонению Христу во время этой первой поездки. Царя же он наставлял и привёл к тому, что тот немедленно стал презирать почитание бесов. Царь обещал ему, что будет креститься. Когда же пришло время, и он (ан-Нуман. – Д. М.) подготовился к крещению, он снова послал [к нему] и просился быть крещённым им. И он (Сэбришó. – Д. М.) двинулся в путь. Он (ан-Нуман. – Д. М.) был готов креститься, [но] собрались еретики и стали совращать его своим ложным заблуждением, говоря, что ему следует научиться их вере, ибо она – правильна. Из-за этого христоролюбивый царь впал в немалые колебания. И он постановил, чтобы обе стороны (несториане и «еретики». – Д. М.) представили свои доводы для испытания на прениях перед ним. И на этот раз сделал Бог так, что проявились величие святого и рвение Мар Шимона, епископа Хиры (т.е. Шимуна Ибн Джабира. – Д. М.), которые (величие и рвение. – Д. М.) суть от правильной веры, в том, что они одни больше всех восточных епископов противоборствовали с еретиками; первый из них был за всех святых, которые молитвами своими возвеличили правильную веру, а Мар Симон со своим искусством спорщика, прибавлявшимся к его рвению – за всех тех, кто держался правого дела.

Как подошло время, когда, как они решили, их слова будут сказаны в месте прений, и воины (Сэбришó и Шимун Ибн Джабир. – Д. М.) готовились на следующий день идти на спор, к ним явился брат предводителя раскольников, врага, которому доверяло сборище богоубийц³⁵⁷ – и поэтому они (пришедший и Сэбришó. – Д. М.) разговаривали вдали от них («еретиков-богоубийц» – Д. М.) – и известил святого, сказав [ему]: «Молись, батюшка, ибо у вожака шайки есть масло, и он, как идёт на противоборство, обычно смазывает им лицо. И, если молитвы святых не помогут, все

³⁵⁷ Так несторианский автор называет «феопасхитов», т.е. монофизитов.

воины мира, от первых до последних, не смогут противостоять ему в словесных прениях. Его имя – Ишозх³⁵⁸; так его называют феопасхиты³⁵⁹. Но он был прозван по месту, где жил – все называют его Бэр Мирдаёе, ибо он не заслуживает имени Христа, данного ему». Святой же, услышав это, ушёл в пустошь, взял с земли камень, положил его вечером себе на уста и так, истязая [себя], пребывал в бдении всю ночь и молился Господу своему за победу истины, истязаемой лжецами, спасение душ, близких к тому, чтобы погрузиться в пропасть несправедливой веры, возвышение церкви, невесты Всевышнего – дабы не склонилась она головою перед несправедливыми, непричастными к славе тех, кто слышит верой своей. И так, бдя, он истязал себя ради истины.

Когда же рассвело, они вошли к царю, и каждый из мыслителей³⁶⁰ уселся на своё место. Вначале покровитель зла захватил первенство, причём и здесь уподобился своему господину Сатане, так как попытался овладеть тем, что слишком высоко для него. С самого начала он стал лукаво спрашивать: родной Сын умер или приёмный, и как Он страдал, надеясь подловить праведников, как бы они ни ответили, и порицать православных (т.е. несториан. – Д. М.) за то, что [они говорят о] двух Сынах – а это они (несториане. – Д. М.) отвергали. Переводчик старательно переводил царю речи обеих сторон. Тогда Мар Шимон сказал царю по-арабски: «Послушай, о добрый царь! Они, задавая раз за разом [такие вопросы], чинят несправедливость по отношению к нам, [представляя дело так, будто] мы веруем в двух Сынов. Но мы всеми силами отвергаем это, изгоняя [от себя] каждого, кто так верует, и [отвер-

³⁵⁸ Из контекста следует, что этот Ишозх³⁵⁸ не тождествен своему тёзке, который в «Сииртской хронике» фигурирует как сподвижник Сэбришó. Имя Ишозх³⁵⁸ содержит в качестве составной части имя Иисуса Христа (Īšō'), чем объясняется следующая фраза.

³⁵⁹ Т.е. монофизиты.

³⁶⁰ Принимается конъектура издателя текста П. Беджана (P. Bédjan): не , как в тексте, а .

гаем также] то, что, как он утверждает, они веруют правильно». [И он также сказал:] «Мы следуем первым отцам и так веруем; они же держатся дурного вероучения и чинят несправедливость по отношению к праведникам те, что [разжигают] смуту». Тогда сила молитвы святого Мар Сэбришó, который ради истины провёл всю ночь в бдении, чтобы победить противника, помогла искусному³⁶¹, и он дал царю, втайне веровавшему, знание истин правильной веры, того, что те держатся её праведно, а эти – во зло, [лишь] рядясь в её одежды. И не потребовалось более ни спорить, ни [проливать] свет. Он (царь. – Д. М.) тотчас же повелел, чтобы каждый из идущих неверным путём и несущих ложь, кто будет схвачен в его лагере, был предан мечу. И они сразу бежали – ночью, как летучие мыши от солнечного света – от силы истины, которая блистала молитвами Мар Сэбришó и светилась рвением Мар Шимона, и укрылись в пещерах своего заблуждения. Искусный же усилиями своих помощников принял венец победы над противником – главой мятежа. И они (Сэбришó и его сподвижники. – Д. М.) крестили царя, его жён, сыновей и всех, кто принадлежал к дому его. От того, что были крещены царь арабов Нэман и все его воины, во всей церкви была великая радость. Царь Нэман отдал повеление, и они разбили идола, которому он из заблуждения поклонялся; [этот идол] назывался ,𐤆 (‘zy)³⁶². Он (царь. – Д. М.) воздвиг его Афродите, разгорячившейся – согласно той бессмыслице о ней, которую [говорят] развратники из эллинов – от прелюбодеяний. Всё золото и жемчуг [идола] он (царь. – Д. М.) потратил на церковь, которую построил. Все эти свершения произошли от силы молитв этого человека. Это – чудо для всех стран и народов. Для [того, чтобы рассказать об] одной тысячной его, этого повествования мало [72, с. 321–328].

³⁶¹ Имеется в виду, очевидно, Мар Шимон, т.е. Шимун Ибн Джабир.

³⁶² Об этом идоле см. Часть II.

Ишоднэх:

Он (Ишозхá. – Д. М.) – тот, кто изгнал беса из Нэмана (ан-Нумана. – Д. М.), царя в Хире; [это сделали] он и католикос Сэбришó [103, с. 450].

...

Он (Ишозхá. – Д. М.) вместе с блаженным католикосом Мар Сэбришó отправился к Нэману, царю арабов, который жил в городе Хире. Они излечили и обратили царя [в христианскую веру]³⁶³ [103, с. 470–471].

Сииртская хроника:

Известие об ан-Нумане Ибн аль-Мунзире, царе Хиры.

Этот человек держался язычества так, как [Апостол] Павел держался иудейства, а Мар Ава – зороастризма³⁶⁴, поклонялся звезде, известной как аз-Зухра (Венера. – Д. М.), и совершал жертвоприношения идолам. И вот им завладел Сатана. Он искал помощи у священнослужителей при идолах, но они не сделали так, чтобы ему стало лучше. Тогда он обратился к епископу Хиры Шимуну Ибн Джабиру, епископу Лашома Сэбришó, которому достался титул католикоса, и монаху Ишозхе, прося их молиться; так [поступили] и мы. И Бог дал ему (ан-Нуману. – Д. М.) исцеление, а Сатана изошёл из него.

³⁶³ В оригинале – *ܡܪܝܢܐ ܠܚܠܝܬܐ ܕܡܠܟܐ*. В буквальном переводе это должно означать «они излечили царя и его учеников». Так переводит Ж.-Б. Шабо (J.-B. Chabot): ils guérissent le roi et ses disciples [100, с. 26]. Но если принимать этот перевод, трудно ответить на вопрос, кто имеется в виду под учениками царя, придерживавшегося традиционных арабских верований. Издатель П. Беджан предлагает конъектуру *ܡܪܝܢܐ ܕܡܠܟܐ*. Однако не исключено, что имеются в виду люди, которые относились к ан-Нуману как ученики к наставнику, т.е. как младшие к старшему, иными словами – члены семьи, вельможи и т.п. Предлагаемое чтение основано на другой конъектуре – *ܡܪܝܢܐ ܠܚܠܝܬܐ ܕܡܠܟܐ*.

³⁶⁴ Известно, что Мар Ава до крещения был зороастрийцем [3, с. 451].

И он (ан-Нуман. – *Д. М.*) крестился; было это на четвёртом году царствования Хосрова (т.е. Хосрова II Парви-за. – *Д. М.*). В вере он был крепок. Он изгнал яковитов из всех своих владений и держался правильного вероучения. Он царствовал над всеми арабами из царств ромеев и персов, когда отношения между их царями были хорошими. Если же кто-либо из них (ромеев и персов. – *Д. М.*) нуждался в нём, он не заставлял его ждать себя. Так же поступали и его дети.

Сыновья ан-Нумана: аль-Хасан и аль-Мунзир, – увидев, какая благодать снизошла на него, крестились через год после него и крестили тех, кто принадлежал к домам их. Аль-Хасан велел своим рабам не мешать нищим подходить к нему, когда он входил в церковь. Когда же против Хосрова выступил Вистам, аль-Хасан стал сражаться с ним и спас [Хосрова] от него, но и сам едва не был поражён. Среди всех аль-Хасан был самым приверженным Христианству. Да помилует их Бог Всевышний! [74, ч. 3, с. 468–469].

...

Затем [крестился] ан-Нуман Ибн аль-Мунзир, брат Хинд и Марии, ибо Христос пожелал повести его, как двух сестёр его, сделавшихся верующими прежде брата. Ан-Нуман же поклонялся идолам и совершал жертвоприношения аз-Зухре. При этом он был очень склонен к убийствам и кровопролитию и не мог слышать ни имени Христа, ни чего бы то ни было относящегося к церкви. Епископ Хиры Мар Шимун непрестанно молился и просил Христа, чтобы Он избрал ан-Нумана [для Себя]. И [Бог] три года испытывал его (ан-Нумана. – *Д. М.*). [Эти испытания состояли в том, что,] когда ан-Нуман, поев и выпив, собирался спать, ему виделись два различных образа. Один был юноша с прекрасным лицом и приятной речью, благоуханный,

стоявший рядом с ним, другой – отвратительного вида эфиоп³⁶⁵, стоявший позади. Прекраснолицый юноша говорил ему: «Если ты станешь христианином, тебе будет лучше: царство твоё делается великим, а Он даст тебе и преходящее царство, и вечное». Он (ан-Нуман. – Д. М.) отвечал ему: «Нет! Не оставляю я госпожу мою аль-Уззу – богиню управляющую, живущую на небе, не стану христианином и не буду поклоняться человеку, которого распяли иудеи!» И, едва он говорил это, юноша-эфиоп, находившийся за ним, валил его на землю. Этот эфиоп был ужасен лицом, страшен видом и зловонен; из уст его исходила нечистая пена. И оттого, что [эфиоп] валил его, он (ан-Нуман. – Д. М.) падал в обморок и терял сознание. Но на следующее утро всё успокаивалось.

И вот он непрестанно переносил эти и различные другие мучения, о которых я не стал упоминать, ибо они не относятся к известиям об этом святом (Сэбриш – Д. М.). Наконец он сказал епископу Хиры Шимуну, который не переставал наставлять его о верном: “О достойный! Будет правильно, если я напишу Хосрову, сыну Хормузда, и сообщу, что узнал я из вероучения христиан, и [тогда] крещусь”. Тот же (Шимун. – Д. М.) сказал ему: “Сделай так, это правильно”. И он (ан-Нуман. – Д. М.) написал ему (Хосрову. – Д. М.), и пришёл его (Хосрова. – Д. М.) ответ с разрешением на то, что он решил [сделать]. Епископ, проведя всю ночь в бдении, крестил его, его детей и жену, а также всех, кто принадлежал к дому его, и верхушку его войска. Затем его обступило сборище еретиков, которые порицали его и старались вызвать у него сомнения в том, что он услышал от епископа Шимуна. Они обратились за помощью к Сатане, и тот явился к нему (ан-Нуману. – Д. М.), и в него вошёл нечистый дух. Тогда он написал католикусу Ишойэбу Арзаненскому, прося его написать творившему чудеса

³⁶⁵ Т.е. чернокожий.

епископу Лашома Сэбришó, чтобы тот прибыл к нему, ибо распространились [известия о том, что] он исцеляет раны и излечивает тяжкие болезни без лекарств. И он (Ишой-эб. – Д. М.) написал Хосрóву, прося его тоже написать ему (Сэбришó. – Д. М.). И вот католикос Ишойэб и Хосров написали непорочному Мар Сэбришó, чтобы тот прибыл к ан-Нуману. Он (Сэбришó. – Д. М.) послушался и прибыл к нему (ан-Нуману. – Д. М.) в четверг, двадцать третьего таммуз-а (июля. – Д. М.)³⁶⁶. Он (Сэбришó. – Д. М.) встретился с настоятелем монастыря Мар Ишозхá, ибо из-за его знаний, достоинств и святости просил написать ему, чтобы он присутствовал [тоже]. Когда они вошли к ан-Нуману, Сатана стал кричать: «Ай! Ай! На нас идут ученики Христа!». Они же, исполнившись храбрости, сказали в один голос: «Закрой свой рот, нечистый мятежник! Нет у тебя власти говорить устами, которые сказали слова веры в Христа и приняли тело Его и кровь Его, животворящие для верующих». Сатана замолчал. И святой Мар Сэбришó неотлучно пребывал у алтаря, а Ишозхá – в пустоши под солнцем, пока Бог не даровал ан-Нуману исцеления. Это было великое чудо, известия о котором распространились [74, ч. 3, с. 478–481].

Аль-Хилли:

Как рассказывают, ан-Нуман тяжело занемог, и тело его истощилось, а разум помутился. В таком состоянии он пребывал некоторое время. Затем явился Шимун Ибн Джабир – а говорили: Симаа Ибн Джабир (*Simā'a Ibn Ġābir*) – епископ христиан Хиры, который был несторианином.

³⁶⁶ Эта дата в известной степени подкрепляется словами аль-Хилли о жарком августовском дне, когда был излечён ан-Нуман III (см. ниже). Среди лет, близких к 593/94 г., когда крестился ан-Нуман, день двадцать третьего июля пришёлся на четверг только в 595 г. Это в принципе соответствует линии повествования здесь и у аль-Хилли, по которой Сэбришó и Ишозхá после крещения ан-Нумана ещё раз ездили в Хиру, чтобы излечить его от болезни.

Он (Шимун. – Д. М.) молился подле него (ан-Нумана. – Д. М.) и словами своими просил для него выздоровления. А в Хире было некоторое количество еретиков³⁶⁷ – яковитов. Они явились к нему (ан-Нуману. – Д. М.) и сказали: «О царь! Бог исцелит тебя [в ответ на] молитвы яковитов. Поэтому не принимай того, к чему призывает тебя Шимун, епископ от Нестория». Долгое время он (ан-Нуман. – Д. М.) оставался в таком положении. [Затем] несторианин Шимун склонил его на свою сторону, сказав ему: «Не исцелишься ты, пока не станешь христианином». И он (ан-Нуман. – Д. М.) примкнул к нему, а не к яковитам, принял слова его и решил сделаться христианином, но затем убоился Хосрова и сказал Шиму: «Я решусь на это только после того, как Хосров разрешит мне». Он же (Шимун. – Д. М.) сказал: «Тогда напиши ему и испроси разрешения; дай Бог, он позволит тебе». И вот ан-Нуман написал Хосрову; известил его о своей болезни и сообщил сказанное ему (ан-Нуману. – Д. М.) – что не исцелится он, пока не станет христианином. И он (ан-Нуман. – Д. М.) сказал [в этом письме]: «Захотел я узнать, что думает об этом царь. Если он разрешит мне сделать это (т.е. креститься. – Д. М.) и одобрит то, о чём я написал, я приму это (т.е. крещение. – Д. М.), а если отвергнет, то и я самым решительным образом отвергну это». С письмом он (ан-Нуман. – Д. М.) послал Амра Ибн Амра Ибн Кайса Ибн аль-Хариса (*ʿAmr Ibn ʿAmr Ibn Qays Ibn al-Ḥārīṭ*) из Бану Букайла, умного и образованного, и велел ему при подаче письма вести себя очень любезно, как подобает. И Амр Ибн Амр передал письмо Хосрову и вёл себя с ним очень любезно, так что он (Хосров. – Д. М.) написал ан-Нуману ответ с разрешением.

Ответ его (Хосрова. – Д. М.) был таков: «Поступило письмо твоё, и стало мне ясно то, о чём ты написал: ты занемог, подвергся различным недугам и не нашёл ника-

³⁶⁷ *الهراتيق* текста следует, очевидно, понимать как *الهراتيق* – *al-harātiq*, еретики.

кого лекарства от болезни, кроме принятия крещения. Ты спрашивал, каково моё мнение, и хотел, чтобы я изволил согласиться, ибо ты в этом деле не желал делать ничего без моего разрешения и одобрения, так как поставил моё мнение о своей вере прежде всего остального. Хочу я, чтобы ты поставил его прежде остального и в прикладных делах. Разрешаю тебе принять христианскую веру и избрать то вероучение, которое тебе по душе. И если ты примешь христианскую веру или иную из вер, через которые можно приблизиться к Богу Великому, не умалит это положение твоё передо мной и не изменит его, но лишь увеличит благоволение моё к тебе, ибо ты устремился к вере, которой до тебя не держался никто из арабов, добился искомого и преуспел. Так иди же к тому, что ты хочешь, а от меня будет тебе добавление [к этому]».

Когда ответ поступил к ан-Нуману, он немедленно послал к Шимуну, и тот явился к нему так [скоро, как если бы ему требовалось просто] войти к нему. И он (ан-Нуман. – Д. М.) сообщил ему (Шимуну. – Д. М.), что Хосров дал ему (ан-Нуману. – Д. М.) своё разрешение. Шимун и христиане Хиры возрадовались, стали поздравлять друг друга и бить в колокол. Собрались люди, чтобы присутствовать при его крещении. И Шимун крестил его самого, его жену, детей, тех, кто принадлежал к дому его, и некоторое число арабов (*ġatā'a min al-'arab*), причём они вместе с ним вошли в построенную Шимуном в Хире церковь, называемую «кафедральным собором» (*bī'at al-kursī*). И Шимун написал католикусу Ишойэбу³⁶⁸ радостное известие о том, что ан-Нуман принял христианскую веру. Ан-Нуман тоже написал [Ишойэбу] письмо, сообщил, что принял христианскую веру и просил молиться за него и писать ему, чтобы обрёл он (ан-Нуман. – Д. М.) благословение через его (Ишойэба. – Д. М.) письма.

³⁶⁸ В тексте источника ошибка: вместо ايشويب (Ишойэб) стоит ايشوبت (Ишобохт).

Католикос обрадовался этому и написал ему ответ, который гласил: «Брату нашему, недавно ставшему возлюбленным Христа ан-Нуману, сыну аль-Мунзира, царю, известному добротой и искренней преданностью вере в Христа от католикоса Ишойэба: да пребудет с тобой мир Христов (*salām al-Masīḥ*) во веки веков! Аминь! Дошло [до меня] письмо твоё, где повествуешь ты о болезни своей и о том, почему принял ты веру в Христа с помощью непорочного и благословенного епископа Хиры Шимуна. Ты правильно поступил, что примкнул к стаду Христову, чем спас и себя, и детей своих, и тех, кто принадлежит к дому твоему, и других арабов. Воистину, ты приблизился к славе Христа и вероучению Его. Возрадовался я этому так, как не радовался с того времени, как занял кафедру в Церкви (*kursī al-bī'a*), и просил Христа [дать тебе] долгую жизнь и здоровье и не являть тебе ничего неприятного пока ты живёшь – и верю я, что Христос сделает это для тебя. Что же до того, что ты просил молиться за тебя, то знай, что я делаю это денно и ночью».

А болезнь ан-Нумана усилилась, и тогда ему рассказали о епископе Мосула по имени Сэбришó. Христиане сказали ему (ан-Нуману. – Д. М.): «Если он помолится за тебя – исцелишься». И он (ан-Нуман. – Д. М.) написал Хосрову, прося его написать Сэбришó, чтобы тот прибыл к нему. И Хосров написал Сэбришó, веля ему сделать так. Сэбришó явился к ан-Нуману. И как только он (Сэбришó. – Д. М.) вошёл к нему (ан-Нуману. – Д. М.), он (ан-Нуман. – Д. М.) сказал ему: «Смилуйся надо мной и попроси у Христа для меня исцеления. Ведь дошло до меня, что если ты просишь что-нибудь у Него, Он обязательно даёт».

Сказали христиане: «Сэбришó вошёл в церковь, пал ниц перед алтарём, явил смирение [перед Господом] и молился. Тогда вышел другой человек³⁶⁹, бывший с ним,

³⁶⁹ Аналогия с процитированным выше отрывком «Сииртской хроники» показывает, что имеется в виду Ишозхá.

развязал пояс, разулся, встал на одну ногу, обернувшись к солнцу – а был жаркий августовский день – и дал Иисусу Христу обет, что-де, я буду оставаться так, пока не очистишь Ты царя арабов ан-Нумана, сына аль-Мунзира, от дьявола, который истязает его».

Они сказали: «И дьявол вышел из ан-Нумана со страшным криком, от которого распался на куски дворец его. Ан-Нуман же исцелился и разбил идолы, за что арабы сразу сделались к нему враждебны».

Среди тех, кто крестился вместе с ним (ан-Нуманом. – Д. М.) из людей дома его, были две сестры его – Хинд и Мауия, дочери аль-Мунзира. Их христианские воззрения были столь крепки, что они просили епископа Шимуна Ибн Джабира написать католикусу Ишойэбу, дабы тот согласился, чтобы тело его, как он умрёт, было отдано им [213, с. 266–269].

Мари Ибн Сулайман:

Царь арабов ан-Нуман Ибн аль-Мунзир был очень привержен язычеству и поклонялся аль-Уззе – а это звезда аз-Зухра. Его постиг удар Сатаны, и [языческие] священнослужители не [смогли] сделать так, чтобы ему стало лучше. Тогда его излечили епископ Хиры Шимун, епископ Лашома Сэбришó и монах Ишозхá. И он стал христианином, а за ним крестились два его сына, аль-Мунзир и аль-Хасан. Аль-Хасан больше всех из них был привержен Христианству; входя в церковь, он позволял нищим приближаться к себе [111, ч. 1, с. 56].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ПС – Палестинский сборник

BGA – Bibliotheca Geographorum Arabicorum

CSChR – Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium

CSHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae

PO – Patrologia Orientalis

ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

1. Епископ Себеос. История. Пер. С. Т. Малхасянц. Ереван: АрмФАН, 1939.

2. История Африки в древних и средневековых источниках. Сост. С. Я. Берзина, Л. Е. Куббель. М.: Наука, 1990.

3. Мишин Д. Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавей-ха. М.: ИВ РАН, 2014.

4. Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии в IV в. // ПС, 1960, вып. 5 (68). С. 45–65.

5. Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.-Л.: Наука, 1964.

6. Пигулевская Н. В. Киндиты и Лахмиды в V в. и начале VI в. // ПС, 1962, вып. 9 (72). С. 80–104.

7. Пиотровский М. Б. Южная Аравия в раннее средневековье. М.: Наука, 1985.

8. Чунакова О. М. Зороастрийские тексты. М.: Восточная литература, 1997.

9. Abū-Dulaf Mis'ar Ibn Muhalhil's Travels in Iran (circa A. D. 950). Ed. V. Minorsky. Cairo: Cairo University Press, 1955.

10. Acta martyrum et sanctorum. Ed. P. Bedjan. T. IV. Parisiis, Lipsiae, 1894.

11. Acta SS. Arethae et Rumae et sociorum martyrum Negranae in Arabia Felice. Ed. E. Carpentier. Bruxellis, 1861.

12. Al-Idrīsī (Abū 'Abd Allāh Muḥammad ibn 'Abd Allāh ibn Idrīs al-Ḥammūdī al-Ḥasānī). Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant». Ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Vecchia Vaglieri. Fasc. 4. Neapoli – Romae: Istituto Universitario Italiano di Napoli, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1974.

13. Ammiani Marcellini Quae supersunt. Lipsiae, 1835.

14. Ammiani Marcellini Quae supersunt. T. III. Lipsiae, 1838.

15. Ammiani Marcellini Rerum gestarum qui supersunt. Rec. F. Eyssenhardt. Berolini, 1871.

16. Ammiani Marcellini Rerum gestarum qui supersunt. Rec. V. Gardthausen. Vol. II. Lipsiae, 1875.

17. Ammianus Marcellinus. Cambridge (Massachusetts), London: Harvard University Press, 1935 (т. 1), 1940 (т. 2), 1986 (т. 3).

18. Ammien Marcellin, Jornandès, Frontin (Les strata-gèmes), Végèse, Modestus. Ed. M. Nisard. Paris, 1869.

19. Annales quos scripsit Abu Djafer Mohammed Ibn Djarir at-Tabari. Ed. M. J. De Goeje et al. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1964.

20. Anonymi auctoris Chronicon ad annum Christi 1234 pertinens. Ed. J.-B. Chabot. Parisiis: E Typographeo Reipublicae, 1920. CSChO. Scriptores Syri. Series tertia, tomus XIV. Pars I.

21. Bahar M. Glossary of Pahlavi Bundahish. Tehran: Iranian Culture Foundation, 1967.

22. Beeston A. F. L. Nemara and Faw // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 42, No. 1 (1979). P. 1–6.

23. Beeston A. F. L. Old South Arabian Era Datings // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies, A.F.L. Beeston at the Arabian Seminar and other papers (2005). P. 141–146.

24. Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J. Sabaic Dictionary (English – French – Arabic). Louvain-la-Neuve: Peeters, Beyrouth: Librairie du Liban, 1982.

25. Bellamy J. A. A New Reading of the Namārah Inscription // Journal of the American Oriental Society, vol. 105, no. 1 (January – March 1985). P. 31–52.

26. Bron F. Quelques nouvelles inscriptions du Jawf // Arabian archaeology and epigraphy. 2010. № 41. P. 41–45.

27. Brooks E. W. John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints (1). Paris: Firmin-Didot et Cie, 1923 (I. PO, t. XVII. P. iv – 307 – ч. 1), 1924 (II. PO, t. XVIII. P. 511 698 – ч. 2), 1926 (III. PO, t. XIX. P. 151–285 – ч. 3).

28. Caskel W. Entdeckungen in Arabien. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 1954.

29. Carmen Maksura dictum. Ed. L. N. Boisen. Havniae, 1828.

30. Caussin de Perceval A. P. Essai sur l'histoire des Arabes. Paris, 1847.

31. Cereti C. G. The Zand ī Wahman Yasn. A Zoroastrian Apocalypse. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1995.

32. Chronica minora. Ed. E.-W. Brooks. CSChO. Scriptores syri. Series tertia, tomus IV. Parisiis, Lipsiae, 1903 (pars prior – ч. 1), 1904 (pars secunda – ч. 2), 1907 (pars tertia – ч. 3).

33. Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199). Ed. J.-B. Chabot. Paris, 1899 (т. 1), 1901 (т. 2).

34. Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî. Hrsg. C. E. Sachau. Leipzig, 1878.

35. Claudii Ptolemaei Geographia. Ed. C. F. A. Nobbe. T. II. Lipsiae, 1845.

36. Cooke G. A. A Text-Book of North-Semitic Inscriptions. Oxford, 1903.

37. Daryaei T. *Šāhrestānīhā ī Ērānšahr*. A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic, and History. Costa Mesa: Mazda Publishers, Inc., 2002.

38. De Blois F. The date of the “martyrs of Nagrān” // *Arabian archaeology and epigraphy*. 1: 1990. P. 110–128.

39. De Goeje M. J. Zur historischen Geographie Babylo-niens // *ZDMG*, 38, 1885. S. 1–16.

40. De Vogüé M. *Syrie centrale. Inscriptions sémitiques*. Paris, 1868.

41. *Descriptio imperii moslemici auctore Shams ad-dīn Abū Abdallah Mohammed Ibn Ahmed Ibn abī Bekr al-Bannā al-Basshārī al-Mokaddasi*. Ed. M. J. De Goeje. BGA, III. Lugduni Batavorum, 1906.

42. *Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt*. Ed. B. G. Niebuhr et al. CSHB, 14. Bonn, 1829.

43. *Die sieben Mu‘allaqāt*. Bearb. L. Abel. Berlin, 1891.

44. *Dîwân de Ṭarafa Ibn al-‘Abd al-Bakrī accompagné du commentaire de Yoûsouf al-A‘lam de Santa-Maria*. Ed. M. Seligsohn. Paris, 1901.

45. Dodgeon M. H., Lieu S. N. C. *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363)*. London, New York: Routledge, 2002.

46. Dussaud R. *Inscription nabatéo-arabe d’en-Nemâra* // *Revue archéologique*. Troisième série, tome XLI. Juillet – décembre, 1902. P. 409–421.

47. Dussaud R., Macler F. *Mission dans les régions désertiques de la Syrie moyenne*. Paris, 1903.

48. *Eliae metropolitanae nisibeni Opus chronologicum*. Pars prior. Ed. E. W. Brooks. Parisiis, Lipsiae, 1910.

49. Esteves Pereira F. M. *Historia dos martyres de Nagan*. Lisboa, 1899.

50. *Evagrii scholastici epiphaniensis et ex praefectis Ecclesiasticae historiae libri sex*. Ex rec. H. Valesii. Oxonii, 1844.

51. Ferdowsi's *Shahname*. Ed. S. Naficy. Teheran: Beroukhim, 1935.

52. *Fragmenta historicorum graecorum*. Ed. K. Müller. Vol. IV. Paris, 1851.

52a. Frontinus. *The Stratagems and The Aqueducts of Rome*. Ed. M. B. McElwain. London: William Heinemann, New York: G. P. Putnam's Sons, 1925.

53. Frye R. N. Remarks on The Paikuli and Sar Mašhad Inscriptions // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 20, No. 3/4 (Dec., 1957). P. 702–708.

54. Garbers K. Eine Ergänzungen zur Sachaus Ausgabe von al-Bīrūnī's „Chronologie orientalischer Völker“ // *Documenta islamica inedita*. Berlin: Akademie-Verlag, 1952. S. 45–68.

55. Gardner I., Lieu S. N. *Manichaean Texts from the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

56. Gawlikowski M. Les princes de Palmyre // *Syria*. Tome 62 fascicule 3–4, 1985. P. 251–261.

57. Gedichte von Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qais al-'A'šā. Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co., 1928.

58. *Géographie d'Aboulféda*. Ed. M. Reinaud, Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.

59. Georgius Syncellus et Nicephorus Cp. Vol. I. Ed. W. Dindorf. CSHB, 12. Bonnae, 1829.

59a. Georgius Cedrenus. T. I. Ed. I. Bekker. CSHB, 34. Bonnae, 1838.

60. *Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka von Abul-Walid Muhammed ben Abdallah el-Azrakī*. Hrsg. F. Wüstenfeld. Leipzig, 1858.

61. Gregorii Barhebraei *Chronicon ecclesiasticum*. Ed. J. B. Abbeloos, Th. J. Lamy. T. I. Lovanii, 1872.

62. Guidi I. Mundhir III. und die beiden monophysitischen Bischöfe // *ZDMG*. 35, 1881. S. 142–146.

63. Gyselen R. La géographie administrative de l'empire sassanide. Les témoignages sigillographiques. Paris: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient, 1989.

64. Hackl U., Jenni H., Schneider Ch. Quellen zur Geschichte der Nabatäer. Freiburg (Schweiz): Universitätsverlag, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003.

65. Hainthaler Th. Christliche Araber vor dem Islam. Leuven, Paris: Peeters, 2007.

66. Halévy M. Études sabéennes // Journal asiatique. Septième série, t. 1. 1873. P. 434–521.

67. Hamzae Ispahanensis annalium libri X. Ed. I. M. E. Gottwaldt. T. I. Petropoli, 1844.

68. Healey J. F. The early alphabet. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1990.

69. Henning W. B. A Farewell to the Khagan of the aq-Aqa-tārān // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 14, No. 3, Studies Presented to Vladimir Minorsky by His Colleagues and Friends (1952). P. 501–522.

70. Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. Berlin: Dietrich Reimer / Ernst Vohsen, 1924.

71. Hillers D. R., Cussini E. Palmyrene Aramaic Texts. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

72. Histoire de Mar Jabalaha, de trois autres patriarches, d'un prêtre et de deux laïques, nestoriens. Ed. P. Bedjan. Leipzig, 1896.

73. Histoire des rois des Perses par Abou Mansour 'Abd al-Malik Ibn Mohammad Ibn Isma'il al-Tha'alibi. Publié par H. Zotenberg. Paris, 1900.

74. Histoire nestorienne (Chronique de Séert). Ed. A. Scher. 1re partie (PO, t. IV). Paris, 1908. P. 211–313 (ч. 1); seconde partie, fasc. 1 (PO, t. VII). Paris, 1911. P. 93–203 (ч. 2); seconde partie, fasc. 2 (PO, t. XIII). Paris: Firmin-Didot et Cie, 1919. P. 433–639 (ч. 3).

75. *Historia ecclesiastica Zachariae rhetori vulgo adscripta*. Ed. E. W. Brooks. II. Parisiis: E Typographeo Reipublicae, 1921.

76. Honigmann E. *Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches*. Bruxelles: Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935.

77. Honigmann E., Maricq A. *Recherches sur les Res gestae divi Saporis*. Bruxelles: Académie Royale de Belgique, 1953.

78. Humbach H., Skjaervø O. *The Sassanian Inscription of Paikuli. Part 3.1. Restored Text and Translation*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1983. *Версия Sasanika Sources* (www.sasanika.org).

79. Hunter E. C. D. *Christian Inscriptions from al Hira // Oriens Christianus*. Bd. 80. 1996. P. 66–81.

79a. Hunter E. C. D. *Christian Matrix of al-Hira // Controverses des Chrétiens dans l'Iran sassanide*. Ed. C. Julien. Paris: Association pour l'avancement des études iraniennes, 2008. P. 41–55.

80. Ḥusayn S. M. *Early Arabic Odes Chosen from the Selections of al-Mufaḍḍal and al-Aṣma'ī*. Delhi: Latifi Press, 1938. The University of Dacca. Bulletin, No. XIX.

81. Ibn Qotaiba. *Liber poësiis et poëtarum*. Ed. M. J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1904.

82. Ibn-Wādhīh qui dicitur al-Ja'qubī *Historiae pars prior historiam islamicam continens*. Ed. M. Th. Houtsma. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1969.

83. *Incerti auctoris Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum*. Ed. J.-B. Chabot. II. Parisiis: E Typographeo Reipublicae, 1933.

84. Ioannis Malalae *Chronographia*. Ed. L. Dindorf. CSHB, 15. Bonnae, 1831.

85. Ioannis Zonarae *Epitome historiarum*. Ed. L. Dindorf. Vol. III. Leipzig, 1870.

86. Jamasp-Asana J. D. M. *Pahlavi, Gujarāti and English Dictionary*. Bombay, London, 1882 (Vol. III), 1886 (Vol. IV).

87. Kâtib Çelebi. Keşf-el-Zunun. Istanbul: Maarif matbaası, 1941.

88. Kister M. J. Al-Ḥīra. Some notes of its relations with Arabia // Arabica, 15 (1968). P. 143–169.

89. Kister M. J. The Campaign of Ḥulubān. A New Light On The Expedition Of Abraha // Le Muséon, 78 (1965). P. 425–436.

90. Kitâb al-A'lâk an-Nafīsa auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh et Kitâb al-Boldân auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhīh al-Kâtib al-Jakûbî. Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. BGA, pars VII.

91. Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regionum) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khor-dâdhbeh et Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far. Ed. M. J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889. BGA, pars VI.

92. Kitab al-'Unvan. Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj. Ed. A. Vasiliev. Paris, 1912 (Seconde partie (II). Patrologia Orientalis. T. VIII, fasc. 3).

93. Kitâb at-Tanbîh wa'l Ischrâf auctore al-Masûdî. Ed. M. J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1894. BGA, pars VIII.

94. Kropp M. Burden and succession: a proposed Aramaicism in the inscription of Namāra, or the diadochs of the Arabs // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies, Vol. 36, Papers from the thirty-ninth meeting of the Seminar for Arabian Studies held in London, 21-23 July 2005 (2006). P. 101–109.

95. Kropp M. Grande re degli arabi è vassallo di nessuno: Mar' al-Qays Ibn 'Amr e l'iscrizione ad en-Nemara // Quaderni di Studi Arabi, Vol. 9 (1991). P. 3–28.

96. Kropp M. Vassal – Neither of Rome Nor of Persia. Mar'-al-Qays the Great King of the Arabs // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies, Vol. 23, Proceedings of the Twenty Sixth Seminar for Arabian Studies held at Manchester on 21st – 23rd July 1992 (1993). P. 63–93.

97. Kyrillos von Skythopolis. Hrsg. E. Schwartz. Leipzig: J. C. Hinrichs Verlag, 1939.

98. Langlois V. Numismatique des Arabes avant l'islamisme. Paris, 1859.

99. Lane E.W. An Arabic-English Lexicon. Beirut: Librairie du Liban, 1968.

100. Le livre de la chasteté composé par Jésusdenah, évêque de Baçra. Pub. et tr. J.-B. Chabot. Rome, 1896.

101. Le Strange G. Description of Mesopotamia and Baghdâd, written about the year 900 A. D. by Ibn Serapion // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1895. C. 1-76, 255-316.

102. Les idoles de Hicham Ibn al-Kalbi. Ed. W. Atallah. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1969.

103. Liber superiorum seu Historia monastica auctore Thoma, episcopo Margensi. Ed. P. Bedjan. Parisiis, Lipsiae, 1901.

104. Littmann E. Semitic Inscriptions. Part IV of the Publications of an American Archaeological Expedition to Syria in 1899-1900. New York, 1904.

105. Littmann E., Magie Jr. D., Stuart D. R. Greek and Latin Inscriptions in Syria. Section A. Southern Syria. Part 3. Umm idj-Djimâl. Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904-1905 and 1909. Leyden, 1913. P. 131-223.

106. MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1971.

107. Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et trad. C. Le Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861 (T. 1), 1863 (T. 2), 1864 (T. 3), 1865 (T. 4).

108. Mahamedi H. Wall as a System of Frontier Defense During the Sasanid Period // The Spirit of Wisdom [Mênög ī Xrad]. Essays in Memory of Ahmed Tafazzoli. Costa Mesa: Mazda, 2004. P. 145-159.

109. Marcellini V.C. comitis Chronicon // Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum tomus XI. Vol. II. Berolini, 1894. P. 37–108.

110. Maricq A. Classiça et orientalia. 5. Res gestae Divi Saporis (Pl. XXIII – XXIV) // Syria. Année 1958. Volume 35. Numéro 3. P. 295–360.

111. Maris, Amri et Slibae de patriarchis nestorianorum commentaria. Ed. H. Gismondi. Romae, 1899 (Pars prior. Maris textus arabicus – ч. 1), 1896 (Pars altera. Amri et Slibae textus – ч. 2).

112. Markwart J. A Catalogue of the Provincial Capitals of Ērānshahr (Pahlavi Text, Version and Commentary). Roma: Pontificio Istituto Biblico, 1931. Analecta Orientalia, №3.

113. Morony M. Continuity and Change in the Administrative Geography of Late Sasanian and Early Islamic al-'Irāq // Iran. Vol. 20 (1982). P. 1–49.

114. Muğmal at-tawārīḥ wa-'l-qīṣaṣ: eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert. Hrsg. S. Najmabadi, S. Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux mondes, 2000.

115. Nau F. Les Arabes chrétiens de Mésopotamie et de Syrie du VIIe au VIIIe siècle. Paris: Imprimerie nationale, 1933.

116. Notitia dignitatum. Ed. O. Seeck. Berolini, 1876.

117. Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879.

118. Nyberg H. S. A Manual of Pahlavi. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964 (т. 1), 1974 (т. 2).

119. Pahlavi Texts. Tr. E. West. Part I. Oxford, 1880.

120. Patrologia Graeca. Ed. J.-P. Migne. T. 86, 145. Paris, 1865.

121. Pedersen N. A. A Manichaean Historical Text // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 119 (1997). S. 193–201.

122. Peiser F. E. Die arabische Inschrift von En-Nemâra // Orientalistische Litteratur-Zeitung. № 7. 15 Juli 1903. S. 277–281.

123. Pliny. Natural History. Vol. II. Libri III – VII. Ed. H. Rackham. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, London: William Heinemann Ltd., 1961.

124. Procopius. Ed. W. Dindorf. Vol. III. Bonn, 1838.

125. Procopius. I. History of Wars, Books I and II. London, New York, 1914.

126. Recueil des itinéraires anciens. Publ. par le Mis de Fortia d'Urban. Paris, 1845.

127. Retsö J. The Arabs in Antiquity. Their History from the Assyrians to the Umayyads. London, New York: Routledge Curzon, 2003.

128. Robin Chr. Le calendrier himyarite: nouvelles suggestions // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. Vol. 11, Proceedings of the Fourteenth Seminar for Arabian Studies held at Oriel College, Oxford on 22nd – 24th July 1980 (1981). P. 43–53.

129. Robin Chr. Le royaume hujride, dit « royaume de Kinda », entre Himyar et Byzance // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 140e année, N. 2, 1996. P. 665–714.

130. Robin Chr. Les plus anciens monuments de la langue arabe // Revue du monde musulman et de la Méditerranée. N°61, 1991. P. 113–125.

131. Rothstein G. Die Dynastie der Lahmiden in al-Ḥîra. Berlin, 1899.

132. Ryckmans G. Inscriptions sud-arabes // Le Muséon. LXVI, 3–4. P. 267–317.

133. Ryckmans J. La persécution des chrétiens himyarites au sixième siècle. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten, 1956.

134. Seston W. Le roi sassanide Narsès, les Arabes et le manichéisme // Scripta varia. Mélanges d'histoire romaine, de droit, d'épigraphie et d'histoire du christianisme. Rome: École Française de Rome, 1980 (Publications de l'École française de Rome, 43). P. 561–568.

135. Shahid I. Byzantino-Arabica: The Conference of Ramla, A. D. 524 // *Journal of Near Eastern Studies*, Vol. 23, No. 2. (Apr., 1964). P. 115–131.

136. Shahid I. *Byzantium and the Arabs in the Fourth Century*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Trustees for Harvard University, 1984.

137. Shahid I. On the chronology of the South Arabian martyrdoms // *Arabian archaeology and epigraphy*. 5: 1994. P. 66–69.

138. Shahid I. Philological Observations on the Namâra Inscription // *Journal of Semitic Studies*, 24 (1979). P. 33–42.

139. Shahid I. *The Martyrs of Najrân. New Documents*. Bruxelles: Société des bollandistes, 1971.

140. Shitomi Y. De la chronologie de la persécution de Nağrân // *Orient*. Vol. XXVI, 1990. P. 27–42.

141. *Socratis Scholastici Ecclesiastica historia*. Ed. R. Hussey. T. II. Oxonii, 1853.

142. Sprengling M. *Third Century Iran. Sapor and Kartir*. Chicago: Oriental Institute, University of Chicago, 1953.

143. Steingass F. *A Comprehensive Persian-English Dictionary*. Beirut: Librairie du Liban Publishers, 1998.

143a. Swain S. Greek into Palmyrene: Odaenathus as a 'Corrector totius Orientis' // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 99 (1993). S. 157–164.

144. *Synodicon orientale ou recueil de synodes nestoriens*. Publ. par J. B. Chabot. Paris, 1902.

145. Talbot Rice D. Hira // *Journal of the Royal Central Asian Society*. Vol. XIX. April, 1932. P. 254–268.

146. Talbot Rice D. The Oxford Excavations at Hira, 1931 // *Antiquity*. Vol. VI, 1932. P. 276–291.

147. Talib A. *Topoi and Topography in the Histories of al-Ḥīra // History and Identity in the Late Antique Near East*. Ed. Ph. Wood. New York: Oxford University Press, 2013. P. 123–147.

148. Tardieu M. L'arrivée des manichéens à al-Ḥīra // La Syrie de Byzance à l'Islam. VIIe – VIIIe siècles. Damas, 1992. P. 15–24.

149. The Book of Creation and History by Motahhar b. Tahir al-Maqdisi. Ed. Cl. Huart. Vol. 3. Tehran: M. H. Asadi, 1962.

150. The Book of the Himyarites. Ed. A. Moberg. Lund: C. W. K. Gleerup, London: Humphrey Milford, Oxford University Press, Paris: Edouard Champion, Leipzig: O. Harrassowitz, 1924.

151. The Būndahishn. Ed. T. D. Anklesaria. Bombay, 1908.

152. The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes. Ed. E. O. Winstedt. Cambridge, 1909.

152a. The Chronicle of Joshua the Stylite. Ed. W. Wright. Cambridge, 1882.

153. The Fársnáma of Ibnu'l-Balkhí. Ed. G. Le Strange, R. A. Nicholson. London: Luzac & Co., 1921.

154. The Geography of Strabo. Vol. VII. London: William Heinemann Ltd., New York: G. P. Putnam's Sons, 1930.

155. The History of Ancient Iran as Narrated by al-Bal'ami. Ed. M. J. Mashkur. Tehran: Library Khayam, 1959.

156. The Kitāb al-Maghāzī of al-Wāqidī. Ed. M. Jones. London: Oxford University Press, 1966.

157. The Mufaḍḍaliyāt. Ed. Ch. J. Lyall. Oxford: Clarendon Press, 1921.

158. The Pahlavi Texts. II. Ed. J. M. Jamasp-Asana. Bombay, 1913.

159. The Queen of Sheba and Her Only Son Menyelek. Tr. E. A. Wallis Budge. London, Liverpool, Boston: The Medici Society, 1922.

160. The Scriptorum Historiae Augustae. Cambridge, Massachusetts – London: Harvard University Press, 1921 (т. 1), 1924 (т. 2), 1932 (т. 3).

161. The Ta'rikh-i-Guzída or "Select History" of Hamidu'llah Mustawfí-i-Qazwíní. Ed. E. G. Browne. Vol. I. London, Leyden, 1910.

162. The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus. Ed. W. Cureton. Oxford, 1853.

163. Theophanis Chronographia. Ed. I. Classen. CSHB, 39. Vol. I. Bonnae, 1839.

164. Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo. Ed. E. Bekker. CSHB, 22. Bonnae, 1834.

165. Toral-Niehoff I. Al-Hira. Eine arabische Kulturmetropole im spätantiken Kontext. Leiden, Boston: Brill, 2014.

166. Trimmingham J. S. Christianity among the Arabs in pre-Islamic Times. London: Longman, Beirut: Librairie du Liban, 1979.

167. Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Ed. M. J. De Goeje. Lugduni-Batavorum: E. J. Brill, 1927. BGA, 1.

168. Waddington W. H. Inscriptions grecques et latines de la Syrie recueillies et expliquées. Paris, 1870.

169. Zand-Ākāsīh. Iranian or Greater Bundanišn. Tr. B. T. Anklesaria. Bombay, 1956.

170. Zosimus. Ed. E. Bekker. CSHB, 30. Bonnae, 1837.

171. Абу Дуад аль-Ийади. Собрание стихов –

ديوان أبي دواد الإيادي جمعه وحققه أنوار محمود الصالحي وأحمد هاشم السامرائي. دمشق: دار العصماء، 2010.

172. Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен –

كتاب الأغاني للإمام أبي الفرج الأصفهاني بتصحيح أحمد الشنقيطي. القاهرة، 1905.

173. Абу-ль-Фидá. Книга сокращённого изложения истории человечества –

تاريخ أبي الفداء المسمى المختصر في أخبار البشر تأليف الملك المؤيد عماد الدين أبي الفداء سماعيل بن علي بن محمود ابن عمر بن شاهانشاه بن أيوب علق عليه محمود ديوب. بيروت: دار الكتب العلمية، 1997. الجزء الأول

174. Ад-Динавари. Книга долгих сообщений –

الأخبار الطوال تأليف أبي حنيفة أحمد بن داود الدينوري تحقيق عبد المنعم عامر. القاهرة: وزارة الثقافة والإرشاد القومي الإقليم الجنوبي والإدارة العامة للثقافة، 1960.

175. Ад-Диярбакри. История в пяти частях о драгоценнейшем –

تأريخ الخميس في أحوال أنفس نفيس تأليف الإمام الشيخ حسين بن محمد بن الحسن الدياربركي.
بيروت: مؤسسة شعبان للنشر والتوزيع. الجزء الأول.

176. Ади Ибн Зайд. Собрание стихов –

ديوان عدي ابن زيد العبادي حققه محمد جبار المعبيد. بغداد: شركة دار الجمهورية للنشر والطبع،
1965.

177. Аз-Замахшари. Исчерпывающее [повествование] о пословицах, поговорках и крылатых выражениях арабов –

المستقصى في أمثال العرب للعلامة الأديب أبي القاسم جاز الله محمود بن عمر الزمخشري. حيدرآباد:
دائرة المعارف العثمانية، 1962.

178. Аз-Замахшари. Разъяснение показывающего истины ниспосланного и наилучшие высказывания с превосходным объяснением –

تفسير الكشف عن حقائق التنزيل وعيون الأقاويل في وجوه التأويل تأليف أبي القاسم جاز الله محمود بن
عمر الزمخشري الخوارزمي. إعتنى به خليل مأمون شيخا. بيروت: دار المعارف، 2009.

179. Аз-Заузани. Объяснение семи муаллак –

شرح المعلقات السبع تأليف عبد الله بن حسين بن أحمد الزوزني. بيروت: الدار العالمية، 1993.

180. Аль-Али С. А. Область Хиры. Топографическое исследование, опирающееся на литературные источники –

صالح أحمد العلي. منطقة الحيرة دراسة طوبوغرافية مستندة على المصادر الأدبية // مجلة كلية
الأدب 5، 1962. ص 34-17.

181. Аль-Амиди. То, в чём соглашаются, и то, в чём расходятся, из имён поэтов, их куний, прозвищ, родословных и некоторых стихов –

المؤتلف والمختلف في أسماء الشعراء وكناهم وألقابهم وأنسابهم وبعض شعورهم للإمام أبي
بيروت: دار القاسم الحسن بن بشر الأمدي تصحيح ف. كرنكو (F. Krenkow) الكتب العلمية، 1982.

182. Аль-Аскари. Собрание пословиц, поговорок и крылатых изречений –

كتاب جمهوه الأمثال لأبي هلال الحسن بن عبد الله بن سهل العسكري ضبطه أحمد عيد السلام.
بيروت: دار الكتب العلمية، 1988.

183. Аль-Асмаи. Избранные стихи –

الأصمعيّات إختيار الأصمعي أبي سعيد عبد الملك بن قريب بن عبد الملك تحقيق أحمد محمد شاكر
وعبد السلام هارون. بيروت لبنان

184. Аль-Ахфаш. Книга двух избранных сводов –

كتاب الإختيارين المفضّليّات والأصمعيّات صنعة الأخفش الكبير تحقيق فخر الدّين قباوة. بيروت: دار
الفكر المعاصر، دمشق: دار الفكر، 1999.

185. Аль-Байхаки. Достоинства и пороки –

المحاسن والمساوي تأليف الشيخ إبراهيم بن محمد البيهقي وضع حواشيه عدنان علي. بيروت: دار
الكتب العلمية، 1999.

186. Аль-Бакри. Нанизывание жемчужин –

سمط اللآلئ للوزير أبي عبيد البكري الأنبيّ تصحيحات عبد العزيز الميمني. القاهرة: لجنة التّأليف
والترجمة والنشر، 1936.

187. Аль-Бакри. Книга о путях и государствах –

كتاب المسالك والممالك لأبي عبيد البكري حقّقه أدريان فان ليوفن (A. P. Van Leeuwen)
وأندري فيري (A. Ferré) تونس: الدار العربية للكتاب، المؤسسة الوطنية للترجمة
والتّحقيق والدراسات بيت الحكمة، 1992.

**188. Аль-Бакри. Справочник о том, что неясно из на-
званий областей и мест –**

معجم ما استعجم من أسماء البلاد والمواضع تأليف الوزير الفقيه-أبي عبيد عبد الله بن عبد العزيز
البكري الأندلسي حقّقه مصطفى السقا. بيروت: عالم الكتب، 1983.

189. Аль-Балазури. Завоевание стран –

فتوح البلدان تصنيف الإمام أبي العباس أحمد بن يحيى البلاذري حقّقه عبد الله أنيس الطباع. بيروت:
مؤسسة المعارف للطباعة والنشر، 1987.

190. Аль-Балазури. Родословные знатных людей –

أنساب الأشراف تصنيف أحمد بن يحيى المعروف بالبلاذري تحقيق محمد حميد الله. القاهرة: دار
المعارف، 1987 الجزء الأول

**191. Аль-Джауалики. Переделанное на арабский лад из
неарабской речи по буквам алфавита –**

المعزّب من الكلام الأعجمي على حروف المعجم لأبي منصور الجواليقي موهوب بن أحمد بن محمد
بن الخضر حقّق كلماته ف. عبد الرّحيم. دمشق: دار القلم، 1990.

**192. Аль-Джаухари. Правильное. Венец [в] языке и
правильная арабская речь –**

الصّحاح تاج اللغة وصحاح العربية تأليف إسماعيل بن حمّاد الجوهري تحقيق أحمد عبد الغفور
عطّار. بيروت: دار العلم للملايين، 1979.

193. Аль-Джахиз. Книга короны о нравах царей –

كتاب التاج في أخلاق الملوك للجاحظ تحقيق أحمد زكي باشا، القاهرة، 1914.

194. Аль-Кали. Продолжение «[Книги] заметок и редкостей» –

كتاب ذيل الأمالي والنوادر تأليف أبي علي إسماعيل بن القاسم القالي البغدادي. بيروت: دار الكتب العلمية

195. Аль-Калкашанди. Предел желаний в познании родословных арабов –

نهاية الأرب في معرفة أنساب العرب تأليف أبي العباس أحمد القلقشندي تحقيق إبراهيم الأبياري. بيروت: دار الكتاب اللبناني، 1980.

196. Аль-Кумайт. Собрание стихов –

ديوان الكميّ بن زيد الأسدي تحقيق محمد نبيل طريفي. بيروت: دار صادر، 2000.

197. Аль-Кураши. Собрание стихов арабов –

جمهرة أشعار العرب تأليف أبي زيد محمد بن أبي الخطّاب القرشي بيروت: دار صادر، 1963.

198. Аль-Куфи. Книга о завоеваниях –

كتاب الفتوح للعلامة أبي محمد أحمد بن أعمم الكوفي تحقيق علي شيري. بيروت: دار الأضواء، 1991. الجزء الأول

199. Аль-Майдани. Собрание пословиц, поговорок и крылатых изречений –

مجمع الأمثال لأبي الفضل أحمد بن محمد بن أحمد بن إبراهيم النيسابوري الميداني حقّقه محمد محيي الدين عبد الحميد. 1955.

200. Аль-Марзубани. Справочник о поэтах. [Часть от буквы] ‘aun до [буквы] uā’ –

معجم الشعراء ع – ي للإمام أبي عبيد الله محمد بن عمران المرزباني تصحيح ف. كرنكو (F. Krenkow) بيروت: دار الكتب العلمية، 1982.

201. Аль-Марзуки. Книга о [различных способах определения] времени и местах –

كتاب الأزمنة والأمكنة تأليف الشيخ أبي علي أحمد بن محمد بن الحسن المرزوقي الإصبهاني ضبطه خليل المنصور. بيروت: دار الكتب العلمية، 1996.

202. Аль-Марзуки. Объяснение собрания стихов Абу Таммама аль-Хамаса –

شرح ديوان الحماسة لأبي تمام تأليف أبي علي أحمد بن محمد بن الحسن المرزوقي. بيروت: دار الكتب العلمية، 2003.

203. Аль-Мауарди. Книга о канонах властвования правителей и религиозных установлениях –

كتاب الأحكام السلطانية والولايات الدينية تأليف أبي الحسن علي بن محمد بن حبيب الماوردي تحقيق أحمد مبارك البغدادي. الكويت: مكتبة دار ابن قتيبة، 1989.

204. Аль-Мубаррад. Совершенное в языке и словесности –

الكامل في اللغة والأدب تأليف الإمام أبي العباس محمد بن يزيد المبرّد تحقيق عبد الحميد هنداي. وزارة الشؤون الإسلامية والأوقاف والدعوة والإرشاد (المملكة العربية السعودية)

205. Аль-Муини А. М. Поэзия тамимитов в эпоху джахилийи –

شعر بني تميم في العصر الجاهلي جمع وتحقيق عبد الحميد محمود المعيني. نادي القصيم الأدبي بريدة، 1982.

206. Аль-Муталаммис. Собрание стихов –

ديوان شعر المثلّمس الضبعي رواية الأثرم وأبي عبيدة عن الأصمعي حقّقه حسن كامل الصيرفي. القاهرة: الشركة المصرية للطباعة والنشر، 1970.

207. Аль-Муфаддаль. Книга о пословицах, поговорках и крылатых изречениях арабов –

أمثال العرب للمفضّل الضّبّي. قسطنطينية، 1300 (1882/83).

208. Аль-Умари. [Книга] путей взора о царствах областей –

مسالك الأبصار في ممالك الأمصار لابن فضل الله العمري شهاب الدّين أحمد بن يحيى حقّقه مهدي النجم. بيروت: دار الكتب العلمية، 2010.

209. Аль-Фарахиди. Книга айн-а –

كتاب العين لأبي عبد الرحمن الخليل بن أحمد الفراهيدي تحقيق مهدي المخزومي وإبراهيم السامرائي. بغداد: دار ارشيد، 1985–1980.

210. Аль-Хамдани. Венец –

الإكليل الجزء الثامن تأليف أبي الحسن بن أحمد بن يعقوب بن يوسف بن داود بن سليمان بن عمرو بن منذر المعروف بابن الحائك الهمداني حرّره نبيه أمين فارس. بيروت: دار العودة، صنعاء: دار الكلمة

211. Аль-Хамдани. Венец из истории йеменцев и родословных химьяритов –

الإكليل من أخبار اليمن وأنساب حمير الكتاب العاشر في معارف همدان وأنسابها وعيون أخبارها تصنيف لسان اليمن أبي محمد الحسن بن أحمد بن يعقوب الهمداني حقّقه محبّ الدّين الخطيب. الدار اليمنية للنشر والتوزيع، 1987.

212. Аль-Хамдани. Описание полуострова арабов –
صفة جزيرة العرب تأليف لسان اليمن الحسن بن أحمد بن يعقوب الهمداني تحقيق محمد بن علي الأكوغ الحوالي. صنعاء: مكتبة الإرشاد، 1990.
213. Аль-Хилли. Книга мазйадитских стоянок об истории асадитских царей –
كتاب المناقب المزيديّة في أخبار الملوك الأسديّة تأليف الشيخ الرئيس أبي البقاء هبة الله الحلّي تحقيق صالح موسى درّاعة ومحمد عبد القادر خريسات. عمّان: مكتبة الرسالة الحديثة، 1984.
214. Аль-Хорезми. Ключи к знаниям –
مفاتيح العلوم للخوارزمي محمد بن أحمد بن يوسف حقّه إبراهيم الأبياري. بيروت: دار الكتاب العربي، 1989.
215. Ан-Нувайри. Предел желаний в искусстве словесности –
نهاية الأرب في فنون الأدب تأليف شهاب الدين أحمد بن عبد الوهاب النويري تحقيق يوسف الطويل وعلي محمد هاشم. بيروت: دار الكتب العلمية، 2004. الجزء 15.
- 215a. Ас-Самхуди. Достаточное изложение истории обители Избранника –
وفاء الوفا بأخبار دار المصطفى تأليف نور الدين علي بن عبد الله السمهودي تحقيق قاسم السامرائي. مؤسسة الفرقان للتراث الإسلامي، 2001.
216. Ас-Сиджистани. Книга о долгожителях из арабов с некоторыми известиями о них и [изложением] того, что говорили о продолжительности их жизни –
كتاب المعمرين من العرب وطرف من أخبارهم وما قالوه في منتهى أعمارهم تأليف الإمام أبي حاتم سهل بن محمد بن عثمان السجستاني البصري تصحيح أحمد بن الأمين الشنقيطي. القاهرة، 1905.
217. Ас-Суҳайли. [Книга, подобная] нетронутому лугу со свежей травой с объяснением жизнеописания Пророка, [написанного] Ибн Хишамом –
الروض الأنف في شرح السيرة النبوية لابن هشام للإمام المحدث عبد الرحمن السهيلي تحقيق عبد الرحمن الوكيل. القاهرة: مكتبة ابن تيمية، 1967.
218. Ат-Тибризи. Объяснение десяти *касыд* –
شرح القصائد العشر للإمام الخطيب أبي زكرياء يحيى بن علي التبريزي. إدارة الطباعة المنيرية، 1933/34.
219. Аш-Шабушти. Монастыри –
الديارات لأبي الحسن علي بن محمد المعروف بالشابشتي تحقيق كوركيس عوّاد. بيروت: دار الرائد العربي، 1986.

220. Аш-Шахрастани. Вероучения –

الملل والنحل تأليف أبي الفتح محمد عبد الكريم ابن أبي بكر أحمد الشهرستاني تحقيق عبد العزيز محمد الوكيل. القاهرة: مؤسسة الحلبي وشركاه للنشر والتوزيع، 1968.

221. Аш-Шимшати. Книга [в которой] сияния света и хорошие стихи –

كتاب الأنوار ومحاسن الأشعار لأبي الحسن علي بن محمد بن المطهر العدوي المعروف بالشمشاطي تحقيق محمد يوسف. القسم الأول. الكويت: مطبعة حكومة الكويت، 1977.

222. Гардизи. История –

تاريخ گردیزی تأليف أبو سعيد عبد الحی بن ضحاک ابن محمود گردیزی به تصحيح عبد الحی حبیبی. تهران: دنیای کتاب، 1984/85.

223. Десять муаллак и известия о создавших их поэтах –

المعلقات العشر وأخبار شعرائها إعتنى بجمع ذلك وتصحيحه حضرة الأستاذ الفاضل الشيخ أحمد الأمين الشنقيطي. دار النصر للطباعة والنشر

224. Ибн Абд Раббихи. Книга, подобная неповторимому ожерелью –

كتاب العقد الفريد تأليف أبي عمر أحمد بن محمد بن عبد ربّه. القاهرة: مطبعة لجنة التأليف والترجمة والنشر، 1965.

225. Ибн Абди-ль-Барр. Стремление сделать известным изначальное происхождение арабов и персов и то, какой из народов первым заговорил по-арабски –

القصد والأمم في التعريف بأصول أنساب العرب والعجم ومن أول من تكلم العربية من الأمم. إملأه الشيخ الجليل أبي يوسف بن عبد البرّ النمري القرطبي. القاهرة: مطبعة السعادة، 1931/32.

226. Ибн аль-Асир. Совершенная [книга] об истории –

الكامل في التاريخ للإمام العلامة عمدة المؤرخين أبي الحسن علي بن أبي الكرم محمد بن محمد بن عبد الكريم بن عبد الواحد الشيباني المعروف بابن الأثير الجزري الملقّب بعزّ الذين تحقيق أبي الفداء عبد الله القاضي. بيروت: دار الكتب العلمية، 1987.

227. Ибн аль-Факих. Книга о странах –

كتاب البلدان تأليف أبي عبد الله أحمد بن محمد بن إسحاق الهمداني (المعروف بابن الفقيه) تحقيق يوسف الهادي. بيروت: عالم الكتب، 1996.

228. Ибн ан-Надим. Каталог –

كتاب الفهرست لأبي الفرج محمد بن إسحاق النديم قابله على أصوله أيمن فؤاد سيّد. لندن: مؤسسة الفرقان للتراث الإسلامي، 2009.

229. Ибн аш-Шаджари. Избранное –

مختارات ابن الشجري للشریف أبي السعادات هبة الله بن الشجري ضبطها محمود حسن زنتي.
القاهرة: مطبعة الإعتدال، 1925.

230. Ибн Баттута. Дар обращающим взор на диковины городов и удивительные вещи, [встречающиеся] в путешествиях –

رحلة ابن بطوطة المسماة تحفة النظار في غرائب الأمصار وعجائب الأسفار تأليف شمس الدين أبي عبد الله محمد بن عبد الله اللواتي الطنجي حققه عبد الهادي التازي. الرباط: أكاديمية المملكة المغربية، 1997 المجلد الثاني.

231. Ибн Дурайд. Книга о происхождении [названий племён и родов] –

الإشتقاق لأبي بكر بن محمد بن الحسن بن دريد تحقيق عبد السلام محمد هارون، بيروت: دار الجيل، 1991.

232. Ибн Дурайд. Словарь –

كتاب جمهرة اللغة لأبي بكر محمد بن الحسن بن دريد حققه رمزي منير بعلبكي. بيروت: دار العلم للملايين، 1987.

233. Ибн Кутайба. Книга знаний –

المعارف لابن قتيبة أبي محمد عبد الله بن مسلم حققه ثروت عكاشة. القاهرة: دار المعارف، 1981.

234. Ибн Манзур. Язык арабов –

لسان العرب لابن منظور. القاهرة: دار المعارف، 1981.

235. Ибн Саад. Большая книга разрядов –

كتاب الطبقات الكبير لمحمد بن سعد بن منيع الزهري. القاهرة: مكتبة الخانجي، 2001.

236. Ибн Саид. Приносящая упоение [книга] об истории арабов времени *джахилийи* –

نشوة الطرب في تاريخ جاهلية العرب تأليف ابن سعيد الأندلسي تحقيق نصرت عبد الرحمن. عمان: مكتبة الأقصى، 1982.

237. Ибн Хабиб. Книга изукрашенного [повествования] об истории курейшитов –

كتاب المنمق في أخبار قريش لمحمد بن حبيب البغدادي إعتنى بتصحيحه خورشيد أحمد فارق. حيدرآباد: دائرة المعارف العثمانية، 1964.

238. Ибн Хабиб. Книга изящного [повествования] –

كتاب المحبر للعلامة الأخباري النسابة أبي جعفر محمد بن حبيب ابن أمية بن عمرو الهاشمي البغدادي رواية أبي سعيد الحسن بن الحسين السكري. تصحيح إلزة ليختن Штetter (E. Lichtenstetter). بيروت: دار الأفاق الجديدة.

239. Ибн Хазм. Собрание родословных арабов –

جمهرة أنساب العرب لأبي محمد علي بن سعيد بن حزم الأندلسي تحقيق: إ. ليفي بروفتسال (E. Lévi-Provençal) القاهرة: دار المعارف بمصر، 1948.

240. Ибн Халдун. История Ибн Халдуна, называемая «Собрание тем и сообщений по истории арабов, берберов и их современников из числа обладателей высочайшего положения» –

تاريخ ابن خلدون المسمى ديوان المبتدأ والخبر في تاريخ العرب والبربر ومن عاصرهم من ذوي الشأن الأكبر تأليف عبد الرحمن بن خلدون. ضبط المتن خليل شحادة. الجزء الثاني. بيروت: دار الفكر العربي، 2000.

241. Ибн Хаукаль. Книга об образе Земли.

كتاب صورة الأرض لابن حوقل «أبي القاسم بن حوقل النصيبى». بيروت: دار مكتبة الحياة، 1979.

242. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка –

سيرة النبي صلى الله عليه وسلم لأبي محمد عبد الملك بن هشام تحقيق مجدي فتحي السيد. طنطا: دار الصحابة للتراث بطنطا، 1995.

243. Известия об эпохе, о тех, кого уничтожили превратности жизни, о диковинах стран и о том, что изобилует водой и обустроено –

أخبار الزمان ومن أباده الحدثان وعجائب البلدان والعامر بالماء والعمران تصنيف المؤرخ الكبير بي الحسن علي بن الحسين بن علي المسعودي. بيروت: دار الأندلس، 1996.

244. Имру-ль-Кайс. Собрание стихов –

ديوان امرئ القيس وملحقاته بشرح أبي سعيد السكري تحقيق أنور عليان أبو سليم ومحمد علي الشوابكة. العين: مركز زايد للتراث والتاريخ، 2000.

245. Книга корон о царях Химьяра –

كتاب التيجان في ملوك حمير. صنعاء: مركز الدراسات والأبحاث اليمنية، 1927/28.

246. Книга о Бакре и Таглибе, сыновьях Уайля Ибн Касита –

كتاب بكر وتغلب إبنى وائل ابن قاسط. مطبعة نخبة الأخبار، 1889/90.

247. Лабид. Собрание стихов –

ديوان لبيد بن ربيعة شرح الطوسي قتم له حنا نصر الحتي. بيروت: دار الكتاب العربي، 1993.

248. Лакыт аль-Ийади. Собрание стихов –

ديوان لقيط بن يعمر الإيادي على رواية هشام بن الكلبي. تحقيق محمد التونجي. بيروت: دار صادر، 1998.

249. Набига аз-Зубьяни. Собрание стихов –

ديوان نابغة الذبياني شرح وتقديم عباس عبد الساتر. بيروت: دار الكتب العلمية، 1996.

250. Насир-и-Хосров. Книга о путешествии –

سفرنامه ناصر خسرو نوشته حکیم ناصر خسرو قبادیانی بلخی بکوشش ناصر وزیر پور. ریاست نشریات وزارت کلتور، 1991/92.

251. Объяснение стихов, которые Джарир и Фараздак писали друг против друга –

شرح نقائض جریر و الفرزدق تحقیق محمد ابراهیم حور و ولید محمود خالص. أبو ظبی: المجمع الثقافي، 1998.

252. Собрание [известий] о следах деяний царей персов (факсимиле рукописи на сайте www.ketabfarsi.org)

کتاب المجمع فی آثار ملوک العجم

253. Сокращённое изложение церковной истории –

مختصر الأخبار البيعية حقّه الأب بطرس حدّاد. بغداد: شركة الديوان للطباعة، 2000.

254. Тарики М. Н. Собрание стихов разбойников времени джахилийи и времени ислама –

ديوان اللصوص في العصرين الجاهلي والإسلامي صنعة محمد نبيل طريقي. بيروت: دار الكتب العلمية، 2004.

255. Фареваши Б. Словарь языка пехлеви –

فرهنگ پهلوي تالیف بهرام فرموشي. بنیاد فرهنگ ایران، 1967.

256. Хамза аль-Исфахани. История царей Земли –

کتاب تاریخ ملوک الارض للشيخ حمزة بن الحسن الإصفهاني باهتمام أحقر عباد الله الصمد كبير الدّین أحمد. کلکته، 1866.

257. Хамза аль-Исфахани. Подобная великолепной жемчужине книга об имеющих хождение пословицах, поговорках и крылатых изречениях –

الذّرة الفاخرة في الأمثال السائرة للإمام حمزة بن الحسن الإصفهاني حقّه عبد المجید قطامش. القاهرة: دار المعارف بمصر، 1988.

258. Хамидуллах М. Два трактата Ибн Хабиба –

محمد حمید الله رسالتان لابن حبيب || مجلة المجمع العلمي العراقي المجلد الرابع الجزء الأوّل، 1965 ص 53-54.

258a. Хассан Ибн Сабит. Собрание стихов –

ديوان حسان بن ثابت حقّه وليد عرفات. بيروت: دار صادر، 2006.

259. Хатим ат-Таи. Собрание стихов –

ديوان حاتم الطائي شرح يحيى بن صالح بن مدرك الطائي قدّم له حنا نصر الحتي. بيروت: دار الكتاب العربي، 1994.

260. Хишам аль-Кальби. Большая [книга] о родословных мааддитов и йеменцев –

نسب معدّ واليمن الكبير لأبي المنذر هشام بن محمد بن السائب الكلبي تحقيق ناجي حسن. بيروت: عالم الكتب، مكتبة النهضة العربية، 1988.

261. Хишам аль-Кальби. Собрание родословных –

جمهرة النسب لأبي المنذر هشام بن محمد بن السائب الكلبي رواية السكري عن ابن حبيب تحقيق ناجي حسن. بيروت: عالم الكتب، مكتبة النهضة العربية، 1986.

262. Цари Химьяра и князя Йемена. *Касыда* Нашуана Ибн Саида аль-Химьяри –

ملوك حمير وأقيال اليمن قصيدة نشوان بن سعيد الحميري. بيروت: دار العودة، 1978.

263. Шейхо Л. Книга о поэтах-христианах –

كتاب شعراء النصرانية جمعه الأب لويس شيخو اليسوعي. بيروت، 1890.

264. Якут. Справочник по областям и поселениям –

معجم البلدان للشيخ الإمام شهاب الدين أبي عبد الله ياقوت بن عبد الله الحموي الرّومي البغدادي. بيروت: دار صادر، 1977.

265. Якут. Справочник по писателям. Наставление стремящемуся узнать о писателях.

معجم الأدباء إرشاد الأريب إلى معرفة الأديب تأليف ياقوت الحموي الرومي تحقيق إحسان عباس. بيروت: دار الغرب الإسلامي، 1993.

В разысканиях, последовавших за сдачей этой работы для публикации, одним из источников стала для её автора книга средневекового компилятора Саламы Ибн Муслима аль-Аутаби ас-Сухари (*Salama Ibn Muslim al-'Awtabī al-Ṣuhārī*) о родословных арабов. Этот автор, годы жизни которого на настоящем этапе определяются лишь очень приблизительно (начало X – начало XIII в.), был, судя по тексту источника, хорошо информирован и сохранил ряд подробных рассказов в том числе и о том, что составляет предмет настоящего исследования. Некоторые сведения ас-Сухари позволяют дополнить данную в работе реконструкцию исторических событий. Они, несомненно, нуждаются в подробном анализе, однако некоторые из них, ввиду их важности, следует привести уже сейчас. Согласно источнику правитель киндитов, аль-Харис Ибн Амр, изгнав Лахмидов из Хиры и завершив войну с персами, поселился в аль-Анбаре. Внук аль-Хариса, поэт Имру-ль-Кайс, закончив войну с племенем Бану Асад Ибн Хузайма, выступил против аль-Мунзира III, чтобы отомстить за гибель киндитских царевичей, казнённых во владениях Бану Марина. Однако утверждали, что именно аль-Мунзир побудил асадитов к выступлению против Худжра, отца Имру-ль-Кайса, и даже помог им. Тем самым подтверждается высказанная в работе мысль о том, что на определённом этапе резиденцией аль-Хариса Ибн Амра стал Пероз-Шапур (аль-Анбар). Становится понятно, почему аль-Мунзир III послал войска против Имру-ль-Кайса: последний сам выступил против него. Наконец, слова о сношениях аль-Мунзира III с асадитами хорошо сочетаются с рассмотренным в работе известием аль-Якуби о том, что лахмидский царь спровоцировал вражду между сыновьями Худжра – Саламой и Шурахбилем. Вполне вероятно, что аль-Мунзир III интриговал против сыновей своего главного врага – аль-Хариса Ибн Амра.

Ссылка на источник:

الأنساب للعلامة أبي المنذر سلمة بن مسلم العوتبي الصحاري تحقيق محمد إحسان النص
مسقط: وزارة التراث القومي والثقافة، 2006

C. 394, 411.

Исламский и доисламский мир: история и политика

Д.Е. Мишин

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ЛАХМИДОВ

Монография

Ответственный редактор: Д. Микульский

Редактор: Т. Кречко

Корректор: Т. Осина

Верстка: Т. Ханина

Дизайн обложки: И. Картвелишвили

Подписано в печать 04.09.2017. Формат 60×90¹/₁₆.

Гарнитура PT Serif Caption.

Тираж 500 экз. Заказ №6303

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ООО «Садра».

119049, Москва, ул. Коровий Вал, д. 7/1.

www.sadrabook.ru

По вопросам приобретения литературы обращаться:

+7 (495) 943 40 39

با حمایت:
بنیاد مطالعات اسلامی روسیه
دانشگاه شرق شناسی آکادمی علوم روسیه

۱

انتشارات صدر ا روسیه

مسکو

۲۰۱۷

دمیتری میشین

تاریخ فرومانروایی لخمیان

ویراستار علمی: دمیتری میخولسکی

ویراستار ادبی: تاتیانا کرچکو

تصحیح: تاتیانا اوسینا

صفحه بندی: تاتیانا خانینا

طراح جلد: ایرینا کارتولیشویلی

**Издательство специализируется
на выпуске книг по истории
и культуре Востока.**

**Продукция издательства – труды
таких признанных классиков,
как Аннемари Шimmel, Ибрахим
Амини, Муртаза Мутахhari,
Абри Корбен и многих других.**

**Особое внимание уделяется
философским работам, учебным
изданиям, а также трудам
социологической и духовной
направленности, без акцента
на различиях в отдельных учениях
и толкованиях религиозных источников.**

**Новое направление в деятельности
издательства – серия детских книг
«Персидские сказки» – удовольствие
для взрослых, настоящих ценителей
классической восточной сказки, и детей,
только-только приоткрывающих дверь
в этот чудесный мир.**

**Книги издательства рассчитаны
на широкий круг читателей
и адресованы всем, кто интересуется
Востоком и восточным мировоззрением.**

www.sadrabook.ru

**Одним из важных и эффективных направлений
в деятельности издательства «Садра»
является создание книг, посвященных истории Ирана.
Они помогают получить достойное представление
о величественном прошлом этой древней страны.**

17

Чел

Читал-город

РЧ

24.12.2017 ООО "ГРАМОТА"

История государства Лахмидов (ИслДоиср
Ис-Пол) Мишин

9785906859273

ВК:

Цена 428 руб.

Номер
6454693
Код
2618305
ТЕК
11-7111